

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ:

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Сборник научных статей

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ:
ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

**ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ
В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ:
ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ**

Сборник научных статей

Нижний Новгород
2024

УДК 811.161.1(082)
ББК 81.411.2я43
Д 48

Рецензенты:

Ковшова Мария Львовна, доктор филологических наук,
главный научный сотрудник отдела теории и практики коммуникации
им. Ю.С. Степанова Института языкознания РАН;

Маркова Елена Михайловна, доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка как иностранного ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)»

Романова Татьяна Владимировна, доктор филологических наук, профессор,
профессор департамента фундаментальной и прикладной лингвистики
НИУ «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород)

Редакционная коллегия:

Т.Б. Радбиль (*отв. редактор*), Л.В. Рацибурская,
С.Г. Бусарева, Е.А. Жданова

Д 48 **Дискурсивные практики в цифровую эпоху: традиции и инновации:** сборник статей по материалам Международной научной конференции «Дискурсивные практики в цифровую эпоху: традиции и инновации» (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт филологии и журналистики, 4–5 апреля 2024 г.). – Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2024. – 340 с.

ISBN 978-5-91326-908-9

В сборнике представлены статьи, подготовленные на основе материалов Международной научной конференции «Дискурсивные практики в цифровую эпоху: традиции и инновации» (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт филологии и журналистики, 4–5 апреля 2024 г.). Освещается широкий спектр вопросов, связанных с проблематикой активных процессов в языке и речи, прагмалингвистики, коммуникативистики и дискурс-анализа в парадигме междисциплинарного гуманитарного знания, с современными исследовательскими моделями медиалингвистики, а также с актуальными вопросами интернет-лингвистики и корпусного анализа.

Для специалистов-филологов, преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных направлений; для всех, кто интересуется проблемами функционирования языков в цифровую эпоху.

ISBN 978-5-91326-908-9

УДК 811.161.1(082)
ББК 81.411.2я43

© Коллектив авторов, 2024
© Нижегородский госуниверситет
им. Н.И. Лобачевского, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Алтабаева Е.В.</i> Концептуализация прощения в русском языковом сознании.....	6
<i>Андреев С.Н., Максимчук Н.А.</i> Квантитативный анализ проприальной лексики в нормативно-научных текстах (на материале учебников географии)	14
<i>Беглова Е.И.</i> Средства выразительности информационной радиоречи (на материале делового радио «Бизнес FM»)	21
<i>Бинштейн М.М.</i> Языковые средства и коммуникативные приемы реализации аттрактивности в текстах политического медиадискурса (на материале ток-шоу «60 минут»).....	28
<i>Буцева Т.Н., Зеленин А.В.</i> Неолексемы с препозитивной частью <i>прокси-</i>	37
<i>Валуйская Е.И.</i> Смыслопорождающие импульсы в поэзии З. Гиппиус.....	49
<i>Гранева И.Ю.</i> Неузальная субстантивация русского личного местоимения <i>вы</i> в рамках концепции интегрального описания языка.....	57
<i>Жданова Е.А.</i> Неологизм <i>булькохруст</i> в интернет-коммуникации	65
<i>Жуковская Л.И.</i> Детерминологизация и популяризация слов <i>менталитет</i> и <i>ментальность</i> в новейшей русской речи.....	73
<i>Захаров Р.И.</i> Многофункциональность изобразительного компонента поликодовых текстов (на примере коммерческого нейма).....	82
<i>Зубова Л.В.</i> ЗГА в Национальном корпусе русского языка и за его пределами	90
<i>Кумсук Кан.</i> Медицинская реклама в интернет-пространстве: семантика, прагматика, особенности функционирования.....	103
<i>Карасик В.И.</i> Профессиональный дискурс в цифровую эпоху	110
<i>Киселева Л.А.</i> Семантические инновации в языке современных массмедиа: возможные модели описания	121
<i>Кузнецов И.А.</i> Вопросно-ответные единства метакоммуникативного типа в фатической диалогической коммуникации на русском языке.....	130
<i>Лагузова Е.Н.</i> Аналитические конструкции в православной печати.....	142
<i>Лукинова О.В.</i> Трансформация норм речевого этикета в электронной переписке	151

Лушникова И.И. Ассоциативный эксперимент как метод уточнения семантики фразеологизмов	159
Минеева З.И. Актуальные зооморфные образы в художественном тексте	164
Никифорова О.В. Лингвистические особенности заголовков журнала «Фома»	172
Олонцев А.А. Русские наречия в свете микродиахронического корпусного анализа (на примере наречия <i>нечаянно</i>)	180
Палоши И., Славик С. Анализ ошибок машинного перевода с русского языка на английский: лексико-семантический и грамматический аспекты	188
Плотникова Л.И. Функциональный потенциал авторских слов в поэтическом тексте	200
Попова Т.И., Драчева К.И. <i>Запутывать мозги и ездить на шее</i> : корпусное исследование функционирования фразеологизированных коллокаций в устном повседневном общении	208
Радбиль Н.В. Семантические и коннотативно-оценочные трансформации лексем – репрезентантов концепта «патриотизм» в русской речи: слово «патриотка»	218
Радбиль Т.Б. Адъективная атрибуция культурно значимых реалий в интернет-медиа: наведенная оценочность прилагательных по корпусным данным	226
Рацибурская Л.В., Бусарева С.Г. Приемы поликодовости в медийных новациях	236
Самыличева Н.А. «Бьюти-реалии» в современном медийном словотворчестве	244
Сандакова М.В. К вопросу о семантике и прагматике номинаций <i>вдова, вдовец</i>	251
Сахарова А.В. Субъектная организация естественнонаучного текста и социальные структуры научных практик: эпистемический аспект	259
Тарасов М.И. Эпитафий в региональных электронных СМИ	265
Файзуллина Э.Р. Взаимодействие вербальных и невербальных средств эмотивной коммуникации	272
Фещенко В.В. Экспериментальная орфография в поэтическом тексте: от авангарда до интернета	279
Шаманова М.В. Функционирование коммуникативной лексики в СМИ (на материале газеты «Аргументы и факты»)	289

Шарапова А.К. Изменение семантики зоотропов в современной речи.....	298
Шептухин М.К. Особенности адресанта электронного документа	304
Шетэля В. Наименования музыкальных инструментов в исторической «Трилогии» Г. Сенкевича в их переводе на русский язык	313
Широкова Е.Н. Пунктуация сетевого дискурса: коммуникативно-прагматический аспект	319
Щеникова Е.В. Имя числительное в системе интернет-словообразования.....	327
Эркенова А.Н. Антропонимический концепт как способ персонализации доминантных культурно-специфических феноменов	334

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОЩЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

© *Е.В. Алтабаева*

Московский педагогический государственный университет

Цель работы – рассмотреть возможности системного многоаспектного исследования природы и репрезентационных особенностей концептуальной семантики прощения, формирующей, вместе с языковыми средствами ее выражения, один из фундаментальных концептов национального языкового сознания – концепт ПРОЩЕНИЕ. Когнитивная специфика данного феномена изучена не в полной мере, поэтому актуальным представляется выявить основные аспекты исследования концепта ПРОЩЕНИЕ, установить роль и место когнитивно-дискурсивного аспекта, определить статус данного концепта, межконцептуальные связи, наметить перспективы его комплексного описания. При исследовании использованы описательный и когнитивно-дискурсивный методы, метод концептуального анализа. Основные результаты исследования позволяют уточнить сущность и границы концептуального пространства прощения в русском языковом сознании, расширить представление о таком значимом в социально-психологическом и морально-этическом плане явлении, каким представляется концепт ПРОЩЕНИЕ. Делается вывод о фреймовой природе концепта ПРОЩЕНИЕ, что крайне важно для понимания специфики его концептуальной семантики.

Ключевые слова: когнитивная семантика, концепт ПРОЩЕНИЕ, концептуализация, концептуальный анализ.

Одним из важнейших постулатов когнитивной лингвистики является положение о том, что естественный язык представляет собой главный способ познания и отражения действительности, причем в каждом конкретном языке эти процессы имеют выраженную национально-культурную специфику. Совокупность знаний и представлений о мире является основой национальной концептосферы, определяет закономерности и особенности концептуализации действительности и формируют ту или иную картину мира. Воплощение в концептосфере как индивидуального, так и коллективного сознания свидетельствует о ее социальной детерминированности, более того, в концептосфере находит свое отражение сложное и неоднозначное взаимодействие общенационального, коллективного (социальные слои, группы и т.п.) и индивидуального сознания.

Функционируя в социуме, каждый индивидуум занимает свое место в социальной иерархии, обладает своей социально детерминированной системой ценностей, в основе которой находятся определенные жизненные установки, оценки, предпочтения, потребности, поведенческие реакции и т.д., как осознанные, так и неосознанные, формируемые в процессе познавательной деятельности. Все они, взятые в совокупности, образуют картину мира личности, получающую соответствующее отражение в языке.

Те или иные стороны индивидуального сознания, актуализируемые в процессе познания окружающего мира, корректируют систему предпочтений личности, оказывая на нее определенное влияние. Очевидно, что у каждого человека существует свой внутренний мир, и этот мир не только не совпадает с внутренним миром другого человека, но и практически неведом окружающим и иногда не осознается полностью им самим. Установить степень соотношения социального и индивидуального в природе личности довольно сложно, и поэтому проблема исследования картины мира личности, в том числе и языковой, сохраняет свою актуальность не только для лингвистической науки, но и для целого ряда сопредельных научных областей. В цифровую эпоху эта картина мира приобретает новые черты, что накладывает отпечаток и на систему ценностей общества и личности, и на поведенческие реакции последней.

Одно из значимых мест в картине мира личности, особенно в современных условиях, занимает концепт, который во многом определял (в разные исторические периоды неодинаково) и продолжает определять взаимоотношения людей и их взаимодействие с обществом, религией и государством. Это концепт ПРОЩЕНИЕ, и данная работа посвящается рассмотрению некоторых, на наш взгляд, наиболее значимых свойств и особенностей данного феномена.

Даже при самом поверхностном взгляде на существо проблемы, можно увидеть, что концепт ПРОЩЕНИЕ отличается многоплановостью, обращенностью к самым разным областям знания, поскольку концепты, подобные ПРОЩЕНИЮ, имеют многослойную семантическую структуру, которая формировалась на протяжении долгого времени под воздействием различных социальных факторов. Данному феномену было посвящено несколько диссертационных работ и статей по социальной философии «Опыт прощения: социально-философский анализ» [Томильцева 2010], социальной психологии «Социально-психологические характеристики прощения как феномена межличност-

ного общения» [Чукова 2011]. В диссертационной работе «Жанры русской речи: исповедь, просьба о прощении, принесение извинения» [Артамонова 2008] исследуется место прощения в системе речевых жанров. В коллективной монографии «Лингвокультурные ценности в сопоставительном аспекте» в сопоставительном и аксиологическом аспектах концепт ПРОЩЕНИЕ исследуется в русской и английской лингвокультурах [Карасик 2018: 76–94].

Следует отметить работу А.П. Майорова «Историко-этимологический аспект концепта *прощение* в русском языке» [Майоров 2012: 192–196], где на обширном материале воссоздана картина происхождения данного понятия и формирования одноименного концепта. Автор отмечает, что концепт ПРОЩЕНИЕ более развит на восточнославянской почве, что в основном отражается в языковых средствах его выражения, связанных с ключевыми понятиями новой религии – христианства. В IX–XI веках христианизация языка привела к формированию у ряда слов нового концептуального содержания, связанного с выражением христианской концепции прощения. В древнерусском языке IX–XI веков это были такие слова, как *оставити*, *отпустити*, *простити* [Майоров 2012: 192].

Известно, что греческие слова, обозначающие важные понятия христианской веры, заимствовались либо попадали в древнерусский язык путем калькирования. Кроме того, использовались в новом контексте уже имеющиеся слова, «идеологически маркированные», как отмечал В.Н. Топоров, с существенным преобразованием денотатной сферы, что, «как правило, свидетельствует о сложности семантической структуры такого слова и богатстве его внутренних возможностей, обнаруживающемся при адаптации слова в новых условиях и прежде всего при моделировании им неизвестных до тех пор внеязыковых ценностей» [Топоров 1995: 4].

Лексема *прощение* этимологически связана с *prostъ* ('простой') из праславянского языка **prostiti*, от которого в частности произошли: *простити* (древнерусский язык), *простить* (русский язык), *prostítu* (украинский язык), *prosti* '*npощать*' (болгарский язык); *prosti*, *próštím* '*npощать*' (сербский язык); *prostiti*, *prostím* '*npощать*' (словенский язык); *prostiti* 'освобождать' (чешский язык) [СФ, т. 3: 418]. Таким образом, почти во всех славянских языках присутствуют слова с основой *-prosti-* с похожими значениями. Примечательно, что в южнославянских языках (болгарском, сербохорватском, словенском) семантический сдвиг 'отпустить что-то' → 'простить что-то' происходит полностью.

Христианизация югославских и восточнославянских народов сыграла здесь важную роль, причем славянские церкви были непосредственными передатчиками христианских идей между византийским и славянским миром. В более поздней истории русского языка глагол *оставить* в значении 'простить' постепенно был заменен словом *простить*. Основной причиной использования глагола *простить* вместо *оставить*, по мнению А.П. Майорова, может быть то, что глагол *простить* по своей внутренней форме более адекватно выражал смысл христианской морали, отраженной в содержании религиозного дискурса: активность «древней семы 'очищение чего-либо от содержимого', подтверждаемая материалом различных русских говоров, соотносится с актуальностью новой семы 'духовное очищение'» [Майоров 2012: 195]. Иными словами, ПРОЩЕНИЕ в православии концептуально было связано с идеей освобождения, оставления, отпущения обид, грехов.

Основные значения слова-репрезентанта концепта ПРОЩЕНИЕ, представлены в различных лексикографических источниках. Показательно, что в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даль выделяет в слове *прощать* (*простить*) самым первым значение: «1. **Делать простым от греха, вины, долга; извинить, отпустить кому провинность, снять с кого обязательство, освобождать от кары, от взыскания;** примириться сердцем, не питая вражды за обиду, переложить гнев на милость; **миловать** (выделено нами. – Е.А.). *Бог тебя простит, ответ просящему прощения; т. е., не мне тебя прощать, я такой же грешник. «Бывайте же друг ко другу благи, прощающе друг другу, якоже и Бог во Христе простил есть вам».* 2. Освободить от мук, страданий, болезни, исцелить, либо разрешить земные узы, упокоить. 3. Проститься у кого, просить прощения, извинения, повиниться. 4. Дать прощение, позволить, разрешить» [СД, т. III: 542]. В приведенном толковании значений 1 и 2 у В.И. Даля довольно четко прослеживается связь с исконным древнеславянским пониманием прощения как отпущения, освобождения от греха, вины и т.д. ('делать простым (пустым) от греха').

В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова представлено лексическое значение глагола *простить*: «1. Проявляя снисходительность, снять с кого-чего-н. вину за что-н. с, не поставить кому-чему-н. в вину чего-н., извинить. *Простим горячке юных лет и юный жар и юный бред.* Пушкин. *Простите мне невольное признание* Фет. 2. (несов. *прощать*) что-кому-чему-н. Освободить, избавить кого-н. от обязательств. *А мне пускай долги простят.* Пушкин» [СУ, т. 3: 1009].

Авторы словаря впервые отводят лексеме *прощение* отдельную словарную статью и рассматривают ее значение как «1. *действие по глаг.* Простить в 1 и 2 знач. – прощать (книжн.). *П. грехов. П. обид. П. долга.* 2. Помилование, отмена наказания за какую-н. вину, за какой-н. пр. *просить прощения. Заслужить п.»* [СУ, т. 3: 1049].

«Словарь русского языка в четырех томах» под ред. А.П. Евгеньевой в трактовке лексемы *прощение* в целом следует за вышецитируемым источником, рассматривая первичное значение данного слова как ‘действие по глаголу простить – прощать (в 1 и 2 знач.)’. Второе значение связано с семемой ‘милость к провинившемуся, снисхождение к вине, помилование’ [МАС, т. 3: 548].

Тем самым то, что концепт ПРОЩЕНИЕ в русском языковом сознании изначально соотносился с идеей освобождения, отпущения обид, грехов, долгов, находит подтверждение как в традиционной, так и в современной лексикографической практике. Анализ словарных дефиниций показывает, что ПРОЩЕНИЕ, с одной стороны, толкуется как акт дарования, с другой – как получение освобождения от ситуации вины, греха, долга, возможно, от негативных эмоций, связанных с этими обстоятельствами.

Не ставя задачу останавливать наше дальнейшее внимание на анализе данных лексикографических источников, отметим, что они демонстрируют неоднозначность в понимании концептуального содержания прощения, в силу чего можно сделать вывод, что в понимании концептуального наполнения прощения далеко не все ясно и прозрачно. До сих пор данное явление исследовано не в полной мере, отсутствуют лингвистические работы, в которых представлен его комплексный, многоаспектный анализ. Преимущественное внимание в лингвистических исследованиях уделяется извинениям как языковым стереотипам, этикетным формулам, речевым актам и речевым жанрам (см.: [Ларина 2007, Ратмайр 1997, 2003, Формановская 1986, Шафаги 2011 и др.]).

При сравнении формулировок извинения Р. Ратмайр отмечает, что, говоря «извините», субъект эксплицирует меньшую степень своей вины, а говоря «простите» – большую, поскольку унижает собственный имидж, но повышает имидж своего собеседника [Ратмайр 2003: 21]. Поэтому вторую формулу считают более высокой по уровню вежливости, к тому же в религиозном дискурсе употребительна только формула «простите» и ее варианты. За пределами сферы этикета говорить о синонимии или частичном тождестве этих формул не представляется возможным. И если извинение отчетливо связано с категорией вежливости,

то ПРОЩЕНИЕ как концепт и как коммуникативное действие обладает несколько иной наполненностью и совмещает в себе определенное духовно-нравственное, религиозно-философское, морально-этическое содержание.

Для понимания концептуальной природы ПРОЩЕНИЯ в когнитивно-дискурсивном аспекте важно учитывать, что данное концептуальное содержание связано как с внешним миром – «миром-Я», с одной стороны, так и с «миром не-Я», с другой. В зависимости от преобладания одной из этих сторон, можно выделить две ипостаси концепта ПРОЩЕНИЕ. Его можно понимать, во-первых, как собственно **концепт**, относящийся к духовной сфере и составляющий основу одноименной философско-религиозной, морально-этической категории, о процессе формирования которой мы говорили выше («мир-Я»). Во-вторых, в условиях речевой коммуникации, когда один коммуникант просит прощения у другого, его можно трактовать как ситуацию, «в которой принимают участие два субъекта: первый осознает свою вину и сожалеет о своем поступке, второй показывает, что не держит зла на партнера» [Карасик 2018: 80]. В этом случае ПРОЩЕНИЕ выступает как **фрейм**, репрезентируемый речевым актом, чаще экспрессивным, в формате соответствующего речевого жанра («мир не-Я»).

Концептуальный анализ показывает, что ПРОЩЕНИЕ имеет разветвленные межконцептуальные связи с концептами ВИНА, ИЗВИНЕНИЕ, ПОКАЯНИЕ, ИСКУПЛЕНИЕ, НАКАЗАНИЕ, ПОМИЛОВАНIE, ОТПУЩЕНИЕ, ГРЕХ, ДУША, БОГ, ВЕРА, РЕЛИГИЯ, ЧЕЛОВЕК, МИР, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО, СУДЬБА, ОБИДА, СМИРЕНИЕ, РАСКАЯНИЕ. На периферии межконцептуальных взаимодействий, на наш взгляд, находятся концепты УТЕШЕНИЕ, ПРИМИРЕНИЕ, ОШИБКА, СТРАДАНИЕ, СПАСЕНИЕ, ИЗБАВЛЕНИЕ и другие. Установить их роль и место в структурной организации концептуального поля прощения представляется крайне важным для понимания специфики концептуализации прощения в русском языковом сознании.

Проведенные наблюдения позволяют сделать некоторые выводы.

Концепт ПРОЩЕНИЕ прочно утвердился на восточнославянской почве, что в основном отражается в его глубинной православной, шире – христианской основе, а также языковых средствах выражения, которые подчеркивают его как минимум двусторонний характер как собственно концепта, так и фрейма – в условиях речевого акта. Одной из основных задач комплексного исследования концепта ПРОЩЕНИЕ, таким образом, является анализ реализации его межконцептуальных

связей в разных типах дискурса: религиозном, художественном, профессиональном и других. Возможно, при таком подходе непосредственно для ПРОЩЕНИЯ будут выявлены коммуникативные сферы и условия актуализации понятийных, образных, символических [Колесов 2004] и ценностных [Карасик 2018] составляющих концепта.

Список литературы

1. Артамонова Е.В. Жанры русской речи: исповедь, просьба о прощении, принесение извинения: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 2008. 27 с.
2. Карасик В.И. Аксиология прощения в русской и английской лингвокультурах // Лингвокультурные ценности в сопоставительном аспекте: Коллективная монография / Науч. ред. В.И. Карасик, Н.А. Красавский. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2018. С. 76–94.
3. Колесов В.В. Концепт культуры: образ – понятие — символ // Слово и дело: из истории русских слов. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 56–72.
4. Майоров А.П. Историко-этимологический аспект концепта прощение в русском языке // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. С. 192–196.
5. Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / Пер. с нем. Е. Араловой. М.: Языки славянской культуры, 2003. 272 с.
6. Томильцева Д.А. Опыт прощения: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2010. 27 с.
7. Топоров В.М. Из славянской языческой терминологии: индоевропейские истоки и тенденции развития / В.Н. Торопов // Этимология. 1989. Т. 1986–1987. С. 3–50.
8. Чукова А.С. Социально-психологические характеристики прощения как феномена межличностного общения: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2011. 22 с.

Лексикографические источники

1. СД – Даль В.И. Словарь живого великорусского языка В 4-х тт. СПб.; М.: т-во М.О. Вольф, 1903–1911. Т. III: П–Р. 1907. 1782 стб.
2. МАС – Словарь русского языка в четырех томах / А.П. Евгеньева (ред.). М.: Русский язык, 1986. В 4-х т. Т. 3. П–Р. 750 с.
3. СУ – Толковый словарь русского языка: В 4 т. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 3: П — Ряшка. / Гл. ред. Б.М. Волин, Д.Н. Ушаков; Сост. В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939. 1424 стб.
4. СФ – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза – Сят) / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. 832 с.

CONCEPTUALIZATION OF FORGIVENESS IN RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS

© *E.V. Altabaeva*

Moscow Pedagogical State University

The purpose of the work is to draw attention to the possibilities of systematic multidimensional research of the nature and representative features of conceptual semantics of forgiveness, which forms, together with the linguistic means of its expression, one of the fundamental concepts of linguistic consciousness - the concept of FORGIVENESS. The cognitive specificity of this phenomenon has not been fully studied, therefore, it seems relevant to identify the main aspects of the research of the FORGIVENESS concept, to establish the role and the place of the cognitive-discursive aspect, to determine the status of this concept, its interconceptual connections, and to outline the prospects for a comprehensive description. During the research we used descriptive and cognitive-discursive methods, as well as the method of conceptual analysis. The main results of the research make it possible to determine the essence and boundary of the conceptual space of forgiveness in Russian linguistic consciousness, to expand the idea of such important phenomenon in socio-psychological and moral-ethical terms, as the concept FORGIVENESS seems like. The conclusion is made about the frame nature of the concept of FORGIVENESS, what is extremely important for understanding the specifics of its conceptual semantics.

Keywords: cognitive semantics, concept FORGIVENESS, conceptualization, conceptual analysis.

КВАНТИТАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРОПРИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В НОРМАТИВНО-НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ (на материале учебников географии)

© С.Н. Андреев, Н.А. Максимчук
Смоленский государственный университет

Статья посвящена рассмотрению возможностей применения методов квантитативного анализа при исследовании специфики текстов школьных учебников (нормативно-научных текстов) как основного средства предъявления и трансляции общеобязательного научного знания, освоение которого составляет основное содержание образовательного процесса. В концентрированном виде общеобязательное научное знание представлено его опорными единицами – терминами и именами собственными. Следовательно, состав, роль и место данных единиц в структуре нормативно-научного текста являются значимыми характеристиками при установлении его соответствия содержательным, лингвокогнитивным и другим требованиям к учебному тексту. Целью данной работы является квантитативный анализ проприальной лексики в составе нормативно-научных текстов учебников географии. В результате анализа выявляется общее количество ономов и апеллятивов в географических текстах и определяются их соотносительные показатели, характеризуется частотность и употребительность имён собственных в составе нормативно-научных текстов разных уровней, устанавливаются индексы ономастической интенсивности. Делается вывод о продуктивности использования квантитативных методов анализа проприальной лексики для оценки качества нормативно-научных текстов с точки зрения их соответствия определяемым обществом задачам.

Ключевые слова: общеобязательное научное знание, нормативно-научный текст, географическая лексика, имя собственное, квантитативный анализ.

Исследование роли определённых языковых единиц в адресно ориентированных речевых произведениях (текстах), переводящих когнитивную функцию языка из разряда декларируемых в разряд продуктивных, демонстрирующих специфику реального языкового выражения конкретного знания, представляет собой актуальную лингвистическую задачу.

В многоуровневой структуре человеческого знания выделяется фрагмент, овладение которым составляет предметное содержание процесса общего образования. Именно в школьные годы при освоении *общеобязательного научного знания* формируется *нормативно-научная картина мира* (ННКМ), закладываются основы научного мировоззрения личности.

Общеобязательное научное знание составляют сведения, отобранные и одобренные обществом для сообщения их человеку в процессе его обучения в общеобразовательной школе. Содержание, характер, объём этих сведений закрепляется в соответствующих нормативных документах. Эти сведения сообщаются носителям языка в текстовой форме и существуют в их сознании в свёрнутом виде, то есть в виде опорных лексических единиц, каждая из которых может быть развёрнута в исходный текст.

Опорными единицами – носителями общеобязательного научного знания являются *термин* и *имя собственное*, обладающие в пределах данных текстов сходством функций, поскольку и термин, и оним: 1) являются одновременно носителями и языкового, и предметного знания, 2) имеют значительные количественные показатели в лексическом наполнении текстов, 3) обладают разветвлённой системой предметно-логических (тезаурусных) и ассоциативно-культурных связей, структурирующих и организующих всё информационное пространство общеобязательного научного знания.

Общеобязательное научное знание, заложенное в совокупности терминов и имён собственных, складывается в *нормативно-научную картину мира русской языковой личности* как систему организации и языкового представления знания, формируемого у каждого носителя русского языка в результате усвоения им информации, содержащейся в так называемых *нормативно-научных текстах* (ННТ). Таким образом, анализ языкового (терминологического и ономастического) наполнения учебной литературы может рассматриваться как важный компонент оценки содержания конкретного фрагмента научного знания, позиционируемого обществом как общеобязательное, следовательно, данные о составе, роли и месте терминов и онимов в структуре нормативно-научного текста могут служить значимыми показателями при установлении его содержательных, лингво-когнитивных и других характеристик, отвечающих требованиям к учебному тексту.

В ряду методов, применяемых современной лингвистикой при анализе языкового материала, методы точных наук занимают всё более существенное место. Ещё в первых в отечественной лингвистике развёрнутых теоретических работах по ономастике А.В. Суперанская указала на продуктивность использования статистических методов при изучении топонимии [Суперанская 1964]. В.Д. Бондалетов, характеризуя применение лингвостатистики в ономастике, подчёркивал разнообразие её содержания – «от простейших подсчётов количества имён и выделения наиболее употребительных из них до описания статистической организации целого ономастического разряда и закономерностей

его развития» [Бондалетов 1983: 72]. В большинстве современных работ по исследованию ономастического пространства художественных текстов в той или иной степени отражаются количественные характеристики имён собственных. Весьма продуктивным можно считать использование статистических методов в исторических исследованиях языковой системы, позволяющих выявить закономерности функционирования ономастической лексики в динамическом аспекте (см., например: [Ефимова 1983], [Дьячков, Трофимова 2011] и др.), актуальным объектом ономастических исследований становятся количественные параметры имён собственных в структуре и содержании текстов школьных учебников [Голубничая 2021 и др.]. Целью данной работы является квантитативный анализ проприальной лексики в составе нормативно-научных текстов школьных учебников географии.

География традиционно присутствует в структуре содержания школьного образования, что свидетельствует, в том числе, о понимании обществом важности географического знания для ориентации человека в окружающем его физическом, материальном мире. В современных нормативных документах выделяются следующие характеристики школьного курса географии: «В основу содержания географии положено изучение единого и одновременно многополярного мира, глобализации мирового развития, фокусирования на формировании у обучающихся целостного представления о роли России в современном мире. Факторами, определяющими содержательную часть, явились интегративность, междисциплинарность, практико-ориентированность, экологизация и гуманизация географии, что позволило более чётко представить географические реалии происходящих в современном мире геополитических, межнациональных и межгосударственных, социокультурных, социально-экономических, гео-экологических событий и процессов» [Федеральная... 2023: 3–4].

В числе целей изучения географии называются: «воспитание чувства патриотизма, взаимопонимания с другими народами, уважения культуры разных стран и регионов мира, ценностных ориентаций личности посредством ознакомления с важнейшими проблемами современности, с ролью России как составной части мирового сообщества; воспитание экологической культуры *на основе приобретения знаний* (здесь и далее курсив наш. – С.А., Н.М.) о взаимосвязи природы, населения и хозяйства на глобальном, региональном и локальном уровнях и формирование ценностного отношения к проблемам взаимодействия человека и общества; *формирование системы географических знаний как компонента научной картины мира*» [Федеральная ... 2023: 4]. Очевидно, что в структуре географических знаний имя собственное занимает особое

место: все географические объекты, выделяемые человеком как на макро-, так и на микроуровне, имеют индивидуальные наименования, составляющие один из самых многочисленных разрядов ономастической лексики – топонимы.

Материалом исследования в данной работе послужили учебники географии для 10–11 классов [Гладкий, Лавров 1991 (далее – ГЕО-1); Максаковский 2018 (далее – ГЕО-2)]. Выбор источников, разделённых почти двадцатилетним интервалом, отмеченным сменой общей образовательной (и не только) концепции, позволяет, помимо прочего, установить степень и характер изменений в предметном содержании школьных учебников. При определении исходного текстового материала из состава текстов учебников были исключены таблицы (и, соответственно, задания к таблицам). При подсчёте общего количества слов исключалась числовая нумерация разделов, параграфов и тем, числовая и буквенная нумерация заданий.

Отбор проприальной лексики и идентификация имён собственных (ИС) из текстов проводился программными средствами с использованием двух модулей: регулярных выражений (*regular expressions*) и спейси (*space*). Программа, построенная на базе первого модуля, позволяла выделять все слова с большой буквы, кроме слов после точки. Она также не дифференцировала однословные и многословные онимы типа *Юг*, *Америка* и *Южная Америка*. Вторая программа позволяла выделить все ИС, включая онимы после точки, и определяла многословные онимы, но могла пропускать некоторые сокращения типа *ТЭК*, *ТЭО*. Наложение результатов двух программ позволило добиться очень высокой точности в выделении ИС.

Таким образом, здесь рассматриваются все разряды и структурные типы онимов, включая аббревиатуры (*ООН*, *ТЭО*). Не учитываются иноязычные имена собственные, приводимые на латинице (их количество в текстах данных учебников ограничивается несколькими единицами).

Квантитативная обработка полученного ономастического материала позволила сделать некоторые выводы, существенные как в рамках решения обозначенной в данной работе задаче, так и в плане разработки универсальной системы комплексного анализа ономастического наполнения нормативно-научных текстов, который включает количественный, семантический, функциональный, когнитивный аспекты в их взаимосвязи и взаимозависимости. Таким образом, обращение к квантитативному анализу учебного текстового материала является исходной точкой в предпринимаемом исследовании.

Рассмотрим основные количественные характеристики нормативно-научных текстов учебников географии.

В результате анализа были получены следующие данные.

Общее количество единиц. В ГЕО-1: число слов – 63856 (из них ИС – 4086); в ГЕО-2 число слов – 86659 (из них ИС – 6773).

Интенсивность использования ИС. Соотношение ИС в каждом учебнике относительно всего объёма лексического состава выглядит следующим образом: в ГЕО-1 – 6,56%; в ГЕО-2 – 7,82%.

Установление процентного отношения проприальной лексики к общему числу лексических единиц рассматриваемого текстового массива даёт предварительное представление об *уровне ономастической насыщенности* нормативно-научного текста, которая является исходным показателем при характеристике его содержательной стороны.

Гапаксы. Важной характеристикой системы ИС является соотношение гапаксов и всего лексического корпуса. Нарах *legomena* – ИС, используемые в учебнике один раз. Гапаксы могут быть рассмотрены в двух аспектах: 1) как отдельные лексические единицы; 2) как класс лексических единиц с частотой 1. В первом случае мы будем говорить об уникальных единицах, во втором – о сумме словоупотреблений всех слов одной и той же частоты.

Определение количества онимов-гапаксов по отношению к лексическому наполнению всего нормативно-научного макротекста анализируемых учебников характеризует так называемый *ономастический фон* ННТ, объём и содержание которого в значительной степени определяют степень *информационной нагруженности* текста.

Процентный состав гапаксов в текстах составляет 47% в ГЕО-1 и 56% в ГЕО-2, хотя по количеству употреблений от всех ИС только 9% и 10% соответственно. Обычно указывается, что для больших корпусов Нарах *legomena* составляет от 40% до 60% при учете уникальных слов.

Для того чтобы отделить частотную лексику от малочастотной, иногда предлагается использовать метод, предложенный Х. Хиршем для наукометрических данных. В этом случае в качестве такой своеобразной границы (точка *h*, или *h-point*) выбирается ранг, совпадающий с частотой. Тогда для списка из ГЕО-1 *h-point* придётся на ранг 24, которому соответствует 24 словоупотребления. К верхней (частотной) части отходит лексика, которая охватывает 41,83% словоупотреблений, и 58,15% – к нижней, малочастотной.

Для ГЕО-2 точка *h* приходится на 28 ранг (28 словоупотреблений). В верхней части списка оказывается слов с 47,81% словоупотреблениями, в нижней – 52,19%.

При достаточно сходных результатах в ГЕО-1 использование имён собственных несколько сдвинуто в сторону относительно более частотных ИС. Этот факт предварительно можно рассматривать как положи-

тельную (с точки зрения познавательного процесса) характеристику ННТ в ГЕО-1 в сравнении с ННТ в ГЕО-2. Разумеется, окончательные выводы о степени соответствия тех или иных ННТ образовательным задачам могут быть сделаны после развёрнутого исследования не только уровней *информационной нагрузки* текста, формируемой присутствующими в нём именами собственными, но и степени интенсивности их использования ИС, а также статуса конкретной ономастической единицы в структуре предметного знания.

Выявленные количественные характеристики имён собственных в составе нормативно-научных текстов учебников географии – ономастическая нагруженность совокупного макротекста учебника, тематических макротекстов, отдельных ННТ, интенсивность использования ИС в рамках всех перечисленных массивов и их комбинаций – создают объективные основания для определения уровня «сложности» текста (учебного материала). В свою очередь, именно объективная (и не всегда оправданная, неизбежная) «сложность» учебного материала создаёт трудности при реализации тех образовательных целей, для достижения которых данные тексты и создаются (отбираются). Выявление информационной пере- или недогруженности на уровне состава и количества собственных имён, (не)достаточности / избыточности повторяемости онимов в текстах учебников, подкреплённое экспериментальными данными (проведением опросов школьников разных классов и т.п.) позволит получить достоверную характеристику уровня сложности данных ННТ, связанную с особенностями их ономастического наполнения и его функционирования. Это поможет определить оптимальные характеристики ономастического наполнения нормативно-научных текстов, которые могут служить рекомендациями авторам вновь создаваемых учебных средств.

Список литературы

1. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М.: Просвещение. 1983. 224 с.
2. ГЕО-1 – Гладкий Ю.Н., Лавров С.Н. Экономическая и социальная география мира. Пробный учебник для 10 класса средней школы. М.: Просвещение, 1991. 272 с.
3. ГЕО-2 – Максаковский В.П. География. 10–11 классы. Учебник для общеобразовательных организаций. Базовый уровень. 27-е издание. М.: Просвещение, 2018. 416 с.
4. Голубничая А.В. Ономастическое пространство нормативно-научного макротекста «Русский язык» в статике и динамике: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2021. 22 с.

5. Дьячков В.Л., Трофимова Е.В. Русское наречение в четырёх веках социальной истории страны. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2011. 268 с.

6. Ефимова Е.М. Применение вероятностно-статистической методики при изучении ономастики в её историческом развитии (на примере полногласных и неполногласных именований) // Вопросы ономастики. Вып. 16: Методы топонимических исследований: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А.К. Матвеев. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1983. С. 42–44.

7. Федеральная рабочая программа среднего общего образования. География (базовый уровень) (для 10–11 классов образовательных организаций). Москва: Институт стратегии развития образования, 2023. 58 с.

QUANTITATIVE ANALYSIS OF PROPRIAL VOCABULARY IN NORMATIVE SCIENTIFIC TEXTS (BASED ON GEOGRAPHY TEXTBOOKS)

© *S.N. Andreev, N.A. Maksimchuk*
Smolensk State University

The article is devoted to the consideration of possibilities of using quantitative analysis methods when studying the specifics of texts in school textbooks (normative scientific texts) as the main means of presenting and transmitting compulsory scientific knowledge, the development of which constitutes the main content of the educational process. In a concentrated form, generally compulsory scientific knowledge is represented by its supporting units - terms and proper names. Consequently, the composition, role and place of these units in the structure of a normative scientific text are significant characteristics in establishing its compliance with the content, linguistic-cognitive and other requirements for an educational text. The purpose of this work is a quantitative analysis of proprietary vocabulary in the normative scientific texts of geography textbooks. As a result of the analysis, the total number of onyms and appellatives in geographical texts is revealed and their correlative indicators are determined, the frequency and use of proper names in normative scientific texts of different levels is characterized, and indices of onomastic intensity are established. A conclusion is drawn about the productivity of using quantitative methods of analyzing proprietary vocabulary to assess the quality of normative scientific texts in terms of their compliance with the tasks determined by society.

Keywords: compulsory scientific knowledge, normative scientific text, geographical vocabulary, proper name, quantitative analysis.

СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ ИНФОРМАЦИОННОЙ РАДИОРЕЧИ (на материале делового радио «Бизнес FM»)

© *Е.И. Беглова*

Нижегородская академия МВД РФ

Предметом исследования явились особенности звучащей речи, а именно средства выразительности радиоречи на материале делового радио «Бизнес FM». Цель статьи заключается в выявлении и описании основных средств выразительности ведущих радиорубрик, дикторов новостных рубрик. Актуальность изучения своеобразия радиоречи демонстрируется тем фактом, что она является одним из предметов исследования медиалингвистики. Были использованы методы наблюдения, аудирования, описания, а также коммуникативно-стилистический и лексико-стилистический анализ. В результате исследования выявлено, что в радиоречи частотны тропы и стилистические фигуры как традиционные средства порождения экспрессии, прежде всего метафоры, а также языковые средства – фразеологизмы, специальные авторские приёмы: обыгрывание узуального (литературного) и жаргонного значений слова, контаминация литературного и жаргонного значений слов-омонимов, несовместимость лексических значений слов в одном высказывании, мотивированное нарушение пунктуационной нормы. В целом это связано с языковой игрой, позволяющей адресанту интриговать адресата, привлечь его внимание к речи адресанта.

Ключевые слова: выразительные средства, радиоречь, тропы и стилистические фигуры, языковые средства выразительности, фразеологизм, прецедентный текст, приёмы выразительности.

Предметом нашей статьи явились особенности звучащей речи, а именно средства выразительности радиоречи на материале делового радио «Бизнес FM», начавшего свою работу в 2007 году и вещающего на частоте 87,5 FM из г. Москвы, 107,8 FM – из г. Нижнего Новгорода. Адресатом радио является, прежде всего, деловой человек, связанный с каким-либо бизнесом, а согласно лицензии на право вещания, – адресат с возрастным рангом старше двенадцати лет (12+). На радио существует рекламная звуковая заставка «Бизнес FM – радио не на словах, а на деле», которая ориентирует адресата на определённый круг деловых проблем в бизнесе и обществе. Цель статьи заключается в выявлении и описании основных средств выразительности ведущих радиорубрик, дикторов новостных рубрик. Основными методами сбора и анализа

языкового материала послужили методы наблюдения, аудирования, описания, а также коммуникативно-стилистический и лексико-стилистический анализ.

Следует заметить, что мы уже ранее описали некоторые особенности радиоречи на радио «Бизнес FM», в частности заголовочные комплексы рубрик [Беглова 2023: 419–423]. Актуальность изучения своеобразия радиоречи демонстрируется тем фактом, что она является одним из предметов исследования медиалингвистики, о чём свидетельствуют ежегодные международные научные конференции «Язык в координатах массмедиа», проводимые в Санкт-Петербургском государственном университете, в рамках которых отдельно рассматривается речь современных аудиовизуальных СМИ.

В данной работе мы остановимся лишь на одном вопросе: какие средства выразительности характерны для дикторов / журналистов новостных или специальных рубрик делового радио «Бизнес FM». Отметим, что новостные рубрики ведут Алексей Пантелеев, Михаил Задорожный, Сердар Овлякулиев и др.

Следует иметь в виду, что радио «Бизнес FM» характеризуется наличием нескольких постоянных рубрик, в которых освещаются интересные вопросы из профессиональной деловой сферы, лингвистические истории, связанные с деловой сферой, спорт, культура, сфера обслуживания и др., например: «Культ на личности: лица на банкнотах», «Главные слова на Бизнес FM», «Классики в праве», «Бизнес-этикет», «Строго по делу» (наименования рубрик для публикаций на тему бизнеса) и др. Можно узнать много нового о прошлом. Например, лингвистическая история об аббревиатуре советского времени **КСП** (*костёр, спальник, палатка; концерт самодельной песни*). Далее даётся интересная информация о том, как проводили свой отдых люди: *В советское время люди группами отправлялись на туристический отдых: в горы, леса, реки. Они брали с собой рюкзаки с едой, спальные мешки, палатки и гитары. Вечером, ужиная у костра, они пили дешёвое вино и пели под гитару песни. Так родился фестиваль авторской бардовской песни, сначала его называли концерт самодельной песни. Пели Юрий Визбор, Александр Городецкий, Олег Митяев («Изгиб гитары жёлтой...»)). Сами отдыхающие расшифровывали аббревиатуру **КСП** как **костёр, спальник, палатка**. Первый концерт состоялся в Петушках (Бизнес FM. 29.06.2023).*

Обратимся к речи журналистов, ведущих новостные рубрики. Необходимо отметить тот факт, что на радио звучат самые актуальные ново-

сти, обсуждаются не только экономические и общественные проблемы, связанные с определёнными видами бизнеса. Так, в постоянной рубрике «Погода» часто используется метафора *погодные качели* (Бизнес FM. 05.03.2023), которая передаёт быстрое изменение погодных условий в России, усиливая непредсказуемость её перемены.

На радио существует специальная рубрика о фразеологизмах, в большей мере являющихся кальками с английского языка; в этом случае рубрика выполняет просветительскую функцию, например: в рубрике «*Строго по делу*» (о бизнесе) репрезентируется выражение **Я – невыполнимая миссия**. Речь идёт о ситуации, когда человек оказывается без денег. В речи журналиста демонстрируется сопоставление синонимичных значений названной фразы в Перу и ФЕ русского языка *оказаться на мели*: *В Перу фраза означает быть без денег, в России – оказаться на мели* (Бизнес FM. 05.03.2023).

В речи журналистов также встречаются фразеологизмы, которые употребляются либо в начале речи, либо в её конце, например, журналист радио Андрей Ромашков начал речь так: *Начинается доклад с места в карьер*... (Бизнес FM. 17.03.2024); фразеологизм *с места в карьер* ‘сразу, без промедления’ [ФСМ 1986: 244] характеризует речь без предисловия, начинающуюся с основного предмета речи. Далее журналист передаёт содержание доклада, посвященного искусственному интеллекту и его роли в жизни человека, который выражает мнение об опасности данной разработки: *Когда человек создаст систему искусственного интеллекта, она сможет решать самостоятельно, как поступать в какой-либо ситуации, поэтому нужна человеческая рука, производящая последнее действие*. В высказывании *Эмманюэль Макрон продолжил гнуть свою линию*... (Бизнес FM. 21.03.2024) о предложении президента Франции отправить на Украину солдат НАТО фразеологизм *гнуть свою линию* ‘упорно добиваться чего-либо, отстаивать что-либо’ [ФСМ 1986: 109] демонстрирует упорство президента Франции в своём мнении.

В начале речи радиожурналиста фразеологизмы, как правило, выполняют функцию привлечения внимания адресата, так как в речи раскрывается основная мысль, образно сконцентрированная в используемом фразеологизме. В конце речи фразеологизм обращает внимание адресата на выводе, к тому же конец речи лучше запоминается адресату.

Кроме непосредственно выразительных средств – тропов и стилистических фигур – в радиоречи часто употребляются *прецедентные тексты* и приёмы разного рода. Продемонстрируем сказанное анализом нескольких текстов. Например, рубрика под названием «Джентль-

мены удачи» (Бизнес FM. 03.03.2023), созвучным названию популярного комедийного художественного фильма, снятого в 1971 году режиссёром Александром Серым. В данной рубрике повествуется о грабителях банков, имена которых стали известными в мире в связи с их преступлениями, но при этом сами грабители не стали богатыми. Первая часть фразы **Бог создал людей. Кольт сделал их равными** (Бизнес FM. 28.04.2023) является прецедентным высказыванием, вторая часть настраивает адресата на восприятие новости об американском промышленнике, оружейнике Сэмюэле Кольте, создавшем прототип револьвера.

В конце 2023 года на радио активно освещалась проблема нехватки куриных яиц в России, в результате чего цена на этот товар в магазинах резко повысилась. Журналист новостной рубрики радио Андрей Ромашков, информируя адресата о новостях, связанных с предложением импортировать яйца из Турции и Азербайджана без пошлины, умело обыграл это явление, используя приём наложения значений лексемы *нестись* в следующих омонимичных значениях: *нестись*¹ 'двигаться вперёд с большой скоростью'; *нестись*² 'о птицах, класть яйца' [СО 1983: 363]. К концу 2023 года цена на этот товар в магазинах повысилась: *Пока куры несутся, россияне несутся в магазин быстрее, чем курицы* (Бизнес FM. 14.12.2023). Журналист Андрей Ромашков обыгрывает значения глагола *нестись*.

Иногда наблюдаются удачные приёмы создания образности и выразительности речи. Например, в заголовке новостей диктор Кира Альтман использовала фразу *Отстранить нельзя впустить!* (Бизнес FM. 14.10.2023), смысл которой зависит от пунктуации, то есть используется приём мотивированного нарушения пунктуационной нормы, в соответствии с которым и звучит фраза: на одном дыхании, без пауз. Речь идёт о Международном олимпийском комитете, который долго решает вопрос о том, допускать ли российских спортсменов к участию в международных турнирах, в частности к XXXIII Олимпийским играм в Париже.

В радиоречи также используется приём мотивированного нарушения смысла: *Никогда такого не было, и вот опять!* (Бизнес FM. 18.12.2023). В тексте повествуется о незаконном срубе ёлки в городе Горячегорске. Без согласования с хозяевами участка ёлка была срублена по распоряжению чиновников для установки на городской площади на время празднования Нового года. Ранее такой случай произошел на Урале: хозяйка участка Ольга Пенькова обнаружила это случайно и позвонила на радио, рассказав о том, что многолетняя ёлка имела для

нее большое значение, поскольку это дерево Ольга сажала в детстве со своей мамой. В одном высказывании используются несовместимые по лексическому значению слова *никогда* и *опять*; наречие *никогда* отрицает наличие явления в действительности, а слово *опять* предполагает, что подобного рода явление уже было. Этот приём позволяет создать интригу в тексте выступления. Кроме того, словосочетание *и вот опять* соотносится с устойчивым выражением *ну вот опять*, выражающим недовольство, раздражение и имеющим разговорную окраску.

На радио существует особая рубрика «Дело вкуса», в которой рассказывается о еде, её стоимости, оформлении ресторанов, их доминирующих гастрономических линиях. Так, 1 марта 2023 года журналист радио посещал ресторан «Ботаника» в Москве, в котором 10 лет шеф-поваром работает итальянец (Бизнес FM. 04.03.2023). Радиоведущая, ресторанный критик Катя Калина, посетившая несколько ресторанов, произносит фразу: *В ресторанах появилось много зелени. Зелени для салатов, а не иностранная валюта...* (Бизнес FM. 06.03.2024). В последнем случае используется приём контаминации литературного и жаргонного значений слов-омонимов. *Зелень* ‘овощи (разг.)’, *зелень* ‘валюта, доллары США (жарг.)’ (метафора по цвету купюр) [БСРЖ 2000: 223]. Или еще один заголовок новостей с аналогичным приёмом: «**Резиновые цены**» (Бизнес FM. 31.03.2024). В новостной информации обозначена разница в стоимости резиновой шины на автомобиле в период перехода на сезонные шины: насколько подорожали, когда водителям лучше перейти на летние шины (ср. *резиновый* ‘произведённый из резины’ и ‘без ограничений (жарг.)’; ср. также *резиновые квартиры* ‘вмещающие неограниченное число людей по прописке, а не по проживанию’). В этих случаях порождается языковая игра, привлекающая внимание адресата к тому, о чём будет сказано далее.

Особого внимания, по нашему мнению, заслуживает звучание речи: интонация и темп речи радиоведущих, экспрессивность. К сожалению, большинство журналистов произносит речь убыстрённым темпом (более 120 слов в минуту), что нередко приводит к нечёткому произношению звуков и слов. Часто речь произносится на одной интонации, и только пауза переключает адресата на другой фрагмент смысла речи. Наблюдается нейтральность речи, в то время как требуется повышение или понижение тона, иногда выражение эмоций, например, в рубриках, в которых репрезентируются исторические факты, этимология слов и выражений. Однако в некоторых рубриках требования к устной речи соблюдаются, особенно когда цитируются фрагменты художественных

текстов. Например, в радиорубрике «Слова, проверенные временем» звучат актуальные по содержанию в настоящее время фразы из произведений Н.В. Гоголя (...*давать (взятку) писарю, а те другим...*), М.А. Булгакова (*Если хотите, чтобы у вас было хорошее пищеварение, никогда не говорите за столом о своей бывшей и о медицине...* // Бизнес FM. 13.03.2023), М.Е. Салтыкова-Щедрина и др.

Таким образом, средствами выразительности на радио «Бизнес FM» являются:

- тропы и стилистические фигуры как традиционные средства порождения экспрессии (метафоры, эпитеты);
- языковые средства – фразеологизмы как в начальной (словарной), так и трансформированной форме;
- прецедентные тексты;
- специальные приёмы наложения узуального (литературного) и жаргонного значений слова; контаминация литературного и жаргонного значений слов-омонимов; несовместимость лексических значений слов в одном высказывании; мотивированное нарушение пунктуационной нормы. В целом это связано с языковой игрой, позволяющей адресанту интриговать адресата, привлекать его внимание к речи.

Что касается звучания речи, то в этом случае отмечаются недостатки, связанные с нарушением темпа русской речи (от 110 до 120 слов в минуту), дикции, а также часто несоблюдение особенностей русской интонации (изменение тона от среднего к высокому и низкому).

Список литературы

1. Беглова Е.И. Заголовок как средство информирования и как выразительное средство (на материале новостей радио «Бизнес FM» («Business FM»)) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования: сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.) / под ред. канд. пед. наук, проф. Г.И. Канакиной; д-ра филол. наук, доц. И.Г. Родионовой. Пенза: Изд-во ПГУ, 2023. С. 419–423.
2. БСРЖ – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000. 716 с.
3. СО – Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 14-е изд-е, стер. М.: Рус. яз., 1983. 816 с.
4. ФСМ – Фразеологический словарь русского языка. 4-е из., стер. / под ред. А.И. Молоткова. М.: Русский язык, 1986. 543 с.

MEANS OF EXPRESSIVENESS OF INFORMATION RADIO SPEECH (based on the material of business radio “Business FM”)

© *E.I. Beglova*

*Nizhniy Novgorod academy of the Ministry
of the Interior of Russia*

The subject of the study was the peculiarities of sounding speech, namely the means of expressiveness of radio speech based on the material of business radio "Business FM" (Business FM). The purpose of the article is to identify and describe the main means of expression of leading radio speakers, newsreaders. The relevance of studying the uniqueness of radio speech is demonstrated by the fact that it is one of the subjects of media linguistics research. The methods of observation, listening, description, as well as communicative-stylistic and lexical-stylistic analysis were used. As a result of the study, it was revealed that in radio speech, tropes and stylistic figures are frequent as traditional means of generating expression, primarily metaphors, as well as linguistic means - phraseological units, special author's techniques: the imposition of the usual (literary) and slang meanings of a word, the contamination of literary and slang meanings of homonymous words, incompatibility of the number of words in lexical meaning in one statement, motivated violation of the punctuation norm. In general, this is due to the language game, which allows the addresser to intrigue the addressee, to draw his attention to the addresser's speech.

Keywords: expressive means, radio speech, tropes and stylistic figures, linguistic means of expression, phraseology, precedent text, expressiveness techniques.

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА И КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРИЕМЫ
РЕАЛИЗАЦИИ АТТРАКТИВНОСТИ В ТЕКСТАХ
ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА
(на материале ток-шоу «60 минут»)**

© *М.М. Бинштейн*

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского*

Целью статьи является исследование языковых средств и коммуникативных приемов, используемых для создания эффекта аттрактивности в текстах политического медиадискурса. В работе применяется комплексный подход, метод лингвистического контекстуального анализа, семантический метод, позволяющие рассмотреть категорию аттрактивности как целенаправленное привлечение внимания адресата, что находит проявление в целостной системе особенностей политического текста. Результаты исследования показали, что для привлечения внимания к своим выступлениям ведущие и эксперты политического ток-шоу непосредственно обращаются к телезрителям, создают семантическое поле «свои», используют риторические вопросы, стилистически сниженную (разговорную) лексику, метафоры и т.д. Таким образом, для политического медиадискурса аттрактивность оказывается способом оказания речевого воздействия на адресата, важным фактором, который влияет на успешность проведения коммуникативных стратегий и тактик.

Ключевые слова: аттрактивность, политический медиадискурс, ток-шоу, речевое воздействие, стратегия театральности.

Современная политическая коммуникация в основном опирается на практические рассуждения о том, как действовать в ответ на обстоятельства и события в свете определенных целей и ценностей, что обусловило популярность политического ток-шоу – телевизионного дискуссионного жанра, функцией которого является формирование коллективной политической картины мира с помощью разработки и трансляции определенных образов и смыслов, идеологических установок и ценностных ориентаций.

Многие исследователи политического медиадискурса отмечают, что речевое воздействие не только присутствует в любых текстах, принадлежащих данному виду коммуникации, но и является их неотъемлемым «функционально-содержательным компонентом» [Негрышев 2009: 6]. Описание той или иной ситуации «включает выбор символов, и этот выбор не нейтрален. Процесс общения посредством обмена символов

включает идентификацию говорящего и аудитории; основные ценности и идеи говорящего соотносятся с идеями и установками аудитории, одни модифицируют другие» [Полякова 2010: 120]. Из этого следует, что в процессе речевого общения важную роль играет фактор аудитории, поскольку «ценности и идеи говорящего постоянно соотносятся и видоизменяются в соответствии с мироощущением адресата» [Иссерс 2008: 24].

Стремление к интеграции целевой аудитории «особенно ярко выражено в текстах политической коммуникации, где существует стремление «захватить» свою аудиторию, а затем, по возможности, удержать и расширить ее» [Каминская 2009: 23]. Несмотря на нередко пассивную роль, которая отводится простому зрителю, можно говорить о том, что в политическом дискурсе наблюдается постоянное речевое взаимодействие двух коммуникативных сторон (адресата и адресанта) даже в акте целенаправленного речевого воздействия, поскольку «при обмене символами происходит коррекция модели мира» [Полякова 2010: 120] обоих участников общения. Более того, «ориентированность на адресата с его конкретными социальными характеристиками <...> – один из важнейших признаков любого профессионального текста массовой коммуникации» [Каминская 2009: 3].

Под аттрактивностью знака в коммуникации в общем смысле понимается «способность знака привлечь внимание и вызвать интерес путем эмоциональной, интеллектуальной, ценностной привлекательности содержания и экспрессивной отточенности, эстетической форме его структурирования» [Якоба, Тимофеев 2015: 329]. В данной статье феномен аттрактивности рассматривается как активное или пассивное взаимодействие ведущих или экспертов программы с телеаудиторией, ориентированность в политическом диалоге на зрителя через включение его в обсуждение, а также использование языковых средств и коммуникативных приемов, способных привлечь внимание адресата и заинтересовать его.

Для политической коммуникации характерно использование символов, результат воздействия которых напрямую зависит от того, насколько они были близки и понятны аудитории, соответствовали ее представлениям и ожиданиям. В своих выступлениях участники политического медиадискурса ориентируются на представления и когнитивные структуры адресата, стремятся передать определенные сообщения и вызвать определенные реакции у своей аудитории. Это может включать в себя «задание общей установки повествования или передачу определенного тона или настроения текста, таким образом влияя на восприятие сообщения адресатами» [Каминская 2009: 16].

Вовлечение аудитории в обсуждение, использование коммуникативных приемов для создания эмоциональной связи с адресатом, различных средств выражения оценки, позволяющих сделать речь наглядной, понятной для представителей общественных масс, а также подчеркивание важности и релевантности проблемы являются частью **стратегии театральности**. Выделение данной стратегии «мотивируется в языковом отношении тем, что выражение обращенности на адресата получает специализированные средства реализации» [Михалева 2009: 60]. Преследуя цель привлечь внимание аудитории, коммуниканты делают свою речь особенно зрелищной. В речи ведущих и экспертов политического ток-шоу данная коммуникативная цель достигается за счет использования образных языковых единиц, средств оценочной номинации, метафор, позволяющих сделать высказывания более увлекательными и запоминающимися. Стилистические особенности жанра ток-шоу заключаются в широком использовании разговорных конструкций и стилистически сниженной лексики, что делает речь более доступной и понятной для широкой аудитории.

Одним из эффективных приемов воздействия на аудиторию в рамках ток-шоу является конструирование перформативности сообщения, заключающееся «в персонализированном вовлечении целевого адресата в коммуникативное событие посредством перемещения его с обычной позиции стороннего наблюдателя в позицию равноправного актора» [Орсоева 2021: 16]. Когда участники программы в своих выступлениях используют перформативные элементы, они обращаются непосредственно к целевой аудитории, что создает впечатление личной связи между адресантом и адресатом, выстраивает интерактивную коммуникативную ситуацию, где зрители не просто получают информацию, а становятся участниками обсуждения и анализа событий. Подобная стратегия увеличивает вовлеченность аудитории и делает ее более заинтересованной в содержании телевизионной программы.

Например, эффект вовлеченности в обсуждение создается через конструирование семантического поля «свои». Когда группа лиц начинает думать о себе в обобщенном ключе, часто используются местоимения, объединяющие в своей семантике отправителя и получателя сообщения. Например, с помощью местоимений *наше*, *мы* создается иллюзия коллективного выступления, выхода за рамки субъективного мнения, поскольку каждый человек мог бы подумать, решить или сказать то же самое.

В качестве иллюстрации можно привести высказывание, в котором тактика «свои» – «чужие» эксплицируется за счет использования местоимений, определяющих круг «своих» (*мы*) и «чужих» (*они*): *Они*

сегодня пытаются любыми силами шантажировать всю Европу. **Мы** это понимаем, **мы** это видим (60 минут, 19.09.2019). В высказывании говорящий обвиняет оппозиционную сторону в совершении негативно оцениваемых действий: глагол *шантажировать* имеет значение ‘добиваться чего-либо путем шантажа, запугиванием, угрозами’ [Евгеньева 1999]. Кроме того, через синтаксический параллелизм (*мы это понимаем, мы это видим*), повторение местоимения *мы* эксперт создает ощущение коллективного выступления, солидарности взглядов, что выполняет функцию вовлечения аудитории в коммуникацию и убеждения ее в справедливости позиции оратора.

Еще одним примером использования личных местоимений как средства формирования аттрактивности является следующее высказывание: **Мы** не призываем их к диалогу. Не обманывайте американцев. **Мы** им как сказали? Какой диалог, братцы? Это не меню. Берите все или простите (60 минут, 21.12.2021). В данном речевом фрагменте так же, как и в приведенном ранее контексте, применяется тактика, противопоставляющая группу «своих» (*мы*) и чужих (*их, им*). С помощью повторения местоимения *мы* оратор обращается к «своей» группе, что позволяет продемонстрировать солидарность с адресатом, т.е. представить позицию говорящего как идентичную для него и его собеседников, к которым относятся не только присутствующие в студии эксперты, но и зрительская аудитория.

По мнению многих лингвистов, «истинный смысл дискурсивности публицистического текста заключается в том, чтобы авторский посыл был принят аудиторией и осмыслен: спровоцировать со-размышление – вот существенная задача публицистической коммуникации» [Тулупова 2008: 14]. Эффект вовлеченности адресата в политический диалог нередко создается с помощью риторических вопросов, задаваемых воображаемому собеседнику, обращений с запросом мнения по сути обсуждаемой проблемы. Наличие невербализованных смысловых компонентов предполагает, что адресат «должен сам прийти к каким-либо выводам по неполным данным, по редуцированному способу языкового выражения содержания намека» [Баранов 2007: 207]. Формирование эффекта аттрактивности в этих условиях выполняет и консолидирующую функцию, позволяет дополнительно выделить группу «своих», понимающих словесно не выраженную информацию, другими словами, манипулятивное воздействие намека как приема управления пониманием основывается на эффекте «приватизации знания» [Баранов 2007: 208].

Например, в следующих высказываниях условно вопросительная форма позволяет выразить позицию говорящего, а также является средством диалогизации монологической речи, формирования объективной

модальности выступления, привлечения внимания адресата к информации, имплицитно содержащей ответ на заданный вопрос: *Мы будем на полном серьезе с ним интеллектуальные беседы вести или попытаемся как-то успокоить, урезонить?* (60 минут, 29.07.2020); *Ну и кто, соответственно, убил этих людей? Ну, это ж видно уже. Где агрессор, где мирная свадьба и так далее. Вы сами знаете, кто это делает и зачем* (60 минут, 24.12.2021); *Не пора ли нам вернуться к ценностям, на которых основана наша нация, вместо того чтобы поддаваться разделению и конфликтам?* (60 минут, 12.11.2022); *Как вы думаете, не время ли нам прекратить игры в политические интриги и сфокусироваться на решении настоящих проблем?* (60 минут, 10.04.2023).

Ориентированность на зрителя проявляется в политическом медиадискурсе в этикетных речевых актах приветствия, прощания, формул обращения, с помощью которых конструируется образ адресата как собеседника и непосредственного участника коммуникации: *В эфире ток-шоу «60 минут» о самом главном. Уважаемые зрители, сегодня у нас очень интересный эфир, и я рад приветствовать вас и наших уважаемых гостей. И сразу к сенсациям* (60 минут, 25.02.2019); *Благодарю вас за внимание, уважаемые телезрители. Надеюсь, что мы сможем продолжить этот диалог в будущем* (60 минут, 25.02.2019); *Здравствуйте, дорогие друзья, дамы и господа. В прямом эфире ваша любимая программа «60 минут», а по горячим следам...* (60 минут, 25.09.2020); *Дорогие друзья, я обращаюсь к каждому из вас с просьбой не верить ложной информации. Только проверенные данные позволяют ориентироваться в мире фейковых новостей* (60 минут, 12.11.2022). Подобный подход способствует установлению доверительной атмосферы, позитивному восприятию высказываемой позиции. Другими словами, данные языковые средства формируют у аудитории благоприятное отношение к выступлению оратора, дают основу для последующего воздействия на убеждения аудитории.

Кроме того, средством усиления аттрактивности является акцентирование внимания на информации, которая, по мнению говорящего, может быть важной для зрителя или которую следует пояснить специально для него. В сочетании с персонализацией данные высказывания создают эффект значимости мнения адресата, совместного поиска выхода из конфликтной ситуации: *Еще раз говорим для наших телезрителей: это неправда, никаких двадцати тысяч заболевших. Но зачем?* (60 минут, 03.03.2020); *Мы сейчас как будто успокаиваем наших телезрителей. Выглядит это достаточно подозрительно на фоне мер, которые вводятся, например, в столице* (60 минут, 03.03.2020); *Давай-*

те нашим телезрителям напомним, это важно, ну это бульварная была, очень бульварная пресса (60 минут, 11.01.2022).

Ведущие и эксперты политического ток-шоу стремятся предстать перед аудиторией в наилучшем свете, выделиться на фоне своих оппонентов как внешне, так и в речевом плане. С этой целью многие политики прибегают к использованию в своих высказываниях различных языковых фигур и тропов. Основной принцип построения таких текстов – смещение традиционного соотношения «стандарт – экспрессия» в сторону экспрессии. Главное в подобных материалах – «оценка, которая всегда оформляется как мнение частного лица, носит демонстративно-личностный характер» [Николаева 2011: 76]. Будучи форматом, ориентированным на массового адресата, политические ток-шоу одновременно нацелены на аудиторию, состоящую из гостей и экспертов, к которым ораторы обращаются напрямую, и разнородной аудитории телезрителей. Аттрактивность нередко проявляется в поиске общего языка, в адаптации и упрощении сложного материала для понимания в разнородной аудитории, склонной воспринимать сообщения по-разному. Так, средства массовой коммуникации удовлетворяют поверхностный интерес адресата в условиях, когда отсутствует необходимость углубляться в детали анализируемого явления и достаточно ознакомиться с происходящим событием. Предельно упрощенное толкование ведет к тому, что само политическое общение становится менее официальным и более непринужденным: эксперты и гости политических ток-шоу в своих выступлениях активно используют разговорную лексику и фразеологию, средства выражения субъективной оценки.

В качестве примера приведем высказывание, в котором лексема *троллить*, представляющая собой сленговую интернет-единицу, образованную суффиксальным способом (от основы *троль-* и суффикса *-и-*), применяется как средство упрощения информации: *Складывается ощущение, что они нас троллят, а вопрос очень важный (60 минут, 03.08.2020)*. Экспрессивно окрашенная разговорная единица оказывается средством реализации стратегии на понижение, поскольку позволяет представить подчеркнуто упрощенный и несерьезный образ оппозиции. Через упрощение информации, подведение сложного, многопланового явления под известные и принятые в обществе стереотипы оратор способен воздействовать на сознание аудитории, с легкостью убеждать ее в своей правоте.

Проникновение разговорных элементов в политическую коммуникацию делает текст привлекательным для зрителя: отклонение от стандартной политической речи позволяет «привлечь внимание аудитории, заставить задуматься <...> и, в конечном итоге, глубже понять смысл,

почувствовать образ» [Чудинов 2009: 85]. В следующем текстовом фрагменте эксперт заметно упрощает анализируемую ситуацию, исключая детали и используя разговорную лексику, являющуюся иллюкативным индикатором сарказма: *Даже знаю, откуда они эту чушь взяли. Выходит, какой-то источник разведки звонит им и говорит: «Ребята, у нас есть для вас инфа, подходите». Они приходят вдвоем, садятся, он говорит: «Вы на меня не ссылайтесь, но расскажите, что есть такое»* (60 минут, 29.07.2020). В выступлении говорящего при помощи разговорной лексики (*ребята* ‘молодые люди, парни’; *чушь* ‘вздор, чепуха, нелепость’; *инфа* ‘какие-либо сведения’ [Евгеньева 1999]) политический диалог сводится к бытовой коммуникации – в подобном контексте любое высказывание западной прессы, направленное против российской стороны, кажется бесосновательным. Транслируя адресату зрителю созданную им сцену разговора между западными СМИ и источником разведки, говорящий убеждает аудиторию в том, что все заявления оппозиции ложны.

Эффективным средством установления контакта с аудиторией и формирования общей атмосферы понимания являются метафоры, которые используются для создания модели политической реальности через систему концептов и архетипов, известных аудитории. Политическую метафору исследуют как средство речевого манипулирования, целью которого является процесс «формирования у реципиента (чаще всего у общества) либо положительного, либо отрицательного мнения» [Акопова 2013: 408]. Поскольку метафоры не только являются средством выразительности, но и участвуют в постижении, восприятии и интерпретации мира, то они становятся проявлением ориентации на речевой опыт аудитории. Эмоциональная, но при этом простая и понятная любому зрителю речь позволяет достичь максимального воздейственного эффекта.

Например, в следующем высказывании с помощью метафоры политическая ситуация уподобляется срежиссированному действию: *Завтра Лукашенко обратится к нации, мы очень надеемся, что конфликт, как сказал глава службы внешней разведки, будет исчерпан. Произошедшее квалифицирует как срежиссированную акцию, но у Лукашенко совсем другое мнение* (60 минут, 03.08.2020). В речи эксперта содержится имплицитная негативная информация о намеренном создании конфликтной ситуации. Через метафору *срежиссированная акция* актуализируется смысловой компонент ‘фальшивый’, ‘заранее созданный’, что способствует формированию отрицательного отношения к рассматриваемым событиям.

Обратимся к другому примеру, в котором метафора используется как средство создания аттрактивности: *По поводу конференции. Дело было так: короче, слетелись эти комары-кровопийцы, пищали долго, но никто ничего внятного сказать не смог* (60 минут, 03.08.2020). В приведенном фрагменте зоометафора выполняет пейоративную, уничижительную функцию, в своем выступлении политический эксперт переносит свойства насекомого на образ человека, что позволяет выразить идею незначительности и непримечательности оппозиции, придать речи оттенок пренебрежения и даже презрения. Сниженный иронический образ усиливается с помощью глагола *пищали* (разг. ‘говорить или петь тонким, пискливым голосом’ [Евгеньева 1999]), обобщающего все высказывания зарубежных журналистов и политологов, сводящего весь спектр мнений к бессмысленному писку, который невозможно воспринимать всерьез.

Таким образом, аттрактивность политического дискурса может включать в себя использование различных коммуникативных приемов и языковых средств, таких как использование инклюзивных местоимений, риторических вопросов, стилистически сниженной (разговорной) лексики, метафор, непосредственное обращение к адресату. Стратегия привлечения внимания значительно повышает эффективность коммуникации и убедительность высказываний, а грамотное использование языковых средств и приемов в политических текстах может способствовать формированию доверия к ораторам и обеспечивать совпадение интересов и взглядов в мире постоянных разногласий.

Список литературы

1. Аكوпова Д.Р. Стратегии и тактики политического дискурса // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6 (1). С. 403–409.
2. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. М.: Флинта, 2020. 529 с.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Москва: ЛКИ, 2008. 284 с.
4. Каминская Т.Л. Образ адресата в текстах массовой коммуникации: семантико-прагматическое исследование: автореферат дисс. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2009. 46 с.
5. Михалева О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
6. Негрышев А.А. Аспекты речевого воздействия в новостях СМИ: Учебное пособие. Владимир: ВГУ, 2009. 144 с.
7. Николаева А.В. Авторская интонация в журналистике // Русская речь. 2011. № 1. С. 74–78.

8. Орсоева А.А. Способы достижения аттрактивности дискурса коммуникативного события: автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2021. 24 с.

9. Полякова Л.С. Речевое воздействие: теоретические аспекты. Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики // Магнитогорский государственный технический университет. 2010. № 12. С. 118–121.

10. Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 750 с.

11. Тулупова К.В. Современные тенденции функционирования публицистического текста: дискурсивный аспект: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. 16 с.

12. Чудинов А.П. Современная политическая коммуникация: учебное пособие. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. 292 с.

13. Ток-шоу «60 минут» дневной выпуск от 19.09.2019; вечерний выпуск от 25.02.2019, вечерний выпуск от 03.03.2020; вечерний выпуск от 29.07.2020, вечерний выпуск от 03.08.2020; вечерний выпуск от 25.09.2020; дневной выпуск от 21.12.2021; вечерний выпуск от 24.12.2021; дневной выпуск от 11.01.2022, вечерний выпуск от 12.11.2022, дневной выпуск от 10.04.2023.

**LINGUISTIC MEANS AND COMMUNICATIVE TECHNIQUES
OF CREATING ATTRACTIVENESS IN THE TEXTS
OF POLITICAL MEDIA DISCOURSE
(on the basis of material from talk-show “60 minutes”)**

*© M.M. Binshtein
National Research Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod*

The purpose of the article is to study the linguistic means and communication techniques used to create an attractive effect in the texts of political media discourse. The work uses an integrated approach, the method of linguistic contextual analysis, and the semantic method, which allows us to consider the category of attractiveness as a purposeful attraction of the addressee's attention, which is manifested in a holistic system of features of a political text. The results of the study showed that to attract attention to their speeches, political talk show hosts and experts directly address television viewers, create a semantic field “their own,” use rhetorical questions, stylistically degraded (colloquial) vocabulary, metaphors, etc. Thus, for political media discourse, attractiveness turns out to be a way of exerting verbal influence on the addressee, an important factor that affects the success of communicative strategies and tactics.

Keywords: attractiveness, political media discourse, talk show, speech influence, theatricality strategy.

НЕОЛЕКСЕМЫ С ПРЕПОЗИТИВНОЙ ЧАСТЬЮ ПРОКСИ-...

© Т.Н. Буцева*, А.В. Зеленин*

* Независимый исследователь

Усилившийся с 1990-х гг. приток в русский язык англозаимствований сопровождается появлением в нем обширных рядов сложных образований дефисного написания с первой частью – новым заимствованным словом – в определительной функции. Данная статья посвящена анализу неолексем с препозитивной частью *прокси-...* (*проху-...*), появившихся в русском языке в начале XXI века (около 190 единиц). Цель исследования – очертить круг этой актуальной лексики и проблемы, связанные с ее описанием. В соответствии с этим были проанализированы грамматические и семантические свойства слова *прокси* (*проху*) в английском и в русском языках, рассмотрены возможности как заимствования, так и образования на русской почве сложных образований с *прокси* в препозиции. С этой целью представлены (по возможности) соответствия данным неологизмам в английском языке, проанализирована их принадлежность к терминологической сфере, дана лексико-семантическая классификация сложных образований с начальным *прокси-...*, относящихся к военно-политической терминологии, выделены основные значения препозитивного компонента *прокси-...* Используются статистический, сопоставительный и классификационный методы.

Ключевые слова: неологизм, композит, начальный компонент сложных слов, аффиксоид, префиксоид, заимствование, аналитические прилагательные, атрибутивные словосочетания, словарь.

Активизирующееся в 1990-е гг. заимствование в русский язык англицизмов сопровождается ростом в нем обширных рядов сложных слов с этими заимствованиями в препозитивной позиции. В словаре «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 1990-х годов» (НСЗ-90) зафиксировано около 2 тысяч подобных дефисных образований, имеющих в своей структуре более 180 заимствований в качестве повторяющихся начальных компонентов (подробнее об этом см. [Буцева, Зеленин 2022]). По нашим наблюдениям к настоящему моменту в русском языке насчитывается более тысячи новых начальных компонентов сложных слов (*арт-...*, *бизнес-...*, *веб-...*, *ВИП-...*, *имейл-...*, *ковид-...*, *корона-...*, *коронавирус-...*, *лайт-...*, *ЛГБТ-...*, *лесби-...*, *лифтинг-...*, *мейл-...*, *пиар-...*, *секс-...*, *смузи-...* и др.), включая компоненты в иноязычном написании (*adult-...*, *android-...*, *anti-age-...*, *art-...*, *BB-...*, *BBQ-...*, *beauty-...*, *bluetooth-...*, *BMX-...*,

business-..., casual-... и др.) [Буцева 2021], ряды же с ними содержат иногда до 200 и более единиц (*бизнес-..., e-mail-...* и др.).

Подобные сложные образования квалифицируются исследователями по-разному. Так, Е.В. Сенько, приводя неологизмы последних десятилетий типа *бизнес-виза, бизнес-курсы, бизнесплан, бизнес-агент, брейк-танцор, стресс-клиника, ток-шоу, шоп-тур* и т.д.), характеризует их как **«разновидности сложных слов», «субстантивно-субстантивные образования»,** представляющие «реализацию лексической конденсации» с использованием модели словосложения (юкстапозиции) [Сенько 2018: 33]. Также их называют **адъективно-субъективными композитами аналитической структуры** [Воловикова 2005], **сложениями без соединительной гласной** [Коряковцева 2013], **агглютинативными дериватами** [Рацибурская 2015: 30], **сложносоставными словами** [Скляревская 2013: 161–162] (выделение здесь и далее наше. – *Т.Б., А.З.*).

Препозитивные части сложных слов, равные слову, одни исследователи (А.И. Плещинская, Л.В. Рацибурская, М.В. Чернышева и др.) называют аффиксоидами или префиксоидами, другие (см. раздел «От редактора» в [Аффиксоиды... 2009]) к аффиксоидам относят лишь те корневые морфемы, которые не употребляются как самостоятельные лексемы.

В электронном ресурсе ИЛИ РАН «Аффиксоиды русского языка» (<https://affixoid.iling.spb.ru/glossary>) фиксируются оба вида регулярных начальных компонентов сложных слов: не употребляемые (*аэро...*) и употребляемые (*прокси-...*) как самостоятельные слова, что противоречит концепции словаря [Аффиксоиды... 2009], положенного в основу этого ресурса.

Изучение регулярных начальных компонентов сложений актуально, поскольку «... префиксоиды, каждый в разной степени, обладают дивергентными характеристиками слов и аффиксов, поэтому их исследование способствует определению как ответной реакции языка на внешнее воздействие, так и последствий работы внутрилингвистических законов» [Плещинская 2005: 4]. Корректность квалификации происхождения подобных сложных образований и их начальных компонентов в русском языке имеет значение и для словарей, ставящих перед собой задачу дать такую характеристику (например, для академических неологических словарей, приводящих при описываемых неологизмах и новых регулярных препозитивных компонентах этимолого-словообразовательную справку). Рассмотрим эту проблему на материале сложных слов, имеющих в препозиции структурный компонент *прокси-...*

В конце 1990-х гг. в русскоязычных массмедиа появились англозаимствования *прокси-сервер* (*proxy server*), *прокси-война* (*proxy war*) (подробно о последнем слове см. [Буцева, Зеленин 2024а: 112–114]) и *прокси* (*proxy*). В 2000-2020-е гг. круг этих слов значительно расширился. Попытаемся разобраться в генезисе и в семантике этих сложных лексем, но сначала остановимся на грамматической характеристике и семантике слова *прокси* как самостоятельной лексемы.

Прокси: грамматические и семантические свойства. Частеречная характеристика лексемы *проxy* в английском языке в разных словарях неодинакова: в электронном словаре английского языка [Dictionary.com] слово квалифицируется как имя существительное, имя прилагательное и глагол, в академическом же словаре английского языка [OED] отмечены только две грамматические функции этой лексемы – имя существительное и глагол.

В русском языке это слово также грамматически полифункционально, в функции имени существительного (мужского и женского (реже) рода) оно заимствовано в следующих основных значениях, которые важны и для понимания *прокси* в определительной функции:

1) ‘полномочие, доверенность’ (*Медицинский прокси, документ, используемый для указания агента, который будет принимать медицинские решения в отношении пациента в случае его недееспособности*) // <https://ru.wikibrief.org/wiki/Proxy>;

2) ‘доверенное лицо; посредник (лицо, страна и т. п.) в каком-л. деле’ (*В работе не обсуждается, может ли (например) Турция выступать как «прокси» платежной системы РФ во внешний мир в случае санкций*) // Коммерсантъ. 04.02.2022);

3) ‘прокси-сервер’ (<...> *воспользоваться анонимным прокси, который позволит получить доступ к нужному ресурсу через иностранные серверы*) // Известия. 25.06.2012; *В «Википедии» из-за постоянных атак спамеров технически невозможно использовать для редактирования статей открытые прокси, VPN, Tor и т. п.* // Коммерсантъ. 21.07.2023);

4) ‘прокси-война’ (*Все дело в том, что это [вступление стран в НАТО. – Т.Б., А.З.] геополитический проект, своего рода «прокси», противодействие России*) // Известия 31.05.2018);

5) ‘государства, незаконные вооруженные формирования и т. п., используемые в прокси-войне’ (*Тактика «непрямых» военных действий <...> более всего подходит для использования так называемых прокси – незаконных вооруженных формирований*) // Военно-промышленный

куррьер (PDF-версия). 04.05.2021; *Иран уже давно и активно использует афганцев-шиитов в качестве своих прокси* // Эксперт. №26, 2021; *Государство [Украина] уже потеряло часть территории, Вашингтон использует его как прокси* // Литературная газета. 05.10.2022);

6) ‘инвестиционный инструмент, который может служить заместителем или индикатором состояния более широкого рынка или сектора экономики’ (<...> *курс рубля, долго являвшийся «неплохим прокси» для дефлятора инвестиций в основной капитал, впервые показал существенно разнонаправленную динамику с индексом цен на инвесттовары* // Коммерсантъ. 07.09.2022);

7) ‘набор показателей (зарплаты, пенсии и проценты по рублевым вкладам), которые вместе используются для оценки реальных доходов’ (*Рост «прокси» реальных доходов (зарплаты, пенсии и проценты по рублевым вкладам) составил 2%* // Коммерсантъ. 27.12.2023);

8) ‘инвестиционный инструмент, который может служить заместителем или индикатором состояния более широкого рынка или сектора экономики’ (*Акции Сбербанка традиционно являются прокси на весь российский фондовый рынок», – говорит эксперт* // Московский комсомолец. 27.11.2012).

В русском языке *прокси* в значении прилагательного может использоваться как в препозиции, так и в постпозиции: *Произошедшее явно указало на то, что «прокси» статус конфликта пока что НАТО полностью устраивает* (Русский Дозор (rusdozor.ru). 17.11.2022); *Думаю, что Вашингтон понимает, что <...> противостояние с Россией через страну-прокси <...> затянулось* (Международная жизнь (interaffairs.ru). 20.10.2023); *В журнале web-прокси добавлен просмотр блока правил, на основании которого был разрешен или запрещен доступ* (АРПП Отечественный софт (arppsoft.ru). 06.02.2024).

Сложные неологизмы с начальным прокси-.../проху-... Преобладание иноязычных аффиксоидов в поле неогенных словообразовательных элементов связывается исследователями с процессами глобализации современного социально-культурного пространства [Чернышева 2018]. Половина зафиксированных нами неолексем данной структуры имеет написание в смешанной латино-кириллической графике: *проху-агент, проху-адрес, проху-армия, проху-версия, проху-настройки, проху-подключение, проху-протокол* и др.

Основная часть сложных лексем с начальным *прокси-.../проху-...* относится к двум специальным сферам: «компьютерные технологии» и «военно-политическая лексика». Такие сложные лексемы, функциони-

рующие в русском языке, как правило, имеют смысловые эквиваленты в английском языке в виде атрибутивных сочетаний. Этот факт и принадлежность их к терминам позволяет рассматривать их как английские заимствования. В русском языке первая регулярная часть сложений не имеет формально выраженного значения прилагательного, но соответствует такому значению в составных терминах языка-донора.

Остановимся на группе компьютерной терминологии с *прокси-...*, центральным словом в которой является лексема *прокси-сервер* (англ. *proxy server*) ‘промежуточный сервер (комплекс программ) в компьютерных сетях, который выполняет роль посредника между пользователем и целевым сервером’ (*Во всех странах Залива выход через Интернет в порнографические сайты блокируется специальными прокси-серверами* // Приазовский край (Ростов-на-Дону). 26.10.2000). Отметим, что в русскоязычных текстах это слово встречается не только в дефисном, но и в раздельном написании, что соответствует английскому прототипу (*Практика показывает, что <...> подключаться к Интернету через прокси сервер надежнее и безопаснее*. Страна игр. №22, 2000; ср. англ.: *proxy server is used between a customer and a seller*). В русскоязычных массмедиа это слово употребляется также в смешанной латинско-кириллической графике: *проxy-сервер* (*Запрос к проxy-серверам идет в зашифрованном виде, и это не дает возможности операторам связи ограничивать доступ* // Известия. 24.02.2014).

В качестве семантических эквивалентов существительного *прокси-сервер* используются существительное *прокси* (англ. *proxy* ‘прокси-сервер’) ([Программа] *работает через прокси, умеет импортировать/экспортировать список адресов и т. п.* // Компьютер-Информ. №18, 1999), сложение *сервер-посредник*, являющееся полукалькой англ. *proxy sever* (*SOCKS5 – протокол, который позволяет перенаправлять данные с вашего устройства на сервер-посредник (прокси) и таким образом обходить использующуюся в России систему блокировки контента* // Новая газета*. 11.04.2018) и жаргонизм *прокся* (*Прокся (прокси-серверы) продаются разных видов, очень дешево* // Фонтанка.Ру. 07.04.2013).

К данной терминологической группе также относятся следующие слова с начальным *прокси-...*: *прокси-агент* (англ. *proxy agent* букв. доверенный агент) ‘программа, осуществляющая сбор информации о событиях, происходящих в удаленном компьютере’; *прокси-адрес* (англ. *proxy address*) ‘адрес, по которому получатель сервера Exchange распо-

---

* Издание «Новая газета» является иноагентом (примечание редакции).

знается во внешней системе обмена сообщениями»; *прокси-инструмент* (англ. *proxy tool*) ‘тип программного обеспечения, действующий как посредник между пользователем компьютера и интернетом и позволяющий сохранить анонимность пользователя’; *прокси-кэш* (англ. *proxy cache*) ‘сервер, на котором запущены службы Windows Media, для которого включен подключаемый модуль кэширования/прокси-сервера, позволяющий серверу предоставлять поддержку кэширования и прокси-сервера другому серверу); *прокси-лист* (англ. *proxy list*) ‘список из IP-адресов (хостов) и портов, к которым нужно подключиться’; *прокси-модуль* (англ. *proxy module*) ‘программное обеспечение, которое работает на сервере и выполняет функции прокси-агента’; *прокси-объект* (англ. *proxy object*) ‘компьютерная функция, задаваемая пользователем и действующая как посредник между клиентом и другим объектом с целью контроля над ним’; *прокси-подсистема* (англ. *proxy subsystem*) ‘компонент системы, позволяющий компьютеру выполнять работу в безопасном режиме’; *прокси-сайт* (англ. *proxy site*) ‘сайт для обхода запрета доступа к определенным ресурсам’); *прокси-технология* (англ. *proxy technology*) ‘система использования серверов, действующих как посредники между клиентом и веб-сайтами’ (Для обеспечения их выхода в Сеть используется **прокси-технология** // Сетевой журнал. №5-6, 1999); **прокси-чекер** (англ. *proxy checker*) ‘инструмент, проверяющий работоспособность, уровень конфиденциальности, местоположение и другие характеристики прокси-серверов’ (Для платных VPN-подписчиков на сайте доступны расширенные возможности прокси-листа и **прокси-чекера** // Trashbox.ru. 24.02.2023) и т.д. *Proxy* в этих английских прототипах восходит к значению слова ‘посредник’.

Данная терминологическая лексика заимствована в русский язык путем транслитерирования первого компонента и калькирования второго, с лексикализацией двухсловных номинаций в сложное слово с помощью дефиса. Количественный рост рядов этой лексики приводит к формальному выделению регулярного препозитивного элемента *прокси-.../proxy-...* в значении ‘относящийся к прокси-серверу, связанный с его использованием’, который приобретает способность к самостоятельному участию в актах словообразования.

В толковые словари эта лексика, как правило, еще не попала. В «Словаре русского языка XXI века» фиксируются слова *прокси-сервер* и *прокси* в значении ‘прокси-сервер’. Оба слова снабжены пометой *информ.* При заголовке слова *прокси-сервер* дана следующая этимология (англ. *proxy* ‘право действия от имени’ + *сервер*), которая не отражает заимствованный характер всего этого сложного слова, а

начальное *proxu*, судя по толкованию, трактуется как существительное, а не как прилагательное.

Прокси-война ‘конфликт, в котором крупные державы используют другие субъекты (например, малые страны или негосударственных акторов) для ведения боевых действий от своего имени’ – другой неологизм этого периода. Значительная часть наших материалов семантически связана с этим словом и относится к военно-политической терминологии, ставшей актуальной для общественного дискурса. Почти все эти лексемы (как и компьютерные термины, приведенные выше) имеются и в английском языке (в виде двухсловных словосочетаний с *proxu* в функции относительного прилагательного со значением ‘относящийся к прокси-войне, связанный с ее ведением’): *прокси-бою* (*proxu battles*), *прокси-государство* (*proxu state*), *прокси-группировка* (*proxu grouping*), *прокси-дипломатия* (*proxu diplomacy*), *прокси-инструмент* (*proxu tool*), *прокси-компания* (*proxu company*), *прокси-мир* (*proxu world*), *прокси-наёмник* (*proxu mercenary*), *прокси-поддержка* (*proxu support*), *прокси-силы* (*proxu forces*) и т.д.

Семантическими эквивалентами слова *прокси-война* являются устойчивые словосочетания *война по доверенности*, *опосредованная война*, *война чужими руками*, *война через посредников*, являющиеся семантическими кальками этого слова (подробнее об устойчивых словосочетаниях со словом *война* см. [Буцева, Зеленин 2024а; Буцева, Зеленин 2024b]).

Неологизмы этого ряда имеют следующие значения:

– ‘разновидность современных межгосударственных конфликтов без прямого столкновения противников’: *прокси-война*, *прокси-кампания*, *прокси-конфликт*, *прокси-противостояние*, *прокси-противоборство*, *прокси-столкновение* (все эти сложные слова могут выступать семантическими эквивалентами слова *прокси-война*);

– ‘кто-, что-л., участвующий в прокси-войне, поддерживающий ее, осуществляет ее (лицо (лица), страна, учреждение, военное формирование и т.п.)’: *прокси-армия*, *прокси-агенты*, *прокси-банда*, *прокси-бандиты*, *прокси-войска*, *прокси-генерал*, *прокси-группа*, *прокси-диверсант*, *прокси-диктатор*, *прокси-казаки*, *прокси-наёмники*, *прокси-ополчение*, *прокси-ополченцы*, *прокси-организация*, *прокси-подразделение*, *прокси-силы*, *прокси-солдат*, *прокси-страна*, *прокси-флот*, *прокси-формирование*;

– ‘форма организации общества, его институты, политический режим, для которых характерно использование методов и приемов прок-

си-войн’: *прокси-государство, прокси-демократии, прокси-режим, прокси-сообщество, прокси-тоталитаризм;*

– ‘боевые действия, столкновения, используемые при ведении прокси-войны’: *прокси-атаки, прокси-бандитизм, прокси-баталия, прокси-битва, прокси-бои, прокси-диверсия, прокси-операция, прокси-поддержка, прокси-разведка, прокси-сражение, прокси-схватка, прокси-удар;*

– ‘политика, деятельность государственных структур, деятелей, способствующие реализации внешней политики, осуществляемой в рамках прокси-войны’: *прокси-американизм, прокси-дипломатия;*

– ‘место ведения прокси-войны’: *прокси-зона, прокси-территория, прокси-полигон;*

– ‘страна, используемая в качестве третьей силы для осуществления прокси-войны’: *Присоединение к НАТО превратит Швецию в очередное прокси-оружие Америки (RT на русском (russian.rt.com). 10.05.2023); Политолог Богдан Безпалько заявил, что Украина уже является прокси-инструментом НАТО (Федеральное агентство новостей (riafan.ru). 06.06.2023);*

– ‘действие, осуществляемое, происходящее по моделям, правилам прокси-войны, путем проведения такой войны’: *прокси-интервенция, прокси-переворот, прокси-революция, прокси-соперничество;*

– ‘вид, тип, разновидность чего-л., совокупность характеристик, установленный для прокси-войны порядок каких-л. действий’: *Актуальную геополитическую обстановку вполне можно считать третьей мировой войной в прокси-формате (Известия (iz.ru). 16.03.2023).*

Прокси-... может вносить значение ‘осуществляемый с помощью посредников, опосредованный’: ...планируется провести очередной раунд непрямых, опосредованных переговоров (или как их называют «прокси-переговоров») между Дамаском и различными представителями оппозиции. (ИА Галерея Чижова (infovoronezh.ru). 12.03.2016).

На русской почве прокси-... в препозиции может присоединяться не только к существительным, но и к прилагательным, выражая значение отношения к прокси-войне: *С учетом пентагоновских «хотелок» и уже имеющегося опыта прокси-военного конфликта с ВС РФ, Украине по большому счету из обозначенных новинок ничего не светит (Свободная пресса. 21.07.2022); Планы мировых держав, которые использовали свои прокси-террористические организации РПК, FETO и ИГИЛ <...> для дестабилизации и ослабления Турции, потерпели неудачу (Россия сегодня (rftoday.ru). 11.02.2022); Украина используется как прокси-натовская*

страна (Городской портал. Екатеринбург (gorodskoyportal.ru). 16.05.2022). Такие образования относятся к языку публицистики.

Окказиональное прилагательное *прокси-гибридная* (война) возникло в результате контаминации слова *прокси-война* и устойчивого словосочетания *гибридная война* и имеет значение 'имеющий черты опосредованной и гибридной войны': *Цель такой прокси-гибридной войны в том, чтобы всеми доступными методами измотать, перенапрячь государство противника: подорвать его экономику и политическую стабильность, повлиять на моральный дух населения, уменьшить волю к сопротивлению и в конечном счете вынудить элиты, а затем и страну капитулировать перед Западом* (Комсомольская правда. 07.10.2020).

Компонент *прокси-...* зафиксирован как префиксоид в электронном ресурсе «Аффиксоиды русского языка», расположенном на сайте ИЛИ РАН. Там приводится 17 сложных слов с этой регулярной препозитивной частью: *прокси-валюта, прокси-данные, прокси-доступ, прокси-индикатор, прокси-карта, прокси-клип, прокси-компания, прокси-мэр, прокси-переменная, прокси-показатель, прокси-служба, прокси-статус, прокси-услуги, прокси-образование, прокси-объект, прокси-сервис, прокси-страна*. Незначительное количество зафиксированных там лексем, отсутствие графического варианта начального компонента, примеров употребления в текстах и попытки разграничить целиком заимствованные слова и слова, образованные на русской почве, не позволило дать в этом ресурсе корректное описание этимологии и семантики этой препозитивной части сложных слов.

Выводы. В русском языке неизменяемое англозаимствование *прокси* используется как самостоятельное слово в функциях существительного и прилагательного и как препозитивная (редко опорная) часть сложных слов с подчинительным отношением компонентов, в которых *прокси-...* выступает в определительной функции. Около половины слов данной структуры фиксируются в гибридном латино-кириллическом написании с первой частью *проху-...*

Выделение в русском языке *прокси-.../проху-...* как регулярного компонента сложных включает формальное решение этого вопроса. Значительная часть сложных лексем с *прокси-...* целиком заимствована из английского языка, что подтверждается наличием семантических соответствий в языке-доноре и принадлежностью большинства из них к компьютерной и военно-политической терминосистемам, активно развивающимся на базе английского языка. В русский язык эти заимствования входят путем транслитерирования первой части (кроме варианта *проху-...*) и калькирования второй.

Значительно реже *прокси*-... выступает в качестве словообразующего элемента на русской почве, и это происходит преимущественно в языке массмедиа. Данный способ образования (заимствованное неизменяемое существительное в функции прилагательного + определяемое существительное) за последние тридцать лет закрепился в русском языке благодаря активному заимствованию и расширению круга регулярных начальных частей сложных слов. Грамматически неоформленное в русском языке заимствованное прилагательное является особенностью этого относительно нового способа образования.

Компонент *прокси*-... имеет в сложениях следующие основные значения: 1) 'относящийся к прокси-серверу, его (их) использованию' (< *прокси-сервер*); 2) 'относящийся к прокси-войне, использованию, участию в ней' (< *прокси-война*); 3) 'осуществляемый через посредников, опосредованный' (< англ. *проху* 'опосредованный, заступающий').

Внутри сложных слов с *прокси*-... образуются множественные лексико-семантические группы, что свидетельствует об актуальности обозначаемых понятий.

Разграничение заимствованных и образованных на русской почве новых сложных слов данной структуры, а также терминов и нетерминов часто затруднено ввиду новизны этой лексики не только в русском языке, но и в английском, и отсутствия их фиксации в словарях.

Список литературы

1. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника / Н.А. Козулина, Е.А. Левашов, Е.Н. Шагалова, Отв. ред. Е.А. Левашов. СПб.: Нестор-История, 2009. 288 с.
2. Буцева Т.Н. Особенности адаптации англицизма *e-mail* в текстах русскоязычных *массмедиа* // Национальные коды в языке и литературе. Язык как культурное-историческое достояние народа: сборник статей. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им Н.И. Лобачевского. 2020. С. 11–19.
3. Буцева Т.Н. Некоторые наблюдения о неологических процессах в русском языке 2000–2020-х годов // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сб. науч. ст. / отв. ред. Л.В. Рабицурская. М.: ФЛИНТА, 2021. С. 125–137.
4. Буцева Т.Н., Зеленин А.В. Проблемы описания композитов и их начальных компонентов в толковой лексикографии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 3. С. 8–22.
5. Буцева Т.Н., Зеленин А.В. Смюзимания: адаптация новых заимствований в современном русском языке // Русский язык в школе. 2023. № 84(3). С. 77–90.

6. Буцева, Зеленин 2024а – Буцева Т.Н., Зеленин А.В. Новые и актуализированные слова с компонентом *война* в современном медиадискурсе // Русский язык в школе. 2024. № 2. С. 108–118.

7. Буцева, Зеленин 2024б – Буцева Т.Н., Зеленин А.В. Устойчивые сочетания с компонентом *война* в современном медиадискурсе // Русский язык в школе. 2024. № 3. С. 90–103.

8. Коряковцева Е.И. Словообразовательные ресурсы новых функциональных стилей славянских языков // *Słowotwórstwo a nowe style funkcjonalne języków słowiańskich. Word-formation and the new functional styles of Slavic languages. International Slavistic Committee Commission on word-formation. Papers in thematic Session. XV International Congress of Slavists. Sedlce, 2013. С. 9–38.*

9. Плещинская А.И. Развитие префиксоидного словообразования в русском языке (на материале слов с элементами *аудио-, видео-, кино-, радио-, теле-, фото-*): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2005. 19 с.

10. Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В. Специфика современного медийного словотворчества. М.: Флинта: Наука. 2015. 136 с.

11. Складаревская Г.Н., Ткачева И.О., Сергеев М.Л., Ваулина Е.Ю., Фивейская Е.А. Проект «Словаря русского языка XXI века». Образцы словарных статей // *Journal of Applied Linguistics and Lexicography*, 2019; 1 (1): 136–311 [Электронный ресурс]. URL: <https://journall.org/index.php/main/article/view/21> (дата обращения 10.04.2024).

12. Чернышева М.В. Препозитивные компоненты в роли «культурообразующих» морфем // *Инновационное развитие регионов: потенциал науки и современного образования: материалы Национальной научно-практической конференции. Астрахань, 2018. С. 194–199.*

13. Электронный ресурс ИЛИ РАН «Аффиксоиды русского языка». [Электронный ресурс]. URL: <https://affixoid.iling.spb.ru/glossary> (дата обращения 11.03.2024).

14. Dictionary.com. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dictionary.com/> (дата обращения 05.04.2024).

15. OED – Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oed.com/?t=true> (дата обращения 05.04.2024).

NEW WORDS WITH THE PREPOSITIVE COMPONENT *PROXY*- IN RUSSIAN

© *T.N. Butseva**, *A.V. Zelenin**
* *Independent researcher*

The influx of English loanwords into the Russian language since the 1990s has been accompanied by a proliferation of compound words with the first element functioning as a determinative, which are often newly borrowed words. This article examines neologisms with the prepositive component *proxy*- (in our corpus, there are ap-

proximately 190 such words), which have been introduced into Russian at the beginning of the 21st century. The aim of this study is to describe the range of such vocabulary and the challenges associated with its analysis. In order to achieve this goal, the grammatical and semantic properties of *proxy* in Russian and English were examined, as well as the potential for both borrowing and derivatives with this prepositional component in Russian. To this end, correspondences to these terms in the English language are traced (if possible) and a lexical and semantic classification of derivatives with the prepositional component related to military and political terminology is provided. The main meanings of the prepositional component in new terms are highlighted. The methods used are statistical, comparative, classification.

Keywords: neologism, composite, initial component of complex words, affixoid, prefixoid, borrowing, analytical adjectives, attributive phrases, dictionary.

СМЫСЛОПОРОЖДАЮЩИЕ ИМПУЛЬСЫ В ПОЭЗИИ З. ГИППИУС

© *Е.И. Валуйская*

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

Религиозная концепция З. Гиппиус была тесно сопряжена с поэзией, в которой воплотились размышления поэта о жизни, смерти, любви, исторических изменениях и социальных взаимодействиях. Свое мироощущение поэт воплощает в ярких и необычных образах, создает авторские слова и активно использует лексику, соответствующую религиозной доктрине. Смыслопорождающие импульсы рассматриваются в работе как особые средства языковой выразительности, направленные на формирование новых смыслов. Одним из таких средств являются авторские слова, которые выражают отношение автора к окружающему миру. Актуальность исследования объясняется необходимостью систематизации авторских слов, поскольку они выявляют идиостилевые особенности языка конкретного автора. Целью работы является анализ лексических инноваций З. Гиппиус как особых смыслопорождающих импульсов, направленных на усиление выразительности речи. В работе был использован метод системного научного описания, предполагающий анализ лексических средств, извлеченных из поэтических текстов автора; метод дистрибутивного анализа, позволяющий выявить специфику сочетаемости зафиксированных единиц в структуре стихотворений З. Гиппиус. В ходе исследования сделан вывод о том, что каждое слово в стихотворениях поэта несет особый смысл, тесно связанный с философскими взглядами автора. Индивидуально-авторские новообразования позволяют наиболее полно представить специфику авторской картины мира.

Ключевые слова: поэтический текст, индивидуально-авторские новообразования, идиостиль, авторские слова.

Поэтический текст – особое средство художественного мышления, в котором все языковые уровни являются репрезентантами авторского мировосприятия. Я. Мукаржовский выделяет две лингвистические стороны стихотворного текста: 1) звуковую, включающую соотношение отдельных звуков, эвфонию, ритм, рифму, слог, интонацию, экспирацию, окраску голоса, тембр и темп, и 2) смысловую (грамматическую), подразумевающую внутреннее строение поэтического слова, словесное выражение, семантическую направленность, поэтическое наименование и смысловую динамику (скрытое значение) [Мукаржовский 1967: 412].

Обладая «слиянием образа и смысла» (Н.Д. Арутюнова), поэзия обеспечивает знаковое оформление мыслей и обмен информацией между двумя коммуникантами – автором как адресантом и читателем как адресатом сообщения. Мышление, таким образом, становится формой отражения не только объективной реальности, но и субъективного восприятия поэтом действительности.

Так, слово как единица языка проявляется во многих сферах. Единицей мышления является смысл, выражающий ценностное отношение человека к познаваемой реалии. Можно говорить о том, что смысл – «категория личностная, ситуативная; смысл подвижен, изменчив от человека к человеку, от текста к тексту», значение – «категория общественная, стабильная, постоянная часть содержания языкового знака» [Алефиренко 2005: 98].

И.М. Кобозева различает значение и смысл слова по их отношению к интенционалу: значение – «инвариант интенционала, представленный словарным толкованием», смысл – «вариант его интенционала, интерпретация слова, основанная на внутренней форме (коннотация слова)». Признаком «информационного» употребления слов является возможность замены их на описательные выражения («то, что Х означает/обозначает/выражает; то, что кто-то хотел сказать, употребляя Х») без ущерба для содержания исходного сообщения и без нарушения его правильности [Кобозева 2000: 9].

Внутренняя форма слова определяется А.А. Потемной как отношение мысли к сознанию, способное показать, как представляются человеку его собственная мысль, то есть это осознаваемая коммуникантом мотивированность значения данного языка значением составляющих его элементов [Потемня 1989: 98].

В работах З.Д. Поповой и И.А. Стернина выделяется следующая структура языкового знака: звуковая составляющая – означающее – лексема, смысловая составляющая – означаемое – семема [Попова, Стернин 2002: 15].

Н.Д. Арутюнова, рассматривая проблему референции, способность лексемы к переосмыслению, наделению новыми, особыми смыслами в зависимости от контекста, приходит к выводу о том, что слово обладает определенным понятийным содержанием (концептом, коннотацией, сигнификатом) и в то же время способно к денотации (обозначению) предметов действительности [Арутюнова 1982: 9].

В поэзии как во «вторичной моделирующей системе», по мнению Ю.М. Лотмана, сам знак моделирует свое содержание: форма передачи

сообщения предлагает адресату понять причины и следствия выбора именного данного способа выражения. Любые языковые элементы становятся значимыми для осознания авторской картины мира. Ю.М. Лотман подчеркивает, что «элементы, которые в общезыковом тексте выступают как несвязанные, принадлежат к разным структурам или даже различным уровням структур, в поэтическом контексте оказываются сопоставленными или противопоставленными. Принцип сопоставления элементов является универсальным структурообразующим принципом в поэзии и словесном искусстве вообще» [Лотман 1996: 46–47].

Таким образом, поэтический текст, являясь «сложно построенным смыслом» (Ю.М. Лотман), в котором все элементы взаимосвязаны и являются обозначением одного содержания, отражают не только общий культурный фон, но и специфическое авторское интерпретирование реалий. Так, используемое поэтом слово обретает особый символический смысл, например, в ряде стихотворений З. Гиппиус («Петербург» (1909), «Петроград» (1914), «Петербург» (1919), «Лазарь» (1918–1938)) центральным становится образ Медного всадника как символа Петербурга и олицетворяет пороки, бессилие народа перед властью. Религиозная концепция поэта позволяет рассматривать данный образ-символ и как проявление божественной, праведной воли, призывающей к изменениям.

Особое мироощущение поэта, нашедшее отражение в поэтическом языке З. Гиппиус, было обосновано автором в публицистике. По ее мнению, человек одинок на своем пути к смерти (смерть – это настоящая жизнь, поскольку именно она приводит к Богу): «каждый человек одинок в своей дороге к смерти, его одиночество становится экзистенциальной ценностью; это не одиночество гордыни и торжества, человека ждут отчаяние, слабость, желание утешения и осознание этого пути» [Гиппиус 1953: 107]. Каждый должен прожить три ипостаси, приближающие его к всемогущей силе – Господу: «Мировой процесс – есть, в вечной борьбе с небытием, процесс восхождения, победа над смертью. Это задача, поставленная перед человечеством. Задача тройная – или триединая, так неразрывно связаны с ней три вопроса: 1) о Я (Личность), 2) о Ты (личная любовь), 3) о Мы (общество)» [Гиппиус 2002: 434]. Личность должна ставить свои интересы выше других, личная любовь представляет собой контакт двух людей, общество – это социальные взаимодействия. Все ипостаси должны быть взаимосвязаны.

Таким образом, в поэтических текстах З. Гиппиус все единицы языка направлены на раскрытие философских позиций автора. Так, в сти-

хотворениях поэта обнаружено обилие религиозной лексики, связанной с именем Бога, церкви, церковных обрядов и иных христианских атрибутов (*Господь, создание, страдание, Дьявол, плоть, Твой суд* и др.): *Да и когда замолить мне грехи мои? / Ведь я на последнем склоне круга...* («Страшное») [Здесь и далее цит. по: Гиппиус 1999]; *За Дьявола Тебя молю, / Господь! И он – Твое создание. / Я Дьявола за то люблю, / Что вижу в нем – мое страдание* («Божья тварь»); *По камням ночной столпы, / Провозвестник Божьих гроз, / Шел, сверкая багрянцей, / Негодующий Христос* («Шел») и др.

Для З. Гиппиус слово – это не только средство создания стихотворения. В ее поэзии отмечается интеллектуальная глубина и психологическая подвижность, ритмическая изысканность и стилистическое мастерство, для нее суть важнее стиля. Поиск новых речевых форм выражения оставался для поэта важным моментом на протяжении всего творчества. Это нашло отражение в созданных ею индивидуально-авторских новообразованиях (ИАН). Поэзия автора тесно связана с ее жизнью, философскими позициями (триада, Церковь Третьего Завета), поэтому слово в индивидуальной картине мира поэта наделяется особым смыслом.

Словотворчество не только свидетельствует о креативных возможностях языковой системы, но и отличает идиостиль автора, позволяет поэту создать свои особые смыслы. По мнению Л.И. Плотниковой, «новообразования – это, как правило, слова производные, представляющие собой сложные структурно-семантические образования, поэтому они позволяют демонстрировать связи и отношения, существующие между концептуальными структурами сознания» [Плотникова 2005: 76].

В поэтическом творчестве З. Гиппиус отмечены авторские слова разной частеречной принадлежности, образованные различными деривационными способами, например: *Я в слабости, я в тленности / Стою перед тобой* («Оправдание»); *Грех – маломыслие и малодеряние, / Самонелюбие – самовлюбленность, / И равнодушно саморассеянье, / И успокоенная упоенность* («Что есть грех?»); *И радость во взоре / Молитвенно-чистая, / Весенние зори, / Сирень восьмилетняя...* («Земля»); *Белый праздник, – рождается предвечное Слово, / белый праздник идет, и снова – / вместо елочной, восковой свечи, / бродят белые прожекторов лучи* («Второе рождество»); *Опять она? Бесстыдно в грязь / Колпак фригийский сбросив, / Глядит, кривляясь и смеясь, / И сразу обезносев* («Она»); *Но срслись мы неразнимчато, – / Верит Бог! И верим мы* («Неразнимчато») и др. При этом каждое новообразование приобретает свой особый смысл в структуре поэтического текста.

В стихотворении «Когда?» отмечены ИАН-глаголы, созданные суффиксально-постфиксальным (*Жемчужьтесь, стены каменные, / марту, ветки, верьте... / Отчего у меня такое пламенное / желание – смерти? / Такое пристальное, такое сильное, / как будто сердце готово*) и префиксально-суффиксально-постфиксальным способами (*Зажемчужилась арка серая, / засмеялись рои моторов. / Каштаны веточки тонкие / в мартовское небо тянут. / Как веселы улицы звонкие / в желтой волне тумана*).

В указанном стихотворении явно выражен мотив безысходности, обреченности, поэтому авторские слова *жемчужьтесь* и *зажемчужилась* могут быть соотнесены: 1) с огнем, светом, освещающим путь, и 2) распускающимися на деревьях почками, похожими на белые жемчужины. Отметим, что в обоих случаях преобладает светлый оттенок – белый цвет. Согласно мироощущению поэта (и контекст указывает на это) данное авторское слово ассоциативно связывается с ярким светом на пути к загробной жизни – человек видит белый свет и идет к нему в момент смерти. С помощью префикса *за-* обозначается начало совершения действия – освещение пути.

Таким образом, автор использует основное значение ‘цвет жемчуга’ и придает слову новые смыслы – освещение пути в загробную жизнь и освещение жизненного пути.

В стихотворении «Когда?» отмечена особая грамматическая форма: *Зажемчужилась арка серая, / засмеялись рои моторов* («Когда?»). З. Гиппиус придает этому слову особый смысл: *рои моторов* – сельскохозяйственные машины, отправляющиеся весной на поля для посева.

С помощью особых форм и индивидуально-авторских слов поэт создает особое лирическое настроение – ощущение приближающихся изменений, новой жизни (*Отчего у меня такое пламенное / желание – смерти?* («Когда?»)). В начале стихотворения появляется образ весны (расцвет жизни), который плавно перетекает в образ смерти (в соответствии с концепцией автора смерть – новая, лучшая, жизнь). Текст выражает надежду на лучшее будущее, желание перемен. Можно также предположить, что словосочетание *рои моторов* ассоциируется с роем пчел: люди трудятся на полях.

Отмечен пример, в котором выбранное автором слово создает ассоциацию с движением змеи: *Змеится луна в воде, – / Но лжет, золотаясь, дорога... / Ущерб, перехлест везде. / А мера – только у Бога* («Мера»). Особая деривационная структура глагола создает необычный образ: луна в воде совершает движения, похожие на передвижения змеи.

Примером могут также послужить многочисленные авторские образования, среди которых можно отметить наречия: *Мы разошлись забвенно и косно, / Не знаю – праведно иль греховно... / Ужели навек все меж нами безросно, / и безросно, и безлюбовно?* («Росное имя»). Соотносительные пары *роса – любовь, безросно – безлюбовно* используются поэтом для передачи мимолетности чувства. Первая часть стихотворения описывает трепетные чувства между влюбленными, вторая – процесс увядания отношений, в финале – угасание любви. Таким образом, описание окружающего мира становится особым способом передачи душевного мироощущения лирического героя.

В стихотворении «Стена» зафиксирован авторский композит: *Ужели ты хочешь, чтоб опять я / Рабом очнулся и в провал – / В твои ревнивые объятия – / Тяжелокаменно упал?* («Стена»). В данном слове объединяются два свойства (*тяжелый* и *каменный*), что позволяет автору усилить эффект восприятия, создать ощущение чего-то очень тяжелого, грузного.

Зафиксированные авторские слова отличаются разнообразной деривационной структурой. Они позволяют автору передать целые комплексы различных новых смыслов. Наиболее частотны слова, передающие значения:

– отсутствия, недостатка чего-то: *Опять она? Бесстыдно в грязь / Колтак фригийский сбросив, / Глядит, кривляясь и смеясь, / И сразу обезносев* («Она»); *Пуста пустыня дождевая... / И, обескрылев в мокрой мгле, / Тяжелый дым ползет, не тая, / И никнет, тянется к земле* («Август»);

– особого состояния: *Твое холодное кипенье / Страшной бездвижности пустынь. / Твое дыхание – смерть и тленье, / А воды – горькая полынь* («Петербург»); *О, эти злые туманности, / Прорывный взлет, - падений пыль... / Не лучше ль в тихой безжеланности / Уснуть, как спит степной ковыль?* («Так ли?»);

– качества или свойства: *Тропкой каменистой, широкой / Иду я в бестенности яркой, / Иду все наверх, одинокий...* («Прогулка вдвоем»);

– отрицания свойства или качества: *Новый цветок я найду в лесу. / В твою неотвечность не верю, не верю! / Новый, лиловый я принесу / В дом твой прозрачный, с узкою дверью* («Ей в горах») и др.

Анализ созданных новообразований свидетельствует об особом отношении поэта к слову. Для передачи своего особого мироощущения З. Гиппиус использует особые грамматические формы, создает эффектные индивидуально-авторские новообразования. Авторские слова мож-

но рассматривать как особые смыслопорождающие импульсы, их создание определяется эстетически мотивированными представлениями автора. Они оказывают воздейственный эффект на читателя, формируют его ценностное отношение к миру.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: Монография. М.: Гнозис, 2005. 326 с.
2. Арутюнова Н.Д. Введение // Новое в зарубежной лингвистике. Логика и лингвистика (Проблемы референции). М., 1982. 385 с.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж, 2002. 150 с.
4. Потебня А.А. Мысль и язык // Слово и миф. М.: Правда, 1989. С. 17–200.
5. Мукаржовский Я. Литературный язык и поэтический язык / Н.А. Кондрашов // Парижский лингвистический кружок. М., 1967. С. 406–431.
6. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000. 352 с.
7. Гиппиус З.Н. Мечты и кошмары (1920–1925) / сост. А.Н. Николюкин. СПб.: ООО «Издательство «Росток», 2002. 560 с.
8. Гиппиус З.Н. Искусство и любовь // Опыты. М., 1953. № 1. 320 с.
9. Гиппиус З.Н. Стихотворения / А.С. Кушнер, К.М. Азадовский, В.Э. Вацуро, М.Л. Гаспаров и др. СПб.: Гуманит. агентство «Акад. проект», 1999. 566 с.
10. О поэтах и поэзии: анализ поэтического текста. Статьи и исследования. Заметки. Рецензии. Выступления / Ю. М. Лотман; [вступ. ст. М.Л. Гаспарова]. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 1996. 846 с.
11. Плотникова Л.И. Коммуникативно-когнитивный подход к исследованию новых слов на этапах их порождения, функционирования и языкового закрепления // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 70–75.

MEANING-GENERATING IMPULSES IN THE POETRY OF Z. HIPPIUS

© *E.I. Valuyskaya*
Belgorod State University

The religious concept of Z. Hippius was closely linked with poetry, which embodied the poet's thoughts about life, death, love, historical changes and social interactions. The poet embodies her worldview in bright and unusual images, creates her own words and actively uses vocabulary that corresponds to religious doctrine. Meaning-generating impulses are considered in the work as special means of linguistic

expressiveness aimed at forming new meanings. One of these means is the author's words, which express the author's attitude to the world around her. The relevance of the study is explained by the need to systematize the author's words, since they reveal the idiostyle features of the language of a particular author. The purpose of the work is to analyze the lexical innovations of Z. Hippius as special meaning-generating impulses aimed at enhancing the expressiveness of speech. The author uses the method of systematic scientific description, which involves the analysis of lexical means extracted from the author's poetic texts; a method of distributive analysis that allows us to identify the specific compatibility of fixed units in the structure of Z. Hippius' poems. The study concluded that each word in the poet's poems carries a special meaning, closely related to the author's philosophical views. Individual author's new formations allow us to most fully present the specifics of the author's picture of the world.

Keywords: poetic text, individual author's new creations, idiostyle, author's words.

НЕУЗУАЛЬНАЯ СУБСТАНТИВАЦИЯ РУССКОГО ЛИЧНОГО МЕСТОИМЕНИЯ *ВЫ* В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ ИНТЕГРАЛЬНОГО ОПИСАНИЯ ЯЗЫКА

© *И.Ю. Гранева*

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

В статье рассматриваются некоторые разновидности нереферентных употреблений русского личного местоимения II л. ед. ч. *ВЫ*, связанные с процессом номинативизации дейксиса. Цель исследования — проанализировать явления неузуальной субстантивации местоимения *ВЫ* на фоне моделей его стандартной субстантивации. Методологической основой исследования выступает концепция интегрального описания языка, а непосредственная процедура исследования основана на коммуникативно-прагматическом подходе и методе когнитивно-дискурсивного корпусного анализа. Материалом для исследования являются данные Национального корпуса русского языка. Показано, что семантика субстантивированного *ВЫ* в метафорических моделях содержит указание на способ дистанцированного, вежливого, официального обращения. Метонимическое неузуальное субстантивированное употребление *ВЫ* коррелирует с аналогичным типом употребления местоимения *МЫ* и обозначает группу лиц, включая адресата. Делается вывод, что наибольшее количество примеров неузуальных субстантивированных употреблений *ВЫ* связано с автореферентным употреблением местоимения в значениях 'слово *ВЫ*', 'местоимение *ВЫ*', 'употребление *ВЫ*' и под.

Ключевые слова: местоимение *ВЫ*, номинативизация дейксиса, неузуальная субстантивация, интегральное описание языка, коммуникативно-прагматический подход, автореферентные употребления.

В статье рассматриваются некоторые разновидности нереферентных употреблений русского личного местоимения II л. ед. ч. *ВЫ*, когда для личных местоимений редуцируется их базовая дейктическая функция — указывать на участников коммуникативной ситуации [Гранева 2022]. Методологической основой исследования выступает концепция интегрального описания языка Ю.Д. Апресяна [Апресян 1995], а непосредственная процедура исследования основана на коммуникативно-прагматическом подходе [Падучева 1985; Русский язык... 2021] и методе когнитивно-дискурсивного корпусного анализа [Чернявская 2018; Радбиль 2020]. Материалом для исследования являются данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Теоретическая возможность приобретения личными местоимениями контекстуальных свойств, позволяющих им выполнять номинативную функцию, обоснована ещё К. Бюлером [Бюлер 1993]. Академик В.В. Виноградов, говоря о об определенной двойственности местоимений, которые, с одной стороны, выступают как чисто дейктические единицы, а с другой – являются «субъективно-объективными» словами, тоже указывал на то, что в ряде употреблений местоимения могут осмысляться как грамматические предметы [Виноградов 1972: 260].

Явления полной утраты личными местоимениями их дейктической функции в наших работах обозначается как **номинативизация дейксиса** [Гранева 2022], в результате чего они не только выполняют номинативную функцию, но и приобретают грамматические признаки, присущие «полноценным» знаменательным словам (родовую и числовую принадлежность, способность сочетаться с определяющими прилагательными и пр.). Процесс имеет две стадии.

Первая, начальная стадия «полноценной» номинативизации, которая основана на частичной референциальной номинативизации, в нашей работе именуется «**лексикализация местоимений**». Лексикализация местоимений – это чисто семантический процесс, который связан с переосмыслением первичной, исходной дейктической функции местоимения (которое по тем или иным причинам перестает указывать на непосредственного участника коммуникации) как лексемы или отдельных его форм, но при этом не сопровождается грамматическими эффектами перехода личного местоимения в другую часть речи. Иначе говоря, номинативизация здесь пока только функциональная, но не лексическая и/или грамматическая.

Согласно принятой концепции исследования, от явлений лексикализации следует отличать явления **субстантивации**, которые выступают в качестве второй стадии отмеченного нами процесса «номинативизации дейксиса», когда местоимение переходит в полноценное несклоняемое существительное, с соответствующими грамматическими признаками – с морфологической категоризацией по среднему (реже – по мужскому) роду и с возможностью определяться прилагательными, местоимениями-прилагательными или порядковыми числительными. Речь идет о том, что личные местоимения *Я*, *ТЫ*, *МЫ*, *ВЫ* (каждое по-своему и в разной степени) в определенных синтагматических условиях «ведут себя» в какой-то степени аналогично номинативным частям речи, прежде всего – существительным.

В центре настоящего исследования находятся рефлексy субстантивации местоимения *ВЫ*. В наших предыдущих исследованиях было

показано, что существуют системно-языковые модели субстантивации личных местоимений, в том числе местоимения *ВЫ*, которые отражены в словарях и регулярно реализуются в речи в типовых контекстуальных условиях.

Специфика процессов субстантивации местоимения *ВЫ* связана с определенной коммуникативной и референциальной «двойственностью» этого местоимения: с одной стороны, его употребление коррелирует с типами употребления *ТЫ*, а с другой – с типами употребления *МЫ*. Семантика субстантивированного *ВЫ*, по аналогии с семантикой субстантивированного *ТЫ*, содержит указание на способ обращения [Белоусов 1989: 208], только в случае с *ВЫ* – дистанцированного, вежливого, официального. Ср. примеры из НКРЯ: *Алекс[андр] (отступает шаг назад). Просьбу! вы?.. а! это уж еще что-то новое... это холодное вы, после стольких клятв и уверений, после стольких доказательств искренней нежности... похоже на проклятие* (М.Ю. Лермонтов. Два брата, 1834–1836 [НКРЯ]); *В деревнях, я знала, матерей называют так и поныне: там трудней расстаться с обычаями. Но в городе это «вы» всегда казалось мне несовместимостью с веком, отчуждённостью, выдававшей себя за почтительность и деликатность* (Анатолий Алексин. Раздел имущества, 1979 [НКРЯ]).

При этом такое *ВЫ* очень часто употребляется в контекстах совместной встречаемости с субстантивированным *ТЫ*: *Прядов уже начал привыкать к тому, что Сосновский отбросил вежливое «вы» и перешел на «ты»* (Лев Корнешов. Газета, 2000 [НКРЯ]).

В исходном значении субстантивированного *ВЫ* кроется возможность для его переосмысления в режиме «автонимного» употребления. Такие употребления Е.В. Падучева называет «автореферентными», потому что референция в этой ситуации осуществляется не к участнику сообщения, а к самому слову, его называющему [Падучева 1985]. Не случайно в «Краткой русской грамматике» приводится пример из А.С. Пушкина, иллюстрирующий одновременное автореферентное употребление *ТЫ* и *ВЫ* в одном контексте: *Пустое вы сердечным ты / Она, обмолвясь, заменила* (Пушкин) [Белоусов 1989: 208]. Здесь имеется в виду именно метаязыковое значение – ‘слово *вы*’ и ‘слово *ты*’. В ряде контекстов эта метаязыковая семантика акцентируется за счет контекстного окружения – употребления глаголов *говорить*, лексем, включающих семантику ‘слово’ и под., например: *В письмах своих к Коризанде Генрих чаще и чаще начал заменять местоимение ты вежливым вы* (Кондратий Биркин (П.П. Каратыгин). Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII столетий. Книга первая, 1870 [НКРЯ]).

Автореферентные употребления ВЫ часто акцентируются кавычками: – *Ты меня проводишь до города, – прибавила она с усилием и вдруг вся вспыхнула: в первый раз сказала она отцу «ты», приученная говорить с младенчества вежливое «вы», и это маленькое слово диким, терзающим диссонансом резнуло ее ухо* (Н.Н. Златовратский. Золотые сердца, 1877 [НКРЯ]).

Установка на «автореферентность» употребления ВЫ максимально эксплицируется за счет сочетаемости с лексемой *слово* или *местоимение*:

(1) *слово «вы»*: *Оказывается, она знала не только слово «ты», но и слово «вы»* (Юрий Дружников. Виза в позавчера, 1968–1997 [НКРЯ]); *К примеру, в среднеазиатских языках нет слова «вы», они начинают обращаться к учителям на «ты» – те визжат* (Алеся Лонская. На черной-черной улице стоит черная-черная школа... // «Русский репортер», 2012 [НКРЯ]);

(2) *местоимение «вы»*: *Саморазоблачившись, то есть потеряв местоимение «вы», ты сам пока что прогуливаешься* (Василий Аксенов. Негатив положительного героя, 1996 [НКРЯ]); *Посетив Норвегию в 1970 году, мы с женой с удивлением обнаружили, что многое изменилось, даже местоимение «Вы» вышло из употребления, «ты» теперь говорят и профессору и министру* (И.М. Дьяконов. Книга воспоминаний. Глава вторая (1922–1926), 1995 [НКРЯ]).

В специализированных контекстах (в учебниках, лекциях, научных монографиях) ВЫ, как и другие личные местоимения, может вообще полностью утрачивать референцию к ситуации речевого взаимодействия, например: *Категория числа у личных местоимений «я», «ты», «мы» и «вы» является несловоизменяемой. Значения единичности и неединичности в них выражаются противопоставлением двух рядов форм разных слов* [Белоусов 1989: 207].

Все рассмотренные выше случаи субстантивации местоимения ВЫ подчиняются вполне стандартным моделям дискурсной реализации. Их можно именовать узуальными. Однако в ситуации реального функционирования личных местоимений в дискурсах разного типа возникают и неuzuальные смысловые и коннотативно-оценочные преобразования, связанные с расширением сочетаемости с признаковыми словами – прилагательными, местоимениями-прилагательными, порядковыми числительными и причастиями. Указанные явления «странной» атрибутивной сочетаемости субстантивированных личных местоимений позволяют судить об их семантическом потенциале, который в обычных условиях остается незадействованным, неактуализованным. Ниже на

материале НКРЯ рассматриваются разные типы неузуальных субстантивированных употреблений местоимения *ВЫ*.

Неузуальных субстантивированных употреблений местоимений *ВЫ* не так много, как других личных местоимений. Неузуальная субстантивация местоимения *ВЫ* обнаруживает те же тенденции, что и его стандартная субстантивация, модели которой описаны выше. Специфика процессов субстантивации местоимения *ВЫ*, как уже было сказано выше, связана с коммуникативной и референциальной «двойственностью» этого местоимения: с одной стороны, его употребление коррелирует с типами употребления *ТЫ*, а с другой – с типами употребления *МЫ*.

Семантика неузуального субстантивированного *ВЫ* в **метафорических употреблениях**, по аналогии с семантикой субстантивированного *ТЫ*, содержит указание на способ обращения, только в случае с *ВЫ* – дистанцированного, вежливого, официального: *Аврора Ивановна блюла свою обособленность, старательно подчеркивала свое превосходство над остальными редакторами, но с ней Жене было проще, обоюдное «вы» как пароль облегчало общение* (Ольга Новикова. Женский роман, 1993 [НКРЯ]); – *Ты бы оделся потеплей, – посоветовала я, отбросив церемонное «вы», – почему в халате ходишь?* (Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки, 2004 [НКРЯ]); *«Вас понял!» – сейчас же отозвался Кузя. Эта готовность Кузи, его дисциплинированное «Вы» подарило Борису – осознанное позже, на земле – чувство власти...* (Артем Анфиногенов. А внизу была земля, 1982 [НКРЯ]); *Точно так же и французское «вы» входит в народ, хотя туже* (Н.П. Гиляров-Платонов. Из пережитого. Том 2, 1886 [НКРЯ]).

Часто эта модель реализуется в конструкциях с противопоставлением с неузуальным субстантивированным *ТЫ*: *Так повелось в армии, что сверху исходило отеческое «ты», а встречно восходило сыновнее «вы» – в зависимости от чина-звания, не от разницы в летах* (Г.Н. Владимов. Генерал и его армия, 1994 [НКРЯ]); *Вся новая реформа непонятны и даже такая невинная, как переход с отеческого «ты» на чуждое нашему крестьянству иностранное «вы», вызывает улыбки и взаимную неловкость»* (С.П. Мельгунов. Мартовские Дни 1917 года, 1940–1954 [НКРЯ]).

Метонимическое неузуальное субстантивированное употребление *ВЫ* уже коррелирует с аналогичным типом употребления местоимения *МЫ* и обозначает группу лиц, включая адресата. Его оппозиция с субстантивированным *МЫ* часто эксплицируется непосредственно в контексте: *Всякое «вы» есть отчужденная от меня, извне мне предстоящая часть «мы»* (С.Л. Франк. Непостижимое, 1938 [НКРЯ]).

Наибольшее количество примеров неузуальных субстантивированных употреблений *ВЫ* связано с **автореферентным употреблением *ВЫ*** в значении 'слово *ВЫ*', 'местоимение *ВЫ*', 'употребление *ВЫ*' и под.: **Официальное *Вы***, скорее, следовало бы считать омонимичным *Вы* «уважительному» [Р.М. Фрумкина. Психолингвистика, 2001 [НКРЯ]].

Во многих случаях условиями реализации в дискурсе такого *ВЫ* является экспликация слов с семантикой говорения: *Кстати говоря, русское «уважительное» **Вы**, которое в крестьянских семьях еще не так давно было обязательным при обращении детей к родителям, — это совсем не то безлично-официальное **Вы**, которое используется в русском языке при обращении к любому незнакомому лицу* (Р.М. Фрумкина. Психолингвистика, 2001 [НКРЯ]); *Меня умиляло в ней все: и мальчишеский азарт, когда она играла в футбол, и неуменье врать, и забавные гримасы, и сонливость на пути на съемку, и, конечно же, ее почти-тельное «**вы**» в разговоре со мной* (Родион Нахапетов. Влюбленный, 1998 [НКРЯ]); — *Хорошо, — сказал он, — кто бы вы ни были (Конф перешел на почтительное «вы»), — я постараюсь проводить вас* (Ф.Е. Зарин-Несвицкий. За чужую свободу, 1910 [НКРЯ]); — *Как вам угодно, — ответила она холодно, впервые употребляя церемонное «вы», — не могу же я ради вашего каприза оставить единственное сокровище, которое я получила от бога!* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни, (1886–1887 [НКРЯ]).

Такое *ВЫ* часто реализуется в контексте противопоставления с неузуальным субстантивированным *ТЫ*: — *Он опять перешел с интимного «ты» на официальное «вы»* (В.Ф. Панова. Кружилиха. Роман, 1947 [НКРЯ]); *А девочка и впрямь непростая, подумал Фома, и со сна всегда говорит ему «ты». А наутро опять далекое, настороженное «вы». — Кто это — твой друг или враг?* (Сергей Осипов. Страсти по Фоме. Книга вторая. Примус интер парэс, 1998 [НКРЯ]).

Как и в случаях с субстантивированным автореферентным *МЫ*, в ряде случаев для автонимного *ВЫ* нет прямого имплицитного сигнала для интерпретации *ВЫ* как метаязыкового. Но об этом свидетельствуют разнообразные импликации ситуации и общая обстановка речи: *Мы встречались у Катрин. Я придвинулся к нему ближе. — Меня зовут Егором, вспомнили? Не ошибся ли он, и зачем это странное «вы»? Ах да, это такая питерская манера* (Александр Вяльцев. Путешествия в одну сторону (1985–2000) // «Звезда», 2001 [НКРЯ]); — *Если б только одно ласковое слово! И не это чуждое вы... Если б один только робкий поцелуй...* (А.Н. Вербицкая. Ключи счастья, 1909 [НКРЯ]).

В целом неузуальные субстантивированные употребления *ВЫ* не обнаруживают достаточного разнообразия (в нашей картотеке извлечено из НКРЯ чуть больше 40 контекстов). При этом они отражают референциальные, семантические и прагмалингвистические особенности, присущие и неузуальным субстантивированным употреблениям других личных местоимений I и II лица – *Я*, *ТЫ* и *МЫ*. Примечательным представляется обнаруженное в ходе количественного анализа численное превосходство автореферентных употреблений *ТЫ* и *ВЫ* над обычными субстантивированными употреблениями. Это связано с таким свойством стандартной и неузуальной семантики субстантивированных *ТЫ* и *ВЫ*, как указание на способ обращения, которое само по себе является метаязыковой операцией.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2 т. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. 767 с.
2. Белоусов В.Н. Краткая русская грамматика / В.Н. Белоусов, И.И. Ковтунова, И.Н. Кручинина и др.; Под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. М.: Русский язык, 1989. 639 с.
3. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / Пер. с нем.; общ. ред. и коммент. Т.В. Булыгиной, вступ. ст. Т.В. Булыгиной и А.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1993. 528 с.
4. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 616 с.
5. Гранева И.Ю. Русские личные местоимения в свете интегрального описания языка («Лексикографические портреты» местоимений Я, ТЫ, МЫ и ВЫ): Монография. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2022. 281 с.
6. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 272 с.
7. Радбиль Т.Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 759–774. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774.
8. Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: колл. монография / под ред. Л.В. Рацибурской. М.: Флинта, 2021. 328 с.
9. Чернявская В.Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 31–37.

**NON-USUAL SUBSTANTIVATION OF THE RUSSIAN PERSONAL
PRONOUN “VY” (“YOU”) WITHIN THE CONCEPTION
OF AN INTEGRAL DESCRIPTION OF A LANGUAGE**

© *I.Yu. Graneva*

*National Research Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod*

The article discusses some varieties of non-referential uses of the Russian personal pronoun VY (YOU), associated with the process of deixis nominativization. The object of the study is to analyze the phenomena of non-usual substantivization of the pronoun VY (YOU) against the background of models of its standard substantivization. The methodological basis of the study is the concept of an integral description of a language, and the direct research procedure is based on the communicative-pragmatic approach and the method of cognitive-discursive corpus analysis. The material for the study is data from the Russian National Corpus. It is shown that the semantics of the substantivized VY (YOU) in metaphorical models contains an indication of the method of distant, polite, official address. The metonymic non-usual substantivized use of VY (YOU) correlates with a similar type of use of the pronoun MY (WE) and denotes a group of persons, including the addressee. It is concluded that the largest number of examples of non-usual substantivized uses of VY (YOU) is associated with the auto-referential use of VY (YOU) in the meaning of “the word VY (YOU)”, “the pronoun VY (YOU)”, “the use of VY (YOU)” and so on.

Keywords: pronoun VY (YOU), nominativization of deixis, non-usual substantivization, integral description of a language, communicative-pragmatic approach, auto-referential uses.

НЕОЛОГИЗМ БУЛКОХРУСТ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ¹

© *Е.А. Жданова*

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского*

В статье описывается семантика и особенности функционирования неологизма *булкохруст*. Анализируется употребление данного неологизма в различных контекстах. Целью исследования является составление портрета указанного неологизма. Кроме того, описываются однокоренные слова, входящие в одну тематическую группу с указанным неологизмом, в том числе его синонимы и производные.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, неологизм *булкохруст*, портрет слова, актуальные деривационные процессы.

Современная интернет-коммуникация является важнейшим источником, позволяющим не только выявить неологизмы, но и определить особенности их функционирования в различных контекстах. Обновление лексики – ключевой механизм, благодаря которому язык может адекватно обслуживать говорящий на нем социум. Анализ новой лексики позволяет выявить, с одной стороны, востребованные носителями языка пути и способы обновления лексики (в частности, продуктивные словообразовательные форманты и модели), а с другой – те социальные реалии, которым говорящие считают необходимым дать наименование. «Неологизмы служат самым первым свидетельством культурных перемен, средством оформления знаний о новых социальных реалиях либо новым словесным инструментом для понимания старой действительности» [Словарь актуальной... 2021: 12].

Особый интерес для исследователей представляют те неологизмы, которые номинируют реалии, ранее в языке уже имевшие название. Подобная «вторичная номинация» свидетельствует о том, что представители социума переосмысливают и переоценивают известное им явление. Одним из таких неологизмов, позволяющим по-новому оценить существующую в российском обществе социально-политическую группу,

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00368, <https://rscf.ru/project/23-28-00368/>

является слово *булкохруст*. Данная новация называет лиц, романтически ностальгирующих о временах Российской империи, позиционирующих себя как потомков российских дворян и нередко критически (или даже враждебно) настроенных по отношению к советской власти. Семантически близкими являются слова *монархист*, *контрреволюционер* (и разговорное *контра*). Однако в российском обществе начала XXI века, в том числе в интернет-коммуникации, возникла необходимость в неологизме.

Неологизм *булкохруст* пока не зафиксирован в известных нам словарях, его нет на портале «Новое в русской лексике. Словарные материалы» [Новое ...]. Вместе с тем, результаты поисковых запросов на сайтах Yandex и Google позволяют говорить о том, что перед нами именно неологизм (а не окказиональное образование), востребованный в интернет-коммуникации. Так, по данным на начало апреля 2024 года, в ответ на соответствующий запрос Yandex выдавал 3000 результатов, а Google – 2480. Конечно, эти цифры приблизительны, допускают погрешности, но с очевидностью доказывают узальность анализируемой новации.

Кроме того, данный неологизм обнаруживается в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) – 1 контекст в корпусе «Социальные сети»: *С новостями всё. Tags: достало, олимпиада, цирк А теперь раскваси им, что у тебя работа тяжелая:) Всех с пятицей! ПЫСЫК-ста, кто хочет посмеяться над **булкохрустами** с песней про российский каменный век-ручной труд <...>* (НКРЯ. Социальные сети. 36RUSVORONEZH. Журнал про то, что вокруг меня (2018)).

На сайте «Большой вопрос.ru» находим следующее толкование данной новации (автор – пользователь с ником Лефан): ***Булкохрусты, хрустобулочки** – так чаще всего называют не столько монархистов или поклонников белогвардейского движения, сколько вообще всех людей и особенно – представителей творческой интеллигенции, которые имеют склонность романтизировать и до предела идеализировать жизнь в царской России* (<https://www.bolshoyvopros.ru/questions/3949229-ktotakie-bulkohrusty-hrustobulochniki-pochemu-ih-tak-nazyvajut.html>)

Интересно происхождение данного новообразования, которое, отсылая к прецедентному тексту, позволяет объяснить специфику восприятия этой новации. На рубеже XX–XXI веков в России была достаточно популярна песня группы «Белый орел» «Как упоительны в России вечера...» (1998), написанная на стихи В. Пеленягрэ. В данной песне создавался романтически возвышенный, идеализированный мир дореволю-

ционной дворянской России. Однако текст песни не отличался высоким уровнем речевого мастерства и почти сразу стал объектом сатирического высмеивания. В частности, критике подверглись строки «*И вальсы Шуберта, и хруст французской булки*». Известный сатирик М. Задорнов в своих выступлениях разбирал текст этой песни, отмечая, что Шуберт вальсы почти не писал, а французская булка – не хрустит. Но именно эти строки стали основой при производстве новообразования *булкохруст* и его синонима-дублета *хрустобулочник*.

Неологизм *булкохруст* образован, видимо, сложно-флексийным способом на базе словосочетания *хрустеть (французской) булкой*. Подобный способ хорошо знаком русскому языку (ср.: *короед, книголюб* и др.), востребован при образовании неодериватов [Русская грамматика 1980: §579]. Формально возможно рассматривать и такой способ образования, как чистое сложение (*булк(a) + о + хруст*), однако производное, созданное по такой модели, имело бы иную семантику.

С точки зрения морфологии новообразование *булкохруст* является конкретным одушевленным существительным первого (по академической «Русской грамматике») типа склонения. Это новообразование включается в широко представленную среди неологизмов группу наименований лиц.

Обратимся к особенностям функционирования анализируемой единицы в интернет-текстах, в первую очередь в письменных текстах блогов и комментариев к ним. Очевидна ироническая коннотация, которой обладает данный неологизм. Поэтому, употребляя его в своих текстах, авторы хотят обозначить отношение к именуемой группе лиц, отчасти высмеять их и их политические взгляды: *Специфическая прослойка нашего населения (частично проживающая за рубежом), именуемая в народе "булкохрустами" по мотивам известного страдальческого шлягера "Как отвратительно в России по утрам", как известно, проводит жизнь в перманентном сожалении о "России, которую мы потеряли", что не мешает им в реальности текущей в меру своих возможностей получать гранты и попиливать бюджет (жить-то надо)* (<https://dzen.ru/a/ZMIW0mhKRA53ybi1>) (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источника. – Е.Ж.); *Кандидат для внедрения к булкохрустам единственный – Трубинер, лишь его французские булки идеально подходили для этой компании: отец его был из графьев Корнеевых, а мать и того хуже – из Лопухиных* (https://dzen.ru/a/ZaVNJF6Oo2aRI5fQ?share_to=link).

Однако далеко не всегда говорящие ограничиваются ироническим употреблением – немало контекстов, в которых данное новообразование

употребляется как оскорбительная номинация, что ощущается носителями языка и проявляется, например, в метаязыковых комментариях: *Постоянно сталкиваясь в соцсетях и беседах с термином «булкохруст» и его вариациями, не мог не заметить, что данное оскорбительно-уничтожительное выражение относится непременно к любому монархисту, а не поклонникам зачем-то расстрелянного Николая Второго.* <...> *А суть в том, что в недалёкие умы прочно вошло: коммунисты – это хорошо, царизм – плохо. Апологеты ненависти к хрустобулкам видят мир так: 5 дворянских родов рулят, остальные падают* (<https://cont.ws/@Galder/1278308?ysclid=luisqacrb663424265>); *Мне самой радикально не нравятся термины, как -краснопузые, так и -булкохрусты, у нас одна история и разделить ее - невозможно, из песни слова не выкинешь, идеализация что красных, что белых, как и демонизация тех и других - контрпродуктивна, на мой взгляд* (<https://galagala15.livejournal.com/274596.html>); *Булкохрусты и прочие "борцы с режимом", всячески мусоля подобные фейковые "цитаты", при этом игнорируют массу источников ...* (<https://glavsnab.livejournal.com/189626.html>); *Булкохрусту на заметку (заголовок) <...> Положим, косточки крестьянские и прочие народные останки нашему очкарику не жаль. Он же себя белой костью считает, даже если пращур у барина на побегушках холуйствовало* (<https://dzen.ru/a/ZbsxtqoAHwcXjCk1>); *Я, кстати, в курсе, что одни считают, что булкохрусты — это такие Плохие, а другие, наоборот, считают, что это некие Плохие так обзываются на неких Хороших* (<https://otvet.mail.ru/question/198485735>).

Как видно из приведенных контекстов, новообразование *булкохруст* можно квалифицировать как негативно-оценочное. Люди, в сознании которых идеализирован мир дореволюционной дворянской России, воспринимаются как недалекие, ограниченные, не умеющие критически мыслить и под. Очевидно, что использование данной номинации может восприниматься и как элемент речевой агрессии, к сожалению, весьма распространенной в интернет-коммуникации. Исследователи отмечают, что «сегодняшняя интернет-коммуникация характеризуется высоким уровнем враждебности, агрессии разного рода, что находит проявление во множестве неоминимаций для обозначения субъектов соответствующих действий» [Ребрина 2021: 75], и анализируемое новообразование подтверждает эти выводы.

Вместе с тем, в зафиксированных нами контекстах встретилось употребление неологизма *булкохруст* в еще одном – как бы самоироническом – значении. Представители возрождающегося «белого движения»

готовы сами себя называть булкохрустами: *Сейчас красные активно раскручивают термин "булкохруст" в отношении сторонников дореволюционной России. Думают, что это очень остроумно и для нас обидно (точно также хохлы раскручивали "ватников"). Я уже писал, что русские хотят хрустеть французской булкой, а не давиться вонючей лагерной баландой. Так что хрустел, хрущу и буду хрустеть французской булкой. Я – булкохруст."* Под этими словами не стыдно подписаться #ябулкохруст баланду оставим красным (https://vk.com/wall-27569095_1109781?ysclid=luiskiobz0172938608).

Подобное самоназвание, отталкивающееся от негативно-оценочного, пренебрежительного, является достаточно типичным для языка наших дней: аналогичный процесс пережили слова *совок* ('житель бывшего Советского Союза, поддерживающий его идеологию'); *ватник* (перен., после 2014 года 'житель России, Новороссии, противопоставляемый жителям Украины'). Вместе с тем нарочитое, бравирующее самоназвание *булкохруст* в известной степени предполагает противопоставление номинируемой группы лиц другим группам, придерживающимся иных политических взглядов, что поддерживает общественное напряжение. На лексическом уровне это проявляется в формировании антонимических пар *булкохрусты – краснопузые, булкохрусты/хрустоблочники – совки* (см. <https://dzen.ru/a/Y2zpX7EcjR-HkzCr>).

Завершая лексико-семантический анализ неологизма, отметим, что в одном из контекстов нам встретилось употребление данного новообразования в качестве наименования абстрактного (отвлеченного) явления: *Еще один пасквиль (смайл) от великой русской литературы на "Россию французской булки" (на всяческий "булкохруст")* (<https://langobard.livejournal.com/9953671.html>). Однако это, скорее всего, единичный случай, потенциально заложенный в русской языковой системе. В абсолютном большинстве встреченных нами контекстов неологизм *булкохруст* употребляется именно с семантикой лица.

Как уже было указано выше, у неологизма *булкохруст* есть синоним-дублет *хрустобулочник*, образованный на базе того же прецедентного текста сложно-суффиксальным способом: *Изучая увлекательное прошлое нашей страны, нередко натыкаешься на непримиримые позиции так называемых «хрустобулочников» и «совков», в голове у которых гражданская война ещё не закончилась* (<https://dzen.ru/a/Y2zpX7EcjR-HkzCr>). Слово *хрустобулочник* фиксируется в материалах интернет-портала «Новое в русской лексике. Словарные материалы» с пометой «ирон.»: *хрустобулочник* 'о том, кто испытывает ностальгию по дорево-

люционной России' [Новое ...] – а также в Викисловаре (<https://ru.wiktionary.org/wiki/>). Однако материалы поисковых запросов на сайтах Yandex и Google демонстрируют меньшую частотность сложно-суффиксального новообразования: на начало апреля 2024 года в ответ на запрос на сайте Yandex было получено около 2000 результатов, а на сайте Google – 2170 результатов. Не зафиксирован неологизм *хрустобулочник* и в материалах НКРЯ. В то же время анализ интернет-контекстов позволяет предположить, что на данном этапе языкового развития в речевом употреблении данные синонимы конкурируют, говорящие выбирают один из сосуществующих вариантов: *Автор, **булкохрусты**, как-то не благозвучно. Предлагаю вернуться к общепринятым **хрустобулочникам**.*) (<https://dzen.ru/a/ZMIW0mhKRA53ybiI> (комментарий)).

Описание неологизма *булкохруст* будет неполным без анализа его словообразовательного потенциала. Богатейшие возможности русского словообразования проявляются и в данном случае, при этом дериваты новации *булкохруст* являются преимущественно окказионализмами. Среди производных можно обнаружить слова разных частей речи: глагол, прилагательное, существительные. Так, с помощью суффикса *-e(ть)* по модели «основа существительного + e(ть)» (ср. *звереть*) образован окказионализм *булкохрустеть* ('вести себя как булкохруст'): *Но когда был дан знак, Кожинов начал бурно **булкохрустеть** и изображать борьбу за русских людей* (<https://procol-harum.livejournal.com/2064362.html?view=comments>). Теоретически возможное словосложение (*булк(a) + o + хрустеть*) маловероятно.

Относительно прилагательное *булкохрустный* стандартно образуется с помощью суффикса *-н(ый)*: *Прилагательное "**булкохрустный**" используют антимонархисты и вообще противники "белой" России* (<https://visualhistory.livejournal.com/1649276.html>).

Последовательно, в соответствии со словообразовательной парадигмой, с помощью продуктивного суффикса *-к(a)* образуется феминитив *булкохрустка*: *Бичевская - известная **булкохрустка**. Стенает про казачество и крестьянство Рассеи* (https://el-murid.livejournal.com/2629178.html?noscroll&utm_medium=endless_scroll (комментарий)). Также в интернет-текстах было обнаружено отвлеченное существительное с суффиксом *-изм* – *булкохрустизм*: *Анатомия **булкохрустизма*** (<https://doloew1917.livejournal.com/70581.html> (заголовок)).

Необходимо отметить и другие производные, образованные на базе precedentного текста «... *хруст французской булки*»: от неологизма *хрустобулочник* стандартно с помощью суффикса *-ниц(a)* образуется

феминитив *хрустобулочница*: Тут читал в Интернете от одной "*хрустобулочницы*", что крестьяне в эпоху крепостного права кушали 4 раза в день, пару раз чаевничали. И вообще жили хорошо, так как барин о них заботился! (<https://dzen.ru/a/ZOXUKSg5QSm2QVcP>). Кроме того, на портале «Новое в русской лексике. Словарные материалы» с пометой «ирон.» описывается прилагательное *хрустобулочный* 'связанный с ностальгией по дореволюционной России' [Новое ...]. Данное сложно-суффиксальное прилагательное является производящим для отвлеченного существительного *хрустобулочность*, образованного с помощью высокопродуктивного в современном русском языке суффикса *-ость*: Во времена Ельцина была популярна "*хрустобулочность*" т.е любовь к элите дореволюционной России, потом пришел совсем не "*хрустобулочник*" ВВП и снова стали снимать ностальгию по Совку ... (<https://dzen.ru/a/ZI80rZcLPBM2ZSzp> (комментарий)).

Нетрудно заметить, что производные слова в той или иной степени тоже обладают негативной оценочностью, которая поддерживается контекстами.

Таким образом, носители русского языка творчески переосмыслили строки из популярной песни и дали широкий ряд номинаций для уже известного, но вновь актуализировавшегося в конце XX века явления.

Появление и функционирование в интернет-текстах неологизмов типа *булкохруст/хрустобулочник, царебожники, краснопузые, совки* и под. свидетельствует о существующей в современном российском обществе напряженности, склонности к дифференциации «своих» и «чужих», навешиванию ярлыков, неприятию мнений оппонентов. Несомненно, данные номинации становятся средством речевой агрессии, «нацеленной на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом» [Петрова, Рацибурская 2022: 23].

Список литературы

1. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 04.04.2024).
2. Новое в русской лексике. Словарные материалы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://neolex.iling.spb.ru/> (дата обращения: 04.04.2024).
3. Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии. М.: ФЛИНТА, 2022. 160 с.
4. Ребрина Л.Н. Семантика вражды: обозначение агрессивного субъекта в современной интернет-коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2021. Т. 20, № 4. С. 74–90.

5. Русская грамматика. М., 1980 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rusgram.narod.ru/> (дата обращения: 04.04.2024)

6. Самыличева Н.А. Речевая агрессия как проявление коммуникативной неудачи в медийных текстах // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ: в 15 томах, Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года. Том 8. Гранада, Испания: Международное некоммерческое партнерство преподавателей русского языка и литературы «МАПРЯЛ», 2015. С. 273–277.

7. Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века / Т.В. Леонтьева, А.В. Щегина. Екатеринбург: Ажур, 2021. 424 с.

THE NEOLOGISM *БУЛКОХРУСТ* (*BULKOHRUST*) IN THE INTERNET COMMUNICATION¹

© *E.A. Zhdanova*

*National Research Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod*

The article examines the neologism of the beginning of the XXI century *булкохруст* (*bulkohrust*), its semantics and derivatives. The purpose of the research is to draw up a portrait of this neologism, to describe this new word, to analyze the features of the functioning of this neologism and word-formation potential. In addition, the cognate words belonging to the same thematic group with the specified neologism are described, including its synonyms and derivatives.

Keywords: Internet communication, neologism *булкохруст*, the portrait of the word, actual word-formation processes.

---

¹ The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 23-28-00368, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00368/>

ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ СЛОВ *МЕНТАЛИТЕТ* И *МЕНТАЛЬНОСТЬ* В НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ РЕЧИ

© *Л.И. Жуковская*

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского*

В статье обсуждаются новые результаты исследования языкового воплощения концепта МЕНТАЛИТЕТ / МЕНТАЛЬНОСТЬ в современной русской речи. Материалом исследования выступают контексты, извлеченные из устного корпуса и из корпуса социальных сетей в составе Национального корпуса русского языка. Показано, что по мере распространения лексем *менталитет* и *ментальность* в дискурсах разного типа можно наблюдать признаки культурного и языкового освоения концепта, которые связаны с рефлексамися популяризации и детерминологизации этих лексем. Использована комплексная методика корпусного анализа репрезентантов «импортированного концепта», которая основана на принципах описания активных процессов в русском языке, концепции «культурной апроприации заимствований» и теории языковой аномальности. Выявлены семантические, собственно лексические, экспрессивно-стилистические, грамматические и лингвокогнитивные признаки популяризации и детерминологизации слов *менталитет* и *ментальность*. Делается вывод, что популяризация и детерминологизация данных лексем выступает как свидетельство их дальнейшего концептуального, культурного и языкового освоения в речевой практике носителей русского языка нашего времени.

Ключевые слова: лексема «менталитет», лексема «ментальность», концепт МЕНТАЛИТЕТ / МЕНТАЛЬНОСТЬ, популяризация, детерминологизация, культурное освоение заимствований, корпусный анализ.

В статье обсуждаются новые результаты нашего исследования языкового воплощения концепта МЕНТАЛИТЕТ/МЕНТАЛЬНОСТЬ в современной русской речи, начатого в предыдущих работах [Жуковская 2020]. Изначально данный концепт выступает как инокультурное заимствование терминологизированного характера, а использование слов, воплощающих его в речи, ограничено рамками специализированных областей употребления. Однако по мере распространения лексем *менталитет* и *ментальность* в дискурсах разного типа можно наблюдать признаки культурного и языкового освоения концепта МЕНТАЛИТЕТ / МЕНТАЛЬНОСТЬ, что коррелирует с явлением «импорта концепта», которое понимается как «внедрение в иную культуру концепта – мен-

тального образования, опирающегося на многослойный культурный опыт, сконцентрированный в индивидуальном и коллективном языковом сознании» [Карасик 1996: 253].

Неизбежные следствия культурного и языкового освоения концепта связаны прежде всего с рефлексами «популяризации» и «детерминологизации» [Лейчик 2009] лексем *менталитет* и *ментальность* в современной русской речи. В одной из наших предыдущих работ мы указывали: «Очевидно, что данные концепты на современном этапе проходят стадию так называемой «популяризации», неизбежно утрачивая при этом строгую понятийную отнесенность и терминологическую определенность. Можно утверждать, что их функционирование в медийном, политическом и даже рекламном дискурсе, в художественной речи, а также в среде Интернет отражает рефлекс **детерминологизации**, тенденция к которой характерна для большинства терминов, приобретших широкую известность и вышедших за пределы своей специализированной научной области употребления, что особенно характерно для универсальных терминов философии, в целом гуманитарного знания» [Жуковская, Радбиль 2015: 383].

Следовательно, мы можем сформулировать цель нашего исследования – описание особенностей продолжающейся «популяризации» и «детерминологизации» лексем *менталитет* и *ментальность* как отражения дальнейшего культурного освоения концепта МЕНТАЛИТЕТ/МЕНТАЛЬНОСТЬ в речевой практике носителей русского языка нашего времени.

Согласно нашей концепции, лингвокультурологическими и прагмалингвистическими признаками дальнейшей стадии процессов «популяризации» и «детерминологизации» лексем *менталитет* и *ментальность* является их широкое распространение в устной речи и в неформальной интернет-коммуникации, в том числе в социальных сетях, что можно рассматривать как своеобразный аналог устной речи в сетевой среде [Русский язык... 2021]. Таким образом, материалом исследования выступают контексты употребления лексем *менталитет* и *ментальность*, извлеченные из устного корпуса (УК) и из корпуса социальных сетей (КСС) в составе Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Использована комплексная методика корпусного анализа репрезентантов «импортированного концепта» [Наговицына 2019; Наговицына 2020], которая основана на принципах описания активных процессов в русском языке [Радибурская, Сандакова 2023], концепции «культурной апроприации заимствований» [Радбиль Т. 2020; Радбиль Н. 2023] и теории языковой аномальности [Радбиль Т. 2006].

По результатам исследования выявлены следующие признаки «популяризации» и «детерминологизации» лексем *менталитет* и *ментальность* в устной речи и в речи социальных сетей.

1. Семантические признаки. Проявляются в неузуальной перестройке семантической структуры многозначного слова. Если изначально употребление лексем *менталитет* и *ментальность* применительно к индивидууму, особенно если он назван личным именем, считалось вторичным, семантически производным и переносным значением, то в устной речи и в речи социальных сетей нашего времени это значение активно распространяется и не воспринимается как маргинальное, становится вполне легитимным, в одном ряду с привычными употреблениями лексем применительно к обозначению этнической или социальной группы: *Я думаю так: единственным минусом является апеннинский менталитет Капелло* (КСС); *Этот период весьма четко характеризует менталитет Зюганова и многих его соратников* (КСС); *В психологии даже существует такое понятие – менталитет Робин Гуда* (КСС); *Ими был нанесен удар по тому, что принято называть «менталитетом Тарзана», согласно которому: чтобы ни делал белый, он всегда сделает это лучше чернокожего* (КСС); *Менталитет людей типа Резерфорда / они такие / что они однодумцы и однолюбы в каком-то смысле* (УК).

2. Собственно лексические (лексико-синтагматические) признаки. Проявляются в неузуальном расширении сочетаемости лексем *менталитет* и *ментальность*, которые могут употребляться при собирательных существительных, существительных множественного числа или даже при абстрактных существительных, при которых в норме ранее употребление данных лексем было невозможно. Возможны случаи семантического сужения объема значения, например, менталитет или ментальность могут быть приписаны группе людей, выделенных по социальному (1), политическому (2), профессиональному (3), гендерному (4), ролевому или функциональному (5) признакам:

(1) *На это пришли бывшие крестьяне. И они принесли ментальность крестьянина. Они принесли все эти навыки переделщины* (УК); *В этом смс вся трагедия ментальности наших тёмных чиновников* [КСС];

(2) *Насколько мне известно/ Ходорковский/ как и многие как из монополистов наших богачей выходец из комсомола. То есть комсомольский менталитет. Ну/ вовремя сориентировался/ значит/ он умеет в этой ситуации жить/ умеет работать/ умеет зарабатывать* (УК);

(3) Но это вещество / его открытие / конечно / открыло путь / конечно / поменяло **ментальность учёных** и заставило учёных по-новому взглянуть на древний механизм Бардина/ Купера и Шриффера / взаимодействия электронов с колебаниями решётки (УК); Буданов Владимир Григорьевич (муж, физик, философ)] Потому что интересно/ меняются ли **менталитет** современной аа ну вот **молодёжи-физиков?** (УК);

(4) Ну потому что она человек умный и с **мужским менталитетом** (УК); Я понимаю/ но для меня/ например/ женский вопрос это не вопрос государства/ это вопрос **менталитета мужчин** (УК);

(5) Единственный способ это исправить – сесть и начать делать самим, перейдя от **ментальности потребителя** («То не так, это не сяк») к **ментальности создателя** («Господи, все приходится делать самому!») (КСС); Ментальность этого населения исторически формировалась как **ментальность людей подчиненных и местечковых** (КСС).

Свойство ‘иметь менталитет’ может быть приписано и временно, ситуативно образованной группе людей (1) или группе людей, собирательно объединенной по внешнему, случайному признаку (2):

(1) Более того / сам **менталитет тех / кто остался за это время в секторе реальной экономики/** приводит к тому / что они вообще не нуждаются в инновациях (УК);

(2) Слепое принятие, типичное для **менталитета толпы**, это почва, где укореняются все ложные верования (КСС); ... но, к сожалению, для этого надо в корне изменить **менталитет огромной толпы** не столь добрых и наивных, которые уже научились наживать на остальных (КСС).

Возможно и метонимическое употребление в значении ‘менталитет какого-то хронологического периода’ ← ‘менталитет людей, живущих в какой-либо хронологический период’, например: Для **менталитета рубежа семнадцатого-восемнадцатого века** такое изменение/ это было очень существенно (УК).

Менталитет или ментальность может быть у представителей животного мира и даже микробов: *Живучесть его, безусловно, имеет причиной то обстоятельство, что корнями своими феодализм уходит в до-феодалные, ещё пещерные времена, в ментальность блохастого стада бесхвостых обезьян: все чужаки, живущие в соседнем лесу, отвратительны и опасны, а вожак наш великолепно жесток, мудр и побеждает врагов* (КСС); *И вот тут уже выплывает вопрос ментальности / она наша или микробов* (УК).

Все приведенные выше случаи реализуют модель семантического сужения для лексем *менталитет* и *ментальность*, которые в норме употреблялись ранее по отношению к национальным или к крупным социальным образованиям. Но есть немногочисленные примеры семантического расширения, когда эти лексемы употребляются применительно ко всему человечеству, например: *Потому что здесь без вмяса... без... получается / что / на самом деле / аа без вмешательства человека / эксперта / так сказать / аа уже с-с-с нашей / человеческой ментальностью / компьютер пока слабак* (УК).

Понятно, что для подобного предельно расширенного понимания менталитета или ментальности должны быть свои контекстуальные условия. В нашем случае обыгрывается противопоставление естественного разума человека и искусственного интеллекта, отсюда и берется прилагательное *человеческий*.

3. Экспрессивно-стилистические признаки. Проявляются в том, что, будучи лексемами терминологизированного типа, слова *менталитет* и *ментальность* изначально выступали как стилистически нейтральные и внеоценочные, но, по мере концептуального освоения, они приобретают так называемую «наведенную» оценочность, имплицированную ближайшим контекстным окружением [Радбиль Т. 2023], причем разного знака.

Имплицитная положительная оценочность: *Гигантские корпорации, правильный менталитет, интегрированность в общемировые институты* (КСС); *Нет никаких почти изменений в традиционной ментальности героев, отчего мерзлота становится декоративным элементом, не более* (КСС).

Имплицитная отрицательная оценочность: *Во вторых: в ветке Байлайна у меня много негатива к провайдеру (позитива с моей стороны он пока не заслужил), да и некоторые товарищи удивляют с пионерско-совковским менталитетом (типа кто с нами не радуется нашему счастливому детству, того расстрелять)* (КСС); *Прибавьте к этому неуважение к себе и менталитет временищиков — и вы получите идеальную площадку для проведения силами зла любых экспериментов...* (КСС).

В некоторых примерах в одном контексте может сталкиваться показатель положительной и отрицательной оценочности, в результате чего реализуется модель антитезы, например: *Современные продвинутые российские политики формулируют эту идею упрощенно — как задачу раскрепощения человека, то есть преобразование рабского менталитета в менталитет свободного человека* (КСС).

4. Грамматические (морфологические) признаки. Проявляются в том, что заимствованные абстрактные существительные, будучи изначально *singularia tantum*, т.е. употребляясь только в единственном числе, по мере концептуального освоения, входят в модели конкретизации абстракции по типу уже бытующих в языке отвлеченных лексем, что выражается в возможности приобретения ими множественного числа: *И мне этот опыт дал очень многое для понимания разности **менталитетов** / в том числе инженеров (УК); Вот у них это всё как-то так позитивно / дружелюбно ии... **менталитеты** их компаний / они сложены из **менталитетов** / как по кирпичикам / да / вот таких вот людей (УК); Кошмар / все **ментальности** рассыпаются в прах / тем не менее / факт. Конечно / самурай терял привилегии — почётное право зарубить простолюдина / но одновременно становился хозяином своей судьбы / избавляясь от сурового повседневного подчинения вышестоящему начальству (УК); Они говорят о чем угодно / об экономике / о хозяйственном развитии / о стремлении создать какие-то модели / взятые извне / зачастую из других **ментальностей** / из других исторических условий / и применить их к нашей с вами действительности (УК).*

5. Лингвокогнитивные (концептуальные) признаки. К этой группе признаков мы условно относим случаи вхождения лексем *менталитет* и *ментальность* в присущие именно русскому языку модели языковой аномальности, возникающей на разных уровнях языковой системы, а также в разных типах экстралингвистических условий, стоящих за явлениями языка (концептуальных, прагматических, нарративных и пр.). Согласно концепции Т.Б. Радбиля, аномалии подобного рода не ведут к деструкции языковой системы и не являются признаком недостаточной языковой компетенции говорящего как следствия недостаточной освоенности лексемы [Радбиль 2006]. Они выступают как проявление линвокреативности и поиска новых средств выразительности. Применительно к концепции нашего исследования, укажем также, что, на наш взгляд, именно аномальные употребления ярко свидетельствуют о размывании строго понятийного содержания, свойственного терминам, т.е. о детерминологизации, на фоне широкого распространения, т.е. «популяризации».

Т.Б. Радбиль выделяет три разновидности языковых аномалий: аномалия-противоречие, аномалия-тавтология и аномалия-алогизм (сочетание несовместимых концептов из разных областей) [Радбиль 2006]. Все эти разновидности представлены и в нашем корпусном материале.

Аномалии-противоречия представляют собой случаи, когда, например, параметрические признаки, в норме присущие явлениям физического мира, приписываются сущностям умопостигаемым, нематериальным, таким как менталитет или ментальность, например: *Потом /*

*значит / он приглашал там / значит / это / ездили. Конечно / вот отдельные люди есть / есть / конечно / отдельные представители / которые / ну / выделяются из этого общего. И они такого вот **высокого менталитета** / хорошо (УК).*

Модели подобной языковой аномальности очень частотны в русской речи, они связаны с аномальной аналогической субституцией (заменой) определяемого слова: здесь слово *менталитет*, видимо, употреблено по аналогии с сочетаниями типа *высокая нравственность, высокие помыслы* и пр. Ср. также: *Кстати / **менталитет общества повышает**ся. // Да / повышается. // При том / что много людей с высшим образованием / это тоже важно в постройке государства (УК).* – Здесь из контекста видно, что менталитет аномально смешивается с уровнем образованности.

В примере: *Такие представления «вписывались» в **физический менталитет** классической физики – постоянство физических сущностей (КСС) – противоречие связано с тем, что свойство иметь менталитет как атрибут внутреннего мира человека характеризуется посредством признака, имеющего отношение к миру природы, который изучает физика.*

К **аномалиям-тавтологиям** относятся случаи так называемой «тавтологической избыточности» (формальной — по модели *масло масляное* или содержательной – по модели *героический подвиг*): *Потому что мне... на самом деле / мне кажется / что / вообще-то / спортивное хобби аа людей / оно во многом определяет и **интеллектуальный менталитет** (УК).* Модели подобной языковой аномальности также широко распространены в русской речи – ср., например, распространенное в практике лингвистов-экспертов устойчивое сочетание *смысловое содержание*.

Аномалии-алогизмы возникают в тех случаях, когда в одном контексте с лексемами *менталитет* и *ментальность* встречаются логически несовместимые с ними понятия из других тематических областей, например: *Впечатление от Иванова такое / что он как бы находится / в общем / тоже в какой-то степени зажат между **менталитетом** и **общественным мнением** / каким-то образом он лавирует довольно спешно (УК).*

Модели подобной языковой аномальности связаны с приписыванием свойства иметь менталитет или ментальность неодушевленному понятиям: ***Менталитет привычки людей** одним законом не изменишь (КСС); Слишком густа **ментальность народной сказки**, чтобы даже те, кто не помнит ее кровью, сумели остаться в стороне (КСС).*

В классификации Т.Б. Радбиля это синтагматические языковые аномалии, обусловленные нарушением норм лексической сочетаемости:

**менталитет привычки*, **ментальность сказки* [Радбиль 2006]. Модели подобной языковой аномальности также исключительно распространены в русской речи.

В целом проведенное исследование позволяет утверждать, что лексемы *менталитет* и *ментальность* демонстрируют очевидные рефлексы популяризации и детерминологизации, связанные с перестройкой их семантической структуры, с существенным расширением их смыслового объема, с приобретением возможности оценочно-коннотативного переосмысления и грамматических преобразований, с их вхождением в модели языковой аномальности, типичные именно для русской речи. Популяризация и детерминологизация данных лексем выступает как свидетельство их дальнейшего концептуального, культурного и языкового освоения в речевой практике носителей русского языка нашего времени.

Список литературы

1. Жуковская Л.И. Новые явления в употреблении лексем *менталитет* и *ментальность* в современной русской речи // *Przegląd wschodnioeuropejski*. 2020. № XI / 1. С. 397–405.
2. Жуковская Л.И., Радбиль Т.Б. Детерминологизация лексем «менталитет» и «ментальность» в обыденном языковом употреблении // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2015. № 10 (2). С. 383–386.
3. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // *Языковая личность: культурные концепты*: Сб. научн. трудов. Волгоград-Архангельск: ВГУ, 1996. С. 3–16.
4. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. 4-е изд. М.: Либроком, 2009. 256 с.
5. Наговицына Н.В. Словообразовательное гнездо с вершиной *патриот* в языковой объективации концепта «патриотизм» // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2019. № 2. С. 192–195.
6. Наговицына Н.В. Дериваты лексемы *патриотизм* как выразители оценочного потенциала одноименного концепта // *Национальные коды в языке и литературе. Язык как культурно-историческое достояние народа: Сборник статей*. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. С. 98–104.
7. Радбиль Н.В. Коннотативно-оценочные преобразования прилагательного *патриотический* как средство языкового воплощения концепта ПАТРИОТИЗМ в русской речи // *Научный диалог*. 2023. Т. 12. № 2. С. 66–83. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-66-83.
8. Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 496 с.
9. Радбиль Т.Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // *Коммуникативные исследования*. 2020. Т. 7. № 4. С. 759–774. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774.

10. Радбиль Т.Б. Наведенная оценочность как объект лингвокультурологического изучения: Опыт корпусного анализа интернет-медиа // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание. 2023. № 2. С. 95–105. DOI: 10.31249/ling/2023.03.07.

11. Рацибурская Л.В., Сандакова М.В. Словообразовательные и лексические интенсификаторы в современном русском языке: активные процессы // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 6. С. 69–80. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-6-69-80>.

12. Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: Кол. монография / под ред. Л.В. Рацибурской. М.: Флинта, 2021. 328 с.

DETERMINOLOGIZATION AND POPULARIZATION OF THE WORDS “MENTALITET” AND “MENTAL’NOST” IN THE NEWEST RUSSIAN SPEECH

© *L.I. Zhukovskaya*

*National Research Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod*

The article discusses new results of research into the language embodiment of the concept MENTALITET / MENTAL’NOST in modern Russian speech. The research material is contexts extracted from the oral corpus and from the social networks corpus as part of the Russian National Corpus. It is shown that as the lexemes *mentalitet* and *mental’nost* spread in discourses of various types, one can observe signs of cultural and language assimilation of the concept, which are associated with reflexes of their popularization and determinologization. A complex methodology of corpus analysis of representatives of the “imported concept” was used, which is based on the principles of describing active processes in Russian, the conception of “cultural appropriation of borrowings” and the theory of language anomalies. Semantic, actual lexical, expressive-stylistic, grammatical and linguo-cognitive signs of popularization and determinologization of the words *mentalitet* and *mental’nost* have been identified. It is concluded that the popularization and determinologization of these lexemes acts as evidence of their further conceptual, cultural and language appropriation in the Russian speakers’ speech practice of our time.

Keywords: lexeme “mentalitet”, lexeme “mental’nost”, concept MENTALITY / MENTALITY, popularization, determinologization, cultural assimilation of borrowings, corpus analysis.

МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО КОМПОНЕНТА ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТОВ (на примере коммерческого нейма)

© *Р.И. Захаров*

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского*

Статья посвящена исследованию особенностей строения поликодового текста. Объект исследования – коммерческий нейм, образованный способом аббревиации, вследствие чего в деривате отмечается столкновение гласных звуков. Цель – изучение многофункциональности изобразительного компонента. В ходе исследования использованы методы лингвистического анализа вербального компонента, метод вербальной интерпретации изображения, структурный, коммуникативно-прагматический, лингвосемиотический методы и метод контекстного анализа. Было установлено, что выбор и локализация изображения обусловлены особенностями вербальной части нейма. Изображение используется в качестве графической метафоры и выполняет комплекс взаимосвязанных функций – компенсаторную, референциальную, аттрактивную. Результаты исследования верифицированы автором в ходе анализа схожих коммерческих номинаций, где изобразительный компонент выполняет указанные функции, могут быть использованы в дальнейших исследованиях и применены на практике при создании поликодовых коммерческих неймов.

Ключевые слова: поликодовый текст, словообразование, хиатус, графическая метафора, многофункциональность.

Одна из главных черт современной коммуникации – увеличение доли коммуникации невербальной. Популярность визуализированной подачи материала обусловлена прагматическим фактором: быстротой обработки информации с опорой на представление, воображение, чувство. Изображения в различной форме становятся не просто составной, а важной (знаковой) частью различного рода сообщений. Изменения в коммуникации привели к изменению понятия «текст», который определяется как результат функционирования любого семиозиса – семиотической системы или комплекса связанных между собой семиотических систем, – последовательность знаков (вербальных и невербальных), объединённых смысловой связью и составляющих единое целое.

Поликодовый текст (далее – ПКТ) как продукт семиотически осложнённой коммуникации, созданный средствами разных знаковых

систем, представляет единое формально-содержательно-функциональное целое, направленное на комплексное прагматическое воздействие, являясь многофункциональным инструментом. Под многофункциональностью понимается выполнение ряда взаимообусловленных, иерархически организованных функций.

ПКТ – предмет пристального внимания учёных, которые исследуют его в разных аспектах [Пойманова 1997; Чернявская 2010; Баранов 2018; Радбиль, Помазов 2020; Иссерс 2021 и др.], в целях как теоретических, так и практических. Исследование ПКТ, в том числе рекламных, входит и в сферу научного интереса автора [Захаров 2021; Захаров 2023а; Захаров 2023б; Захаров 2023в и др.].

Для рекламного дискурса характерно активное использование ПКТ. Таковыми, в частности, нередко становятся названия коммерческих организаций. Одним из подобных неймов является название сети магазинов зоотоваров в ряде городов России, в том числе и в Нижнем Новгороде, а также интернет-магазина – *ЗооОптТорг.РФ* [ЗооОптТорг.РФ]. Эта номинация является объектом нашего исследования. На её примере мы рассмотрим многофункциональность изобразительного компонента поликодовых коммерческих неймов.

Для семиотически осложненного объекта актуален вопрос о методах исследования. В современной парадигме исследования имеется апробированный научный инструментарий анализа ПКТ. Нами был использован комплекс методов: для исследования вербального компонента – методы фонетического, графического и словообразовательного анализа; для визуального компонента – метод вербальной интерпретации – «перевода» визуального сообщения в текстовый вид, в то, как, по мнению лингвиста, должно пониматься сообщаемое [Кукушкина 2014: 46]; допустимость процедуры перевода информации из одной формы представления в другую основана на частотности её использования в коммуникации. Также использовались структурный, коммуникативно-прагматический, лингвoseмиотический методы и метод контекстного анализа.

Исследование необходимо начать с анализа специфики объекта. Нейм, который расположен на официальном сайте и на фасадах магазинов, состоит из двух компонентов: вербального и невербального. Последний представлен условным изображением морды животного, напоминающего представителя породы собак с брылями (мастифа). Это хорошо заметно при сопоставлении изображения с фотографиями, имеющимися в свободном доступе в Интернете. Такое сходство, как показы-

вает исследование, не является случайным. ПКТ выполнен с использованием приёмов текстового дизайна [Чернявская 2010: 115]: все графемы прописные; части номинации, разделённые точкой, имеют различное цветовое оформление; первые две графемы «о» заменены изображением.

Форма представления нейма семантически значима. Различие в цветовом оформлении частей вербального компонента для данного исследования не актуально, поскольку формант *-.РФ* указывает на существование интернет-магазина (см. названия других коммерческих организаций, например, *Тигрёнок.РФ* [Тигрёнок.РФ], где также используется цветовое выделение форманта). Напротив, использование относительно большого, по сравнению с вербальной частью, изображения важно. Сразу отметим, что изобразительный компонент повышает аттрактивность коммерческого нейма, особенно в ночное время суток, когда его свечение непроизвольно привлекает внимание реципиента; но это не единственная функция. Особенности изображения и его локализации в ПКТ связаны и с другими функциями, которые выявляются при детальном исследовании объекта.

Выбор и расположение изображения, в свою очередь, обусловлены особенностями главной вербальной части нейма – *ЗооОптТорг*. Многокомпонентное наименование является результатом аббревиации – сложения сокращённых элементов слов, объединённых в одно сочетание. В качестве словообразовательных формантов выступают неморфемное усечение слов и закреплённый порядок компонентов. Аббревиация связана с законом экономии языковых средств [Энциклопедический... 2008: 501], имеет ряд разновидностей (в нашем случае это объединение элементов сокращённых слов, аналогичных слогу).

Как отмечают учёные, с формальной точки зрения сложносокращённые слова часто являются довольно «неуклюжими», так как их фонетическая структура иногда не отвечает закономерностям сочетаемости звуков, в том числе из-за подобных нарушений на стыке частей слова [Энциклопедический... 2008: 501].

В исследуемой номинации на фонетическом уровне выделяется такой речевой недочёт, как неблагозвучие – последовательность звуков, неприятно задевающая либо трудно произносимая [Москвин 2006: 176–177], конкретнее – скопление, то есть группа контактным образом расположенных одинаковых или сходных звуков, которая делает речь неблагозвучной прежде всего в артикуляционном отношении [Москвин 2006: 305–306].

В нейме выявлены:

- хиатус, или зияние – столкновение гласных [Москвин 2006: 343], представленное тремя звуками [o];
- скопление взрывных согласных – сочетание [птт] на стыке второго и третьего структурных элементов.

Указанные недостатки визуализируются на уровне графического представления неблагозвучного слова (фонематический принцип русской графики) и становятся особенно заметными при использовании прописных графем, особенно в наружной рекламе, что главным образом характерно для сочетания «ООО» – *ЗОООПТТОРГ*.

Скопление согласных, во-первых, не составляет предмет исследования, а во-вторых, в устной речи этот недостаток частично нивелируется произнесением имплозивных звуков, то есть смычных, у которых отсутствует фаза рекурсии (см. особенности произнесения согласных звуков, в частности сочетания «тт» в [Каленчук и др.: 979, 985]); а вот столкновение гласных, напротив, представляет особый интерес.

Хиатус локализован на стыке двух элементов нейма. Первый из них – формант, активно использующийся в словообразовании. Для *зоо*-характерны следующие особенности произношения: наличие побочного ударения и более чёткое произнесение безударного гласного – особенности произношения заимствованных слов [Каленчук и др.: 988]. Зияние, уже имеющееся в этом элементе, усиливается вследствие того, что следующий вербальный компонент начинается с того же самого гласного, несущего побочное ударение. Всё отмеченное ведёт к тому, что гласные при произнесении слова не расподобляются и представляют трудность в артикуляционном плане, а передающие фонему <o> на письме графемы напоминают набор колец.

Скопление гласных в слове или на стыке слов, признаётся речевым недочётом [Энциклопедический... 2005: 406–407], поскольку осложняет произнесение фрагмента речи. В.П. Москвин, например, пишет, что использование неблагозвучных компонентов при словообразовании не считается речевой ошибкой, представляя собой случай вынужденной номинации, особенно частотной при аббревиации или при комбинации источников неблагозвучных слов, в частности заимствований [Москвин 2006: 178]. Исследуемый нейм является примером такой неудачной комбинации языковых единиц.

Артикуляционному упрощению неблагозвучных слов служат метаплазмы – приёмы трансформации звукового (и, соответственно, графического) облика слова, ведущие к устранению артикуляционного неблагозвучия, они связаны с изменением формального (фонетического и

графического) облика слова и не имеют никакого отношения к смысловой стороне высказывания [Москвин 2006: 160–162].

В нашем случае фонетическое упрощение невозможно без ущерба для разборчивости слова и для его семантики, графическая же трансформация – приемлема. Она осуществляется заменой двух графем «о» в составе нейма логотипом коммерческой организации, который располагается рядом с её названием на странице в социальных сетях (см. [ВКонтакте]) и (часто) на фасадах магазинов.

Показательно, что гипертрофированные глаза животного на изображении по размеру сопоставимы с графемами вербальной части и напоминают сочетание *oo*, которое, не будучи особенно заметным, тем не менее легко считывается. Перед нами пример использования графической метафоры – фигуры иконической номинации, которая в ПКТ представлена техникой замены графемы сходным по форме символом или рисунком, отвечающим содержанию слова [Москвин 2006: 90].

Замена графем именно в первом элементе, а не на стыке частей исследуемого нейма маскирует недостатки в устной и письменной форме репрезентанта, но не затрудняет сегментацию ПКТ и его интерпретацию. Изобразительный компонент в данном случае действует как компенсатор – так называется устройство для устранения влияния различных факторов на состояние и функционирование систем [Ефремова 2000]. В ПКТ изображение нейтрализует негативный результат аббревиации и оптимизирует функционирование системы – нейма.

Изображение актуализирует внутреннюю форму первого форманта и указывает на сферу деятельности коммерческой организации, а также, как уже было отмечено в начале статьи, усиливает аттрактивность ПКТ, привлекая внимание потенциальных покупателей – визуальный образ облегчает и ускоряет обработку информации адресатом.

Отметим, что графическая метафора сегодня активно используется в структуре коммерческих неймов, в частности, в форманте *зоо*-. Например, она входит в состав номинации Зоозавр [Зоозавр], только в отличие от рассмотренного названия в ней многофункциональность изобразительного компонента ПКТ, вследствие меньшего скопления гласных, не столь очевидна.

Таким образом, проведённое исследование показывает, что в ПКТ изобразительный компонент выполняет следующие взаимосвязанные функции:

- компенсаторную – маскирует недостатки репрезентанта коммерческой организации, являющиеся следствием использования одного из способов словообразования (аббревиации);

– референциальную – образует связь с предметной областью действительности, указывает на сферу деятельности;

– аттрактивную – привлекает внимание потенциального покупателя.

Результаты исследования верифицируются в ходе анализа схожих коммерческих неймов, где изобразительный компонент выполняет указанные функции.

В заключение отметим, что полученные результаты могут иметь теоретическую и практическую значимость при проведении дальнейших исследований поликодовых текстов, что позволит полнее охарактеризовать специфику взаимодействия различных компонентов в подобных сложных семиотических образованиях, а также при создании поликодовых коммерческих неймов для оптимизации их функционирования.

Список литературы

1. Баранов А.Н. Метаязыки описания невербальной составляющей комбинированных текстов для целей лингвистической экспертизы // Коммуникативные исследования. 2018. № 3 (17). С. 9–36.

2. ВКонтакте. URL: <https://vk.com/zoopt?ysclid=lsqj5gs64r240312898> (дата обращения: 18.02.2024).

3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. 1210 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 18.02.2024).

4. Захаров 2023а – Захаров Р.И. Вариативность интерпретации поликодового текста: лингвосемиотический ракурс // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 2. 2023. С. 231–238.

5. Захаров 2023б – Захаров Р.И. Лингвосемиотические механизмы формирования манипулятивного потенциала поликодовой номинации в рекламном дискурсе // Научный диалог. Т. 12. № 9. 2023. С. 162–183. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-162-183.

6. Захаров 2023в – Захаров Р.И. Поликодовые тексты как манипулятивный инструмент рекламного дискурса (на примере коммерческой номинации) // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура: сборник научных трудов / под ред. М.Н. Конновой [Электронный ресурс]: научное электронное издание. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2023. С. 146–149.

7. Захаров Р.И. Особенности репрезентации участников коммуникативного события в структуре креолизованного текста: опыт лингвоэкспертного исследования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 1. 2021. С. 211–218.

8. Зоозавр. URL: <https://zoozavr.ru/> (дата обращения: 18.02.2024).

9. ЗооОптТорг.РФ. URL: <https://zoopt.ru/about/> (дата обращения: 18.02.2024).

10. Иссерс О.С. Потенциал трансформаций поликодового интернет-мема в событийном контексте 2020 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2021. Т. 20, № 2. С. 26–41. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.3>.

11. Каленчук М.Л., Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф. Большой офроэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: нормы и ее варианты. М.: АСТ-ПРЕСС, КНИГА, 2012. 1008 с.

12. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.

13. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частная классификации. Терминологический словарь. Изд. 2-е, существ. перераб. и доп. М: ЛЕНАНД, 2006. 376 с.

14. Пойманова О.В. Семантическое пространство видеOVERBального текста: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1997. 237 с.

15. Радбиль Т.Б., Помазов А.И. Прецедентные феномены как средство создания аттрактивности в поликодовом тексте интернета // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Том 19. № 1. С. 140–153.

16. Тигрёнок.РФ. URL: <https://xn--c1ajhlfkl7j.xn--p1ai/?ysclid=lth65uo76a902554189> (дата обращения: 18.02.2024).

17. Чернявская В.Е. Поликодовость коммуникации как объект речеведения // Стереотипность и творчество в тексте. Выпуск 14. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2010. С. 113–124.

18. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева и др. / под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. Т. 1. М.: Флинта: Наука, 2008. 840 с.

19. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сковородникова. М.: Флинта: Наука, 2005. 480 с.

MULTIFUNCTIONALITY OF THE VISUAL COMPONENT OF POLYCODE TEXTS (using the example of a commercial name)

© *R.I. Zakharov*

*National Research Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod*

The article is devoted to the study of the structural features of polycode text. The object of the study is a commercial name formed by an abbreviation method, as a result of which a collision of vowel sounds is noted in the derivative. The goal is to

study the versatility of the visual component. During the study, methods of linguistic analysis of the verbal component, the method of verbal interpretation of the image, structural, communicative-pragmatic, linguosemiotic methods and the method of contextual analysis were used. It was found that the choice and localization of the image are determined by the characteristics of the verbal part of the name. The image is used as a graphic metaphor and performs a complex of interrelated functions - compensatory, referential, attractive. The results of the study were verified by the author during the analysis of similar commercial nominations, where the visual component performs the indicated functions, and can be used in further research and applied in practice when creating polycode commercial names.

Keywords: polycode text, word formation, multifunctionality, chiasmus, graphic metaphor.

ЗГА В НАЦИОНАЛЬНОМ КОРПУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЗА ЕГО ПРЕДЕЛАМИ

© Л.В. Зубова

Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН (Москва)

Цель работы – показать, как употребление слова *зга* в прозе и поэзии начиная с XVIII в. соотносится с разными гипотезами филологов о происхождении и значении этого слова. Метод – анализ контекстов со словом *зга* в Национальном корпусе русского языка и в других источниках. Основные результаты: 1. В художественных текстах наблюдаются активная дефразеологизация слова и его семантические преобразования. 2. Восстанавливается утраченная парадигма существительного. 3. Большой массив художественных текстов подтверждает наиболее убедительную гипотезу Д.К. Зеленина о том, что первичное значение слова *зги* (им. падеж множ. числа) – ‘мелькающие точки света перед глазами слепых людей, проблески’. Из тех значений, которые иллюстрируются примерами В.И. Даля, наиболее архаическим и наиболее устойчивым представляется значение ‘искра’ 4. Переосмысление слова основано на общем значении фразеологизма ‘так темно, что ничего не видно’ и проявляет тенденцию к расширению объема значения – указанию на небытие.

Ключевые слова: лексика, семантика, фразеология, грамматика, художественная литература.

Материал Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) позволил продолжить и значительно расширить исследование о слове *зга*, представленное в статье [Зубова 2000а] и книге [Зубова 2000б]. Кроме того, за прошедшие годы появилось много новых контекстов с этим словом, дающих возможность более детально рассмотреть его семантику и проверить первоначальные выводы.

Существительное из идиомы *ни зги не видно* объясняли по-разному¹:

1) как фонетически измененное *стыга* ‘дорога’ (ср. *стёжки-дорожки, стезя*) – Ф. Миклошич, Н.В. Горяев, А.А. Потехня, А.И. Соколевский, А.А. Шахматов и др. (см.: [Преображенский 1959: 246; Фасмер 1986: 88–89];

---

¹ См. обсуждение гипотез: [Бирх, Мокиенко, Степанова 1999; Варбот 2001; Магнер 2003].

2) как производное со значением ‘искра’ от *пазгать* ‘гореть, драть’ [Зеленин 1903: 5];

3) как восходящее к предполагаемому (не зафиксированному в письменных текстах или диалектах) слову *съга* ‘кольцо у дуги, через которое продевают повод при запряжении коня’, производному от *съгноути*² [Варбот 1983; Варбот 1984; Варбот 2001: 108]. Основанием для данной этимологии стала сомнительная цитата из диалектологических записей 1957 г., приведенная в двух словарях: *Продень повод через згу и привяжи к гужу* [Словарь русских народных говоров 1976: 226; Псковский областной словарь 1996: 297];

4) как соотносимое с «...зга, стега, как и чеш. *zblo, steblo* или польск. *zblo, scieblo (zdzblo, zdzieblo)*, – это ‘стебель, прут, хлыст’, которым стегали, погоняли домашних животных. В целом же выражение *ни зги (стеги) не видно* означает: ‘тьма такая, что даже стеги, т. е. прута, хворостины, которую можно поднести к самым глазам, не различить’» [Магнер 2003: 32].

Гипотезе о значении слова *зга* ‘дорога’ противоречит невозможность таких, например, высказываний или словосочетаний: *згу засыпало снегом, *долгая зга, *вышел на згу, *шел без зги, *ехали по плохой зге и т.п.

Словарь Даля зафиксировал слово *зга* в контекстах, которые резко противоречат большинству гипотез: *на дворе зга згою; Божьей зги не видеть; ни зги хлеба нет; зги нет в закромах* (во всех этих случаях невозможны ни ‘дорога’, ни ‘часть упряжи’). В.И. Даль предполагает значения ‘тьма’, ‘потемки’, ‘темнота’; ‘кроха’, ‘капля’, ‘искра’, ‘малость чего’ [Даль 1978: 685] и указывает – со знаками вопроса – предполагаемые этимологические связи со словами *сгаснуть, сгинуть*. Фиксирует Даль и слова *згинка* (ряз.) – ‘ночка’, *згра* (дон.) – ‘искра’.

Д.К. Зеленин считал, что ‘не видно дороги’ – для фразеологизма слишком невыразительно, не гиперболично, не дает неожиданных сопоставлений и поэтому сомнительно. Предлагая значение ‘искра, проблеск’, Зеленин пишет о том, что у слепых обычно бывает мелькание светящихся точек перед глазами, отсутствие которых – как гипербола –

---

² Ж.Ж. Варбот указывает на такую последовательность изменений: *съгнути – съгинати – съгина – съга > зга*. [Варбот 2001: 108]. Цитата из диалектных записей «Говорили раньше: Домой идти пора, уж вороного коня в поле не видеть. А на лошади едешь, дак говоришь: Эка темень, згины не видно» (В-Уст, Харамзино), приведенная в этой статье, не доказывает, что речь идет именно о кольце у дуги.

и могло послужить образом абсолютной невидимости [Зеленин 1903: 6]. Это единственное из объяснений, которое согласуется с пресуппозицией множественного числа в выражении *ни зги*.

Кроме того, самые ранние известные нам тексты с выражением *ни зги* рассказывают о слепцах [Словарь русского языка XI–XVII вв.: 359]. Важно, что слепцы были распространителями народной словесной культуры, и вербализация актуального для них образа вполне могла привести к появлению фразеологизма. Д.К. Зеленин привел пример более экспрессивного фразеологизма, обозначающего плохую видимость: *свету божьего не видно*.

Во Фразеологическом словаре-справочнике под ред. В.М. Мокиенко на первом месте словарной статьи «Зга • Ни зги не видно» указано значение ‘дорога’, в подтверждение которого все примеры приведены из высказываний о слепых [Бирих, Мокиенко, Степанова 1999: 207]. Ж.Ж. Варбот также отмечает: «По данным картотек «Словаря русского языка XI–XVII вв.», начиная с XVI в. в памятниках фиксируется сочетание *не видети стезю* как характеристика слепца», «Что касается фразеологизма с формой *ни зги*, то он появляется впервые в XVII в., и также как характеристика слепого» [Варбот 2001: 107–108].

Национальный корпус русского языка и другие источники дают возможность проанализировать множество контекстов со словом *зга*. Эти контексты указывают на то, что во многих случаях восстанавливается утраченная парадигма существительного.

По данным Основного корпуса, содержащего материал с XVIII в., самый ранний пример употребления слова вне его фразеологически закрепленной формы родительного падежа – реплика диалога: – *А како-го тут черта видеть? Какую тебе згу надо? – отозвался Шумский. И всю ночь, не смотря³ на полную тьму от облачного неба, они ехали все-таки крупной рысью и вскачъ* (Е.А. Салиас. Аракчеевский подкидыш, 1889)⁴.

Некоторые другие примеры восстановления падежной парадигмы слова: *Зга. Волшебные рассказы* (заглавие книги А.М. Ремизова 1925 г.)⁵; *Здесь не найдешь единоверца; / Из мысли: вылетят орлы; / Из сердца: выйдет образ львиный; / Из воли: толстые волы... / Из зву-*

---

³ Орфография и пунктуация цитат воспроизводится по источникам цитирования (НКРЯ, издания произведений).

⁴ Даты художественных текстов указываются в статье только по данным НКРЯ.

⁵ Звездочкой отмечены примеры, не входящие в НКРЯ.

ка: мир многоединый. / Тот, звуковой, – во все излит; / Та, звуковая, – золотая; / И этот – камень лазулит; / И этот – пламенная стая. / У той – / – **Над златокарей згой** / Град Гелиополь: дева Отис, / Милуясь летной серьгой, / Целует цветок, миозотис (А. Белый. Первое свидание, 1921); Ветер, крась хиной чадру и ногти, / Влагу, лейся из грудей кумыс. / Шакья⁶ в золоте и зге по локти / Пополам капканы перегрыз (Б. Лапин. Спит тююн. Не движется осока..., 1921); Жил бородатый, грубоватый / Богов белоголовый рой: / Клопочил бороды из ваты; / И – обморочил нас игрой. / В метафорические хмури / Он бросил бедные мозги, / Лия лазуревые дури / **На наши мысленные зги** (А. Белый. Первое свидание, 1921). Многие примеры разных форм слова зга проиллюстрированы далее в тематических рубриках. В художественной литературе парадигма единственного числа представлена полностью, а формы родительного, дательного, творительного и предложного падежей множественного числа нигде не встретились.

Иногда звуковой комплекс [зг'и] омонимически преобразуется в глагольный императив: *Товарищ, бди, не зги!* / *Горните, пионеры!* / *Кругом одни враги, / Повсюду изуверы!* (В. Ботева)*.

Сочетание *ни зги* может лексикализироваться: *Привыкшим на рифах крошечной / ни-зги / Зевоту рукой бороть, / Я нужен – как рифма / Стихам Айги, / Как евреям – крайняя плоть* (М. Гликин. Шезлонги взяты...)*; *Голимый фуфел надо мною реет, / пророчно компостируя мозги. / Своим крылом, простым, как батарея, / он месит местный воздух. От ни зги / летит к нему привет невыразимый, / из где-то тут зовут его зайтить. / Но он, м*дила, пролетая мимо, / в куда-то там, в тудыт его летит...* (А. Левин. Урл отщепенный)*.

Рассмотрим семантику слова *зга* на примерах из художественной литературы.

В ряде контекстов значение этого слова отчетливо соотносится с гипотезой Д.К. Зеленина о мелькании светящихся точек у слепых: *То слепой и жалится, что зги не видать...* (В.Г. Короленко. Павловские очерки, 1889–1890); *Это уже была охота деда, который, говорят, выписывал красные розы со всего белого света, но в настоящее время бедный старик всей этой прелести уже не видел: у него на обоих гла-*

---

⁶ Возможно, здесь говорится о статуэтке Будды. Шакья (санскр. Śākya, пали Sākīya) – царственный род в Индии железного века. Из этого рода происходил Будда Шакьямуни (563 до н.э. – 483 до н.э., духовный учитель, основатель и центральная фигура буддизма. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A8%D0%B0%D0%BA%D1%8C%D1%8F#cite_note-1).

зах были катаракты, и он ждал только, когда доктора скажут ему, что пора ехать за границу, чтобы снять их, а куда не видел ни зги... (М. Ф. Каменская. Воспоминания, 1894); *Для слепого — одна стезя, / На которой и днем — ни зги; / Ты сказала — меня нельзя, / Если можешь — люби других* (В.Л. Корвин-Пиотровский. Для слепого — одна стезя..., 1922); *И кот встает на две ноги, / идет вперед, подьемля лапы, / пропала лестница. Ни зги / в глазах. Шарахаются бабы, / но поздно! Кот, на шею сев, / как дьявол бьется, озверев, / рвет тело, жилы открывает, / когтями кости вырывает... / О, Боже, Боже, как нелеп! / Сбесился он или ослеп?* (Н. Заболоцкий. На лестницах, 1928).

В некоторых случаях заметны следы обучения студентов и школьников гипотезам зга ‘дорога’ и ‘отверстие на дуге или кольцо в конской упряжи’.

Зга ‘дорога’: *И понял аз грешный, что право живет / лишь тот, кто за други положит живот, <...> А жизнь это, братие, узкая зга, / и се ты глядишь на улыбку врага, / меж тем, как уж кровью червонишь снега, / В снега оседая, в снега* (Л. Лосев. И жизнь положивши за други своя...)*. А в продолжении этого текста появляется значение ‘гибель’.

Зга ‘дыра или кольцо в конской упряжи’: *Он весь во тьме, он видит только згу — / Згу под дугой! — он полную глазницу / Безумия наставил на станицу <...> А я глядеть без страха не могу, / Как шарит он раздавленной рукой / Сам — весь в дугу — горбатый и кривой, / Забытый во безумии, как в штольне, / Пустой, как ржавый крик на колокольне, / Пустой, как зга над нашею дугой. // А я глядеть без страха не могу, / Как жалобно он ищет колокольцы* (Г. Жуков. Зга)*.

Значение ‘малое количество’, зафиксированное В.И. Далем, может быть проиллюстрировано самыми многочисленными примерами, указывающим на нематериальные субъекты отсутствия: *В этих спутанных проволоках следует искать объяснение, когда зги наш не может чего-нибудь объяснить...* (Р. Ивнев. Дневник, 1917); *Темный писец и жонглер-ученик / Все переврали, не понять ни зги* (О. Мандельштам. Берга — большая нога, 1921–1929); *От этих дел / не вспомнят ни зги. / История — / врун даровитый* (В. Маяковский. Владикавказ — Тифлис, 1924); *Только и видишь собственные глаза, жутко увеличенные черными стеклами бинокля; будто пристально смотришь сам себе в душу — ни зги в душе, ничего, пустота, мрак...* (В.П. Катаев. Раб, 1927); *Так теряют род и Родину, не обретая ни зги, / голубые крылья планет перепишивают на кляксы, / полноценные губы идут в мясорубку страниц, / ничего не остается, кроме табака, кофе да теина* (В. Соснора. Книги

как духи и Ниагара и женщины, и м. б. – всё..., 2000); *Коррупцированные круги / домогались твоей Ноги. / Да не вышло у них ни зги* (В. Вишневский. ...Весь этот джаз...)*; *А глаза пусты, как у покойника, / Жалости в глазах – ни зги. / Выжрут жизнь, беспомощно-покорную, / И оставляют горсть лузги* (А. Крестинский. Саранча)*.

Значение ‘малое количество’ способствует образованию диминутивов: ... *в чистый понедельник выпаривают и выжигают посуду, чтобы ни згинки не было скоромного* (В.А. Никифоров-Волгин. Весенний хлеб, 1923–1938); *И ни зги, ни згиночки был ноябрь, к полудню только серело по южному краю горизонта, завешанному плотной пеленой то дождя, то мокрого снега* (В. Воеводин. Буйная головушка, 1963); *За окошком позёмка стелется / и не видно кругом ни згиночки, / а в избе сидит красна девица, / ворожит она при лучинушке...* (Э. Иванова. За окошком позёмка стелется ..., 2017)*.

Для восприятия разных значений слова *зга* существенны его коллокации. Это слово согласуется в разных падежах с прилагательными *божья, снежная, страшная морозная, крошечная, мутная, белая, морозящая, осенняя седеющая, мысленная, необъятная, печальная, вывихнутая, видимая, копотная комнатная, кривая, последняя, златокаряя, испуганная, малая, загробная, кузнечная, колкая, узкая*.

Сочетание *зга божья*, преимущественно представленное в НКРЯ материалами XIX вв., конечно, никак не соответствует гипотезам о дороге (на что указывал Д.К. Зеленин) и, тем более, детали конской упряжи: *Нет, ты меня за живое хватил, я те отдаю по-свойски: а ты, дочка дорогая! забудешь пустое-та говорить; я тебя засажу во миевной чулан, где ты у меня зги божьей не увидишь до тех пор, пока ехать с Аксеном под венец* (П.А. Плавильщиков. Бобыль, 1790); *Но, Бог с ним, где он взял царей, цариц, скотов! / Зги божьей не видать! одни в потемках стены!* (В.А. Жуковский. Мартышка, показывающая китайские тени, 1806); *Ай да лесок! Эка трущоба — зги божьей не видно! То-то приволье, боярин: есть где поохотиться!..* (М.Н. Загоскин. Юрий Милославский, или русские в 1612 году, 1829); *Вишь, буран какой, зги божьей не видать!* (В.А. Соллогуб. Метель, 1849); *Да вот увидите: скоро такое столпотворение пойдет, что зги божьей за тучей проектов не видно будет!* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Пестрые письма, 1884–1886) и мн. др.

В результате семантического включения (переноса значения фразеологизма на один его элемент) слово *зга* без отрицательной частицы само становится обозначением тьмы, а также любого ненастья, ослабля-

ющего видимость: *За окном была страшная морозная зга и метель* (Л.А. Кассиль. Конduit и Швамброния, 1928–1931); *Там где конь копытами / Твердо встал / Вьюгой-згой засыпана / Не верста* (Д.В. Петровский. Песня червонных казаков, 1923); *Утробно кричали по деревне коровы, горланили петухи, коротко и приглушенно, будто рыба плещет в воде, доносились людские звуки – все в белой, морозящей зге, в которой только себя и видать* (В. Распутин. Последний срок, 1970); *Позднею осенью (третью осень) по тяжелым валам бесшумно скользят плоские, серые, как туман, миноносцы, плюясь клубами сажки из склоненных назад толстых труб, рыскают в мутной зге ишорма* длинные низкие крейсера с погашенными огнями (Б.А. Лавренев. Ветер, 1924); *Не перейти реки врагу / ни на плотях, / ни в брод, / бредя в воде по пояс, / когда на этом берегу / в осеннюю / седеющую згу / железом пышет бронепоезд* (Н. Ушаков. Бронепоезд, 1923); *И шапку / понес сумасшедший простор / в свист, в згу* (М.В. Кульчицкий. С истока, 1940–1941); *Отчего вновь так близко время, как тогда, семнадцать лет назад в лесу, над Бакуриани, внутри облака, когда спускаясь в кромеишной зге, я слышал, как новая эпоха втекает мне в уши, целует сердце, морозит насмерть* (А. Иличевский. Союз Писателей, 2010).

Персонификация денотата *зга* наблюдается в таких контекстах: *Арестанты-уродцы, причуды забвенья / и мутанты испуганной зги, / говорящей вины подставные мишени / и лишенные тыла враги* (И. Жданов. Арестованный мир, 1978–1991); *ага // ага // заря / заря / зга // правда // зга / в глаза / заглянула* (В. Некрасов. ага...)*.

Внефразеологическим употреблением слова *зга* обозначается и чернота предметов: *Над канавой извезженной сиво / Столбенеют в тускле берега, / Оттого что мосты без отзыву / Водопьянью над згой бочага* (Б. Пастернак. Мельхиор, 1914); *Тот, кто направил дул згу / В испепеленные жаждой рты / Знал, что только к последнему визгу / Склоняется мирт* (А. Мариенгоф. Слепые ноги, 1919).

Тьма, чернота – устойчивые для мифологии и для искусства признаки небытия. Значения ‘смерть’, ‘гибель’ и производные от них ‘несчастье’, ‘беда’, ‘горе’ представлены во многих контекстах: *Не знаю, решена ль / Загадка зги загробной, / Но жизнь, как тишина / Осенняя, — подробна* (Б. Пастернак. Давай ронять слова..., 1917–1919); *Ты мечтал ворваться в одну из моих столиц / (о, как ты умел всегда выбирать одну!) / Наполеон, проигравший Аустерлиц, / муштруй своё войско, готовься к Бородину. // Я тебя утоплю в болотах, в домах сожгу, / оставляю без хлеба, по снегу скажу ползти. / Там, в конце пути ты*

увидишь такую згу, / что и сам ещё попросишь тебя спасти (М. Александр. Ты мечтал ворваться в одну из моих столиц...)*; **Великая зга пала на наши леса и реки** – / Мораву. Дунай, Дон и Днепр. / Поверх пятнистых дубов / кычет Рарог / из распавшихся как домовина / скорлуп огня / и лишь пепел в домах опустелых / взвывается (И. Вишневецкий. Ех ово)*.

Особенно впечатляет наличие в художественной литературе такое употребление слова *зга*, которое отчетливо указывает на его значение ‘свет’, ‘вспышка’, ‘проблеск’ – согласно гипотезе Д.К. Зеленина о святиющихся точках, например: *Я оделся и пошел в дом Милютихи. Калитка, к которой я направился, была открыта. Постояв около нее в нерешимости и не нацупав дворничьего звонка, я вошел во двор. Крыльцо, темное и похилившееся, было тоже не заперто. Я отворил его и вошел в сени. Тут ни зги света, сплошной мрак и вдобавок еще чувствительный запах ладана* (А.П. Чехов. Рассказ без конца)*; *Зима и ночь лежат снегами / На небе солнца нет ни зги / Блестят звездами как глазами / Одни вселенские мозги* (А. Волохонский. Смерть в тундре)*; **Ни зги, ни рукотворной лампы, / ни объяснений, ни чернил, - / планктон, мерцающий вдоль дамбы / да камень правящих светил: / включись начальной неизвестной / частицей в будущем луче / и Дух, порхающий над бездной, присядет на твоём плече** (И. Ермакова. Стекланный шарик ясновидца...)*.

Несколько таких контекстов есть у М. Цветаевой. В поэме «Молодец» появление Молодца-упыря, несущего гибель героине поэмы Марусе, сопровождается образами огня: **То ль не зга, / То ль не жгонь, / То ль не молодец-огонь! / То ль не зарь, / То ль не взлом, / То ль не жаркостер – да в дом!** Маруся, в поэме постоянно связанная с красным цветом (каплей крови, которая была ей оставлена Молодцем и из которой на месте ее гибели выросло деревце), говорит Барину, расколдовавшему ее: *А последний тебе сказ мой: / Ни одной чтоб нитки красной, / Ни клочка, ни зги! / Деревцо сожги...* Конечно, здесь есть и значение *зга* – ‘малая часть’ но оно очень тесно связано с красной ниткой. Всё красное предвещает возвращение Маруси к ее сущности – красной девице, влюбленной в Молодца, а следовательно, конец благополучной жизни у Барина, вторую гибель. Гости-бесы провоцируют Барина показать им Марусю и, в нарушение ее запрета, привести в церковь. Но они исчезают с рассветом, как и полагается нечистой силе. В этом эпизоде словом *зга* обозначено начало рассвета: *Ан: / Зга! / Петушинный клчч! / Чудь, дичь, / Нежить – в берега! / Ай – / да!*

Слово *зга* прямо названо следом света в эссе Цветаевой «Искусство при свете совести»: *Такова и правда поэтов, самая неодолимая, самая неуловимая, самая бездоказательная и убедительная, правда, живущая в нас только какую-то первую згу восприятия (что это было?) и остающаяся в нас только, как след света или утраты (да было ли?)* (М. Цветаева. Искусство при свете совести, 1932–1933). Заметим, что это след и света, и след утраты, т. е. возникновение бытия и превращение в небытие. Подобное совмещение противоположностей – характерная черта поэтики Цветаевой – ср. здесь же: *правда <...> самая бездоказательная и убедительная*. Слова *да было ли?* вполне соотносимы со вспышкой или молнией.

В следующем тексте слово *зги* обозначает поминальную свечу: *Семья сходилась за столом, / И жечь отец велел / Свечу на месте дорогом, / Где старший сын сидел. <...> А в пустоту шагнул другой – / И сгинул навсегда. / Ещё свечу!.. / На две версты / Сильнее свет пошел. <...>. И этой муки не могла / Родная перевозмочь. / О, далеко она ушла! / И наступает ночь. / О чем, о чем он говорит, / Один в ночном дому? / Ещё – одна свеча горит. / О, как светло ему! // Горели три большие зги, / И мудрость в том была. / Казалось, новую зажги – / И дом сгорит дотла* (Ю. Кузнецов. Дом)*. Здесь, как и во многих других текстах, образ света сопряжен с образами гибели – состоявшейся и возможной будущей (*и дом сгорит дотла*).

Встретилось и значение ‘спичка’: *Машут тени рук доброжелательно: иди! / Дверь раскрыли, а за ней не различить ни зги. / – Там – что хочешь, – говорят, – ты лишь себе не лги. / Мы во все поверим. – Хочешь спичку? – и зажгли. // Зга стоит кривая, как каракуля в строке, / как парабола с балкона в солнечную рябь. / – Видишь ты, сомнительный, как зыбь светла в реке? / Ну, теперь ручки птичкой – и туда! – говорят. // Пятаясь, пятаясь, я зажмурился и губы с треском сжал: / не дай Бог на произвол дыры отдать святую речь... / Машут тени рук разочарованно: – Жаль! – / Не тебя, мямлю кислого, а жаль зря спички жечь!* (Н. Байтов. Машут тени рук доброжелательно: иди!..., 1984).

Значение слова *зга* ‘пламя, пожар’ отчетливо представлено в следующем контексте, производном от стихотворения А.С. Пушкина «Пророк»: *...но в цапки-пецки бутерброт / переводя через языки / и голым выведя в народ, / и ныне дикий, // чья неступалая нога / своей стопою пятиталой / прошла, где возгорелась зга / из искры малой* (В. Строчков. Пророк)*.

Сема ‘мелькание’ (по гипотезе Д.К. Зеленина) в ряде случаев активизируется, создавая образы молниеносного движения, взмаха, верче-

ния. У В. Хлебникова слово *зга* встречается в таком контексте: *Эти пади, эти кручи / И зеленая крутель. / Темный волн кумоворот, / В тучах облако и мра / Белым баловнем плывут. / Моря катится охава, / А на небе виснет зга – / Эта дзыга синей хляби, / Кубари веселых волн / Море вертится юлой, / Море грезит и моргует / И могилами торгует. / Наше оханное судно / Полететь по морю будно* (В. Хлебников. *Море*, 1920–1921). Ближайший контекст строки *А на небе виснет зга* показывает, что *зга* здесь подобна либо туче, либо молнии, слово *зга* уточняется как *эта дзыга синей хляби*. Наиболее вероятно, что в этом контексте *зга* – это молния, которая часто изображается зигзагом, а созвучие слов *зга*, *зигзаг* и *дзыга* для Хлебникова, несомненно, значимо. В южно-русских говорах *дзыга* – это ‘волчок, юла’ (см., например: [Словарь русских донских говоров 1975: 130], а также: [Григорьев, Парнис 1986: 670]). Кроме того, у Хлебникова обнаруживается непосредственная связь *зги* и смерти: *Почернел суровый юг, / Занялась ночная темень. / Это нам пришел каюк, / Это нам приходит неман*.

У М. Цветаевой есть строки, в которых *зга* – ‘взмах крыла’: *Из недр и на ветвь – рысями! / Из недр и на ветр – свистами! // Гусиным пером писаны? / Да это ж стрела скифская! // Крутого крыла грифова / Последняя зга – Скифия!* (М. Цветаева. *Скифские*, 1923)⁷.

У В. Строчкова встречается сочетание *верткая зга догадки*, возможно, отсылающее к строке Пастернака *загадка зги заgrabной*: *Смазанный, летящий портрет пейзажа, <...> промахнет перрон, дощат; верещат цапфы; / пересчет стыков, перестук ритмов, / не пером, тиком разговор камер, / где мотки сроков мотает время, / алфавит, недоступный простым смертным; / не дано им знать и рецепт состава, / что несет и мчит их в сгущенную тьму пространства, / где порой лишь сверкнет золотым зигзагом / из незримой трубы паровозной тяги / на короткий миг верткая зга догадки, / жужелицей огненной мелькнет и сразу сгинет* (В. Строчков. *Ткань текущая леса, вещи ветви...*)*. Обратим внимание на то, что в этом тексте, как и в некоторых других, образ движения совмещен с образами сверкания и прекращения бытия, а также фонетическим сближением слов *зга*, *зигзаг*, *сгинет*.

Объединение блеска и вращения выразительно в следующем тексте: *Юла, дури мир удалю, пока / Мечта близка, и юбка коротка, / Пока под кожей лани молоко, / И тело не барокко – рококо! // Блестящая и гладкая, юли, / Всем тем, что время превратит в нули, / Когда внезапно*

---

⁷ Анализ этого стихотворения содержится в книге: [Зубова 2017: 493–505].

кончится завод, / И молодость назад не позовёт. // О, заводная, о, шальная – **вжэ-и-!** / С собой проходим головы кружи, / Пускай им пыль в глаза и за глаза, / Вакханочка, коханка, стрекоза! / В зрачки бросайся радугой надежд, / Нарядными гирляндами одежд / Ряби в глазах, ласкайся, обольщай, / Играй, давайся в руки, обещай! // **О, остроглазка, вертихвостка, зга!** / Пускай брюзжит брюзга и мелюзга / Тебя менять спешит на свой манер, / Не поддавайся, беженка, пленер! // Вертись вокруг оси во весь опор, / Покуда пол – прочнейшей из опор / Воспринимается, и виражи / Не повергают в обморок, кружи (М. Крепс. Юла)*. Это стихотворение интересно еще и тем, что в нем зге приписывается звучание.

Звучание-аллитерацию находим и у И Одоевцевой: *Так темно и черно, / Так черно, что не видно ни зги. / — Зазвени зга. Сиянье зажги!* (И. Одоевцева. Человек человеку бревно..., 1961). У В. Кривулина зга бренчит: *театр живет закрытый за долги / подобьем жизни внутренней, без веры / но там за стенами и крики и шаги / и даже выстрелы и офицеры, офицеры... // театру все равно друзья или враги / он как привязанный блуждает за брэнчаньем / невидимой но абсолютной зги* (В. Кривулин. Концерт памяти Сергея Курёхина, 1997). Возможно, что зга здесь ‘колокольчик на лошадиной упряжи’, и это отзвук гипотезы Ж.Ж. Варбот о кольце у дуги. В. Кривулин учился на филологическом факультете Ленинградского университета во второй половине 60-х годов XX в., когда гипотеза о детали лошадиной упряжи преподавалась как открытие.

Итак, в художественных текстах наблюдаются активная дефразеологизация и семантические преобразования слова *зга*. Многие тексты актуализируют динамические потенции энантиосемии, вызванной противоречием общего значения фразеологизма (‘тьма’) и частного, утраченного языком, значения существительного (‘свет’).

Переосмысление слова *зга* основано на общем значении фразеологизма ‘ничего не видно’ и проявляет тенденцию к расширению значения – указанию на небытие. Чаще всего слово *зга* наполняется значением ‘смерть’ с признаками и мрака, и света, что соответствует как общекультурным символам, так и рассказам людей после реанимации. Значение ‘смерть’ активно поддерживается фонетическим созвучием с глаголом *сгинуть*.

Развитие у слова *зга* значения ‘смерть’ обусловлено не только архетипическими представлениями о связи тьмы, слепоты, смерти, но и самим ходом процессов в истории слова. Из тех значений, которые иллю-

стрируются примерами Даля, наиболее архаическим и наиболее устойчивым представляется ‘искра’. Оно не противоречит самому общему из новых значений – ‘смерть’, так как возможное ‘ни искры’ достаточно логично соотносится со зрительным проявлением сущности в момент ее исчезновения.

Большой массив художественных текстов подтверждает наиболее убедительную гипотезу Д.К. Зеленина о том, что первичное значение слова *зги* (именительный падеж множественного числа) – ‘мелькающие точки света перед глазами слепых, проблески’. Из тех значений, которые иллюстрируются примерами В.И. Даля, наиболее архаическим и наиболее устойчивым представляется значение ‘искра’.

Список литературы

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-пресс, 1999. 704 с.
2. Варбот Ж. Ни зги // Наука и жизнь. М.: Правда, 1983. № 5. С. 118–119.
3. Варбот Ж. Ни зги не видно // Наука и жизнь. М.: Правда, 1984. № 5. С. 140.
4. Варбот Ж. Ж Рассматривая згу // Известия Урал. гос. ун-та. 2001. № 20. Гуманитарные науки. Вып. 4. С. 106–109.
5. Григорьев В.П., Парнис А.Е. Примечания // Хлебников В.В. Творения. Сост., подг. текстов и комментарии В.П. Григорьева и А.Е. Парниса. М.: Сов. писатель, 1986. С. 655–714.
6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1978. 699 с.
7. Зеленин Д.К. К этимологии русских слов: кмет, хват, корец и зга // Зеленин Д.К. Этимологические заметки: [I]–IV. В 2 т. Т.1. Воронеж: тип. В.И. Исаева, 1903. С. 5–7.
8. Зубова 2000а – Зубова Л.В. Как поэты видят згу // Russian studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. Т. 3. № 2. / Под ред. Ю.А. Клейнера, В.Н. Сажина, D. Macfadyen. СПб., 2000. С. 114–136.
9. Зубова Л.В. Поэтический язык Марины Цветаевой. СПб.: Геликон Плюс, 2017. 542 с.
10. Зубова 2000б – Зубова Л.В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 432 с.
11. Магнер Г.И. Этимология фразеологизма *ни зги не видно* // Этимологические исследования. Вып. 8. / Под ред. Е.Л. Березович. Екатеринбург, 2003. С. 22–32.
12. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: В 2 т. Т. 1. М.: ГИС, 1959. 720 с.
13. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 12. СПб.: СПбГУ, 1996. 336 с.

14. Словарь русских донских говоров: В 3 т. Т. 1. / Под ред. В.С. Овчинникова. Ростов: Изд-во Ростовск. ун-та, 1975. 205 с.

15. Словарь русских народных говоров. Т. 11. / Под ред. Ф.П. Филина. Л.: Наука, 1976. 364 с.

16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Т. 1. / Под ред. Б.А. Ларина. М.: Прогресс, 1986. 576 с.

ZGA IN THE NATIONAL CORPUS OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND OUTSIDE ITS BOUNDARIES

© *L.V. Zubova*

*The V.V. Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences (Moscow)*

The aim of the paper is to show how the use of the word *zga* in prose and poetry since the 18th century correlates with different hypotheses of philologists about the origin and meaning of this word. The method is the analysis of contexts with the word *zga* in the National Corpus of the Russian Language and in other sources. The main results: 1. Active defrazeologization of the word and its semantic transformations are observed in fiction texts. 2. The lost paradigm of a noun is restored. 3. A large array of fiction texts confirms the most convincing hypothesis of D.K. Zelenin that the primary meaning of the word *zgi* (plural nominative case) is 'flickering points of light before the eyes of blind people, glimpses'. Of the meanings illustrated by V.I. Dahl's examples, the most archaic and most stable is the meaning 'spark' 4. The reinterpretation of the word is based on the general meaning of the phraseologism 'so dark that nothing can be seen' and shows a tendency to expand the scope of meaning – to indicate nothingness.

Keywords: lexicon, semantics, phraseology, grammar, fiction.

МЕДИЦИНСКАЯ РЕКЛАМА В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ: СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА, ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

© *Кан Кумсук*

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Статья посвящена комплексному и системному описанию медицинской рекламы как ценной составляющей актуального Интернет-пространства. Устанавливаются семантико-прагматические особенности реализации медицинской рекламы в эпоху развития информационно-коммуникационных технологий, подчеркиваются позитивные и негативные стороны использования современных Интернет-площадок и иных информационных ресурсов. С помощью описательного, интерпретационного, сопоставительного методов, а также метода сплошной выборки выявляются ее достоинства и недостатки при манипулировании массовым адресатом. Определяются ключевые характеристики успешной медицинской рекламы. Выявляется прямая зависимость рекламного сообщения от прагматических установок адресанта и специфики ожиданий адресата. Подчеркивается ценность и значимость адекватного понимания культурных, возрастных и социальных особенностей целевой аудитории при подготовки действенной медицинской рекламы. Характеризуются деструктивные особенности текстов медицинской рекламы, влияющие на ее манипулятивный потенциал. Доказывается, что медицинская реклама в Интернет-пространстве представляет собой живой и динамичный формат, аккумулирующий широкий спектр экстралингвистических и интралингвистических составляющих и имеющий безусловную национальную специфику.

Ключевые слова: реклама, медицинская реклама, медицинский текст, интернет-пространство, массовый адресат, языковое манипулирование.

Коммерческая и, в частности, медицинская реклама является необходимой составляющей презентации товаров и услуг на протяжении многих столетий, однако наиболее значимым создание успешной рекламы становится именно сейчас. В условиях серьезной конкуренции, связанной, с одной стороны, с неослабевающим спросом, с другой – с расширением возможностей медицины и, как следствие, предложения, интерес потенциального потребителя прежде всего фокусируется именно на том объекте, который будет представлен наиболее наглядно. Целью предлагаемой статьи является установление семантико-прагматических особенностей рекламы в актуальном интернет-пространстве.

Анализ научных исследований позволяет говорить о неоднозначной интерпретации термина «реклама», что в полной мере отражается в глубине и разноплановости ее дефиниций: «Мероприятия, имеющие целью создать широкую известность чему-нибудь, привлечь потребителей к чему-нибудь» [Ушаков 1938]; «Оповещение различными способами для создания широкой известности, привлечения потребителей, зрителей» [Ожегов 2006]; «Широкое оповещение о чем-л. потребителей, покупателей, зрителей и т.п. с целью привлечения их внимания» [Ефремова 2000].

Таким образом, можно заключить, что интегральными составляющими дефиниций во всех представленных толковых словарях, как нам кажется, являются следующие аспекты:

- стратегическая установка на популяризацию чего-либо;
- привлечение целевой аудитории;
- создание положительного образа чего-либо.

Е.А. Терпугова рассматривает рекламный текст как «особую разновидность императивного дискурса со своим набором средств выражения» [Терпугова 2005: 15]. В исследовании Т.В. Анисимовой и Е.Г. Гимпельсона подчеркивается, что в современном мире реклама представляет собой «ярко выраженный инициативный жанр, требующий поэтому активных действий по привлечению аудитории» [Анисимова 2002: 349]. Как справедливо отмечают исследователи, «главным мерилем ценности рекламного текста является его совершенная языковая форма, полностью раскрывающая идею и основной замысел рекламы» [Стилистика рекламы 1991: 9]. Кроме того, немаловажным представляется тот факт, что «без понимания специфики современного мира, отношения людей к рекламе и товару, к языку и национальным ценностям, тенденции мирового развития и других социокультурных аспектов невозможно создание качественной рекламы» [Коробко, Рябова 2016: 70].

Особенность медицинской рекламы заключается прежде всего в том, что она имеет тесную и постоянную связь не только с социальными процессами, но и с процессами физиологическими, с особенностями жизнедеятельности человека, его здоровьем. Для каждого человека, какую бы культуру или социальный класс этот человек ни представлял, здоровье представляет собой абсолютную и первостепенную ценность, которую, однако, можно осознать не сразу. Данный тезис позволяет сделать вывод о том, что чем позже человек начинает с вниманием и заботой относиться к собственному здоровью и физическому состоянию, тем большее значение для него приобретает медицинская реклама.

Важно подчеркнуть, что, с одной стороны, товары, предлагаемые медицинской рекламой, имеют количественно меньшую часть населения в качестве потребителей (целевая аудитория включает преимущественно пожилых людей, а также людей с хроническими заболеваниями). С другой стороны, человек, верящий в тексты рекламных сообщений, готов отказаться себе в предметах роскоши, однако будет в максимальной степени заинтересован в покупке товара, обещающего ему выздоровление или хотя бы облегчение симптомов заболевания и улучшение качества жизни. Анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что интерес к рекламе медицинских товаров и услуг обусловлен также тем, что в эпоху технологизации, загрязнения экологии фармакологическая продукция расширяет зону своего влияния, разрабатывая новые проекты на стыке фармакологии и медицины.

Нельзя не согласиться с точкой зрения Т.Г. Борисовой и Л.Г. Орловой, которые приходят к мысли об отсутствии единого определения термина «медицинская реклама», что, по мнению исследователей, обусловлено тем, что «рекламируется не сама медицина, а производимые для медицинского использования продукты современной фармакологической промышленности» [Борисова, Орлова 2017: 85]. Развивая данную мысль, исследователи приходят к выводу о том, что термин «медицинская реклама» можно считать весьма удовлетворительным, поскольку «назначение рекламируемого товара вполне осознается благодаря семантике слов *медицина, медицинский*» [Борисова, Орлова 2017: 85].

Не вызывает сомнения, что значимость корректной рекламной кампании, соотносимой с ее непосредственной целевой аудиторией, лежит и в основе продвижения медицинских товаров и услуг. Так, удачная медицинская реклама в полной мере использует все инструменты манипулирования и имеет два ключевых прагматических эффекта: продвижение медицинского товара или услуги, выгодное соответствующей медицинской компании, и получение желаемого продукта со стороны потребителя.

При этом к минусам медицинской рекламы относятся прежде всего ее характеристики, выделенные в статье Е.А. Андрияновой и ее коллег: «недостаточное регулирование рекламы государством; производитель, повинувшись коммерческой выгоде, позволяет себе продвигать товары или услуги низкого качества или преувеличивать пользу того или иного средства» [Андриянова и др. 2008: 16]. Таким образом, манипулятивный потенциал медицинской рекламы позволяет не только продемон-

стрировать объективные характеристики рекламируемого объекта, но и навязать массовому адресату информацию об определенном товаре или услуге, не соответствующую действительности.

Наиболее очевидным данный тезис становится при обращении к такому новому и эффективному способу продвижения лекарств, как интернет-аптеки. Его особенность заключается прежде всего в том, что данный инновационный способ продажи медицинских препаратов не закреплен в полной мере на законодательном уровне и не охвачен установленными морально-этическими нормами.

По мнению ученых, «в рекламе некоторых препаратов, которые ограничиваются лишь обязательной информацией (форма и назначение), преобладает специальная лексика, функцией такой рекламы является информирование о препарате, а не воздействие на потребителя» [Стилистика рекламы 1991: 28], при этом наиболее действенными представляются следующие приемы:

- замена общеупотребительных разговорных названий медицинскими терминами как узкого, так и широкого употребления;
- эвфемизация;
- использование гиперогипонимии [Стилистика рекламы 1991: 28].

Исследователи справедливо подчеркивают, что внедрение интернет-технологий в функционирование аптек, с одной стороны, способствует экономии времени и материальных ресурсов, с другой – лежит в основе появления новых организационных возможностей. Так, реклама интернет-аптек, все чаще реализуемая в информационном поле РФ, зачастую предусматривает возможность предварительной заочной консультации со специалистом, однако на практике данный сервис является весьма сомнительным: далеко не каждая рекламируемая в интернет-пространстве аптека действительно имеет в штате специалиста достаточного уровня квалификации. Другой сервис – доставка медикаментов курьером – также имеет существенный недостаток: как правило, курьеры виртуальных аптек не имеют фармацевтического образования и не могут дать потенциальному адресату профессиональных рекомендаций. Так, именно потребитель диктует производителю то, что лекарственные препараты должны иметь максимально примитивные названия. Производитель же, с другой стороны, выполняет требования потребителя, то есть даёт примитивные наименования своему продукту для того, чтобы данный продукт покупался и приносил прибыль.

Еще на один недостаток медицинской рекламы обращает внимание Е.В. Лузик, заключая, что «агрессивная реклама ведет к нерегулируе-

тому потреблению лекарственных препаратов, поощряет самолечение» [Лузик 2006: 3].

Развивая данную идею, исследователь подчеркивает наличие объективной возможности оценки медицинской рекламы в интернет-пространстве: «для того, чтобы определить, насколько реклама лекарственных препаратов соответствует реальным потребностям населения, насколько она полезна, а насколько вредна, необходимо изучить проблему средствами социологии медицины, поскольку только она позволяет сопоставить оздоровительный эффект лекарственных препаратов, спрос на него, коммерческую выгоду производителя и степень рекламируемости» [Лузик 2006: 4]. Особенности реализации медицинских рекламных текстов, корректный баланс между отражением реальных характеристик медицинских товаров и услуг и манипулятивными стратегиями и тактиками медицинской рекламы, направленными на формирование у массового адресата позитивного образа рекламируемого объекта, являются приоритетными при создании функционального и правдивого рекламного текста.

Таким образом, можно заключить, что стремительно изменяющаяся социополитическая и культурная реальность, непосредственно влияющая на потребности и ожидания современного общества, определяет появление и развитие новых стратегий и тактик манипулирования, что в полной мере находит свое отражение и в медицинской рекламе. Медицинская реклама в Интернет-пространстве представляет собой живой и динамичный формат, аккумулирующий широкий спектр экстралингвистических и интралингвистических составляющих и определяемый национально-культурными, возрастными и иными особенностями потенциального адресата.

Именно комплексный формат рекламы, ориентированный на конкретного адресата и соответствующий конкретным его ожиданиям, позволяет говорить об успешной рекламной кампании и достижении ее прагматических целей и задач.

Список литературы

1. Андриянова Е.А., Тихонова С.В., Иорина И.Г. Институциональный PR медицины в современной России // Социология медицины. 2008. №1. С. 14–16.
2. Анисимова Т.В., Гимпельсон Е.Г. Современная деловая риторика: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-т. 2002. 432 с.
3. Борисова Т.Г., Орлова Л.Г. Текст медицинской рекламы: дефиниции и функции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2017. № 9 (75): в 2-х ч. Ч. 1. С. 84–86.

4. Голоднов А.В. Риторический метадискурс: к определению понятия // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2008. Вып. 2 (13). С. 7–18.
5. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2-х т. Т.2. М.: Рус. яз., 2000. 1209 с.
6. Ильясова С.В., Л.П. Амри. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламе. М. 2009. 296 с.
7. Лузик Е.В. Медико-социальные особенности и последствия рекламной деятельности на фармацевтическом рынке России: автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Волгоград, 2006. 28 с.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова; ООО «А ТЕМП». 2006. 944 с.
9. Петрова Н.Е., Рацбургская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 160 с.
10. Рябова М.Э., Коробко Д.А. Коммуникативные стратегии рекламы в контексте реалий современности: от взаимопонимания людей к пониманию мира // Организационная психолнгвистика. 2021. № 3(15). С. 68–80.
11. Стилистика рекламы: учеб.-метод. пособие для студентов фак. и отд-ний журналистики гос. ун-тов / Н. Н. Кохтев; Науч.-метод. каб. по заоч. и веч. обучению МГУ им. М. В. Ломоносова. М. : Изд-во МГУ. 1991. 91 с.
12. Терпугова Е.А. Рекламный текст как особый тип императивного дискурса: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005. 212 с.
13. Толковый словарь русского языка: в 4 томах / под ред. Д.Н. Ушакова. Л., 1935–1939. Т. 3. 1938. 1424 стб.
14. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
15. Шрагина Л.И. Оригинальные ассоциации по сходству как компонент креативности // Психологический журнал. М.: Наука. № 4. 2000. С. 73–78.

MEDICAL ADVERTISING IN THE INTERNET SPACE: SEMANTICS, PRAGMATICS, FEATURES OF FUNCTIONING

© *Kang Kumsuk*

Southern Federal University (Rostov-on-Don)

The article is devoted to a comprehensive and systematic description of medical advertising as a valuable component of the current Internet space. The semantic and pragmatic features of the implementation of medical advertising in the era of the development of information and communication technologies are established, the positive and negative sides of the use of modern Internet sites and other information resources are emphasized. With the help of descriptive, interpretative, comparative

methods, as well as the continuous sampling method, its advantages and disadvantages are revealed when manipulating a mass addressee. The key characteristics of successful medical advertising are determined. The direct dependence of the advertising message on the pragmatic attitudes of the addressee and the specifics of the addressee's expectations is revealed. The value and importance of an adequate understanding of the cultural, age and social characteristics of the target audience in the preparation of effective medical advertising is emphasized. The destructive features of medical advertising texts affecting its manipulative potential are characterized. It is proved that medical advertising in the Internet space today represents a lively and dynamic format, accumulating a wide range of extralinguistic and intralinguistic components and having an unconditional national specificity.

Keywords: advertising, medical advertising, medical text, Internet space, mass addressee, language manipulation.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

© *В.И. Карасик*

*Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина (Москва)*

Рассматривается профессиональный дискурс как особый тип институциональной коммуникации, участниками которой являются специально подготовленные к социально значимой деятельности субъекты. Этот тип коммуникации противопоставляется непрофессиональному дискурсу как общению любых его участников на любую тему и псевдопрофессиональному дискурсу как взаимодействию людей, выдающих себя за специалистов, с неподготовленной аудиторией. Выделяются два типа профессионального дискурса – внутригрупповой (общение профессионалов между собой) и внешнегрупповой (общение профессионалов с широкой аудиторией). Внутригрупповой профессиональный дискурс может быть публичным и приватным, смыкаясь во втором случае с личностным дискурсом в случае знакомства коммуникантов. Внешнегрупповой профессиональный дискурс реализуется как популяризационный и консультативный. Характерной особенностью нашего времени является широкое распространение популяризационного дискурса и размывание границы между его просветительским и развлекательным вариантами. Новым речевым жанром, вызванным к жизни распространением сетевого дискурса, стали внешнегрупповые бесплатные консультации специалистов.

Ключевые слова: профессиональный дискурс, институциональная коммуникация, специалист, популяризация, консультация.

Цель данной работы – уточнить признаки профессионального дискурса как особого типа институциональной коммуникации. Институциональная коммуникация представляет собой общение представителей того или иного социального института, понимаемого как нормативная система, функционирующая для выполнения определенных потребностей общества. Обычно к таким типам коммуникации относят политический, юридический, научный, религиозный, военный, педагогический, медийный, деловой, медицинский, рекламный, развлекательный и некоторые другие типы дискурса [Карасик 2004]. Названные разновидности институциональной коммуникации осуществляются специально подготовленными людьми, которые поддерживают тематически определенное общение между собой, а также с другими людьми или группами.

Институциональный дискурс является статусным и в этом плане противопоставляется личностному: в первом случае общение между собой поддерживают люди как представители определенных групп общества, во втором случае – как личности во всем богатстве своих индивидуальных характеристик. Как институциональный, так и личностный дискурс характеризуют участников общения, но в коммуникативной ситуации выделяются также манера и режим общения, которые в свою очередь дают возможность выделить и описать различные типы дискурсивной тональности (серьезная и шутливая, фатическая и содержательная, ритуальная и естественная, фасциативная и информативная, эзотерическая и открытая и т.д.) и особенности внешней организации общения (устное либо письменное, контактное либо дистантное, протокольное либо естественное, диалогическое либо монологическое).

Наряду с функционально-тематическим критерием классификации институционального общения выделяются и другие критерии, в частности административный и профессиональный. Административный дискурс представляет собой установление и поддержание вертикальных иерархических отношений между представителями социального института. Соответственно, его конститутивные признаки сводятся к следующим: «а) институциональная коммуникация, б) отношения подчиненности между участниками общения, в) функциональная регламентированность совместной деятельности, г) перформативность коммуникативных актов, д) документная фиксация коммуникативных действий» [Евтушенко 2019: 5]. С некоторыми оговорками можно сказать, что административный дискурс представляет собой формально-структурную схему институциональной коммуникации как таковой. Профессиональный дискурс в этом плане является детальной характеристикой субъектов институциональной коммуникации и норм их поведения. «В социолингвистическом аспекте профессиональный дискурс представляет собой институциональное общение людей, получивших специальную подготовку для выполнения определенной трудовой деятельности. Социолингвистическое описание дискурса состоит в характеристике его институциональных, профильных и предметных признаков. Институциональные признаки профессионального дискурса обусловлены его базовыми функциями: 1) перформативной (социальная практика), 2) нормативной (поддержка норм и ценностей института), 3) презентационной (вариативное выражение стереотипных интенций и ожиданий), 4) парольной (поддержание границы между агентами и клиентами института). Профильные признаки профессионального дискурса сводятся

к следующим характеристикам: 1) профессионально маркированная предметная сфера, которой свойственна высокая номинативная детализация, 2) профессионально маркированный когнитивный инструментарий (предметный и символический) для решения определенных задач, 3) профессиональные критерии оценки качества работы, 4) профессионально маркированные индикаторы предметной сферы и мониторинга общения, 5) знаки профессиональной самопрезентации. Предметные признаки профессионального дискурса заключаются в тематическом уточнении профильных признаков» [Бейлинсон 2009: 5].

Отмечено, что в стилистическом плане профессиональный дискурс может быть официальным, полуофициальным и неофициальным [Khramchenko 2010; Хустенко, Мишанкина 2021]. В работах исследователей при описании профессионального дискурса особое внимание уделяется терминам и профессионализмам как эмблемам этого типа общения [Акимова 2006; Голованова 2021; Казачкова 2000; Фельде 2011]. С позиций языковых единиц, составляющих этот тип общения, профессиональный дискурс трактуется как язык для специальных целей [Гумовская 2014; Азначеева, Мамонова 2017]. Заслуживают внимания жанры бизнес-общения как разновидности профессиональной коммуникации: совещания, собрания, конференции, беседы, интервью, переговоры, консультации, отчеты, презентации, деловые переписки и др. Рассматривая жанры профессионального общения, Е.И. Голованова подчеркивает, что «особую разновидность составляют специфические жанры в пространстве конкретной профессиональной сферы. Например, индивидуальный план-отчет преподавателя, программа курса, экзаменационные билеты, учебно-методический комплекс и подобное – в профессиональной деятельности преподавателей вуза. История болезни, листок нетрудоспособности, рецепт, направление на лечение, направление на анализы, выписной эпикриз и прочее – в медицинской сфере. Технические условия, инструкция, техпаспорт, спецификация, расчет – в производственно-технической сфере» [Голованова 2013: 34]. Выделены группы жанров медицинского дискурса: регламентирующие; отражающие дискурс между агентом и клиентом; отчетные [Жбанков 2016].

Специфика профессионального общения в цифровую эпоху заключается в качественном расширении числа его участников благодаря современным техническим средствам электронной связи, в первую очередь – интернет-коммуникации. Участники этого дискурса реализуют общение в двух типах интеракций – агенты с агентами и агенты с клиентами. Тем самым можно разграничить внутренний и внешний круги профессионального дискурса.

Итак, профессиональный дискурс противопоставляется непрофессиональному по признаку характеристики субъекта: в первом случае коммуникацию поддерживают люди, которые являются подготовленными специалистами в определенной области, во втором случае – любые участники общения, не являющиеся специалистами. Есть темы, которые доступны только профессионалам, и темы, по которым могут и любят высказываться любители, например квантовая физика или грамматика редких языков, с одной стороны, и политология (вспомним «пикейные жилеты» в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок»), педагогика, в которой почти все считают себя специалистами, и «любительская этимология», с другой стороны. Наряду с непрофессиональным дискурсом можно выделить псевдопрофессиональный, участники которого делают вид, что являются специалистами в том или ином вопросе. В медицине подобное поведение квалифицируется как шарлатанство и в случае печального исхода влечет за собой юридическую ответственность, в научно-популярных публикациях мы имеем дело с распространившимися фактами дилетантских суждений, как правило, в области гуманитарного знания.

В научном дискурсе профессиональная коммуникация осуществляется в традиционных жанрах устной и письменной речи – выступлениях на конференциях, дискуссиях, статьях, монографиях, рецензиях, а также в беседах в кулуарах и личной переписке ученых (внутренний круг) и просветительской (популяризационной) коммуникации (внешний круг).

Приведу примеры письменной профессиональной коммуникации на тему лингвистики.

Обсуждая ключевые проблемы теории дискурса, А.О. Стеблецова пишет: *«В исследовании мы рассматриваем деловой дискурс как универсальный тип институционального дискурса и как коммуникативное взаимодействие в любой сфере профессиональной деятельности. Таким образом, деловой дискурс – это способ организации коммуникативного взаимодействия в институциональных рамках для достижения конкретных целей. В данной трактовке деловой дискурс выступает как универсальный метадискурс, своего рода теоретическая абстракция»* [Стеблецова 2014: 659–660]. Цитата взята из статьи [Чекулай, Прохорова 2019]. В тексте четко показаны институциональные, профильные и предметные характеристики общения: коммуникацию ведут субъекты, получившие специальное образование, обсуждают актуальные проблемы современной науки, приводят дефиниции, соотносят понятия с си-

стемой близких понятий, используют специальную терминологию, всё это соответствует жанру статьи, при этом цитирование представляет собой принятый способ аргументации в этом сообществе.

В жанре личной переписки научный дискурс принимает несколько иной характер, его специфической чертой становится сокращение коммуникативной дистанции. Приведу пример моей переписки с известным специалистом в области фразеологии и общего языкознания В.М. Савицким:

В.К.: Есть теоретический вопрос о специфике оценки.

Почему неопределенность усиливает только отрицательный смысл? Он идиот какой-то, это дрянь какая-то, но *она умница какая-то, *это полезная вещь какая-то. Это относится и к обобщению во времени: Вечно ты ноешь! но *вечно ты вовремя приходишь. Значимая асимметричность. Что скажешь?

В.С.: Вот что мне (интуитивно, навскидку) пришло в голову.

Когнитивная неопределенность (энтропия) обычно воспринимается негативно, потому что незнание обстоятельств дела лишает субъекта возможности применить имеющиеся алгоритмы поведения, обезоруживает человека перед обстоятельствами, а это чревато неприятностями, иногда фатальными. Знание — сила, незнание — беспомощность. О том, что страх нередко бывает связан с отсутствием сведений, писал психолог П.В. Симонов («Информационная теория эмоций»), об этом же сказал Гамлет («Мириться лучше со знакомым злом, чем бегством к незнакомому стремиться»). Возможно, поэтому неопределенные местоимения имеют негативную коннотацию.

*Что касается лексико-синтаксической модели «Вечно ты / Вечно он (+ группа сказуемого)», это, вероятно, так называемая фразеосхема (= синтаксическая идиома) с приращенным смыслом (негативной коннотацией). Затрудняюсь сказать, почему она негативная. Обратим внимание, что синонимичная конструкция «Ты всегда приходишь вовремя» допустима и лишена негативной коннотации. Какой-либо мотивировки для существования негативной коннотации у модели «Вечно ты ...» я не усматриваю. Возможно, свою роль играет эмоциональная инверсия. В английской речи раздражение говорящего передается глагольной формой *Continuous: He is always complaining* вместо нейтрального *He always complains*. Возможно, это маркеры негатива.*

Разумеется, эти предварительные соображения нуждаются в проверке.

Можно заметить, что профильный характер профессионального диалога остается неизменным: формулируется проблема, приводятся примеры, используются научные дефиниции, эта аргументация с некоторыми вариациями стилистического порядка может использоваться и в тексте научного доклада или статьи.

Иной характер носит профессиональный дискурс, который выходит на внешний круг коммуникации. Показательны интернет-ресурсы, созданные для психологических консультаций.

На сайте «Грань.рф» приводится следующая информация.

Онлайн-консультации с психологами, которые помогут.

Выберите, какая тема вас волнует? (Самооценка, уверенность, принятие себя; Сложности в отношениях; Стресс, тревожность, депрессия; Тело, питание, здоровье; Работа и отношения с деньгами; Кризисы и травмы).

Далее показаны ссылки на консультантов и конкретная информация о специалистах. Например:

Здравствуйте, меня зовут Юлия Микова. Я клинический, детский и семейный психолог. Провожу индивидуальные и семейные консультации, а также консультирую подростков и детей. Более 8 лет помогаю людям вернуться к жизни с новыми силами.

Работаю в направлениях: психоаналитически-ориентированная психотерапия, в том числе кататимно-имажинативная психотерапия, арт-терапия, песочная терапия.

Направления моей работы:

– бессонница, депрессии, апатия, навязчивое поведение и мысли, панические атаки, страхи и фобии,

– психосоматические расстройства, в том числе нарушение пищевого поведения,

– личные кризисы (стрессы, утраты, зависимости, трудности в принятии решений),

– заниженная самооценка, неуверенность в себе,

– проблемы выбора, смысла жизни,

– семейные отношения (конфликты, развод, кризисы),

– работа с детьми и подростками (эмоциональные и поведенческие проблемы, агрессия, страхи, трудности обучения, энурез, энкопрез, непослушание, мотивация).

Если вы не можете ответить себе на вопросы: «Кто я и зачем я живу?», «В чем мой потенциал?», «Почему со мной происходят те или иные события?», «Как сделать следующий шаг?» – то, возможно,

пришло время перемен, и вы готовы сделать шаг им навстречу. Записывайтесь на консультацию! (<https://psyedge.ru/platform/search/psychologist>).

Перед нами профессиональный дискурс продвижения услуг. Информация, размещенная на сайте, представляет собой детально ранжированный список тем, требующих участия специалистов, выписку из резюме этих психологов, использование профильно значимых индикаторов предметной сферы, демонстрацию своей квалификации. Здесь же можно увидеть фотографию специалиста и необходимые гиперссылки для записи на консультацию и ее оплаты.

Сфера общения специалистов (агентов) между собой не способствует продвижению непроверенных фактов. Но в коммуникации агентов и клиентов возникает возможность появления псевдопрофессионального дискурса. Множество интересных примеров подобных объяснений приводится в известной книге А.А. Зализняка¹. Отметим, что широкое распространение псевдопрофессионального дискурса в наши дни обусловлено рядом факторов: это постмодернистская установка на субъективность и относительность истины, возрастание игрового компонента в оценке бытия, стремительное увеличение объема информации, с которым не справляется значительная часть населения, демократизация общения в виртуальном коммуникативном пространстве.

В популяризационном и медийном дискурсе размывается граница между просветительской, фейковой и сугубо развлекательной информацией. Заслуживает внимания исследование, посвященное фейкам [Стернин, Шестерина 2020]. Показательны определенные приемы подачи недостоверной информации, например, анонимная атрибуция информации (*принято считать..., источник, просивший не называть его имени, очевидцы утверждают, ученые установили, медики проболтались, большинство наших респондентов считает* и др.), конспирологическая аргументация (*десятилетиями от нас скрывали, рассекреченные данные, кто на самом деле* и др.), использование ложных ссылок, настойчивый призыв к распространению информации и др. Показательны три основных типа недостоверной информации, выделенные в исследовании, посвященном фейкам: фабрикации, розыгрыши и юмористические фейки [Rubin, Chen, Conroy 2016].

---

¹ Зализняк А.А. Из заметок о любительской лингвистике. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. 225 с.

Внутригрупповой профессиональный дискурс часто реализуется в форме консультаций, т.е. обмена мнениями между специалистами, обсуждающими сложную проблему. В медицинском дискурсе это консилиум врачей, который может варьироваться от устного обмена мнениями при осмотре пациента до протоколно оформленного краткого совещания. В научном и академическом дискурсе консультация представляет собой получение рекомендаций относительно темы исследования, использования тех или иных методов или выбора материала для изучения. Например:

– *Вы мне посоветовали прочитать книгу Еемерена и Гроотендорста про аргументацию. А что еще нужно посмотреть?*

– *Я бы рекомендовал Вам прочитать работы Л.Г. Васильева и его учеников. Посмотрите в интернете. Вам нужно для себя определить сущность опровержения как концепта, как речевого действия и как речевого жанра.*

– *Может быть, есть смысл остановиться на концепте?*

– *Это можно сделать, но есть вероятность, что на эту тему уже выполнена чья-то кандидатская.*

– *Спасибо, я подумаю.*

Начинающий исследователь получает рекомендации по теме своей работы.

Знаком нашего времени стали консультации в интернете, адресованные людям, задающим практические вопросы специалистам. Разумеется, такой внешнегрупповой дискурс вряд ли может быть заменой посещения специалиста, но его широкое распространение способствует гармонизации отношений в обществе и поддержанию уважения к мнению экспертов.

Например, на сайте «Консультации Врачей Онлайн» приводится следующий диалог:

– *Доброй ночи. Что это может быть. До этого было покрытие, началось 2 месяца назад. Мажем кремом липобейз, ничего не проходит. Что делать. Врача дерматолога в районе нормального нет. Пишут, что это контактный дерматит, чем лечить. Руки ужасно выглядят (фотография).*

– *Экзема. Хроническое заболевание, с периодами обострения и ремиссии. К сожалению, полностью избавиться нельзя, но можно снять симптомы обострения болезни. Причин, как и факторов, провоцирующих экзему, полно, это и наследственная предрасположенность, воздействия комплекса внешних (механические, химические, термические, низкая температура окружающей среды и др.).*

Рекомендации:

1. Минимально мочите, не трите, не расчесывайте, не срывайте чешуйки. Использовать хоз. перчатки – при работе с водой и бытовой химией (работать в х/б перчатках типа Eurow, а сверху латекс надеть).

2. Замените мыло на рН-нейтральные гели. Используйте эмоленты на постоянной основе. Коротким курсом гормональная мазь при обострениях.

3. Нельзя сразу после нанесения крема для рук выходить на улицу. Должно пройти не менее четверти часа.

4. Нельзя ходить в холодную погоду, дождь, снег с незащищенными руками. Необходимо полюбить такой аксессуар, как перчатки и утепленные варежки. Избегать переохлаждения (<https://vk.com/doctor2020?ysclid=luh4j7iqi7509729709>).

Врач-дерматолог дает рекомендации неизвестному пациенту, подтверждая свой профессиональный статус. Отметим, что такая консультация является бесплатной для тех, кто задает вопросы. Но для профессионалов, выступающих в качестве экспертов, предусмотрены бонусы за продвижение определенных медикаментов, рекламируемых на соответствующих сайтах.

Подведем основные итоги.

Профессиональный дискурс как особый тип институциональной коммуникации, участниками которой являются специально подготовленные к социально значимой деятельности субъекты, противопоставляется непрофессиональному дискурсу как общению любых коммуникантов на любую тему и псевдопрофессиональному дискурсу как взаимодействию людей, выдающих себя за специалистов, с неподготовленной аудиторией. Выделяются два типа профессионального дискурса – внутригрупповой (общение профессионалов между собой) и внешнегрупповой (общение профессионалов с широкой аудиторией). Внутригрупповой профессиональный дискурс может быть публичным и приватным, смыкаясь во втором случае с личностным дискурсом в случае знакомства коммуникантов. Внешнегрупповой профессиональный дискурс реализуется как популяризационный и консультативный. Характерной особенностью нашего времени является широкое распространение популяризационного дискурса и размывание границы между его просветительским и развлекательным вариантами. Новым речевым жанром, вызванным к жизни распространением сетевого дискурса, стали внешнегрупповые бесплатные консультации специалистов.

Список литературы

1. Азначеева Е.В., Мамонова Ю.В. Когнитивно-семиотические аспекты изучения профессионального дискурса // *Russian Linguistic Bulletin*. 2017. № 2(10). С.30–33.
2. Акимова О.В. Типы профессионального дискурса // III международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23–26 мая, 2006 г.): в 2 т. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. С. 36–38.
3. Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы (на материале коммуникативной практики логопедов): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2009. 40 с.
4. Биче-оол Ч.В. Мальцева В.М. Профессиональный и непрофессиональный дискурс: к определению понятий // *Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова*. 2017. № 21. С.25–29.
5. Голованова Е.И. Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2013. № 1 (292). Филология. Искусствоведение. Вып. 73. С. 32–35.
6. Голованова Е.И. Профессиональный коллоквиализм: между обыденным и специальным // *Лингвистика и образование*. 2021. №1(1). С.38–48.
7. Гумовская Г.Н. Профессиональный дискурс и средства его организации // *Преподаватель XXI век*. 2014. № 4. Ч. 2. С.326–332.
8. Евтушенко О.А. Административный дискурс: типы, субъекты, динамика: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Майкоп, 2019. 39 с.
9. Жбанков М.М. Жанры профессионального дискурса: прагматический и структурный аспекты // *Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Вып. 10: в 2 ч. Ч. 2*. Минск: ИВЦ Минфина, 2016. С.91–96.
10. Казачкова М.Б. Профессиональный язык как отражение профессиональной культуры: монография. М: Оргсервис – 2000, 2010. 112 с.
11. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
12. Стеблецова А.О. К вопросу о типологии делового дискурса // *Гуманитарные и социальные науки*. 2014. № 2. С. 659–662.
13. Стернин И.А., Шестерина А.М. Маркеры фейка в медиатекстах. Воронеж: Ритм, 2020. 34 с.
14. Фельде О.В. Проблемы и перспективы лексикографического описания русского профессионального субстандарта // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2011. № 33 (248). С. 209–212.
15. Хустенко А.А., Мишанкина А.А. Профессиональный дискурс юристов: неофициальные формы коммуникации (на материале сообществ социальных сетей) // *Вестник Томского государственного университета*. 2021. № 473. С. 89–100.
16. Чекулай И.В., Прохорова О.Н. К проблеме онтологии и терминологии статусно-ориентированных типов дискурса в современной лингвистической

дискуртологии // Professional Discourse & Communication. 2019. Vol.1. Issue 1. P. 21–35.

17. Khramchenko D.S. Functional-linguistic parameters of English professional discourse // Professional discourse & communication. 2019. Vol.1. Issue 1. P.9–20.

18. Rubin V.L., Chen Y., Conroy N.K. Deception Detection for News: Three Types of Fakes // Proceedings of the Association for Information Science and Technology. 2016. Vol.52. Issue 1. P.1–4.

PROFESSIONAL DISCOURSE IN DIGITAL EPOCH

© *V.I. Karasik*

Pushkin State Russian Language Institute (Moscow)

The paper deals with a professional discourse treated as a special type of institutional communication, its participants are people specially trained for socially important work. This communication type is set against an unprofessional discourse of any interlocutors talking about anything, on the one hand, and pseudo-professional discourse of those who pretend they are specialists when they address an unprepared audience, on the other hand. Two types of professional discourse may be distinguished – intra-group and extra-group communication, the former refers to specialists talking with each other, whereas the latter implies their interaction with non-professionals. An intra-group professional discourse may be public or private linking in the second case with the personal discourse if communicants get acquainted with each other. An extra-group professional discourse is functionally realized as popularization and consultation. Nowadays a popularization discourse is widely spread and it often merges with enlightenment and entertainment. A free professional consultation in the Internet has appeared as a new speech genre of network electronic communication.

Keywords: professional discourse, institutional communication, specialist, popularization, consultation.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННЫХ МАССМЕДИА: ВОЗМОЖНЫЕ МОДЕЛИ ОПИСАНИЯ

© Л.А. Киселева

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва*

В статье на материале текстов, размещённых на порталах интернет-изданий «Комсомольская правда», «Lenta.ru» и «Газета.ru», рассматривается специфика семантических инноваций в языке современных СМИ. Цель работы – выявление и систематизирующее описание наиболее продуктивных моделей семантического сдвига, прежде всего метафорического и метонимического переноса. В ходе анализа языкового материала использованы методы, применяемые при описании концептуальной метафоры и метонимии, а также методы и приёмы семантической типологии. В результате проведённого исследования установлено, что метафорические модели в первую очередь отражают принцип антропоцентризма, поскольку производные значения рассматриваемых лексем связаны с денотативными областями, имеющими отношение к различным аспектам человеческой личности (эмоциональному, интеллектуальному, социальному и т.д.). Кроме того, выявлено, что метонимические модели отличаются стандартным характером и регулярной воспроизводимостью в текстах массмедиа, отражают устойчивые ассоциативные связи понятий, тогда как в основе метафорических переносов во многих случаях лежат весьма специфические понятийные отношения.

Ключевые слова: семантические инновации, метафорические модели, метонимические модели, тексты массмедиа, русский язык.

Термин «языковые инновации» с недавнего времени стал использоваться для обозначения новых элементов, вошедших в активное употребление, при этом нередко можно встретить и другие наименования, синонимичные по отношению к указанному выше: «языковая новация», «новообразование», «новшество», «неологизм» и т.д. Как правило, в этом случае речь идёт о лексических единицах [см. Машуш 2013; Подсохин 2017]. Важно подчеркнуть, что в настоящее время отсутствует единство мнений относительно содержания данных терминов и их смысловой близости: так, одни исследователи рассматривают термины «инновация» и «новшества» как синонимы [Гак 1978: 38], другие же авторы разграничивают инновации и новообразования, подчёркивая, что термин «новообразование» «употребляется либо по отношению к

<...> инновациям любых уровней языка, либо по отношению к словообразовательным неологизмам – одной из групп новых номинативных единиц» [Попова, Рацибурская, Гугунава 2011: 8]. На наш взгляд, содержание термина «языковые инновации» следует понимать широко, то есть относить к таковым не только новые лексические единицы, носящие узуальный или окказиональный характер, но и новые языковые факты вообще, которые выступают своеобразными фиксаторами содержательных или формальных изменений. Весьма продуктивными и частотными являются семантические инновации, которые В.И. Заботкина выделяет в качестве одного из видов неологизмов наряду с собственно неологизмами (здесь новизна формы сочетается с новизной содержания) и трансноминативными (сочетающими новизну формы слова со значением, уже передававшимся ранее другой формой). В свою очередь, среди семантических инноваций автор разграничивает два случая: 1) старые слова полностью меняют своё значение, утрачивая ранее существовавшее; 2) в семантической структуре слова появляется ещё один лексико-семантический вариант (ЛСВ) при сохранении всех традиционных [Заботкина 1989]. Именно второй тип изменений, обозначаемый термином «семантическая деривация», интересует нас прежде всего. Как показывают наши наблюдения, семантическая деривация в значительной степени характерна для текстов массмедиа, поскольку присущая им тенденция к экспрессии способствует активному созданию и тиражированию новых языковых элементов [см. Жирова 2014; Рацибурская 2015; Соловьева 2018].

Подчёркнём, что исследование семантической динамики языка было начато ещё в античную эпоху, в частности Аристотелем, которому принадлежит первое определение метафоры: «Несвойственное имя, перенесённое с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [Аристотель 1983: 669]. Усиление интереса к данной проблематике привело к возникновению такой отрасли языкознания, как семасиология: уже в 1820 г. немецкий учёный Х. Рейзиг выделил её как самостоятельную лингвистическую дисциплину, которая должна изучать условия, определяющие развитие значений [Ульманн 1970: 250]. В середине XX века, когда на первый план вышла структурная парадигма, сосредоточенная на рассмотрении языка как внутренне организованной системы, «чистой схемы отношений» (по Л. Ельмслеву), которая должна рассматриваться в её синхронном состоянии, вопрос о причинах и тенденциях семантической эволюции языка был снят с повестки дня: считалось, что он находится за пределами лингвистики,

должен решаться с позиций психологии и социологии. Дальнейшая исследовательская работа в этом направлении привела к выводу о том, что содержательные изменения в языке носят не только закономерный, но и системный характер: «Все изменения значений слов (даже так называемые “окаzionaliальные”) по-своему закономерны, всё дело лишь в знании или, чаще всего, незнании всего семантического контекста, который состоит не только из лингвистических, но и из культурных звеньев» [Трубачев 1991: 10]. Примечательно, что О.Н. Трубачёв понимает семантический контекст широко, включая в него экстралингвистическую составляющую, связанную с культурной спецификой языковых знаков.

Что касается семантической деривации, то, как известно, термин «деривация» был введён в лингвистический оборот в 30-е гг. XX века Ежи Куриловичем, который разграничил два её вида: лексическую и синтаксическую. Первая направлена на преобразование лексического значения языковой единицы, вторая – на преобразование её синтаксической функции [Языкознание 2000: 129]. В настоящее время термин «семантическая деривация» употребляется довольно широко, однако с ним конкурируют другие, не менее ёмкие в содержательном отношении, обозначения: «регулярная многозначность», «лексико-семантическое производство», «вторичная номинация», «семантическое словообразование» и т.д. Вместе с тем семантическую деривацию следует отличать от названных явлений: так, семантическая деривация понимается как образование производных значений слова, изменение его семантической структуры; семантическое словообразование – как развитие омонимии в результате распада полисемии [Некипелова 2011: 35], а регулярная многозначность – как «регулярная способность слова иметь несколько разных, но связанных друг с другом значений» [Апресян 1974: 178], т.е. как результат процесса семантической деривации.

Основными видами семантической деривации являются метафорический и метонимический перенос. Их существенные свойства довольно подробно освещены в ряде работ [Лакофф, Джонсон 2004; Опарина 2000], поэтому здесь мы лишь подчеркнём, что метафора и метонимия представляют собой эффективный когнитивный инструмент, позволяющий «редуцировать» бесконечность нового знания, сводя его к неким базовым структурам и схемам. Именно это свойство семантической деривации придаёт ей характер языковой универсалии [Киселева, Тодосиенко 2019: 22]. Метафорические и метонимические сдвиги могут быть описаны с помощью метода моделирования, который предполагает

ет установление моделей, порождающих производные значения из исходных. Базой для описания данных моделей в нашей работе служат следующие исследовательские подходы:

1) теория концептуальной метафоры (conceptual metaphors) Дж. Лакоффа и М. Джонсона: область, из которых заимствуются соответствующие понятия, обозначается как «source domain» (букв. «область-источник»), сфера, заимствующая понятия, – как «target domain» («область-цель»), а сам процесс концептуализации через метафору – как «conceptual mapping», т.е. «концептуальное наложение» [Лакофф, Джонсон 2004];

2) методы и приёмы семантической типологии, нацеленные на выявление семантических переходов типа 'схватить' → 'понять', 'пустой' → 'тщетный' и т.д. [Зализняк 2013].

Комплексное использование этих подходов позволяет описать модели метафорического и метонимического переноса (например: «физическое явление → количественная характеристика», «физическое действие → эмоциональное воздействие», «социальное событие → участник события» и т.д.), которые отражают связь исходной и вторичной денотативных сфер, соотносящихся с основным и производным значениями.

Материалом для анализа данных моделей послужили тексты масмедиа, которым, как говорилось выше, свойственна установка на активное продуцирование языковых инноваций. Нами было проанализировано более 100 примеров из текстов, размещённых на порталах интернет-изданий «Комсомольская правда», «Lenta.ru», «Газета.ru» в 2020-2023 гг. В результате проведённого анализа был выявлен целый ряд моделей метафорического и метонимического переноса, наиболее показательные из них приводятся ниже.

1. Метафорические модели

1.1. «Зрительное восприятие → движение»: *Из-под зелёных ветвей **выглядывает** покосившееся крыльцо старой саманной хаты* (ср.: *выглядывать* несов. к *выглянуть* '1. Посмотреть, откуда-нибудь высунувшись. 2. перен. Показать, стать видимым из-за каких-нибудь предметов, выдвинуться откуда-нибудь') (здесь и далее дефиниции значений лексем даны по «Толковому словарю русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова [Ушаков 1935–1940] и «Словарю русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой [Евгеньева 1985–1988]).

1.2. «Движение → слуховое восприятие»: *Новости до Тегиня **доходят** раз в месяц, когда мужчина ездит на своём тракторе в соседний*

хутор за продуктами да пенсией – он получает минималку (ср.: *доходить* ‘1. Идя, направляясь куда-нибудь, достигать какого-нибудь места // о звуках, словах: доноситься, достигать чьего-нибудь слуха’).

1.3. «Физическое действие → виртуальное действие»: *Это тайные записи, которые были выложены в интернет и показаны по телевидению* (ср.: *выложить* ‘1. Положить наружу, на показ’; интересующее нас вторичное значение не зафиксировано в словарях).

1.4. «Физическое действие → эмоциональное воздействие»: *Но если благодаря ипотеке и новому строительству с жильём как-то разобрались, навалилась другая проблема* (ср.: *навалиться* ‘1. Налечь, придавить всей тяжестью // овладеть, подавить, тяжело налечь (о чувствах, состояниях)’).

1.5. «Физическое действие → количественная характеристика»: *Преувеличение, замешенное на панике и раздутое в соцсетях* (ср.: *раздуть* ‘1. Увеличить, усилить притоком воздуха или дутьём, разжечь. <...> 4. перен. Преувеличить размеры или значение чего-нибудь’).

1.6. «Тактильный контакт → эмоциональное воздействие»: *Обычно оно приходит, когда надо объяснить себе, почему фильм не трогает* (ср.: *трогать* ‘1. Прикасаться к кому-чему-нибудь. <...> 3. перен. Вызывать какие-нибудь глубокие чувства, сочувствие, приводить в умиление’).

1.7. «Физическое явление → количественная характеристика»: *Люди продолжают заражаться, и количество заразившихся начало расти. Причём увеличение заболевших в некоторых регионах значительное, поэтому речь идёт именно о вспышках*, – отметил он (ср.: *вспышка* ‘1. Внезапное воспламенение, а также непродолжительный яркий свет, сопровождающий подобное воспламенение. 2. Кратковременное сильное проявление чего-л.’); *Но если все будут соблюдать необходимые правила – такого всплеска не будет* (‘1. Действие по знач. глаг. *всплескивать* и *всплескиваться*. 2. Взметнувшаяся, плеснувшая вверх волна, а также звук, шум плеснувшей волны’; производное метафорическое значение данной лексики не представлено в словарях).

1.8. «Природный объект → объект оценки»: *Экскурсантам рассказали историю возникновения памятника природы, интересные факты о растениях и животных Силинского леса, организовали посещение жемчужины охраняемой природной территории – Лесного озера, – рассказали в заповеднике “Комсомольский”* (ср.: *жемчужина* ‘1. Отдельное зерно жемчуга. 2. перен. Сокровище, лучшая драгоценность (книж.)’).

1.9. «Произведение искусства → предмет воспоминаний»: *Экскурсантам рассказали историю возникновения **памятника** природы, интересные факты о растениях и животных Силинского леса, организовали посещение жемчужины охраняемой природной территории – Лесного озера, – рассказали в заповеднике “Комсомольский”* (ср.: *памятник* ‘1. Архитектурное или скульптурное сооружение в память или в честь какого-нибудь лица или события. <...> 5. перен. То, что поддерживает, заставляет хранить воспоминание о ком-чём-нибудь, памятный след чьей-нибудь деятельности’).

1.10. «Негативное событие → интеллектуальное/эмоциональное потрясение»: *Экологическая **катастрофа** головного мозга* (ср.: *катастрофа* ‘1. Неожиданное несчастье, бедствие, событие, влекущее за собой трагические последствия. 2. Крупное потрясение трагического характера, обуславливающее собой резкий перелом в личной или общественной жизни’).

Как можно заметить, среди выявленных метафор представлены как глагольные, так и именные их типы, причём новые значения лексем зачастую ещё не зафиксированы в словарях, хотя факты семантического сдвига в этих случаях не подлежат сомнению.

2. Метонимические модели

2.1. «Столица государства → государство»: *Москва считает подобные заявления умышленной клеветой; Объёмы китайских инвестиций также снизились – Пекин в момент кризиса предпочёл сосредоточиться на своей национальной экономике.*

2.2. «Место/страна → люди, находящиеся в данном месте / жители страны»: *Пускай поправляется и живёт себе с миром. А Россия дождётся кого-нибудь посовременней.*

2.3. «Индивид → страна»: *Рассуждая на данную тему, Сергей Цеков отметил, что «польская элита не настроена на восстановление добрососедских отношений со всеми своими соседями.*

2.4. «Организация/учреждение/сообщество/орган власти → сотрудники организации/учреждения/участники сообщества/представители органа власти»: *Но она не увидела «масштабного экологического бедствия, о котором трубят весь интернет; Власть полностью отступила перед оппозицией: ЦИК пообещал назначить новые выборы, правительство ушло в отставку.*

2.5. «Социальное событие → участники события»: *Революция в Киргизии победила буквально за одну ночь.*

В результате проведённого анализа можно сделать следующие выводы:

1. В основе зафиксированных нами метафорических моделей, определяющих специфику семантических инноваций в текстах массмедиа, лежит перенос «конкретное → абстрактное»: основные значения приведённых лексем преимущественно указывают на сферу физического, материального, тогда как вторичные значения прежде всего соотносены с отвлечёнными понятиями. При этом метафорические модели отражают принцип антропоцентризма, поскольку производные значения в основном связаны с такими денотативными областями, которые имеют отношение к тем или иным аспектам человеческой личности (эмоциональному, интеллектуальному, социальному и т.д.).

2. Выявленные нами метонимические модели отличаются стандартизованным характером и регулярной воспроизводимостью в текстах массмедиа, отражают устойчивые ассоциативные связи понятий, тогда как в основе метафорических переносов во многих случаях лежат весьма специфические понятийные отношения. Это объясняется тем, что метонимия базируется на более простой когнитивной операции – аналогии по смежности, соответствующей уровню конкретного мышления, метафора же требует перехода мышления на ступень абстракции. Метафорические ассоциации в отдельных случаях с трудом поддаются рациональному объяснению, так как они отражают эмоционально-чувственное восприятие мира, имеющее образную природу [Киселева 2023: 541].

3. В текстах современных массмедиа метафорические модели представлены более широко и разнообразно, чем метонимические, при этом можно говорить о субъективности процесса семантической деривации: она демонстрирует избирательность взгляда на мир и его соответствующее отражение в языке, о чём в своё время писал ещё А.А. Потебня (ср. в связи с этим активное использование современными лингвистами таких понятий, как «фокус», «профилирование» и т.п.).

Таким образом, семантическая деривация представляет собой важнейший когнитивный механизм «упорядочения» знаний о мире, установления ассоциативных связей между понятиями о его реалиях, который позволяет говорящим экономить интеллектуальные и языковые усилия.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 368 с.
2. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель. М.: Мысль, 1975. Т. 4 / [ред. и авт. вступ. ст. А.И. Доватур, Ф.Х. Кессиди; примеч. В.В. Библихина и др.]. 1983. 830 с.
3. Гак В.Г. О современной французской неологии // Новые слова и словари новых слов: Сб. статей / Отв. ред. Н.З. Котелова. Л.: Наука, 1978. С. 37–52.
4. Жирова И.Г. Языковые инновации как способы обогащения словарного состава современного английского языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 4. С. 87–95.
5. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка: учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. М.: Высш. шк., 1989. 124 с.
6. Зализняк Анна А. Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 32–51.
7. Киселева Л.А. Проблемы семантической трансформации лексических единиц в рамках цифровых медиа // Человек в информационном обществе: Сборник материалов второй международной научно-практической конференции, посвящённой десятилетию науки и технологий в Российской Федерации (26–28 апреля 2023 года, г. Самара); Под общей редакцией А.Ю. Нестерова. Самара: Издательство Самарского университета, 2023. С. 538–541.
8. Киселева Л.А., Тодосиенко З.В. Когнитивные основания семантической деривации в разноструктурных языках // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 1. С. 21–29.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём / Пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
10. Машуш А.А. Языковые новации и речевые изменения в русской спортивной лингвокультуре начала XXI века: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Курск, 2013. 21 с.
11. Некипелова И.М. К вопросу о разграничении понятий «семантическая деривация» и «семантическое словообразование» в диахроническом аспекте // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2 (14). С. 33–46.
12. Опарина Е.О. Исследование метафоры в последней трети XX в. // Лингвистические исследования в конце XX в.: Сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 186–204.
13. Подсохин Ф.Е. Лексические новообразования современного политического дискурса // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2017. № 2. С. 243–245.
14. Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Гугунава Д.В. Неология и неография современного русского языка: Учеб. пособие. 2-е изд., стер. М.: Флинта: Наука, 2011.
15. Рацибурская Л.В. Медийные новообразования в отражении актуальных политических событий // Проблемы речевой коммуникации. 2015. № 1. С. 37–45.

16. Соловьева Д.В. Рискогенность нестандартных новообразований в текстах СМИ и её причины // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 4. С. 241–246.

17. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1985–1988.

18. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Государственный институт «Советская энциклопедия»; ОГИЗ (т. 1); Государственное издательство иностранных и национальных словарей (т. 2–4), 1935–1940.

19. Трубачёв О.Н. Славянская этимология и праславянская культура // Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка. Ч. 1. М.: ИРЯ АН СССР, 1991. С. 9–30.

20. Ульманн С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. V. Языковые универсалии. М.: Прогресс, 1970. С. 250–299.

21. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 688 с.

SEMANTIC INNOVATIONS IN MODERN LANGUAGE MASS MEDIA: POSSIBLE DESCRIPTION MODELS

© *L.A. Kiseleva*

Samara National Research University

The article, based on texts posted on the portals of online publications “Komsomolskaya Pravda”, “Lenta.ru” and “Gazeta.ru”, examines the specifics of semantic innovations in the language of modern media. The purpose of the work is to identify and systematize the description of the most productive models of semantic shift, primarily metaphorical and metonymic transfer. While analysing the linguistic material, the methods used in the description of conceptual metaphor and metonymy, as well as methods and techniques of semantic typology, were applied. As a result of the study, it was established that metaphorical models primarily reflect the principle of anthropocentrism, since the derived meanings of the lexemes in question are associated with denotative areas related to various aspects of the human personality (emotional, intellectual, social, etc.). In addition, it was revealed that metonymic models differ in standard character and regular reproducibility in mass media texts, reflect stable associative connections of concepts, while metaphorical transfers in many cases are based on very specific conceptual relationships.

Keywords: semantic innovations, metaphorical models, metonymic models, mass media texts, Russian language.

ВОПРОСНО-ОТВЕТНЫЕ ЕДИНСТВА МЕТАКОММУНИКАТИВНОГО ТИПА В ФАТИЧЕСКОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

© *И.А. Кузнецов*

*Российский химико-технологический университет
имени Д.И. Менделеева*

В статье представлены новые результаты продолжающегося исследования особенностей функционирования вопросно-ответных единств в фатической диалогической коммуникации на русском языке. Использована комплексная методика анализа диалогического взаимодействия, основанная на коммуникативно-прагматическом подходе и методе когнитивно-дискурсивного анализа корпусных данных. Материалом для исследования выступают данные Национального корпуса русского языка. Уделяется внимание классификации вопросно-ответных единств по функции на *регулятивные и организационные (метакоммуникативные)*. Целью исследования в данной работе являются вопросно-ответные единства метакоммуникативного типа, когда отвечающий реагирует не на коммуникативную направленность или пропозициональное содержание вопроса, а на саму словесную форму вопроса. Показано, что в вопросно-ответных единствах метакоммуникативного типа, в которых эксплицитно или имплицитно актуализированы речевые стратегии «выхода на метауровень» посредством вербализации в ответной реплике: (1) иллюкутивной силы вопросительной инициальной реплики; (2) иллюкутивной силы ответной реактивной реплики; (3) акта вступления в диалогическое взаимодействие, т.е. самого факта говорения со стороны инициатора диалога. Делается вывод, что некоторые вопросно-ответные единства выполняют обе функции синкретично.

Ключевые слова: вопросно-ответные единства, фатическая коммуникация, метакоммуникативное диалогическое взаимодействие, выход на метауровень, иллюкутивная сила.

В статье представлены новые результаты продолжающегося исследования особенностей функционирования вопросно-ответных единств в фатической диалогической коммуникации на русском языке. Использована комплексная методика анализа диалогического взаимодействия, основанная на коммуникативно-прагматическом подходе [Иссерс 2020; Русский язык 2021] и методе когнитивно-дискурсивного анализа корпусных данных [Чернявская 2018; Радбиль 2020]. Материалом для ис-

следования являются данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

В соответствии с концепцией исследования, одной из важнейших классификаций фатических вопросно-ответных единств является их классификация по функциональному основанию, согласно которой они делятся на **регулятивный** и **организационный (метакоммуникативный)** типы речевых взаимодействий [Иванова 1999; Викторова 2014 и др.]. Под регулятивным типом понимается иллокутивно вынужденная или невынужденная реакция на иллокутивную функцию инициальной реплики (предоставление / непредоставление запрашиваемой информации, уточнение, переспрос, выражение отношения, выполнение просьбы, согласие / несогласие, разные типы оценочных реакций и пр.). Под метакоммуникативным типом понимается реакция «выхода на метауровень», когда отвечающий реагирует не на коммуникативную направленность или пропозициональное содержание вопроса, а на саму словесную форму вопроса, т.е. вербализует тем или иным образом само речевое событие обращенного к нему вопроса или способ говорения. В таких ответных репликах обязательно либо содержится эксплицитное указание на вопрос (лексемы с семантикой ‘вопрос’ или ‘спросить / спрашивать’) или на ответ (лексемы с семантикой ‘ответить / отвечать’ или ‘ответ’), либо имеются другие лексемы, в свое толкование включающие смысловой компонент ‘говорить’ / ‘спрашивать’ на имплицитном уровне.

Ниже мы подробнее остановимся на вопросно-ответных единствах метакоммуникативного типа, в которых эксплицитно или имплицитно актуализированы речевые стратегии «выхода на метауровень» посредством вербализации в ответной реплике: (1) иллокутивной силы вопросительной инициальной реплики; (2) иллокутивной силы ответной реактивной реплики; (3) акта вступления в диалогическое взаимодействие, т.е. самого факта говорения со стороны инициатора диалога.

(1) Вопросно-ответные единства метакоммуникативного типа, актуализированные посредством вербализации в ответной реплике иллокутивной силы вопросительной инициальной реплики, включают в эксплицитной или имплицитной форме смысловые компоненты ‘спрашивать / спросить’, ‘вопрос’ и пр.: – *Как дела? // – Ты спрашиваешь, как у меня дела? Это как у тебя дела, с таким сильным приворотом?* (Ю.И. Андреева. Многоточие сборки, 2009 [НКРЯ]).

Также в типизированной ответной реплике *Спрашиваешь* отражена реакция отвечающего на запрос самоочевидной для говорящего и отве-

чающего информации: – *Ты хочешь передо мной оправдаться, а заодно и вылечиться?* // – **Спрашиваешь...** (Ярослав Кудлак. Симбиоз // «Наука и жизнь», 2009 [НКРЯ]).

В таких случаях можно говорить об «усилении» положительного ответа, включающем, помимо всего прочего, в набор имплицитруемых смыслов еще и ироническую реакцию отвечающего на самоочевидность положительного ответа, а также, возможно, и косвенный упрек в отношении инициатора диалога – в том, что он якобы не понимает таких элементарных вещей, в необязательности его инициальной реплики (в пустословии) и пр.: – *Разве ты этого не хочешь?* // – **Спрашиваешь!** (Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок, 1975–1977 [НКРЯ]).

Разновидностью подобных типизированных ответных реплик являются их осложненные варианты с вопросительными словами *почему, зачем, чего* (просторечн. = *почему*) и пр.: – *Я думал, ты... шутил тогда... Есть будешь?* // – **Чего спрашиваешь?** *Налейте человеку... давай... – радовался Поваренок. – Вот, в кружку лей...* (Виктор Ремизов. Воля вольная // «Новый мир», 2013 [НКРЯ]); – *Ба, а когда я умру?* // – **Почему ты об этом спрашиваешь?** (Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000 [НКРЯ]).

В ряде случаев отвечающий в ответной реплике выражает еще и дополнительную имплицитную информацию — свое недоумение или недовольство, что данный вопрос обращен именно к нему (для таких случаев характерно обязательное включение местоимения 1 л. ед. ч. с эмфатическим рематическим выделением): – *Кто это может быть? – говорит Лидия Тимофеевна. // – Ты меня спрашиваешь? – отвечает Елена Николаевна. – Только не надо на меня так смотреть* (Андрей Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью, 2001 [НКРЯ]); – *Или я крайний?! // – Чего ты у меня спрашиваешь? – начальник УР по-прежнему смотрел в сторону. Было видно, что он чувствует себя неловко* (Даниил Корецкий. Менты не ангелы, но..., 2011 [НКРЯ]).

Другой аспект диалогического вопросно-ответного взаимодействия метакоммуникативного типа в рамках национально обусловленных речеповеденческих стратегий отражен в типизированной ответной реплике *И не спрашивай*, которая может служить своеобразным утверждением – эмоциональным подтверждением правоты говорящего. Поэтому, как правило, вслед за ней в ответе идет какая-либо разъясняющая или уточняющая информация: – *Ну, как дела на работе?* // – ***И не спрашивай. Начальник хочет, чтобы мы работали за троих, хорошо еще, что нас пятеро!*** (Коллекция анекдотов: работа, 1990–2000 [НКРЯ]).

Схожие функции в фатическом диалогическом взаимодействии выполняет типизированная клишированная ответная реплика *О чем / чего тут спрашивать*, которая, как правило, является косвенно-речевой формой выражения эмоционально-значимого согласия или подтверждения: – *Так позволишь?* // – **О чем тут спрашивать!** – улыбнулся граф (Н.Э. Гейнце. Дочь Великого Петра, 1913 [НКРЯ]); – *Чай станешь пить или закусить чего хочешь?* // – **Чего тут спрашивать еще!** Велика, брат, лучше, мать, всего понемножку изладить (И.В. Омулевский. Шаг за шагом, 1870 [НКРЯ]).

Во всех этих случаях отвечающий, с одной стороны, выражает мысль о неуместности или самоочевидности вопроса в подобной ситуации, а с другой – данная неуместность заставляет его выводить импликацию дискурса ‘перед ним не вопрос, а сообщение благоприятной информации для отвечающего или побуждение его к чему-то благоприятному’, что и вызывает положительную ответную реакцию подтверждения или согласия.

Тот же сложный комплекс имплицитных смыслов, но в еще более акцентированном, эмоционально-усиленном регистре, выражает типизированная ответная реплика *Что за вопрос*: – *Я могу воспользоваться услугами вашей секретарши?* // – **Что за вопрос!** – как бы с негодованием отводя любое другое решение, взмахнул рукою торгпред (Давид Маркиш. Стая Лютовым. Вольные фантазии из жизни писателя Исаака Бабеля // «Октябрь», 2001 [НКРЯ]); – *Вы бы отправились в кругосветку на парусном корабле?* // – **Что за вопрос?! Хоть сейчас** (Андрей Понкратов, Илья Кашницкий. «Не хотеть побывать в Конго немыслимо!» // «Зеркало мира», 2012 [НКРЯ]).

Здесь отвечающий в косвенной форме выражает согласие или подтверждение (*Что за вопрос!* = *Конечно*). Для этих, как и для рассмотренных ранее случаев, можно сформулировать примерно следующую логику вывода импликации дискурса: ‘Ты на самом деле знаешь ответ → На самом деле тебя не интересует ответная информация → Ты не спрашиваешь → Ты хочешь, чтобы я это понял → Я понимаю, что ты высказываешь интересную для меня мысль или делаешь благоприятное для меня предложение → Я согласен → Я своим ответом даю тебе понять, что я понял истинный смысл твоего вопроса и правильно оценил ситуацию речевого взаимодействия в целом, а также что я испытываю по этому поводу положительные эмоции’.

Еще одна типизированная ответная реплика *Он еще спрашивает* имеет потенциальную направленность на некооперативную коммуни-

кацию, на речевой конфликт: – *Кто?* // – *Он еще спрашивает!* (Евгений Лукин. Клопики, 2013 [НКРЯ]).

В основном таким образом передается негодование или возмущение неуместностью вопроса или его самоочевидностью: – *Лучше скажи: зачем ты помогала Вике увезти этого художника?* // – *И он еще спрашивает?!* – *Света с деланным возмущением приподнялась на кровати* (Анатолий Мельник. Авторитет, 2000 [НКРЯ]).

Однако экспрессивный потенциал подобных типизированных реплик может реализовываться и в противоположных по вектору речевых стратегиях, а именно – в рамках коммуникативного сотрудничества, когда ответ выступает как эмоционально значимое подтверждение позитивных ожиданий отвечающего: – *Ты хочешь меня видеть?* // – *Господи, он еще спрашивает! Когда?* (Елена Белкина. От любви до ненависти, 2002 [НКРЯ]).

В этих случаях и сам инициальный вопрос косвенно выражает сообщение или побуждение: – *Ну что, пойдешь за меня?* // – *Он еще спрашивает! Я тебя так ждала, так ждала! И мама с отцом тоже* (Андрей Житков. Супермаркет, 2000 [НКРЯ]) – здесь в инициальной реплике в форме вопроса косвенно выражается побуждение-предложение ‘Выходи за меня замуж’, а в ответе выражено акцентированное эмоционально-значимое для отвечающего согласие.

Сложный комплекс эмоциональных реакций отвечающего, как правило, негативного характера на неуместность и/или самоочевидность вопроса отражен в типизированных репликах *Ну ты спросил: – Это все?* // – *Ну, ты спросил. Вещи, может, какие и были, только на что они годятся – все в крови да в дырках* (Евгений Прошкин. Механика вечности, 2001 [НКРЯ]).

В таких случаях мы можем предполагать идиоматичным образом выраженное нежелание продолжать коммуникацию и, возможно, скрытый упрек в неуместности подобного вопроса в данной ситуации или в его самоочевидности, что потенциально нарушает кооперативность диалога.

Весьма распространенной разновидностью вопросно-ответных единств метакоммуникативного типа также являются случаи, когда в ответной реакции, вместо предоставления запрашиваемой информации, актуализуется оценка самого качества вопроса, с точки зрения отвечающего.

Это может быть общая эмоциональная оценка: – *Какими словами вы бы встретили своё рождение?* // – *Интересный вопрос* (Эльвира Сав-

кина. Если впрягаюсь, то основательно // «Дело» (Самара), 03.05.2002 [НКРЯ]).

Это может быть ментальная или эпистемическая оценка и т.д.: – *Зачем?* // – *Абсолютно глупый вопрос! Все-таки центр есть центр. Престижная должность* (Дарья Данилова, Дмитрий Карцев. Вышел в дамки // «Русский репортер», 2013 [НКРЯ]).

В случаях, если вопрос представляет реальную проблему для отвечающего, после экспликации его проблематичности в ответной реплике может следовать разъяснение: – *Стоит ли ждать серьезной борьбы от ваших встреч на турнире в Дортмунде?* // – *Очень трудный вопрос. Так получилось, что мы попали в одну отборочную группу* (Евгений Атаров, Олег Стецко. Переворота в моей душе не будет // «64 – Шахматное обозрение», 15.07.2004 [НКРЯ]).

(2) Вопросно-ответные единства метакоммуникативного типа, актуализированные посредством вербализации в ответной реплике иллокутивной силы самой этой ответной реплики (вместо содержательного ответа) включают в эксплицитной или имплицитной форме смысловые компоненты ‘отвечать/ответить’, ‘ответ’ и пр.: – *И где?* // – *Извольте, Вика, отвечу* (Сергей Носов. Грачи улетели, 2005 [НКРЯ]).

Коммуникативные намерения отвечающего в этих случаях, как правило, связаны с подчеркиванием, акцентированием установки на диалог посредством экспликации речевого сигнала начала ответной реплики: – *А вы будто бы меньше министра в расчет не принимаете?* // – *Позвольте, я отвечу на этот вопрос, – вдруг вмешался Елисейев* (А. Макеев, Н. Леонов. Ментовская крыша, 2004 [НКРЯ]).

Вербализация иллокутивной силы ответа на вопрос может также выступать в режиме косвенной коммуникации как речевой акт акцентированного подтверждения за счет имплицатуры дискурса ‘Ты сам знаешь ответ на свой вопрос и ждешь от меня не предоставления запрашиваемой информации, а подтверждения или согласия’: – *Неужели ты не понимаешь, что твой удачный случай послан судьбой для меня, а не для тебя?* // – *Вы слышали мой ответ* (А.С. Грин. Дорога никуда, 1929 [НКРЯ]).

Иногда вопросительный ответ с компонентом ‘ответить/отвечать’ маркирует идею затрудненности в предоставлении запрашиваемой информации: – *Юрий Васильевич, есть ли у союза связи с военными структурами?* // – *Что можно ответить на этот вопрос? И да, и нет* (А. Беликов. Союз жив – Союз будет жить // «Военный вестник Юга России» (Ростов-на-Дону), 03.10.2003).

Указанная затрудненность и даже объективная невозможность дать ответ может также выражаться негативными конструкциями с лексемами типа *отвечать, ответить, ответ* и пр.: – *И что произойдет с этими компаниями? // – У меня нет ответа* (Андрей Илларионов: Содержание реформы важнее ее темпов // «Российская газета», 15.09.2003 [НКРЯ]).

Помимо объективной невозможности дать ответ, негативные конструкции подобного типа выражают и субъективное нежелание отвечающего предоставить запрашиваемую информацию: – *А ты с чем живешь? // – Я тебе на это не отвечаю...* (Владимир Орлов. Альтист Данилов, 1980 [НКРЯ]).

В таких конструкциях может отражаться негативная реакция отвечающего на самоочевидность запрашиваемой информации: – *Почему ты молчишь? // – Мне нечего ответить. Если ты до сих пор не поверила в мое чувство, к чему слова?* (А.Н. Вербицкая. Ключи счастья, 1909 [НКРЯ]). В подобных случаях мы можем увидеть и скрытый упрек в том, что спрашивающий не настроен на одну волну с отвечающим, не способен понимать его без слов, т.е. в отсутствии душевной близости, что важно в системе национально обусловленных речеповеденческих установок.

(3) Вопросно-ответные единства метакоммуникативного типа, актуализированные посредством вербализации в ответной реплике акта вступления в диалогическое взаимодействие, т.е. самого факта говорения со стороны инициатора диалога, включают в эксплицитной или имплицитной форме смысловые компоненты ‘говорить / сказать’, ‘речь’ и пр.

Ответные реплики в вопросно-ответных единствах подобного типа также весьма разнообразны по своей иллокутивной силе, как правило, выражаемой имплицитно и сопровождаемой соответствующей интонацией. Но их объединяет установка отвечающего на установление контакта, которая выражена имплицатурой дискурса ‘я настроен продолжать разговор, даже если содержание твоих слов я считаю неуместным или неправильным’, выводимой из экспликации самого факта вступления спрашивающего в коммуникацию, посредством речевой тактики «выхода на метауровень»: – *Что тебе надо? // – И это все, что ты можешь мне сказать?* (Татьяна Тронина. Никогда не говори «навсегда», 2004 [НКРЯ]).

Обычно в таких случаях мы имеем дело с эмоциональным возмущением отвечающего по поводу коммуникативной направленности или

пропозиционального содержания инициальной реплики: – *Я думаю... Может, мы его поменяем? Пока мало времени прошло? // – Как ты можешь так говорить? Ты вез этого несчастного котенка три часа, так что он почти опьянел от качки* (М.С. Аромштам. Мохнатый ребенок, 2010 [НКРЯ]).

Часто вербализация самого факта вступления спрашивающего в коммуникацию отражает эмоциональную негативную реакцию отвечающего на ситуационную неуместность, прагматическую неоправданность или несвоевременность вопроса: – *Вот слушай. Ты, конечно, думаешь, что я обыкновенный жалкий эмигрант. Неудачник с претензиями. Как говорится, из бывших?.. // – Ну вот, опять... Зачем ты это говоришь?* (Сергей Довлатов. Филиал (Записки ведущего), 1988 [НКРЯ]).

Если при этом вербализована позиция адресата (*мне*) в рематической функции, то возникает дополнительная импликатура ‘Я здесь и сейчас не настроен это слушать’: – *Сопровождающей, значит? // Отец запнулся. // Они напряжённо помолчали, и вдруг он взорвался: – Что ты мне это говоришь?* (Ирина Муравьева. Мещанин во дворянстве, 1994 [НКРЯ]).

Указанная негативная эмоциональная реакция при выражении возражения может распространяться и на негативное отношение к спрашивающему в целом: – *Quelle idee!.. В статистики?.. // – Ты не можешь так говорить, Ника* (П. Д. Боборыкин. Китай-город, 1882 [НКРЯ]).

Возражение или несогласие косвенно выражается также идиоматичной конструкцией *Скажешь тоже*, которая фактически превратилась в междометийную и близка по смыслу и функции обычному *Нет*, точнее, усилительному *Нет, конечно*: – *Так ты один? // – Скажешь тоже!* (Виктор Шендерович. *Ход реформ* // «Общая газета», 26.07.1995 [НКРЯ]); – *Ты что, бывал там? // – Скажешь тоже! Кто ж меня туда пустил? Краем уха слышал* // (Виктор Доценко. *Срок для Бешеного*, 1993 [НКРЯ]).

Помимо выражения разных регистров эмоционально-окрашенного возражения или несогласия, ответные реакции, эксплицирующие сам факт говорения, могут, напротив, использоваться для выражения экспрессивного подтверждения позиции спрашивающего. Это касается такой типизированной идиоматичной конструкции, как *Что (о чем) тут говорить*: – *Что теперь скажешь? – спросил его Праву. // – Что тут говорить! – весело ответил Коравье* (Юрий Рыгхэу. *В долине Маленьких Зайчиков*, 1962 [НКРЯ]).

Иллокутивная сила подтверждения может эксплицироваться в продолжении реплики, уточняющем позицию отвечающего: – Что скажешь? // – **А что тут говорить?** Америка – это тебе не Сиверская. Только дурак откажется (Нина Катерли. Дневник сломанной куклы // «Звезда», 2001 [НКРЯ]).

С помощью этой конструкции также может осуществляться общая оценка ситуации как не предполагающей дальнейшей коммуникации: – *Почему?* // – **Ну что тут говорить...** Я закурю? (Виктор Пронин. Банда 8, 2005 [НКРЯ]). В этом случае выводится импликатура дискурса, связанная с наличием душевной близости и взаимопонимания участников речевого взаимодействия, которым и так все ясно без слов, что характерно именно для национально обусловленных моделей коммуникации: – *А что доктор говорит?* – спросил Карась. // – **Да что тут говорить. Говорить более нечего,** – просител Мышлаевский (М.А. Булгаков. Белая гвардия, (1923–1924) [НКРЯ]).

Эмоциональное подтверждение, в том числе «молчаливое» согласие на основе взаимопонимания между спрашивающим и отвечающим, выражает ещё одна, близкая по функциям к эмоционально-экспрессивной частице и даже междометию идиоматичная конструкция *И не говори*: – *Что ж, отказали вам?* – спросил я, заранее зная ответ. // – **И не говори!** – огорченно воскликнул он (Юрий Казаков. Арктур – гончий пес, 1957 [НКРЯ]).

Иногда конструкция может сопровождаться дальнейшей экспликацией, объясняющей или усиливающей иллокутивную силу подтверждения или согласия, выраженную имплицитно: – *Наши, насколько я понял, тоже не с лучшей стороны себя выказали?* // – **И не говори!** Семья с ног сбилась, называют по всем инстанциям, а эти голубчики сидят себе и не чешутся (Еремей Парнов. Александрийская гемма, 1990 [НКРЯ]).

Примерно те же прагматические эффекты имеет использование синонимичной типизированной вопросительной ответной конструкции *Что тут обсуждать?* и ее невопросительного отрицательного аналога *Нечего тут обсуждать*:

– выражение согласия: – *Желание странствовать не профессия, а склонность души. Она или есть, или ее нет. У кого есть, тот уж изменить не может. У кого нет, тому незачем. Как считаешь?* // – **Что тут обсуждать-то! Так и есть,** – согласился я (О.М. Куваев. Дом для бродяг, 1970 [НКРЯ]);

– выражение отказа от дальнейшей коммуникации в силу наличия взаимопонимания между участниками диалога («молчаливое» обоюд-

ное согласие): – *Хорошо, Федор Федорович, я зайду утром, обсудим?* // – ***Нечего тут обсуждать*** (Олег Павлов. Казенная сказка, 1993 [НКРЯ]).

Аналогичные иллюкутивные функции невозможности продолжать коммуникацию в силу обоюдной самоочевидности информации, которой обмениваются участники диалога, или ее прагматической неуместности в данной ситуации выражаются еще одной, синонимичной предыдущим, типизированной идиоматичной ответной репликой *Что я могу сказать*: – *Что скажешь?* – *спросил генерал, когда Люсин отбросил листок.* // – ***А что я могу сказать?*** – *Внутренне напрягаясь, он пытался унять расхолодившееся сердце* (Еремей Парнов. Третий глаз Шивы, 1985 [НКРЯ]).

У данной конструкции есть еще и добавочные функции:

– выражения затруднений отвечающего в предоставлении запрашиваемой информации: – *Почему он жег документы?* // – ***Что я могу сказать?*** – *снова пожал плечами психолог.* – *Надо вести его в Петербург – там, во всеоружии, попробуем разобраться* (Вячеслав Рыбаков. Гравилет «Цесаревич», 1993 [НКРЯ]);

– выражения отсутствия заинтересованности отвечающего в предоставлении запрашиваемой информации: – *У нее отрицательное обаяние, – слово поймал мою мысль, объяснил Николай Сергеевич.* – *Как считаешь, Макс?* // – ***Что я могу сказать...*** – *отозвался Борисов* (Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь, 1998–2004 [НКРЯ]).

Следует отметить, что далеко не всегда нежелание продолжать коммуникацию и тактика ухода от темы вызваны установкой на коммуникативное сотрудничество на основе взаимопонимания. В ряде случаев мы можем говорить и о конфликтной коммуникации, когда отвечающий по тем или иным причинам выражает негативную эмоциональную реакцию на слова спрашивающего: – *Ты машину покупаешь?* // – ***Кто тебе сказал?*** (Ю.В. Трифонов. Долгое прощание, 1971 [НКРЯ]). Это может быть агрессивное возражение: – *А это правда, будто Федул оживляет чучела?* // – ***Кто тебе сказал эту чушь?*** (Виорель Ломов. Музей // «Октябрь», 2002 [НКРЯ]).

Во всех рассмотренных случаях, на наш взгляд, реализуется национально обусловленная модель речевого взаимодействия – модель выяснения отношений на повышенных тонах.

В целом отметим, что реальные ситуации диалогического взаимодействия могут быть настолько сложно организованными и непростыми для анализа, что мы не для каждого случая можем четко разграничить

регулятивную и метакоммуникативную функции. Бывает, что некоторые вопросно-ответные единства выполняют обе функции синкретично.

Список литературы

1. Викторова Е.Ю. Функционирование дискурсивных слов с диффузным значением // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 27–34.
2. Иванова Е.А. Лексические пограничные маркеры минимальных диалогических единиц: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 169 с.
3. Иссерс О.С. Более полувека под зонтиком коммуникативных стратегий // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 2. С. 243–256. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(2).243-256.
4. Радбиль Т.Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7, № 4. С. 759–774. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774.
5. Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: колл. монография / под ред. Л.В. Рацибурской. М.: Флинта, 2021. 328 с.
6. Чернявская В.Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 31–37.

QUESTION- ANSWER ADJACENCY PAIRS OF META-COMMUNICATIVE TYPE IN RUSSIAN PHATIC DIALOGICAL COMMUNICATION

© *I.A. Kuznetsov*

D.I. Mendeleev Russian State Technical University (Moscow)

The article presents new results of an ongoing study of the peculiarities of the functioning of question-answer adjacency pairs in phatic dialogic communication in Russian. A complex methodology for analyzing dialogic interaction was used, based on the communicative-pragmatic approach and the method of cognitive-discursive analysis of corpus data. The material for the study is data from the Russian National Corpus. Attention is paid to the classification of question-answer adjacency pairs by function into regulatory and organizational (meta-communicative). The purpose of the research in this work is question-answer adjacency pairs of a meta-communicative type, when the answerer reacts not to the communicative intention or propositional content of the question, but to the verbal form of the question itself. It is shown that in question-answer adjacency pairs of the meta-communicative type, in which speech strategies of “reaching the meta-level” are explicitly or implicitly actualized through verbalization in the response: the illocutionary force of the interrogative initial repli-

ca; the illocutionary force of the reactive response; the act of entering into dialogical interaction, i.e. the very fact of speaking on the part of the initiator of the dialogue. It is concluded that some question-answer adjacency pairs perform both functions syncretically.

Keywords: question-answer unities, phatic communication, metacommunicative dialogical interaction, access to the meta-level, illocutionary force.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В ПРАВОСЛАВНОЙ ПЕЧАТИ

© *Е.Н. Лагузова*

*Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского*

Цель работы – выявить некоторые особенности функционирования глагольно-именных аналитических конструкций в православной печати. При проведении исследования использовались структурно-семантический метод, методы наблюдения, обобщения, интерпретации результатов. Употребление аналитических конструкций связывается с коммуникативной целью церковно-религиозных текстов. Рассмотрены описательные глагольно-именные обороты, имеющие терминологический характер. Проанализированы сочетания, характеризующие душевные качества, поведение человека. Установлены особенности атрибутивного распространения аналитических конструкций. Описаны атрибутивные компоненты, выполняющие номинативную функцию. Выявлены оценочные атрибутивные распространители. Делается вывод о том, что тенденции развития аналитических конструкций, характерные для современного русского литературного языка, не находят отражения в православной печати. Употребление описательных глагольно-именных оборотов соответствует канонам церковно-религиозного стиля, в котором воссоздаётся манера письма, приподнятого над обыденностью.

Ключевые слова: аналитические конструкции, описательные глагольно-именные обороты, девербативы, атрибутивное распространение, церковно-религиозный стиль.

Употребление глагольно-именных аналитических конструкций, или описательных глагольно-именных оборотов (ОГИО), обладающих книжной стилистической окраской, является традиционным для церковно-религиозных текстов. Ещё в памятниках славянской письменности X–XI вв. отмечаются сочетания с глаголами *впасть*, *дать*, *воздать* (*впасть в печаль*, *дати глас*, *имети мир*, *имети вражду*, *дерзновение*, *имети зависть*, *имети кротость*, *имети печаль*, *имети смирение*, *имети стыд*; *привести в радость* и др.) [СС: 134, 148, 184, 260, 500].

В русском литературном языке XXI века ОГИО претерпели некоторые изменения, подчиняясь общим тенденциям развития языка, а также тенденциям, обусловленным спецификой ОГИО как единицы номинации [Лагузова 2023: 73–77].

Интересно рассмотреть некоторые особенности функционирования ОГИО в церковно-религиозном стиле как разновидности кодифицированного литературного языка. Материалом исследования послужили православные периодические издания второго и третьего десятилетия XXI века: женский православный журнал «Славянка» (2014–2023), «Шаг к Богу: Православный календарь-2014 с отрывками из проповедей протоиерея Димитрия Смирнова» (М., 2013), православные газеты.

В православной печати представлены тексты духовно-нравственного и религиозного содержания. Например, в женский православный журнал «Славянка» включаются: 1) выступления священнослужителей (рубрика «Слово пастыря»); интервью с духовными лицами (рубрика «Гость номера»); разъяснение основ христианской морали известными богословами и священнослужителями (рубрика «Азы православия»); 2) тексты о браке (подчёркивается значимость законного брака, критически оцениваются браки с иноверцами), о материнстве, о воспитании детей (Что умела девочка в 10 лет? // Славянка, июль–август 2023). Обязательно обращение к истории жизни известных женщин и др. Затрагиваются проблемы здоровья, даются советы по рукоделию и кулинарии. Эти тексты, носящие в большей степени светский характер, будут вне поля нашего зрения.

О.А. Крылова отметила системность церковно-религиозного стиля. Системность отражена в таких параметрах, как: а) содержательная сторона; б) коммуникативная цель; в) образ автора; г) характер адресата; д) система языковых средств и особенности их организации [Крылова 2003: 613].

В содержании текстов церковно-религиозного стиля выделяют две стороны: диктумное содержание, заданное темой, и модальную рамку диктумного содержания, образуемую поздравлениями, призывами, религиозными наставлениями, советами, восхвалением деятельности церкви и т.д. Коммуникативная цель текстов церковно-религиозного стиля связывается, во-первых, с религиозным просвещением аудитории, во-вторых, со стремлением к эмоциональному воздействию на адресата [Крылова 2003: 614–615].

В православной печати авторами текстов являются священнослужители или журналисты.

Адресатом текстов может быть широкая аудитория (проповеди в «Православном календаре») или аудитория, определённая по гендерному признаку (женский православный журнал).

ОГИО употребляются для придания возвышенного стиля речи священнослужителя. Ср.: *Совсем недавно ко мне подошли мужчина и*

женщина с ребёнком и **изъявили желание** поблагодарить Царицу Небесную за помощь, и в знак благодарности – передать в храм драгоценный кулон (Игумен Пётр Дмитриев, настоятель Богородице-Рождественского Бобренева монастыря // Славянка, январь–февраль 2014).

Всё, что связано с волей Божьей, характеризуется как нечто светлое, благо: *Воля Божия всегда **приносит добро**; И когда мы подходим к исповеди, мы должны **испытывать благоговейный страх** присутствия Божия, а не страх перед человеком; Каждый ребёночек, рождающийся в Африке, в Китае, в России, где угодно, замечен у Бога, и каждому Господь хочет **дать благодать** Божью, каждому хочет **дать блаженство**; Грех прощён Богом – это значит, что Господь **даёт благодать** и исцеляет от греха; ...В иных, наконец, и преимущественно в преуспевших в молитве, Бог **производит ваяние** света, тонкое и мирное, когда Христос вселится в сердце (ср. Еф. 3, 17) и таинственно воссияет в духе (Д. Смирнов).*

ОГИО называют церковные обряды, монашество: совершить молебен, совершат поспразднование, принять постриг, принять крещение, принять монашество, проходить служение, дать / получить благословение. Ср.: *Дорогие во Христе братья и сестры! Только вчера мы с вами встречали один из великих праздников Православия – Введение во храм Пресвятой Богородицы – и вот сегодня **совершаем поспразднование** (Слово на поспраздновство Введения во храм Пресвятой Богородицы митрополита Омского и Таврического Владимира (Икима) // Славянка, ноябрь–декабрь 2022). Поспразднование ‘после праздника, период, когда церковь на богослужении продолжает вспоминать прошедший праздник; длится от одного до нескольких дней’ (Азбука веры <http>).*

Ср. также: *...благочестивый человек не пустится в дальний путь, **не совершив** в храме **молебен** о путешествующих, в конце которого положено окропление будущих странников (Славянка, январь–февраль 2014); Я был рукоположен в сан иерея митрополитом Эвением 19 июня 2005 года. Первые годы **проходил служение** в Новодевичьем монастыре (Славянка, январь–февраль 2014); Случайно в город ехал отец Авель и согласился взять моего отца. Так они познакомились. Потом, когда я поступил в Московскую духовную семинарию, приезжал к отцу Авелю на каникулах для того, чтобы **получить** его **благословение** (Славянка, январь–февраль 2014).*

С коммуникативной целью церковно-религиозных текстов связано употребление ОГИО, характеризующих душевные качества, поведение

человека. В состав ОГИО включаются девербативы, называющие морально-нравственные понятия.

Употребляются устаревшие ОГИО: *оказывать любовь, оказывать почтение, оказывать снисхождение, прийти в разум* и др.: *Господь сказал: «Ищите прежде Царства Божия и правды Его», а остальное всё приложится вам само. А мы Его словам не верим, поэтому и остаёмся ни с чем. Поэтому каждому нужно обязательно **прийти в разум**, глубоко понять, что для меня важнее: душа моя или тело?; Надо стараться **оказывать** ближнему **любовь**, любому и каждому, всё время; Вот стоят твои ближние, и каждому надо **оказать любовь**, независимо от того, есть она у тебя или нет (Д. Смирнов); Так как же не **оказывать** нам своё **почтение** этому новому Святой святых – одушевлённому Храму, Пресвятой и Богородице и Приснодеве Марии? (Слово на попразднество Введения во храм Пресвятой Богородицы митрополита Омского и Таврического Владимира // Славянка, ноябрь 2022).*

ОГИО *прийти в разум* фиксируется в XVIII веке, а в XIX в. выходит из употребления [Лагузова 2003: 31]. ОГИО с глаголом *оказать* ‘проявить, выказать’ были активны в XVIII–XIX вв., в XX в. глагол переходит из активного словаря в пассивный [ТСУ, т.1: 780].

ОГИО содержат старославянизмы: *проявлять нерадение, совершать поущение, производить делание*. Ср.: *Прилежный в духовной жизни человек становится прилежным и в обыденной жизни. Но если в простых делах **проявляем нерадение**, Бог не будет нас «обременять» сложными задачами (Как жить с иноверцами. Беседа С. Тимченко с игуменом Ватопедского монастыря Святой Горы Афон архимандритом Ефремом // Славянка, декабрь 2017). Нерадение ‘форма поведения, выражающаяся в том, что христианин не заботится (не предпринимает возможных действий) для достижения спасения’ (Азбука веры <http>).*

Ср.: *Промысел Божий правит: то **совершает поущение**, то волю (Преподобный Гавриил (Ургебадзе) // Славянка, март–апрель 2023). Поущение – устар. 1. То же, что попустительство; *попустительство* – (книжн.) – снисходительное отношение к совершаемым противозаконным действиям или преступлениям [ТСУ 3, 596, 597]. **Попущение** – ‘снисхождение, послабление; нетребовательность’ [СРЯ XI–XVII вв.: 105].*

Ср. также: *Многие из нас мучаются на молитве, не знают, что делать. А учит молитве только сам Дух святой: когда Он придёт в сердце, тогда и научишься молиться Духом святым. А пока Дух святой не придёт, молиться не научишься, потому что этому нельзя научиться чисто технически, это не езда на велосипеде, тут надо что-то совсем*

другое. И кто это **делание духовное производит** над своей душой, тот только и достигает Царствия Небесного и подлинной христианской жизни (Д. Смирнов). Делание ‘духовная деятельность, направленная на уподобление Богу и соединение с ним, осуществляемая в соответствии с нормами Закона Божьего, учением, канонами и требованиями Вселенской Православной Церкви’ (Азбука веры [http](http://)).

Одним из конститутивных признаков ОГИО является проницаемость – атрибутивное распространение абстрактного существительного.

Атрибутивные компоненты – относительные прилагательные характеризуют реалии церковной жизни (*принять иноческий постриг, принять монашеский постриг, получить духовное утешение*), образ жизни верующего человека (*вести затворническую жизнь, вести монастырскую жизнь*): *Спустя много лет, уже после войны, когда он [будущий наместник Псково-Печерского монастыря архимандрит Алипий (Воронов)] решил **принять монашеский постриг**, мать благословила его иконой Божией Матери «Утоли моя печали» и произнесла при этом: «Матерь Божия, пусть он будет беспечальным!»* («Святость материнства» (из беседы с кандидатом филологических наук. Т.В. Грудкиной) // Славянка, март–апрель 2023); *Святой Евстафий родился в XIII веке в Будимле (современная Черногория), получил прекрасное образование и, достигнув зрелости, принял **иноческий постриг**.* (Церковный месяцеслов // Славянка, январь–февраль 2014); *Одводела она молодой и **вела** у нас **жизнь почти монастырскую**: каждый день в чёрном платье, с головой, покрытой платком, ходила она в церковь* (из мемуаров священника Дмитрия Дмитриева, начало XX века // Славянка, март–апрель 2023); *Спустя некоторое время святитель начал **вести затворническую жизнь** и провёл более 30 лет в уединении* (Церковный месяцеслов // Славянка, январь–февраль 2014.).

Поступки человека оцениваются с точки зрения их соответствия христианской морали. Относительные прилагательные *христианский, нравственный* (*совершать христианские поступки, проявлять христианскую любовь, совершать нравственный поступок, совершать нравственное усилие*) имплицитно выражают положительное оценочное значение. Ср.: *нравственный* ‘соответствующий требованиям высокой нравственности’; *нравственность* ‘внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами’ [ТСШ 2011: 529].

Ср.: *Каждый раз, когда мы отсекаем помысел греховный, мы совершаем **нравственный поступок**. Этот поступок не видит никто,*

кроме Отца небесного (Д. Смирнов); И наша христианская жизнь, и наша вера будут укрепляться, только если мы будем **совершать христианские поступки** (Д. Смирнов); Мы постоянно ленимся помочь ближнему нашему, ленимся **проявлять христианскую любовь**, молиться, вообще делать что-либо духовное – и пребываем тем не менее в благодущии, как будто ничего такого не происходит, как будто мы действительно верующие. Но наша вера номинальна, она пока не настоящая, она ещё из нашего ума не вошла в наше сердце (Д. Смирнов).

Ср. также: *Как научить ребёнка страху Божию? В присутствии ребёнка вести благочестивые разговоры о Боге и спасении души* (протоиерей Валентин Мордасов // Славянка, 2017). Благочестивый ‘соблюдающий предписания религии, церкви’ [ТСШ: 48].

В проповеди уделяется большое внимание работе человека над собой, над самосовершенствованием. Ср.: *И если мы сделаем над собой такое нравственное усилие, у нас и злоба пройдёт против человека, и сердце наше оттаёт, и мы на шагжок приблизимся к Царствию Небесному* (Д. Смирнов).

Положительно оцениваются милосердие, прощение, сочувствие ближнему (*совершать прощение, оказывать снисхождение*): *И если ради Христа, только ради Него, ради Его любви, ради того, чтобы достичь духовной жизни, достичь вечности, человек будет совершать всё время это прощение, оказывать снисхождение немощи другого, принимать на себя удар и не отвечать злом на зло, тогда он постепенно приобретает необходимые свойства и достигнет Царствия Небесного, достигнет мирного духа* (Д. Смирнов).

Положительная или отрицательная оценка поступков человека выражается вполне определённо (*совершать плохие поступки, совершить (хороший) красивый поступок* и т.п.): *Кипит в тебе зло – ругайся; а можешь взять и зло преодолеть: выйди в другую комнату, потерпи, не кричи, сделай красивый поступок* (Д. Смирнов); *Много тогда совершил поступков прямолинейно-горячих, в чём каюсь* (Интервью протоиерея А. Гомонова // Славянка, январь–февраль 2014).

Гнев, раздражение порицаются: *Чтобы не предаваться раздражительности и гневу, не должно торопиться* (Преподобный Пётр Дамаскин // Славянка, январь–февраль 2014).

Негативная оценка актуализируется в придаточном предложении через описание последствий, к которым приводит гнев человека: *Страсть гнева вводит человека в такое состояние, что он места себе не находит, у него буквально искры из глаз сыплются, губы дрожат, он злится,*

кричит, топает ногами, **совершает такие поступки**, от которых ему потом бывает плохо: поругался с домочадцем, тот с ним не разговаривает неделю, и вот он ходит, томится, мучается (Д. Смирнов).

Пейоративная лексика в составе ОГИО характеризует душевные качества, поведение человека, не соответствующие христианской морали: *Но чтобы не **впасть в тяжчайший грех** гордыни, мы должны помнить, что ни при каких обстоятельствах не сравнивать себя с другими. Через это можно **впасть в осуждение**, и тогда будет казаться, что мы лучше других, или **в зависть**, когда увидим в ком-то достоинства, которыми не обладаем сами* (Д. Смирнов).

Осуждение вызывает нарушение христианских заповедей. Например, седьмая заповедь гласит: «*Не прелюбы сотвори*». Прелюбодееание оценивается как грех: *Когда наша ослабленная воля не может сопротивляться плотским страстям, человек **совершает грех*** (Информационный листок православного медико-просветительского центра «Жизнь» на Кубани, № 36, 31.01.2018); *Отец Гавриил говорил: «Некоторые утверждают, что **не испытывают блудной брани**, но это глупость: пока существует разница между полами, будет и брань. Главное, ради любви ко Христу, - не подойти к женщине, когда обуревают плотская страсть. Это и есть подвиг»* (Славянка, декабрь 2017). Слово *брань* употребляется в необычном значении 'грех'.

Ср. также: *Спротивляйся, борись, а остальное предоставь всё Господу. Один брат, **впавший в грех прелюбодееяния**, горько каялся, сокрушался всем сердцем – было так до семи раз; и так он каялся и боролся, что было ему прощено и старцу было открыто, что ради сокрушения и борьбы был этот брат увенчан венцами. Он не допустил отчаяния* (Духовные наставления старца Михаила); *Не зря вольные отношения с противоположным полом Господь отнёс к одному из самых тяжёлых грехов – блудному греху. Потому что люди, вступающие в эти отношения, настолько помрачаются, что не могут адекватно понимать действительность, находятся в некоем опьянении, которое не даёт людям **делать правильные выборы и вывод*** (Интервью протоиерея А. Гомонова // Славянка, январь–февраль 2014).

В духовных наставлениях, проповедях, в интервью священнослужителей отсутствуют ОГИО со стилистически сниженной лексикой. Элементы разговорного стиля появляются в рассказах-воспоминаниях людей, не облечённых саном: *В 1905 году жениха Анастасии призвали на фронт. Он пришёл к Анастасии, чтобы попрощаться, но, не застав невесты дома, спросил у мачехи, где она. И получил шокирующий от-*

вет: «Анастасия сошла с ума, и её, связанную, увезли в психиатрическую больницу» (Славянка, январь–февраль 2014).

Тенденции развития ОГИО, отмеченные в современном русском литературном языке (тенденция к демократизации, тенденция к экспрессивизации, включение иноязычных элементов в известные конструкции) [Лагузова 2023: 72–78], не находят отражения в православной печати. Употребление книжных ОГИО соответствует канонам церковно-религиозного стиля, в котором «воссоздаётся манера письма велеречивого, приподнятого над обыденностью» [Валгина 2011: 182].

Список литературы

1. Азбука веры (православная энциклопедия) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://azbyka.ru/> (дата обращения 25.04.2024).
2. Валгина Н.С. Функциональные стили русского языка: учебное пособие. М.: ИЛЕКСА, 2011. 190 с.
3. Крылова О.А. Церковно-религиозный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 612–616.
4. Лагузова Е.Н. Описательный глагольно-именной оборот как единица номинации: монография. М.: МГОУ, 2003. 243 с.
5. Лагузова Е.Н. Тенденции развития аналитических конструкций в современном русском языке // Лингвистический ландшафт в контексте национальной культуры: сборник статей по материалам Международной научной конференции «Национальные коды в языке и литературе» (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт филологии и журналистики, 26–28 октября 2023 г.). Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2023. С. 72–78.
6. СРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 17. М.; Л., 1991. 295 с.
7. СС – Старославянский словарь (по рукописям 10–11 вв.) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994. 842 с.
8. ТСУ – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова: В 4 т. М., 1935–1940. Т. 1, 1935. 1562 с. Т. 2, 1938. 1040 с. Т. 3, 1939. 1424 с. Т. 4, 1940. 1502 с.
9. ТСШ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2011. 1175 с.

ANALYTICAL CONSTRUCTIONS IN THE ORTHODOX PRESS

© *E.N. Laguzova*

*Yaroslavl State Pedagogical University
named after K.D. Ushinsky*

The objective is to study some characteristics and functions of the verbal nominal analytical constructions in the orthodox press. The study is based on the structural-semantic method, methods of observation, generalization, and interpretation of results. The use of the analytical constructions is related to the communicative task in the church-religious texts. The paper considers the verbal-nominative descriptive phrases that are terminological by nature. The paper analyses the phrases that specify the personality traits and human behavior. It is stated that the attributive expansion has the features within the analytical constructions. The attributive components with the nominative function are described. Evaluative attributive distributors are revealed. The paper shows the result that in the Orthodox press there is no tendency in the analytical construction development relevant to the modern Russian literary language. The use of the verbal-nominative descriptive phrases is canonical to the church-religious style in the exalted manner.

Keywords: analytical constructions, verbal-nominative descriptive phrases, deverbals, attributive expansion, church-religious style.

ТРАНСФОРМАЦИЯ НОРМ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В ЭЛЕКТРОННОЙ ПЕРЕПИСКЕ

© *О.В. Лукинова*

*Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)*

Цель работы – проследить, как трансформируются нормы использования формул вежливости в деловой переписке при переходе переписки из аналогового в цифровой формат и из пространства электронной почты в мессенджеры – программы для мгновенного обмена сообщениями. В работе сравниваются нормы речевого этикета, зафиксированные в справочниках по деловой переписке доцифрового периода, и рекомендации современных специалистов по деловой переписке и цифровому этикету. Для анализа также привлекаются результаты интернет-опроса, в котором пользователи высказывали свое отношение к фразам, регулярно используемым в деловой переписке. Объектом исследования стали формулы приветствия как наиболее стереотипизированные элементы переписки. В результате проведенного анализа было установлено, что на трансформации форматов приветствия влияют экстралингвистические факторы, связанные с изменением технологий и платформ коммуникаций. Ускорение доставки информации сделало обмен сообщениями более синхронным, что в свою очередь привело к изменению практики приветствия в электронной переписке.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, эпистолярный этикет, речевой этикет, цифровой этикет, электронная переписка.

Сегодня электронная переписка становится ключевым способом коммуникации: доступность технических средств, удобство использования, скорость передачи сообщений сделало этот формат коммуникации востребованным.

Переход коммуникации из бумажного формата в цифровой привел к увеличению скорости коммуникации. Сегодня адресант может составлять сообщение, рассчитывая на его мгновенную доставку адресату. Увеличение скорости обмена сообщениями приводит к усилению диалогичности этой коммуникации, что становится особенно заметно в мессенджерах – программах для мгновенного обмена сообщениями.

В связи с переходом письменной коммуникации в синхронный формат многие исследователи отмечают устно-письменный характер коммуникации в мессенджере: «При увеличении синхронности жанра уве-

личивается устно-разговорная направленность коммуникации, и соответственно, повышается уровень гибридации форм существования языка в интернет-коммуникации» [Лысенко 2010: 6].

Этикетные формулы как объект исследования. Объектом исследования этой статьи стали формулы приветствия, которые используются в письменном деловом общении.

Этикетные формулы выполняют, прежде всего, фатическую функцию – установление, поддержание или прерывание контакта с собеседником. «При фатическом общении не столько важна информация, которую говорящие передают друг другу, сколько важен исключительно психологический контакт, который в дальнейшем может стать основой и более содержательного, информативного общения» [Брусенская 2022: 92]. Элементы, выполняющие фатическую функцию, могут быть значительно подвержены влиянию того, в каком формате и на какой платформе проходит коммуникация.

Этикетные формулы – стереотипные и часто повторяющиеся элементы коммуникации, а потому интересны для анализа: они могут быть маркером тех изменений, которые влечет за собой смена формата и платформы коммуникации.

Исследователи деловой переписки отмечают, что нормы, зафиксированные специалистами, могут отличаться от тех форм вежливости, которые складываются в узусе: «Начинается постепенное вытеснение рекомендуемых этикетных форм теми, что складываются стихийно в узусе под влиянием иноязычных моделей и вследствие гибридации устной и письменной форм речи в интернет-сфере, но не поддерживаются русской эпистолярной традицией» [Северская 2015: 26]. Поэтому интересно рассмотреть, как нормы, описанные в справочниках и пособиях, реализуются на практике.

Трансформация норм использования этикетных формул будет рассматриваться на примере рекомендаций, озвученных в справочнике А.А. Акишиной и Н.И. Формановской «Этикет русского письма» (первое издание было опубликовано в 1981 году и фиксировало нормы доцифровой эпохи), книг современных специалистов по электронному деловому письму, а также актуальных тенденций, обнаруженных в метаязыковой рефлексии носителей языка (опросах и дискуссиях интернет-пользователей, отражающих представления о том, как нужно общаться в мессенджерах – платформах, предлагающих максимально синхронный формат письменной коммуникации).

Трансформация практик приветствия в переписке. А.А. Акишина и Н.И. Формановская пишут, что частные официальные и неофициальные письма, могут начинаться: 1) с обращения; 2) с приветствия и

обращения; 3) с обращения и приветствия; 4) с приветствия [Акишина, Формановская 2016: 11].

Наиболее употребительными, стилистически нейтральными, по мнению исследователей, являются приветствия «Здравствуй(те)!» и «Добрый день!», которые могут стоять как перед обращением, так и после него, например: «Здравствуйте, дорогая Екатерина Ивановна!», «Дорогой Семен Васильевич, здравствуйте!».

В письмах официального характера может использоваться слово «приветствовать»: «Разрешите приветствовать Вас, глубокоуважаемый Алексей Николаевич!». Приветствия нередко содержат указание на место, откуда посылается письмо, например: «Приветствую Вас из Крыма! Шлю Вам привет с борта теплохода!» [Акишина, Формановская 2016: 11] Примечательно, что в приветствии допускается уточнение обстоятельств, в которых пишется письмо, что позволяет в глазах читающего воссоздать контекст, который может быть неопределенным из-за разорванности коммуникации во времени и пространстве.

В современной интернет-переписке рекомендации, озвученные в справочнике А.А. Акишиной и Н.И. Формановской по-прежнему остаются актуальными, особенно в переписке при помощи сервисов электронной почты. Однако можно заметить несколько тенденций, которые появились именно в цифровую эпоху:

1. **Появление особых форм приветствия**, которые раньше не использовались. Среди них можно выделить «Категорически приветствую» и «Доброго времени суток». Подобные формулы содержат ошибки: в первом случае нарушается лексическая сочетаемость слов, во втором случае используется родительный падеж, свойственный формулам прощания. Но тем не менее, в интернет-общении данные формулы активно используются. И если изначально это были формы некоторой языковой игры, то сегодня они могут использоваться и как нейтральные варианты приветствия. Пользователи обосновывают выбор фразы «Доброго времени суток» невозможностью предугадать, в какое время адресат будет читать сообщение. При этом нужно отметить, что среди пользователей появляется всё более негативное отношение к формуле. Так, например, в опросе пользователей о самых раздражающих фразах в переписке из 3464 человек 64% назвали эту фразу раздражающей¹. Еще 78% назвали раздражающей фразу «Категорически приветствую».

2. **Использование ситуативных формул приветствия**: «Добрый день», «Доброе утро», «Добрый вечер». Эта конкретизация становится

---

¹ Самые раздражающие фразы в переписке [Электронный ресурс]. URL: <https://digitaletiquette.ru/badwords> (дата обращения: 01.04.2024).

возможной благодаря тому, что общение в мессенджерах становится более синхронным, соответственно пишущий может рассчитывать на то, что сообщение будет прочитано в то же время, что и отправлено, а значит, это время может быть определено и названо. В формате бумажного асинхронного общения это невозможно.

3. **Сокращение в приветствиях.** В сообщениях появляются формы сокращения «ДД!» («Добрый день!»), «ДВ!» («Добрый вечер!»), «ДУ!» («Доброе утро!»). Вероятно, причиной их возникновения и распространения является экономия: в случае с смс – экономия знаков, которые напрямую влияют на стоимость сообщения, в случае электронной коммуникации – экономия времени, необходимая для обеспечения большей синхронности коммуникации. Подобные сокращения можно наблюдать и в других формулах вежливости в интернет-переписке (например, вместо «спасибо» можно встретить «спс», а вместо «пожалуйста» – «пжл», «пжлст» и «плз»). Данные лексические единицы многократно повторяются в переписке и не несут значительной смысловой нагрузки, а выполняют фатическую функцию, поэтому и оказываются подвержены сокращениям.

4. **Отказ от приветствия.** В интернете все больше возникает дискуссий о том, нужно ли здороваться в мессенджере и как часто необходимо это делать. Примечателен комментарий одного из пользователей в телеграм-канале «Цифровой этикет»: «Если с коллегой пересеклись на регулярном утреннем синке, на котором 100500 человек, а потом в течение дня возникла необходимость ему написать в л/с, нужно ли здороваться? Ведь каждый из нас уже видел другого на общем синке с включенными камерами и каждый сказал «всем привет». А если мы участвовали сегодня в общей дискуссии в групповом чате? А вообще, нужно ли здороваться в л/с, если это первое сообщение за день? Или можно сразу к делу и по сути, ведь в конкретном мессенджере переписка однажды началась и ведётся бесконечной лентой без деления на сутки или недели?». Вероятно, эта ситуация вызывает столько вопросов, потому что в письменной коммуникации каждое письмо начиналось бы некоторой открывающей формулой (приветствием или обращением), а в устной коммуникации этикет не требует здороваться при каждом контакте, достаточно одного приветствия за день. Промежуточный (устно-письменный) характер общения в мессенджерах влияет на неопределенность в формировании этикетной нормы о необходимости приветствия.

5. **Отдельные приветствия.** В мессенджере, где коммуникация становится более синхронной, приветствие может выполнять функцию

установления синхронного контакта. Это происходит в тех случаях, когда оно отправляется отдельным сообщением: «Привет» или «Здравствуйте». По сути, такое сообщение становится синонимичным вопросу «Ты тут?» или «Можешь говорить?» и выполняет исключительно фатическую функцию. При этом опрос о самых раздражающих формулах показывает, что одиночное приветствие без изложения сути вопроса вызывает значительное недовольство у участников коммуникации: 65% назвали это раздражающим. Кроме того, в интернете есть специальные страницы, которые помогают людям защититься от этой формы приветствия: nohello.com, neprivet.com и непривет.рф. Они объясняют, почему одиночное приветствие – это неэффективно: «Получается, как будто вы звоните кому-то по телефону, говорите «Привет!» и ставите его на ожидание. <...> Вы стараетесь быть вежливым, не переходя сразу к своей проблеме, как люди делают при личной встрече. Но чат – это совсем другое. Люди печатают намного медленнее, чем говорят. Вместо проявления вежливости, вы заставляете другого человека ждать, пока сформулируете вопрос, что приводит к потере производительности»². Пользователям предлагается разместить ссылку на этот сайт в собственном профиле мессенджера как способ сообщить собеседникам, что на одиночное приветствие ответа не последует. Таким образом, эти сайты манифесты пытаются, некоторым образом, внести ясность в неопределенность между степенью синхронности и асинхронности в общении при помощи мессенджеров.

6. Приветствие без обращения. Приветствие в мессенджерах все чаще используется без обращения. Например: «Здравствуйте! Скажите, пожалуйста, будет ли сегодня лекция?». В таком случае приветствие начинает выполнять функцию обращения. Эту форму можно считать калькой из устного общения, где «Здравствуйте!» или «Привет!» может звучать самодостаточно, выполняя одновременно функцию и приветствия, и адресации к собеседнику.

В телеграм-канале «Цифровой этикет» проводился опрос «Если вы пишете впервые сообщение человеку, то по какой причине можете не назвать его по имени (имени-отчеству)?». Из 3,5 тысяч опрошенных 22% сказали, что причиной может быть незнание, какая форма имени уместна. Для 8% опрошенных обращение по имени (имени-отчеству) кажется «слишком личным». Еще 26% сказали, что обращение кажется

---

² Не привет [Электронный ресурс]. URL: <https://neprivet.com/> (дата обращения: 01.04.2024).

избыточным, если уже есть приветствие. Оставшиеся 44% сказали, что всегда обращаются по имени (имени-отчеству) к собеседнику в переписке³. То есть больше половины опрошенных не считают необходимым использовать обращение вместе с приветствием.

Обращение. В деловом и частном официальном письме, по мнению А.А. Акишиной и Н.И. Формановской, уместно использовать «уважаемый», «многоуважаемый», «глубокоуважаемый», «дорогой», «господин», «госпожа», «друзья» и «коллеги».

«В письмах к отдельному лицу предпочтительнее обращение по имени и отчеству, если они известны отправителю. Если же они неизвестны, то обращением служит наименование должности, звания и т. п., Напр.: Уважаемый профессор! Многоуважаемый господин декан!» [Акишина, Формановская 2016: 8].

В современной переписке в мессенджерах можно заметить ситуацию, в которой при незнании имени адресата, оно, скорее, будет опущено, чем заменено на обозначение рода деятельности. Во многом это связано с необязательностью обращения, а также с тем, что переписка в мессенджере не институционально, а лично ориентирована. Это связано с техническими отличиями мессенджера от электронной почты: рабочая почта зачастую привязана к корпоративному домену, может принадлежать не одному человеку, а группе лиц, может автоматически пересылать сообщения другим адресатам. Все это делает переписку по электронной почте более статусно-ориентированной: письмо отправляется не человеку, а исполнителю функции. Переписка в мессенджере лично ориентирована, потому что, как правило, привязана к личному номеру телефона, что, в свою очередь, делает обращение по должности не очень уместным.

«Выбор имени и отчества, полной или уменьшительной формы имени, а также имени и наименований родства с ласкательными суффиксами (напр.: Валечка, мамочка) определяются взаимоотношениями адресата и отправителя, степенью их близости, характером отношений в данный момент, содержанием письма и т. п.», – пишут А.А. Акишина и Н.И. Формановская [Акишина, Формановская 2016: 10].

Современный этикет вводит еще одно важное правило для выбора формы имени – это повторение той формы имени, которую обозначил собеседник: «Основной принцип прост: обращайтесь так, как представ-

---

³ Телеграм-канал «Цифровой этикет» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/digitaltiquette/671> (дата обращения: 01.04.2024).

ляется собеседник» [Лукинова 2020: 72]. Это связано, в том числе, и с тем, что в мессенджерах появляется техническая возможность ориентироваться на способ самопрезентации адресата.

Заключение. Таким образом, на примере трансформации некоторых формул вежливости в переписке мы видим, что изменение формата и площадки коммуникации оказывает влияние на выбор языковых средств.

Ключевое изменение, которое произошло благодаря переходу переписки с бумажного носителя в цифровой формат, – это изменение скорости коммуникации. В связи с этим появляется стремление экономить языковые средства, ожидание от собеседника быстрой реакции, снижение уровня формальности даже в официальных письмах, появление новых форм общения, нетипичных для доцифрового общения.

Переход деловой переписки из электронной почты в мессенджеры привел к тому, что письменная коммуникация стала во многом существовать по законам устной коммуникации (неслучайно исследователи говорят про устно-письменный характер цифровой коммуникации), переписка перешла в почти синхронный формат.

Часть противоречий в нормах коммуникации связана именно с её устно-письменным характером, который делает значимым влияние как норм устной (синхронной), так и письменной (асинхронной) коммуникации. Поэтому формирование и закрепление норм цифрового этикета во многом стремится внести определенность во взаимные ожидания собеседников относительно синхронности и асинхронности общения.

Список литературы

1. Брусенская Л.А. Этико-речевые нормы современного русского языка: монография / Л.А. Брусенская, В.В. Барабаш, Э.Г. Куликова. М.: Флинта, 2022. 164 с.
2. Ильяхов М., Сарычева Л. Новые правила деловой переписки. М.: Альпина Паблишер, 2018. 256 с.
3. Лукинова О.В. Цифровой этикет. Как не бесить друг друга в интернете. М.: Эксмо, 2020. 240 с.
4. Лысенко С.А. Взаимодействие устной и письменной формы существования языка в интернет-коммуникации: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010. 24 с.
5. Не привет [Электронный ресурс]. URL: <https://neprivet.com/> (дата обращения: 01.04.2024).
6. Самые раздражающие фразы в переписке [Электронный ресурс]. URL: <https://digitaletiquette.ru/badwords> (дата обращения: 01.04.2024).

7. Северская О.И. Современная электронная переписка в зеркале русского эпистолярного наследия и сетикета // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С. 20–27.

8. Телеграм-канал «Цифровой этикет» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/digitaletiquette/671> (дата обращения: 01.04.2024).

9. Этикет русского письма / А. А. Акишина, Н. И. Формановская. 8-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2016. 203 с.

TRANSFORMATION OF SPEECH ETIQUETTE IN DIGITAL CORRESPONDENCE

© *O.V. Lukinova*

Herzen State Pedagogical University (Saint-Petersburg)

The purpose of the paper is to trace how the norms of using politeness formulas in business correspondence are transformed during the transition of correspondence from analogue to digital format and from the e-mail space to instant messengers - programs for instant messaging. The study compares the norms of speech etiquette recorded in reference books on business correspondence of the pre-digital period, and the recommendations of modern experts in business correspondence and digital etiquette. The analysis also involves the results of an online survey in which users expressed their attitude to some stereotypical phrases used in business correspondence. The object of the study was greeting formulas as the most stereotypical elements of correspondence. As a result of the analysis, it was found that the transformation of greeting formats is influenced by extralinguistic factors associated with changes in technologies and communication platforms. Accelerating message delivery has made messaging more synchronous, which in turn has led to changes in greeting practices in email correspondence.

Keywords: digital communication, epistolary etiquette, business e-correspondence, digital etiquette, speech etiquette.

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК МЕТОД УТОЧНЕНИЯ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

© *И.И. Лушникова*

*Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы (Москва)*

В статье рассматривается ассоциативный эксперимент как ведущий метод уточнения семантики фразеологизмов. Приводится фрагмент комплексного подхода к уточнению семантики фразеологизмов, совмещающего метод анализа словарных дефиниций, ассоциативный эксперимент, статистический анализ данных. Цель исследования заключалась в уточнении семантики высокочастотных фразеологизмов русского языка с помощью ассоциативного эксперимента. В результате исследования, основанного на анализе дефиниций фразеологизмов из лексикографических источников и ассоциативного эксперимента, было установлено, что в группе молодежи фразеологизмы, связанные с литературными и историческими событиями, получали нетипичные реакции. Семная интерпретация результатов свободного ассоциативного эксперимента реакций респондентов в возрасте от 23 до 29 лет указывает на тенденцию к трансформации семантического значения фразеологизмов, связанных с литературными и историческими событиями. Эксперимент был проведен в пилотном режиме в группе 56 респондентов и предполагает дальнейшее исследование и верификацию полученной информации.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, метод анализа словарных дефиниций.

Развитие общества и языка всегда взаимосвязаны. В динамично меняющемся мире вместе с ускорением научно-технических процессов меняются темпы, способы и формы коммуникации. Как следствие, в русском языке развиваются активные процессы, затрагивающие лексические, грамматические, семантические и другие аспекты языка.

Исследования активных процессов в русском языке, проведенные Т.Б. Радбилем, Н.С. Валгиной и др. [Активные процессы ... 2022], указывают на ряд уникальных изменений на уровне семантики лексических единиц. В этой статье речь пойдет о тенденциях, затрагивающих семантику фразеологизмов.

Цель данной статьи – рассмотреть тенденции семантических изменений на примере ряда фразеологизмов русского языка, с помощью комплекса методов, включающих ассоциативный эксперимент, выявить и обобщить аспекты изменений семантики.

Современные исследования семантики фразеологизмов, как правило, выстраиваются на основе комплекса методов, позволяющих выявлять и обобщать особенности их семантики и с высокой точностью верифицировать полученную информацию. В основе значительной части методов уточнения семантики – когнитивный подход, ведущими принципами которого является изучение процессов познания и осмысления информации человеком.

Процесс осмысления и познания связан с выстраиванием ассоциативных и оценочных комплексных связей, включающих связи языковых единиц, в основе которых «форма семантических сетей, существующих в сознании» [Красных 2002: 182].

Раскрытие данных комплексов возможно с помощью ассоциативного эксперимента, сущность которого заключается в том, что через слово-стимул респондент выражает ассоциации, связанные с предложенным словом или фразой. Таким образом, ассоциативный эксперимент выявляет семантические связи, сложившиеся у человека в его предшествующем коммуникативном опыте.

Основными типами ассоциативных экспериментов являются: свободный, цепной и направленный. Каждый из перечисленных видов ассоциативного эксперимента направлен на решение определенного круга задач.

К примеру, направленный ассоциативный эксперимент позволяет задавать направление ассоциациям, что в дальнейшем позволяет выявлять закономерности формирования парадигм.

Вариантом применения направленного ассоциативного эксперимента выступает методика неоконченных фраз, позволяющая выявлять прочность связей в устойчивых словосочетаниях. Цепной ассоциативный эксперимент позволяет выявлять структуру ассоциативных связей в языке. В его основе цепь реакций респондента на первичное слово-стимул и связанных с ним слов.

Ассоциативный эксперимент позволяет выявлять связь между словом-стимулом и автоматизированной реакцией, которая отражает ведущие признаки рассматриваемого предмета, т.е. его основные семантические характеристики. Применительно к семантике фразеологизмов, ассоциативный эксперимент позволяет выявлять зарождающиеся тенденции, возникающие под влиянием активных процессов в языке.

В целях уточнения и выявления тенденций семантического состава фразеологизмов нами было проведено комплексное исследование, включающее методы статистической обработки данных и ряд психолингви-

стических методов. На первом этапе работы были отобраны наиболее частотные фразеологизмы русского языка. После чего в целях уточнения и обобщения семантических компонентов отобранных фразеологизмов был использован метод анализа словарных дефиниций. Выборка словарных дефиниций производилась из источников [Большой фразеологический ... 2019; Большой фразеологический ... 2021; Русский язык ... 2007; Словари [http](http://); Толковый словарь ... 2003; Фелицына, Прохоров 1988; Фразеологический словарь ... 2004; Энциклопедический словарь ... 2005].

На основе анализа словарных дефиниций был проведен семный анализ, установлены ядерные и периферийные семы. Далее полученные данные сопоставлялись с результатами ассоциативного эксперимента с помощью статистических методов обработки данных. Рассмотрим фрагмент исследования на примере двух фразеологизмов *носить воду решетом* и *мартышкин труд*.

Анализ словарных дефиниций фразеологизма *носить воду решетом*, проведенный по методике, описанной И.А. Стерниным [Стернин 2013: 10–17], показал следующие единицы метаязыка, выражающие семы: архисема – ‘действие’; дополнительные семы – ‘бессмысленные и безрезультативные действия’. Обобщенное описание, полученное на основе семного анализа словарных дефиниций фразеологизма, может быть представлено следующим образом – ‘выполнять бессмысленное и безрезультативное действие’.

Анализ словарных дефиниций фразеологизма *мартышкин труд* показал, что архисема фразеологизма представляет собой ‘деятельность’; дополнительные семы – ‘беспольные и напрасные усилия’. Обобщенный состав, полученный на основе семного анализа словарных дефиниций фразеологизма, может быть представлен следующим образом – ‘выполнять бессмысленную и безрезультативную работу’.

Следующая часть исследования была связана с ассоциативным экспериментом и осуществлялась в несколько этапов. На первом этапе проводилось анкетирование респондентов в целях выяснения их возраста и использования русского языка как родного. Эксперимент проходил в группе студентов магистратуры в возрасте от 23 до 40 лет. Общее число респондентов составило 56 человек. На втором этапе проведен ассоциативный эксперимент, в заключительной части которого респонденты прошли анкетирование по вопросам, позволившим установить степень осведомленности участников эксперимента о значениях фразеологизмов. Такая последовательность позволила избежать подготов-

ленных ответов при продуцировании предыдущих реакций респондентов, что является обязательным требованием ассоциативного эксперимента, и, соответственно, исключить заведомо некорректные ответы в случаях, когда респонденты не понимали значение фразеологизмов. Дальнейший анализ данных осуществлялся с помощью статистических методов исследования.

В результате было установлено, что реакции респондентов в возрастной группе 31–40 лет соответствовали в целом сложившейся семантике фразеологизмов, обозначенной в словарных источниках. Однако реакции в подгруппе молодых людей в возрасте 23–30 лет на крылатые выражения, связанные с литературными и историческими событиями, были представлены нетипичными ассоциациями, позволяющими предположить наличие трансформационных процессов в понимании и определении семантического значения этих фразеологизмов.

Высокочастотные семы фразеологизма *носить воду решетом*, полученные на основе семной интерпретации ассоциаций, выявленных с помощью ассоциативного эксперимента в группе респондентов в возрасте 23–29 лет представлены следующим образом: ‘большая потеря времени’, ‘нудное занятие’, ‘длительный процесс’. Семная интерпретация реакций респондентов данной возрастной группы на стимул *мартышкин труд* показала наличие следующих высокочастотных сем: ‘несложная работа’, ‘действия для видимости’.

Следует отметить, что эксперимент в силу сравнительно небольшого числа респондентов является пилотным вариантом ассоциативного эксперимента. Однако на этом этапе эксперимента отчетливо прослеживается тенденция к трансформации семантического значения фразеологизмов в группе молодежи от 23 до 29 лет, что требует дальнейшего исследования и верификации.

Список литературы

1. Активные процессы в русском языке новейшего периода: учебное пособие / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, Е.В. Щеникова, Н.А. Самыличева, В.А. Куликова, И.В. Палоши, Л. Ясаи, И. Хегедюш; под ред. Т.Б. Радбиля. М.: ФЛИНТА, 2022. 232 с.
2. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. 4-е изд. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2019. 784 с.
3. Большой фразеологический словарь русского языка / [сост. Антонова Л.В.]. М.: Дом Славянской книги, 2021. 928 с.

4. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультуралогия: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
5. Русский язык: энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Большая Российская энциклопедия: Дрофа, 2007. 703 с.
6. Словари, энциклопедии и справочники [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.cc/> (дата обращения 01.02.2024).
7. Стернин И.А. Методы исследования семантики слова. Ярославль: Истоки, 2013. 34 с.
8. Толковый словарь русского языка: Ок. 7 000 слов. ст.: Свыше 35 000 значений: Более 70 000 иллюстрат. примеров / Под ред. Д.В. Дмитриева. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 1582 с.
9. Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь. М.: Русский язык, 1988. 272 с.
10. Фразеологический словарь современного русского литературного языка/ под ред. проф. А.Н. Тихонова / Сост.: А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, А.В. Королькова. Справочное издание: В 2 т. Т. 1. М.: Флинта: Наука, 2004. 832 с.
11. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: более 4000 статей / Авт.-сост. В. Серов. 2-е изд. М.: Локид-Пресс, 2005. 880 с.

ASSOCIATIVE EXPERIMENT AS A METHOD OF REFINING PHRASEOLOGICAL SEMANTICS

© *I.I. Lushnikova*

*Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (Moscow)*

The article considers the associative experiment as a leading method to refine semantics. A fragment of an integrated approach to clarify the semantics of phraseologisms, combining a method for analyzing dictionary definitions, an associative experiment, and statistical data analysis, is given. The purpose of the study was to clarify the semantics of high-frequency phraseologisms of the Russian language. As a result of a study based on the analysis of definitions of phraseologisms from lexicographic sources and an associative experiment, it was found that in a group of young people, phraseological units associated with literary and historical events received atypical reactions. The seminal interpretation of the results of a free associative experiment of the reactions of respondents aged 23 to 29 years indicates a tendency to transform the semantic meaning of phraseologisms associated with literary and historical events. The experiment was held in a testing mode in a group of 57 respondents and it undoubtedly requires further research and verification of the data received.

Keywords: associative experiment, method of analysis of dictionary definitions.

АКТУАЛЬНЫЕ ЗООМОРФНЫЕ ОБРАЗЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

© *З.И. Минеева*

Петрозаводский государственный университет

В статье рассматриваются номинации человека, образованные с помощью метафорического переноса от названий животных. В качестве материала исследования привлекается текст современного остросюжетного романа популярного российского автора А.А. Бушкова. Целью анализа выступает выявление узуальных и окказиональных, индивидуально-авторских зоотропов в тексте произведения с использованием методов семантического и прагматического анализа. В результате исследования выясняется, что зооморфная лексика в романе представлена как новыми единицами, у которых антропоцентрические значения не фиксируются лексикографическими источниками, так и традиционными узуальными лексемами. Определяется прагматика зоотропов в тексте: маркирование персонажей в категориях «свой» – «чужой», важная роль в создании остросюжетного текста, коллизий романа. Отмечается, что индивидуально-авторские зоотропы, использованные автором текста, пополняют словарь современного языка новыми единицами, образованными в результате метафорического переноса.

Ключевые слова: номинации человека, зоотроп, семантика, метафора, оценка.

Исследование посвящено анализу зоотропов [Минеева 2022] в произведениях современных российских авторов, семантики, синтаксических и прагматических свойств употребления данных единиц.

Цель исследования – определение узуальности / индивидуальности номинаций животных в переносном значении, использованных автором для характеристики и оценки персонажей, а также особенностей механизма метафорического переноса и роли зоотропов в художественном тексте. Материалом исследования послужили зоотропы из остросюжетного романа А.А. Бушкова «Пирания: Первый бросок» (1999 год).

Александр Бушков – популярный автор (род. 5.04.1956), публикующийся с 1981 года, когда журнал напечатал его первую повесть «Варяги без приглашения»; первая книга «Стоять в огне» вышла в Красноярске в 1986 году. Бэкграунд писателя, не получившего высшего образования, охватывает богатый опыт, приобретенный во время работы почтальоном, грузчиком, страховым агентом, рабочим географической экспедиции, работником театра.

Произведения автора, издающиеся большими тиражами, имеют широкую читательскую аудиторию. В 2021 году А.А. Бушков удостоен

главного приза литературной премии имени Ивана Антоновича Ефремова, которая присуждается за вклад в развитие и пропаганду фантастики.

Серия произведений под общим названием «Пиранья» насчитывает к настоящему времени 22 книги. Выбор текстов для лингвистического анализа из этой серии позволяет продолжить формирование корпуса художественных произведений, объединенных функциональной особенностью зоотропа как сюжетообразующего средства и способа создания образа главного героя повествования. Ранее привлекались романы «Рыба» П. Алешковского, «Зубр» Д. Гранина, «Позывной «Волкодав» Г. Савицкого.

Анализируемый роман, который можно определить как боевик, включает прорисовку мужских и женских образов героев произведения. Заглавие текста «Пиранья» проецируется на центральный образ текста – морского лейтенанта-контрразведчика Кирилла Мазура, хотя в тексте романа данная метафора не употребляется по отношению к герою.

Автор использует переносные антропоцентрические значения следующих названий животных: акула, альбатрос, байбак, бык, волчары, ворон, выползок, голубь, голуба, животное, (не) зверь, змей, козел, котенки, кошка, орлы, орелики, пиранья, скотина, собака, сокол, стерва, стервочка, стервь, сука, сучка, сучонок, тварь, тюлень, щенки, фразеологизм *морской волк*, трансформированные фразеологизмы *береговые крысы*, *ученые крысы*, коллокацию *акула капитализма*.

Противопоставление «свой» – «чужой» представлено с помощью зоотропов, характеризующих, с одной стороны, главного героя и его ближний круг сослуживцев, выполняющих важное задание по поиску затонувшего с золотом судна, с другой стороны – врагов, охотников за золотом, наркоторговцев, бандитов, хотя в художественном тексте данное противопоставление не прямолинейно.

Зооморфная метафора *пиранья* в русском языке не входит в перечень привычных, так называемых «своих» названий животных, употребляемых по отношению к человеку для его характеристики и оценки, вплоть до последних выпусков толковых словарей в лексикографической практике сохраняется толкование, включающее прямое значение слова *пиранья* ‘хищная рыба из отряда карпообразных, обитающая в реках и озерах Южной Америки’ с иллюстрацией из книги Б. Сергеева «Живое электричество»: «Гроза южноамериканских рек – ужасные рыбы *пираний*» [БАС 2011: 57]. Антропоцентрическое значение в академическом словаре отсутствует, в БТС отсутствует и слово в прямом значении, что указывает на новизну заимствования. Существительное пришло в рус-

ский из языка американских индейцев через посредство португальского (порт. *piranja* 'хищная прожорливая рыба с необычайно острыми зубами, обитающая в реках Южной и Центральной Америки'. *Поймали двух пираний* [Крысин 2012]).

А. Бушков использует зоотроп женского рода как неспецифицированный при номинации героя мужского пола и как имеющий мелиоративную коннотацию в оценочно-характеризующей лексеме. При метафорическом переносе характеристика рыбы с чертами, оцениваемыми как негативные (*гроза рек, ужасная, необычайно острые зубы*) трансформируются в характеристику героя с положительно оцениваемыми качествами. Кирилл Мазур эффективно выполняет сложные задания, которые можно поручить далеко не всем офицерам, а только избранным профессионалам: *Как-никак в своем деле он смотрелся если и не асом, то уж состоявшимся профессионалом точно* [Бушков 1999: 4].

Общность прямого и переносного значений проявляется на уровне имплицатуры, семантического следствия: *пиранья* 'рыба' представляет опасность для других рыб и для людей, *пиранья* 'человек' чрезвычайно опасен для врагов, и это качество получает положительную оценку. Антропоцентрический метафорический перенос сопровождается семантическим сдвигом в коннотации: *пиранья* 'хищная рыба с острыми зубами' (негативная оценка) → *пиранья* 'профессионал военной контрразведки' (положительная оценка). Окациональный зоотроп *пиранья* с семантикой положительной оценки представляет собой индивидуально-авторскую зоометафору, в основе которой лежит семантический сдвиг «негативная оценка» → «мелиоративная оценка» (опасная рыба → успешный профессионал).

Зоотроп *пиранья* эксплицитно представлен только в заглавии; это не прозвище героя в тексте, автор обращает внимание на его молодость и на то, что он не имеет даже официальной «клички», в отличие от других коллег-подводников, но читатель понимает, что *пиранья* – это Кирилл Мазур, это характеризующее прозвище более всего подходит для него.

В тексте романа встречаются следующие номинации главного героя: *альбатрос, орел, голуба, голубь, сокол*, фразеологизм *морской волк* ('опытный профессионал'). *Альбатрос* – номинация окациональная, авторская, переносное значение не фиксируется современными словарями: «АЛЬБАТРОС, -а; м. [франц. albatros]. 1. Крупная морская птица отряда буревестников с коротким туловищем и длинными узкими крыльями. 2. только мн.: альбатросы, -сов. Зоол. Семейство крупных морских птиц с длинными крыльями (широко распространены в Тихом

океане и вокруг Антарктиды) [БТС 2014]; «АЛЬБАТРОС, -а, м. Большая водоплавающая океаническая или морская птица отряда буревестников с удлинённым клювом и длинными узкими крыльями, исключительно развитой способностью к планирующему полету; встречается главным образом в Южном полушарии. В период кочевки альбатросы появляются у берегов Дальнего Востока и Камчатки» [БТСС 2005]. Альбатрос ‘человек’ – индивидуальный, окказиональный зоотроп в оппозитивном употреблении: *И теперь славный морской альбатрос, старший лейтенант Мазур, лихорадочно пытался найти ответ на жизненно важные вопросы...* [Бушков 1999: 264]. Модель семантической деривации: альбатрос ‘крупная морская птица’ → альбатрос ‘крупный, значимый морской офицер-контрразведчик’.

Зооморфные характеристики вводятся в текст через авторскую речь, через автономинации героя (*расчетливый змей, обезьяна*), через речь врагов, в частности наркоторговца на шхуне (*дисциплинируется сучка*).

Номинации других героев (*орлы, орелики*) с прагматикой комплиментарности встречаются в речи старшего по положению, званию: *Лаврик стоял у двери с пистолетом в руке /.../ Трое его орлов рассредоточились по каюте; Смотрите в оба, орлы. Практическое занятие по семинару «Взятие шпиона с поличным»* [Бушков 1999: 392]. Номинация *голуби* используется в ироничном вокативном употреблении: – *А кто спорит-то? – усмехнулся Лаврик. – Самое смешное – тебе, голубь, опять в город собираться нужно* [Бушков 1999: 219]. Зоотропы также служат в целях обозначения молодых неопытных офицеров (*щенки, котенки*), предшественников (*волчары* ‘опытные сотрудники’), не совсем «своих» (*береговые крысы* ‘сотрудники, не принимающие участия в подводных действиях’, *ученые крысы* ‘ихтиологи, под прикрытием которых действуют контрразведчики’) и оказавшихся «своими» (*кошка* ‘французская журналистка’, *байбак* ‘охранник журналистки’).

Низкочастотный узуальный зоотроп *байбак* используется в сочетании с прилагательным *сонный*, семантика которого усиливает негативную оценку номинации (‘ленивый’). «БАЙБАК, -а; м. [тат. bajbak]. 1. Степной грызун из рода сурков, осень и зиму проводящий в спячке. 2. Разг. О ленивом или одиноком, не имеющем своей семьи человеке [БТС 2014]. Ср. употребление в тексте: *Мадлен отпрянула к переборке, обеими руками держа на уровне глаз большой черный пистолет, а ее оператор, тот самый сонный байбак Жиль, ухитрившийся /.../ дрыхнуть на ходу, пролетел разделявшее их с Дирком пространство в мгновение ока и, неуловимо крутнувшись, сбил субинтенданта на пол мастерским ударом пятки под сгиб колена* [Бушков 1999: 409–410].

Крайняя степень семантического сдвига наблюдается в «отмене» номинации: охранник французской журналистки, которая оказывается агентом под прикрытием, наделен негативно-оценочной номинацией *сонный байбак*, поскольку этот персонаж способен спать на ходу, и вдруг в кульминационный момент освобождения взятых в плен русских морских офицеров охранник успешным молниеносным броском обезвреживает сепаратистов. Номинация *сонный байбак* по отношению к данному персонажу утрачивает мотивационную базу.

Рассмотрим негативно-оценочные (в основном – бранные) номинации «чужих»: *быки* ‘охранники’ (*С такими быками заранее ничего неизвестно!* [Бушков 1999: 153]), *ворон*, *выползок*, *гад*, *животное*, *козел*, *скотина*, *собака*, *стерва*, *стервочка*, *стервь*, *сука*, *сучка*, *сучонок*, *тварь*, коллокацию *акула капитализма* (ироничную в номинации врагов, владельца и гостей яхты «Русалка»), автономинацию (*не*) *зверь*.

Фразеологическая деривация позволяет трансформировать исходный фразеологизм *морской волк* с положительной оценочной коннотацией при характеристике «своего» (главного героя) в *подводный волк* при характеристике «чужого», смертельно опасного врага: *морские волки* → *подводные волки* ‘подводные боевые пловцы, профи’ со специализацией значения: *Мазур уже понимал, что столкнулся не с любителем. Те еще подводные волки* [Бушков 1999: 288].

В тексте романа используются номинации *крот* ‘скрытый тайный агент’ и *сучка* для обозначения «своего» героя (шифровальщицы Ирины), оказавшегося «чужим»: *На корабле «подснежник», сука, «крот», а я могу лишь уныло констатировать факт; Значит, «крот»* [Бушков 1999: 275]; *Одевайся, сучка*, – сказал Лаврик. *Живенько. Человека из-за тебя разбудили* [Бушков 1999: 393].

В основном зооморфные номинации имеют семантику или с положительной, или с отрицательной коннотацией; в художественном тексте персонажи и их взаимоотношения сложнее. Наблюдается амбивалентность оценки в семантике зоотропов *собака* (Мазур: «*Импозантен был, собака!*») и *волчина* (референт один – хозяин яхты): «*Добрый волчина*, – оценил он [Мазур – З.М.], *матерый, правильный. Не вопит возмущенно о наглости бандитов*» [Бушков 1999: 383]).

Обращают на себя особое внимание окказиональные значения зоотропов при профессиональном использовании названий животных в переносном значении для обозначения групп и отдельных их представителей: *синие акулы* ‘противоправительственная организация, готовящая свержение легитимной власти в молодом государстве на острове, и

ее члены' *Ксавье в роли сообщника «акул»* [Бушков 1999: 421]; *тюлени* (*Это «тюлени»! Это их хватки, их тактика, отработанная где-нибудь в Коронадо, штат Калифорния. Он стартовал, рванулся вверх по параболе /.../, ведя свою «тройку» так, чтобы отрезать «тюленьям» отход* [Бушков 1999: 369]; – *Судно обеспечения? – спросил Мазур /.../ «Тюлени, а?* [Бушков 1999: 383]); *бобр* 'убитый Мазуром боевой пловец с подводной лодки противника' *Мазур на сутки получает увольнительную, подчеркиваю, в виде поощрения за умелые действия и за ... бобра* [Бушков 1999: 298]).

В тексте используется гендерно неспецифицированное употребление бранных зоотропов женского рода: *стервь* («*Стервь калифорнийская*» в речи главного героя по отношению к персонажу мужского пола); *сучка* («*Дисциплинируется сучка*» в речи контрабандиста по отношению к главному герою); *пиранья* («*Пиранья: Первый бросок*» – номинация главного героя).

Не получившие лексикографической фиксации зоотропы: *бобр*, *тюлень*, *пиранья*, *альбатрос* – имеют признаки окказиональных номинаций. *Кошка* – номинация узуальная, употребляется по отношению к женщине в коллокации *ласковая кошечка*, в сравнении *как кошка*: КОШКА, -и; мн. род. -шек, дат. -шкам; ж. 1. Домашнее животное с повадками хищника, истребляющее мышей и крыс; самка кота. *Ласковая к. Пушистая к. Полосатая к.* [БТС 2014]. Переносное значение в толковых словарях отсутствует. В тексте используется в речи «крота» при номинации французской журналистки Ирины: *Эта французская кошка сейчас к тебе не заявится?* [Бушков 1999: 268].

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы.

Зоотропы в романе А. Бушкова играют важную роль в построении сюжета, развертывании коллизий произведения, раскрытии образов главного героя и других персонажей повествования, представителей противопоставленных лагерей «своих» и «чужих». Прагматика зоотропов в тексте состоит в маркировании персонажей в категориях «свой» – «чужой», в комплиментарном и бранном использовании.

Номинации человека с помощью зоометафор употребляются наряду со сравнительными оборотами, включающими названия животных, и названиями реальных морских обитателей. Анализируемый текст богат зооморфными образами, включающими как узуальные, так и окказиональные единицы. Индивидуальные, авторские особенности употребления зоотропов в художественном тексте (на примере романа А. Бушкова) состоят во включении узуальных (*кошка*, *стерва* и других, в том

числе *собака* с амбивалентной семантикой), новых и окказиональных единиц (*пиранья, альбатрос, бобр; котенки, орелики, подводный волк* и т.п.), в использовании зоотропа как имплицитно представленного элемента (имеется в заглавии, но отсутствует в тексте), а также в использовании разного рода семантических сдвигов, в том числе в неспецифицированном употреблении зоотропов женского рода для характеристики мужских персонажей.

Автор использует семантический сдвиг в значении зоотропов от смены оценочной коннотации (включая изменение оценочного компонента семантики с «минус» (*пиранья* ‘хищная рыба’) на «плюс» (*пиранья* ‘смелый боевой офицер’)) до «отмены» номинации: *сонный байбак* оказывается молниеносно действующим профессионалом.

Актуальность привлечения художественных произведений для исследования зоотропов обусловлена тем, что через художественный текст происходит пополнение лексики современного русского языка новыми единицами, а также раскрытие их потенциала.

Список литературы

1. БАС 2011 – Большой академический словарь русского языка / ред. А.С. Герд. Т.16. М.; СПб.: Наука, 2011. 640 с.
2. БТС 2014 – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов / Институт лингвистических исследований РАН. СПб.; М.: Рипол-Норинт, 2014. 1538 с.
3. Большой толковый словарь русских существительных: свыше 15000 имен существ., идеограф. описание, синонимы, антонимы / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-Пресс Книга, 2005. 862 с.
4. Бушков А. *Пиранья: Первый бросок: Роман*. Красноярск: Бонус, 1999. 432 с.
5. Крысин Л.П. Современный словарь иностранных слов: свыше 7000 слов и выражений, толкование значений, происхождение, употребление / Л.П. Крысин; Российская акад. наук. М.: АСТ-Пресс, 2012. 410 с.
6. Минеева З.И. Выражение положительной оценки в семантических дериватах на базе названий животных // Языки и культуры в цифровую эпоху: сборник научных статей / отв. ред. Л.В. Рацибурская. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2022. С. 222–230.

RELEVANT ZOOMORPHIC IMAGES IN FICTION TEXT

© **Z.I. Mineeva**

Petrozavodsk State University

The article examines human nominations formed using metaphoric transfer from animal names. The text of a modern action-packed novel by a popular Russian author, A. Bushkov, is used as research material. The purpose of the analysis is to identify the usual and occasional, individual author's zootropes in the text of the work. Semantic and pragmatic analysis is used. As a result of the study, it turns out that zoomorphic vocabulary in the novel is represented both by new units, in which anthropocentric meanings are not fixed by lexicographic sources, and by traditional common lexemes. The pragmatics of zootropes in the text is determined: marking characters in the categories “friend” – “stranger”, an important role in the creation of a spicy text, the collisions of the novel. It is noted that the individual author's zootropes used by the author of the text replenish the vocabulary of the modern language with new units formed as a result of metaphor.

Keywords: human nominations, zootrope, semantics, metaphor, evaluation.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВКОВ ЖУРНАЛА «ФОМА»

© *О.В. Никифорова*

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского*

Цель статьи заключается в описании заголовков на материале православного журнала «Фома» за 2023–2024 гг., их особенностей как лингвистического явления. Рассмотрены виды и функции заголовков, выявлены лингвопрагматические особенности заголовков.

Ключевые слова: заголовок, СМИ, православный журнал, виды заголовков, функции заголовка, языковые особенности.

Современные возможности как печатных, так и электронных средств массовой информации безграничны, поскольку они объединяют людей в социальное и культурное целое, являясь носителями культуры, формируют у человека картину мира. Православный журнал «Фома» позиционирует себя как издание для тех, кто искренне хочет получить ответ на вопросы о необходимости и месте веры в своей жизни, но не знает или не понимает, для чего нужно ходить в Церковь. Этот журнал старается открыто и искренне повествовать о любви и вере, боли и радости. Наряду с другими средствами массовой коммуникации «Фома» передаёт разнообразную информацию, сообщает о последних событиях и способен влиять на массового читателя.

Православный журнал можно назвать транслятором и агентом ценностей общества. Наиболее важными, по нашим наблюдениям, являются следующие темы и проблемы, которые регулярно освещаются в православном журнале «Фома»: семья, образование, воспитание молодого поколения, приобщение молодёжи к религии, благотворительная деятельность, нравственные ценности, о чём свидетельствует проведенный анализ вербальных и невербальных средств жанра обложки «Фомы» [Никифорова 2021] и колонки главного редактора Владимира Легойды [Никифорова 2023]. «Фома», занимая особое место в массмедиа, отражает изменения, которые происходят в современном литературном языке, тематическая многоплановость издания предполагает образность, экспрессивность публикаций.

Одним из важных элементов текста в журнале являются заголовки, выступающие в роли связующего звена между СМИ и аудиторией. За-

головки можно считать сознательно формируемой реальностью, отражающей ход развития современного общества. С одной стороны, яркое название способно побудить потенциального читателя к знакомству с основным текстом публикации, а с другой – это способ определения основной темы текста, поскольку он помогает читателям ориентироваться в различных социальных, политических, культурных процессах. На наш взгляд, искусство делать заголовки – одно из важнейших в журналистике. Журнальный заголовок содержит намёк, от которого явление социального характера или событие общественно-политического, исторического значения оживает, активизируется в сознании читателя. Журналисты XXI века при создании заглавий используют разнообразные инструменты, в частности умело пользуются языковыми особенностями, несущими определённую смысловую нагрузку.

Несмотря на внешнюю простоту, заголовок отражает различные грани действительности: личностные приоритеты автора, позицию редакции, культурные ценности, технические возможности печатного издания и т.д. Заголовок – неотъемлемая часть любой статьи – по праву можно считать некой опорой текста. Эффективность и популярность текста зависит от того названия, который подобрал автор, ведь возможность прочтения того или иного материала определяется тем, понравится ли название читателю. Заголовок – это та же статья, но одновременно краткая и вмещающая в себя суть всего материала. Заголовок как элемент текста воспринимается, с одной стороны, как самостоятельная языковая единица, с другой стороны, полноценный компонент материала, без которого они оба состояться не могут в полной мере. Его двойственная природа и определяет многие особенности.

Заголовок, выполняя рекламную и информативную функции, может находиться с основным текстом статьи в различных отношениях, которые впоследствии определяют структуру самого заглавия и характер издания в целом. Действительно, заголовок – это своего рода вывеска, поэтому обязательным является требование красочности. В то же время хороший заголовок должен не только быть ярким, но и выражать содержание материала, который он представляет, а также отвечать содержанию материала, давая предельно сжатое и меткое выражение главной идеи текста. Как считает А.В. Колесниченко, основные требования к заголовкам следующие: «заголовок должен: 1) быть ясным высказыванием; 2) заключать в себе основную идею текста; 3) не противоречить содержанию материала; 4) быть корректным, легко схватываемым и понятно сформулированным; 5) возбуждать интерес читателя» [Колесниченко 2008: 97]. Главная функция заголовков современных средств

массовой информации заключается в том, чтобы привлечь внимание читателя, заинтересовать его и вызвать желание продолжать чтение. Поэтому характерными признаками заголовков считаются оригинальность и броскость.

Заголовки в православном журнале для сомневающихся «Фома» отражают основную миссию издания – рассказ о православной вере и Церкви в жизни современного человека и общества. Поэтому основная тематика публикаций – актуальные проблемы современного общества с точки зрения православия, православие во всех аспектах личной и общественной жизни. Многие материалы журнала «Фома» написаны на основе личного опыта авторов: «*В первый день мне поручили чистить морковку*». Где владелица бизнеса с двумя высшими нашла себя настоящую (октябрь 2023); «*После первой поездки в детдом я долго приходила в себя*». Непридуманная история одной мамы (март 2023); «*В тот день я решила поставить точку на нашем с ним общении*». Необычная история любви священника и его жены (февраль 2023); Алексей Варламов: «*В детстве на меня напал дикий страх смерти. Тогда и появилась потребность писать*» (январь 2023) и др. У этих публикаций яркие, эмоционально насыщенные заголовки.

Исследователи предлагают различные классификации видов и функций заголовков, что связано с избытием критериев, по которым заголовки можно структурировать. Например, А. Тертычный предлагает классификацию заголовков по степени сложности [Тертычный 2004: 80]:

1. Простой заголовок – это простое предложение (чаще утвердительное), представляющее законченную мысль. Встречается в информационных статьях о конкретном событии. Например, в журнале «Фома» отмечены заголовки: *Как умирала одна монахиня* (декабрь 2023); *Как помочь ребенку учиться* (сентябрь 2023); *Он шил одежду для элиты, а потом стал великим старцем* (март 2024); *Морские приключения Иоанна Богослова* (март 2024); *Люди перед крестом* (март 2024); *Не предать себя* (февраль 2024); *Внимание есть главное выражение любви* (апрель 2024); *Удивительная история дяди адмирала Фёдора Ушакова* (июль 2023) и др.

2. Усложнённый заголовок состоит из нескольких самостоятельных, логически завершённых частей, важных для понимания последующего материала: *Он провёл в пещере 91 год. И его жизнь – важное напоминание для всех нас* (сентябрь 2023); *Врачи собирали его заново. Он лишился речи и семьи* (июнь 2023) и др.

Г.С. Мельник и А.Н. Тепляшина [Мельник, Тепляшина 2008] добавляют к данной классификации заголовочный комплекс, состоящий из

заголовка и подзаголовка: *«Иногда спрашиваю себя: в кого я мог бы превратиться, если бы не священнический сан?»*. Священник и два его сына (тоже священники!) рассказывают друг о друге (декабрь 2023); *Загадка столпников. Зачем древние подвижники проводили десятки лет на столбах?* (апрель 2023) и др.

Заголовок должен сочетать в себе единство формы и содержания, передавать отношение автора и редакции к происходящим событиям, подчёркивать значение сообщаемого факта, и, таким образом, воздействовать на читателя. В зависимости от того, к какому типу относится заголовок, он способен выполнять различные функции. Исследователи (А.С. Некрасова, К.Е. Корнилова, А.А. Сафронов, А. Тертычный и др.) считают, что базовыми функциями любого заголовка являются следующие:

1. Номинативная (назывная). Заголовок дает понять, о чём пойдет речь в статье. А.С. Попов назвал номинативную функцию «онтологической исходной», так как заголовок должен «обозначить статью, назвать её, выделить среди других» [Попов 1966: 96]: *Выборг: загадки архитектурной мозаики* (март 2024); *Трагедия Катерины из «Грозы» Островского* (февраль 2024); *Зеленые платочки. История, которая случилась в женской колонии* (май 2023); *Маленькое стихотворение Тютчева, которое переворачивает взгляд на «убогую Россию»* (март 2023) и др.

2. Аттрактивная (заголовок привлекает внимание аудитории): *Зачем Герасим всё же утопил Муму?* (март 2024); *Где роковая развилка истории, с которой начались наши беды? Евгений Водолазкин о «Чагине» и неочевидной правде о прошлом* (май 2023); *Почему дети перестают доверять родителям и можно ли с этим что-то сделать?* (март 2024); *Как Гагарин попросил друга отвезти его в Александро-Невскую лавру и что он там искал* (апрель 2024); *Лужа на пути к Богу. Случай с женщиной, которая захотела покреститься* (июнь 2023); *Скорее всего он не умрёт. У него толстые пятки* (июль 2023); *Как вести себя сегодня?* (декабрь 2023) и др. Аттрактивная функция проявляется в стремлении автора максимально привлечь внимание читателя к статье, заинтриговать его недоговоренностью, недосказанностью. Как правило, этим определяется особая оригинальность структур заголовков, неоднозначность содержания.

3. Оценочная (оценка автора на уровне заглавия позволяет читателю понять идеи журналиста и тон повествования): *«Мне иногда кажется, что очередной юбилей Моцарта будут организовывать сальеристы»*. *Разговор Владимира Легойды с искусствоведом Андреем Золотовым* (декабрь 2023); *«Грех – это ложно направленная любовь»*. *Разговор*

Владимира Легойды с архимандритом Симеоном (Томачинским) (сентябрь 2023); *Нужно уметь чувствовать свою малость по сравнению с Божественным творением. Разговор Владимира Легойды с театроведом, педагогом, ректором ВГУ им. Щепкина Борисом Любимовым* (май 2023); *Смысл исповеди не в том, чтобы сказать: «Я плохой»* (ноябрь 2023); *Криминальная хроника, которую мы заслужили* (май 2023) и др.

Современные заголовки имеют высокий индекс обращения к культурологическому материалу. При анализе заголовков в журнале «Фома» было выявлено употребление собственных имен, которые обозначают художественные или иные произведения, а также известных людей прошлого и настоящего: *Гоголь и Смирнова-Россет. «Не-роман» на всю жизнь* (апрель 2024); *Как Гагарин попросил друга отвезти его в Александро-Невскую лавру и что он там искал* (апрель 2024); *«Сталкер» или «Пикник на обочине». Как выбрать, что лучше?* (март 2023); *«Распяятие» из «Реквиема» Ахматовой: почему именно здесь духовный центр великой поэмы* (октябрь 2023); *Леонтьев: христианин, который не согласился с Достоевским* (февраль 2023); *Семён Франк. Как русский философ искал истину в эпоху глобальной катастрофы* (ноябрь 2023) и др. Имена в заголовке, упоминание участников события усиливают интерес к тексту.

Отмечены заглавия – фразы, представляющие собой отсылку к мировым событиям и узнаваемым текстам. Это заголовки-цитаты из художественных текстов, народных песен, мультфильмов, фразеологизмы и т.п.: *«Мы плачем и вздыхаем, но тем не менее несём свой крест». Архивный разговор Владимира Легойды с философом, историком Николаем Лисовым* (январь 2024) – отсылка к фразеологизму *нести свой крест* ‘стойко переносить удары судьбы, невзгоды и страдания, выпавшие на долю человека’. Выражение возникло на основе евангельской легенды об Иисусе Христе. Осуждённый на смерть, Христос сам нёс крест для распятия на место казни: «И, неся крест свой, он вышел на место, называемое Лобное, по-еврейски Голгофа». Крест стал символом христианской веры: все сторонники Христа должны носить на шее небольшой крестик в знак того, что разделяют учение Христа и сочувствуют его страданиям. Иисус говорил: «Кто не несёт креста своего и идёт за мной, не может быть моим учеником». Со временем выражение *нести свой крест* приобрело более широкий смысл – так говорят о необходимости покориться трудной судьбе, тяжёлым страданиям, выпавшим на долю кого-либо. *Позабыты хлопоты, остановлен бег?* (январь 2024) – отсылка к песне на стихи Ю. Энтина из кинофильма «Приключения Элек-

троника»; *Бес попутал, или Как реагировать на детские выходки* (апрель 2023) – отсылка к фразеологизму *бес попутал*; 1812. *Что было на самом деле* (сентябрь 2023) – отсылка к Отечественной войне 1812 года; *Спасение утопающих* (сентябрь 2023) – отсылка к роману (гл. 34) «Двенадцать стульев» советских писателей Ильи Ильфа и Евгения Петрова. Однако текст лозунга, который был вывешен в зале клуба «Картонажник» города Васюки, где Остап Бендер давал местным любителям шахмат сеанс одновременной игры на 160 досках, звучит как *Дело помощи утопающим – дело рук самих утопающих*.

Анализируя заголовки в журнале «Фома», мы отмечаем следующие языковые особенности. Использование антонимов свидетельствует не о противоречивости, а о цельности восприятия действительности: *Три маленькие истории про больших людей* (апрель 2024); *Святой Иоанн Кронштадтский. За что его ненавидели одни и любили другие?* (январь 2023); *Маленькая церковь с большой историей: храм Николая Чудотворца в Касимове* (апрель 2023) и др. Заголовки в виде безличных и неопределённо-личных предложений фиксируют ситуацию как характерную: *Осознать вину, а не утонуть в ней* (март 2023); *Любить врагов – разве не значит потакать злу?* (май 2023); *Как, сталкиваясь с грехами и грешниками, не пребывать в страхе?* (июня 2023); *О пустоте и наполненности* (март 2023) и др. Эффективен и очень распространён заголовок-цитата: *Ольга Дмитриева: «Я теряюсь, когда встречаю ребёнка, у которого нет мечты»* (апрель 2024); *Лев Карахан: «Мы живем в эпоху, когда человек восторжествовал, но потерял смысл»* (февраль 2024); *Андрей Кончаловский: «Самый главный дар в искусстве – способность передать любовь»* (июль 2023) и др. Иногда в заголовке используется метафора: *Человек, который пел Богу* (февраль 2024); *Душевная зима* (январь 2024); *Счастье можно родить* (сентябрь 2023); *Внутренняя наша тишина* (октябрь 2023) и др.

В заголовках используются разные знаки препинания. Восклицание передаёт радость, удивление, восторг, сожаление, приказ: *Смотрите новые видео от «Фомы»!* (март 2023); *Волхвы пришли в Вифлеем по зову звезды. Почему же говорят, что православные не верят в астрологию?!* (январь 2023) и др. Вопрос играет роль мотива, побуждающего читателя разобраться: *Как правильно исповедоваться?* (апрель 2024); *Что главное в христианстве?* (апрель 2023); *Как пережить трудные времена?* (сентябрь 2023); *Как помочь ребёнку учиться?* (сентябрь 2023) и др. Двосточие делает резюме энергичным, впечатляющим: *Неопалимая купина: чудо с пророком Моисеем* (январь 2024); *Арзамас:*

город 33 церквей (январь 2023); *Любить Бога: что это значит и зачем нужно?* (октябрь 2023) и др. Для подчёркивания, акцентирования ставится тире: *Не заботиться о завтра – это как?* (ноябрь 2023) и др.

Таким образом, проведенный анализ заголовков позволяет сделать следующие выводы. Наиболее важными являются следующие темы и проблемы, которые регулярно освещаются в православном журнале «Фома»: семья, образование, воспитание молодого поколения, приобщение молодёжи к религии, благотворительная деятельность, нравственные ценности, что, безусловно, находит отражение в заголовках, которые оказывают влияние на религиозное и моральное сознание, транслируют нравственные ценности и идеалы в обществе, осуществляют интегративную и регулятивную функции, поэтому их можно назвать транслятором и агентом ценностей общества.

Заголовок в журнале занимает далеко не последнее место по значимости. Во-первых, он предупреждает читателя о теме публикации. Во-вторых, он привлекает внимание читателя. К тому же заглавие в полной мере выражает мысли и чувства автора, показывает оценку происходящего. Получается, что заголовок – яркая «обёртка» журналистской публикации, которая способна мгновенно вызвать интерес аудитории. Ключевые слова для заголовков в журнале «Фома»: *вера, Бог, покаяние, целомудрие, любовь, правда, сердце, радость, помощь, счастье*, то есть доминируют понятия любви, верности, милосердия по отношению к своей стране и согражданам, а сами статьи, помогая людям преодолеть духовную пустоту, способствуют формированию психически здоровой и духовно сильной личности, бережно относящейся к истории своей страны, глубоко сопереживающей собратям по вере, транслирующей нравственные устои.

Список литературы

1. Колесниченко А.В. Практическая журналистика: учебное пособие. М.: Изд-во: Московского университета, 2008. 180 с.
2. Корнилова К.Е. Функции заголовков современных журналистских текстов // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2007. № 1. С. 118–119.
3. Мельник Г.С., Тепляшина А.Н. Основы творческой деятельности журналиста. СПб.: Питер, 2008. 98 с.
4. Некрасова А.С. Виды, типы, функции газетного заголовка и его место в тексте статьи СМИ // Актуальные проблемы филологии: материалы III Международной научной конференции. Казань: Молодой учёный, 2018. С. 27–31.

5. Никифорова О.В. Вербальный компонент обложки журнала «Фома» // Православие и русская литература. Сборник статей участников VII Всероссийской научно-практической конференции. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2021. С. 318–326.

6. Никифорова О.В. Специфика колонки главного редактора в журнале «Фома» // Православие и русская литература. Сборник статей участников VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Отв. редактор С.Н. Пяткин. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2023. С. 256–264.

7. Попов А.С. Синтаксическая структура современного газетного заголовка и ее развитие // Развитие синтаксиса современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 96.

8. Сафонов А.А. Стилистика газетных заголовков // Стилистика газетных жанров / под ред. Д. Э. Розенталя. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 205–227.

9. Тертычный А. Заголовок – слово главное // Журналист. №1. 2004. С. 80–82.

LINGUISTIC PECULIARITIES OF THE HEADINGS FROM JOURNAL “FOMA”

© *O.V. Nikiforova*

*National Research Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod*

The purpose of the article is to describe the headings from the orthodox journal “Foma” published in 2023-2024, their peculiarities as a linguistic phenomenon. The author considers types and functions of the headings, reveals linguo-pragmatic peculiarities of the headings.

Keywords: heading, mass media, orthodox journal, types of headings, functions of heading, linguistic peculiarities.

**РУССКИЕ НАРЕЧИЯ В СВЕТЕ
МИКРОДИАХРОНИЧЕСКОГО КОРПУСНОГО АНАЛИЗА
(на примере наречия *нечаянно*)**

© **А.А. Олонцев**
*Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН (Москва)*

В статье обсуждаются промежуточные итоги исследовательского проекта по микродиахроническому корпусному анализу семантической эволюции и функциональной вариативности наречий русского языка в период XIX–XXI вв. В данной статье в центре исследовательского внимания находится наречие *нечаянно*. Материалом для анализа выступают языковые данные подкорпусов XVIII–XIX и XX–XXI вв., созданных на базе Национального корпуса русского языка. Метод исследования основан на идеях и принципах когнитивно-дискурсивного анализа корпусных данных. Показано, что по данным подкорпуса XX–XXI вв., в речевой практике носителей современного русского языка в подавляющем большинстве случаев наречие *нечаянно* употребляется в своем основном значении ‘ненамеренно, случайно’. Однако данные XVIII–XIX вв. показывают, что в этот период доминирует другое значение слова *нечаянно* – ‘неожиданно, внезапно’. Также установлено, что наречие *нечаянно* в двух разных значениях обладает функциональной вариативностью: в первом значении оно является обстоятельством цели, а во втором значении выступает как обстоятельство образа действия. Делается вывод о валидности предложенного метода для фиксации семантических и функциональных изменений слов русского языка в исторической перспективе.

Ключевые слова: наречие *нечаянно*, микродиахронический анализ, корпусные данные, семантическая эволюция, функциональная вариативность.

В статье обсуждаются промежуточные итоги исследовательского проекта по микродиахроническому корпусному анализу семантической эволюции и функциональной вариативности наречий русского языка в период XIX–XXI вв. Сопоставление нескольких синхронных срезов для состояния языка в тот или иной период времени по данным корпусов способствует выявлению и верификации динамики изменения значений и синтаксических функций слов русского языка в их системном взаимодействии, а также скорости семантических и функциональных изменений. Тот же аналитический инструментарий, впрочем, можно применять и для изучения истории семантического развития отдельного слова. В данной статье в центре исследовательского внимания находится

наречие *нечаянно*. Материалом для анализа выступают языковые данные подкорпусов XVIII–XIX и XX–XXI вв., созданных на базе Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Предлагаемый в работе метод исследования основан на идеях и принципах когнитивно-дискурсивного анализа корпусных данных [Чернявская 2018; Радбиль 2020; Русский язык 2021].

Итак, наречие *нечаянно* в речевой практике носителей современного русского языка в подавляющем большинстве случаев употребляется в своем основном значении ‘ненамеренно, случайно’, что и отражают примеры из подкорпуса XX–XXI в. на базе НКРЯ: *И если бы я вышел в финал, могли бы нечаянно выбрать победителем* («Слово «любовь» надо не опускать ниже человеческого уровня» // Коммерсант, 18.09.2020); *Некоторые насекомые утратили исходный яркий цвет в процессе подготовки образцов к исследованию. Вероятно, образцы были нечаянно повреждены. Фото NIGPAS* (Огромная редкость: в янтаре найдены мезозойские насекомые с сохранившейся окраской // Vesti.ru, 02.07.2020); *Джимми Макдональд плыл на лодке и делал фотографии на камеру своего нового телефона, когда нечаянно упал в воду* (Семь священников спасли тонущего в озере мужчину // Lenta.ru, 05.09.2020); *Сообщается, что владелец одной из квартир на 19-м этаже попытался самостоятельно установить раму, однако нечаянно уронил ее* (Мужчина пережил падение окна на голову // lenta.ru, 20.06.2019); *Нужно внимательно следить за тем, чтобы мама нечаянно не задавила щенков, подкладывает малышей так, чтобы им всем в равной степени хватало ее молока* (Мария Разумова. Твое собачье дело // Коммерсант, 26.11.2020); *По словам потрепанного водителя, он нечаянно стукнул соседний автомобиль, и на него тут же напали с ломом* («Я был трезв»: избитый виновник аварии сбежал в лес и выпил пива // Vesti.ru, 07.04.2020).

Однако такое положение дел характерно лишь для современного состояния русского языка. В XVIII–XIX вв. активно было и другое значение наречия – ‘неожиданно’, которое подкрепляется внутренней формой – от глагола *чаять*: «Надеяться на что-л., ожидать чего-л.» [МАС–IV 1988]. Это значение в общем отмечается и в XX в. — достаточно вспомнить строчки песни, которую поет Леонид Утесов в знаменитой кинокомедии «Веселые ребята» (30-е гг. XX в.): *Любовь нечаянно нагрянет, // Когда ее совсем не ждешь... = неожиданно нагрянет, а не без намерения нагрянет*. И даже в упомянутом выше подкорпусе XX–XXI вв. встретились немногочисленные случаи употребления наречия *нечаянно* в значении ‘неожиданно’, например: *Кто я такая, чтобы мое*

мнение, тем более негативное, звучало во всеулышанье? Тем более, кого-то **нечаянно** ранило. Такие вещи лучше всегда оставлять при себе («В вопросах карьеры интуиция меня никогда не подводила» // Известия, 06.12.2018).

Данный пример не допускает трактовки 'без намерения', потому что при безличном предикате *ранило* отсутствует агенс, который мог бы иметь намерение совершить какое-либо действие → возможно только значение 'неожиданно'.

Параллельное бытование двух разных значений наречия *нечаянно* отмечается и в словарных статьях прилагательного *нечаянный*, значение которого полностью наследуется производным наречием на -О, в русских толковых словарях, например:

(1) в БАС: «**Нечаянный**, -ая, -ое. 1. Неожиданно случившийся, неожиданный. *За одним из сих столов Петр играл в шашки с одним широкоплечим английским шкипером. Государь так был озабочен нечаянным ходом своего противника, что не заметил Корсакова.* Пушкин. Арап Петра Вел. 2. Совершенный неумышленно, без намерения; случайный. *Нечаянный выстрел. Нечаянный поступок. Нечаянно, нареч. Как ангел, Изабелла Пред ней нечаянно явилась у дверей.* Пушкин. Анджело. *Авдотья подошла к лампадке, стала поправлять ее и нечаянно погасила.* Тург. Постоял, двор» [БАС–VII 1958];

(2) в МАС: «**Нечаянный**, -ая, -ое. 1. Никак не предполагаемый, неожиданный, внезапный. *Государь так был озабочен нечаянным ходом [шашки] своего противника, что не заметил Корсакова.* Пушкин, Арап Петра Великого. *С людьми видался он только по крайней надобности, а когда случались нечаянные встречи, старался сделать их покороче.* А. Кожевников, Живая вода. 2. Совершенный без намерения, случайно; ненамеренный, неумышленный. *[Слон] сделал нечаянное неловкое движение и наступил на кролика.* Куприн, Слоновья прогулка. **Нечаянно.** Нареч. к нечаянный. *Он научился плавать как-то нечаянно, само собой.* Горбатов, Донбасс» [МАС–II 1986].

При этом примечательно, что значение 'неожиданный, внезапный' в обоих словарях отмечено в качестве первого, основного. Но укажем, что текстовые иллюстрации к словарным толкованиям этого значения содержат исключительно примеры из русской классической литературы XIX в., например в БАС: «*За одним из сих столов Петр играл в шашки с одним широкоплечим английским шкипером. Государь так был озабочен нечаянным ходом своего противника, что не заметил Корсакова.* Пушкин, Арап Петра Великого. *Вдруг взоры мои остановились на голу-*

бом покрывале: испуганная моим **нечаянным** появлением, дева забыла его на траве подле самой могилы. Загоскин, Аскольдова могила» [БАС–VII 1958]. Хотя в МАС одна из текстовых иллюстраций этого толкования принадлежит все же тексту советского писателя, изданному в 1961 г.: «С людьми выдался он только по крайней надобности, а когда случались **нечаянные** встречи, старался сделать их покороче. А. Кожеников, Живая вода» [МАС–II 1986].

В свою очередь данные подкорпуса XVIII–XIX вв., напротив, демонстрируют значительный процент употребления слова *нечаянно* именно в значении ‘неожиданно, внезапно’, например: *Неприятель нечаянно напал на фуражиров второй дивизии* (М.Н. Волконский. Журнал жизни и службы князя Михаила Никитича Волконского (1752)).

Трудно представить себе, что можно напасть на врага без намерения, случайно, так что в этом фрагменте явно реализуется значение ‘неожиданно’.

Также в примере: *Точно так же крестьянин Гаврила в рассказе «Челкаш» чуть не сделался убийцей не потому только, что он ушел из деревни на заработки, а по той причине, что у него внезапно и нечаянно явилась возможность даровой наживы в виде нескольких сотен рублей, полученных Челкашем, и у него закружилась голова* (А. М. Скабичевский. Горький. Очерки и рассказы. Два тома. СПб., 1898 г. (1899)) – для предиката *явилась* при подлежащем *возможность* вряд ли можно интерпретировать как ‘без намерения’, так как глагол *явиться* (= *появиться*) здесь неагентивный.

Аналогичным образом реализуется значение ‘неожиданно’ и в других неагентивных конструкциях: *То книжку Писарева нечаянно забудут на столе, то кто-нибудь пустит вскользь на тему из области общих вопросов, а то выскажет и связанное соображение* (Н.Г. Гарин-Михайловский. Гимназисты (1895)); *Короче сказать, как хороша она была на сцене в роли греческой строгой женщины, как она была мила в роли веселенькой жены адвоката, так же отыгрывалась она во всякой домашней обстановке, куда ее нечаянно забрасывала судьба* (М.Ф. Каменская. Воспоминания (1894)); *Нечаянно попался мне на глаза дневник за прошлый год*. (Е.А. Дьяконова. Дневник русской женщины (1894)); *«Не может быть, – восклицали эти, – статочное ли дело: все казалось так спокойно, мы были уверены, что живем в самой прозаической, пресной эпохе, и вдруг, нечаянно, попали во весь разгар революции 1789 года!..»* (М.А. Корф. Записки (1838–1852)); *В одну жаркую*

ночь все семейство Грюненфельдов (это была фамилия Лотария) легло спать на дворе, маленький Лотарий также; скоро заснул он, и когда **нечаянно** проснулся, то луна была высоко, и Лотарий, к удивлению и радости, увидел опять свое облачко, а за ним большое облако (К.С. Аксаков. Облако (1836)).

Сочетаемость наречия *нечаянно* с глаголами восприятия (*увидеть, услышать, ощутить* и под.) также чаще всего способствуют реализации семантики 'неожиданно', в силу неконтролируемости данных глаголов (нельзя *увидеть, услышать, ощутить ч.-л. с какой-либо целью): *Когда же однажды нечаянно увидел он в кухне одного хорошенького, очень любимого им петушка, повешенного за ноги с перерезанным горлом, то возымел он к ней ужас и отвращение* (Антоний Погорельский. Черная курица (1829)); *Забыв по делу в канцелярию, нечаянно увидел там расстригу Павла Нишума, которого не видал почти с самого времени расстрижения* (архиепископ Николай Японский (Касаткин). Дневник (1897)); *Вице-губернатор советовал супруге своей, которая ожидала в это время сына в отпуск из армии и очень испугалась, нечаянно услышав колокольчик, – советовал было послать за инспектором врачебной управы; но она, то есть вице-губернаторша, предпочла написать Перепетуе Эльпидифоровне французскую записку, которую ни сам Мукомолов, ни супруга его не могли разобрать, потому что они оба вместе и каждый порознь не знали ни слова по-французски* (В.И. Даль. Бедовик (1839)); *Живописец, эпизод из жизни которого – верный или неверный – я так нечаянно выслушал, стоял в соседней зале в амбразуре окна и благоговейно внимал рассказам длинного чело- века в предлинном сюртуке* (И.И. Панаев. Белая горячка (1840)).

Иногда и сами условия контекста способствуют актуализации для наречия *нечаянно* именно значения 'неожиданно': *Добродушие это было так естественно, что он не только забывал нередко о своем остроумном слове сейчас же после того, как оно, негаданно и нечаянно, бывало им высказано, но иногда хвалил остроумие того, кто уже потом, а иногда и как свое повторял в его присутствии им же когда-то высказанное меткое и остроумное слово* (В.П. Мещерский. Мои воспоминания (1897)).

В этом примере можно видеть ряд однородных членов *негаданно и нечаянно*, который коррелирует с устойчивым оборотом *нежданно-негаданно*, что явным образом интенсифицирует для наречия *нечаянно* именно семантику неожиданности.

Кроме того, исследование языковых данных подкорпуса XVIII–XIX вв. показало, что чем глубже во времени хронологический срез для

анализа, тем более частотное употребление наречия *нечаянно* в значении 'неожиданно, внезапно' – для периода с 1790 по 1830 гг. НКРЯ в изобилии дает такие примеры: *Пришел он с полком в Литовскую инспекцию в отсутствие князя Н.В. [Репнина] из Литвы, был под судом и под судом в продолжение не одной земской давности; **нечаянно** назначен шефом полка и произведен в генералы от инфантерии* (Ф.П. Лубяновский. Воспоминания (1777–1834)); *На шестьдесят шестом году его жизни случилось с ним несчастье — гончая собака молодого графа, нового его господина, порученная его присмотру, **нечаянно** околела* (И.А. Крылов (?). Добросердечный разбойник (1795)); *Уже коварный швед, напавши на них **нечаянно**, овладел крепостью Нейшлот, как 30 числа июня государыня выпустила манифест о новой войне с Швецией, и в то же время повеление дано гвардии отрядить по 1 батальону в поход под командою графа Пушкина, который наречен полководцем всей шведской армии* (И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни / Часть 3 (1788–1822)); *Чрез несколько месяцев Даниил воспользовался отсутствием Ростислава, ходившего со всеми боярами на Литву; **нечаянно** обступил Галич; подъехал к стенам и, видя на них множество стоящего народа, сказал...* (Н.М. Карамзин. История государства Российского: Том 4 (1808–1820)); *Ожидали к нему одного фельдмаршала Барклая-де-Толли; но когда полки и артиллерия построились в каре, государь император **нечаянно** обрадовал их своим присутствием* (И.И. Лажечников. Походные записки русского офицера (1814)).

Предложенная исследовательская модель позволяет верифицировать не только семантические изменения, но и функциональную вариативность наречия *нечаянно*. Речь идет о различиях в синтаксической функции. Конечно, в обоих значениях наречие *нечаянно* является обстоятельством, но разной синтаксической семантики. *Нечаянно* в значении 'без намерения, случайно, непреднамеренно' является обстоятельством цели (логический вопрос *с какой целью?*). *Нечаянно* в значении 'неожиданно, внезапно' является обстоятельством образа действия (логический вопрос *каким образом?*).

В целом наше исследование показало, что научная процедура микродиахронического корпусного анализа семантической эволюции и функциональной вариативности слов русского языка, разрабатываемая учеными отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, является надеж-

ным инструментом для синхронно-диахронического описания семантики слов и выражений русского языка в исторической перспективе.

Список литературы

1. БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т. VII. 1958. 752 с.
2. МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. II. К–О. 1986. 736 с.; Т. IV. С–Я. 800 с.
3. Радбиль Т.Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7, № 4. С. 759–774.
4. Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: Кол. монография / под ред. Л.В. Рацибурской. М.: Флинта, 2021. 328 с.
5. Чернявская В.Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 31–37.

RUSSIAN ADVERBS IN THE ASPECT OF MICRO-DIACHRONIC CORPUS ANALYSIS (based on the example of the adverb *nechayanno* (“accidentally”))

© **A.A. Olontsev**

*The V.V. Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences (Moscow)*

The article discusses the interim results of a research project on micro-diachronic corpus analysis of the semantic evolution and functional variability of adverbs of the Russian language in the period of the 19th–21st centuries. In this article, the focus of research is on the adverb “*nechayanno*” (“accidentally”). The material for analysis is the language data of the sub-corpora of the 18th–19th and 20th–21st centuries, created on the basis of the Russian National Corpus. The research method is based on the ideas and principles of cognitive-discursive analysis of corpus data. It is shown that, according to the data of the sub-corpus of the 20th–21st centuries, in the modern Russian native speakers’ speech practice, in the overwhelming majority of cases, the adverb “*nechayanno*” (“accidentally”) is used in its basic meaning “unintentionally, by accident”. However, data from the 18th–19th centuries, show that during this period another meaning of the word “*nechayanno*” (“accidentally”) such as “unexpectedly, suddenly” dominates. It has also been established that the adverb “*nechayanno*” (“ac-

cidentally”) has functional variability in two different meanings: in the first meaning it is a circumstance of purpose, and in the second meaning it acts as a circumstance of the course of action. A conclusion is drawn about the validity of the proposed method for verification of semantic and functional changes in the words of the Russian language in a historical perspective.

Keywords: adverb “nechayanno” (“accidentally”), micro-diachronic analysis, corpus data, semantic evolution, functional variability.

АНАЛИЗ ОШИБОК МАШИННОГО ПЕРЕВОДА С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

© *И. Палоши, С. Славик*

Университет им. Лоранда Этвеша (Будапешт)

Цель исследования заключается в том, чтобы выявить типичные лексико-семантические, грамматические и пунктуационные ошибки нейронного машинного перевода с русского языка на английский, а также указать на языковые особенности русского языка, которые вызывают трудности у систем машинного перевода. Машинный перевод анализируемых текстов выполнялся по сегментам с использованием системы перевода DeepL непосредственно через программное обеспечение для поддержки перевода MemoQ. Для классификации ошибок была использована типология ошибок Генерального директората по переводу ЕС. Квантитативный анализ показал, что при переводе с русского языка на английский система машинного перевода допускает ошибки лексико-семантического и грамматического характера примерно в одинаковой мере. Источниками лексико-семантических ошибок являются: полисемия слов; неточная интерпретация оценочных суффиксов и других аффиксов; недостаточность лексического запаса системы. DeepL может упускать важные смысловые элементы. Источниками грамматических ошибок можно считать: неправильную интерпретацию определенности/неопределенности, синтаксической структуры предложения, неопределенно-личных предложений; неразличение омонимических грамматических форм; управления. DeepL имеет трудности с интерпретацией тире.

Ключевые слова: машинный перевод, постредактирование, перевод с русского языка на английский, лексические ошибки, грамматические ошибки.

Введение

В науке перевода уже более двух десятилетий говорят о «технологическом повороте» [Jiménez-Crespo 2020], поскольку в переводческой деятельности все чаще появляются технологии – инструменты поддержки перевода (CAT-инструменты), терминологические базы данных, корпуса и – в настоящее время – нейронный машинный перевод, а также другие формы искусственного интеллекта, например ChatGPT.

Отчет Исследования европейской языковой отрасли (ELIS = European Language Industry Survey) за 2023 год (и ранее) ясно показывает, что среди переводчиков распространяется использование нейронного машинного перевода (NMT – Neural Machine Translation), и растет

количество переводчиков, которые занимаются его постредактированием (PE или МПРЕ). Это объясняется тем, что уровень машинного перевода, несмотря на постоянное развитие систем, все еще не достигает уровня ручного перевода. В связи с этим уже несколько лет существует международный стандарт постредактирования (ISO 18587:2017 Post-editing on machine translation output ‘постредактирование продуктов машинного перевода’), в котором определяются основные понятия и уровни постредактирования, а также описываются его важнейшие характеристики.

На качество необработанного нейронного машинного перевода и характер ошибок влияет ряд факторов, в том числе используемая система машинного перевода, тип и жанр текста, сочетание языков и направление перевода [Teixeira 2020]. Венгерские исследования по данной теме чаще всего связаны с постредактированием текстов, переведенных с английского на венгерский язык, на основе которых формулируются гипотезы и выводы, которые до написания настоящей статьи не были проверены на материале других языков или других направлений перевода.

Проблемам машинного перевода и постредактирования посвящаются работы как европейских [Nitzke 2016; Kóbor, Szlávik 2023], так и российских лингвистов [Беяева 2023; Иванченко 2021; Шевчук, Никифорова 2021].

В рамках нашего пилотного исследования, состоящего из двух частей, мы рассматриваем типичные ошибки и трудности, возникающие при нейронном машинном переводе русских текстов. В первой части проекта был проведен анализ перевода с русского языка на английский (результаты которого будут представлены в данной работе), а во второй части мы будем сосредотачиваться на переводе с русского языка на венгерский, что позволит нам провести сопоставительный анализ результатов.

Наше исследование может иметь как теоретическую, так и практическую значимость. С одной стороны, чем больше результатов исследования языковых пар, тем лучше мы можем понять и отличить общие ошибки машинного перевода от ошибок, характерных для определенных языковых пар. С другой стороны, наблюдение и изучение этих ошибок может дать результаты, которые можно будет непосредственно или опосредованно использовать в обучении постредактированию.

1. Цели и методы исследования

Цель настоящего анализа состоит в том, чтобы выявить некоторые типичные лексико-семантические, грамматические и пунктуационные

ошибки нейронного машинного перевода с русского языка на английский, а также указать на языковые особенности русского языка, которые вызывают трудности у систем машинного перевода при переводе с русского языка на английский. Для достижения данных целей нами были проведены качественный и количественный анализы ошибок.

Корпус исследования представляет собой 3 исходных текста на русском языке, состоящих из 2332 слов, и их необработанный машинный перевод (2819 слов). Тексты были взяты из Интернета, их общая тема – путешествия. Что касается стиля статей, они относятся к популярно-публицистическому стилю с разговорными элементами.

Машинный перевод выполнялся автоматически по сегментам с использованием самой распространенной среди венгерских переводчиков системы перевода DeepL способом, который больше всего соответствует рабочей практике переводческой отрасли: непосредственно через программное обеспечение для поддержки перевода MemoQ. После автоматического машинного перевода исходный и целевой тексты экспортировались в табличном виде (по одному сегменту в строке) и анализировались вручную. С целью повышения достоверности результатов анализа выявление и категоризация ошибок авторами проводились совместно.

Для классификации ошибок нами была использована типология ошибок Генерального директората по переводу Европейского союза (DGT), которая представляет собой упрощенную версию типологии MQM Core [Müller 2021]. Типология ошибок включает в себя следующие основные категории ошибок:

- лексико-семантическая точность (Assurance) – ошибки содержания / передачи информации: смысл текста на целевом языке не соответствует тексту на исходном языке (например, неправильный перевод, упущение информации, упущение лексической единицы и т. д.);
- терминология (Terminology) – ошибки, связанные с профессиональной терминологией;
- языковая норма (Language norm) – грамматические, пунктуационные и орфографические ошибки;
- общий стиль (General style) – проблемы с формулированием и стилем, которые не попадают в предыдущие три категории, но оказывают – иногда существенное – влияние на интерпретируемость перевода.

В рамках настоящего исследования категория «Терминология» является irrelevantной, поскольку анализируемые тексты не являются техническими статьями. Анализ ошибок по категории «Общий стиль» на данном этапе выходит за рамки нашей работы.

2. Квалитативный анализ ошибок перевода с русского языка на английский

Предварительно заметим, что приводимые нами примеры могут содержать ошибки разных типов, однако анализу будут подвергаться лишь ошибки, выделенные жирным шрифтом. Оригинальное предложение будет отмечаться буквой «А», машинный перевод – буквой «Б», а ручной перевод – буквой «В».

2.1. Лексико-семантические ошибки

2.1.1. *Неправильный перевод (Mistranslation)*. Полисемия слов является одной из самых частотных причин лексических переводческих ошибок, см. пример (1). Источником ошибки является многозначность лексемы «табло», которая означает устройство для отображения информации, в том числе об актуальном состоянии спортивных соревнований и о вылетающих рейсах. В данном случае правильным контекстуально-дискурсивным вариантом является второе значение ‘flight board’.

(1А) *Когда ты можешь указать пальцем на любой город на **табло** в аэропорту и полететь туда.*

(1Б) *When you can point your finger at any city on the **scoreboard** at the airport and fly there.*

(1В) *When you can point your finger at any city on the **flight board** at the airport and fly there.*

В примере (2) система допустила существенную смысловую ошибку, которая не связана с полисемией. Слово *курортник* не имеет значения ‘человек, работающий на курорте’. Его значение – ‘человек, отдыхающий или лечащийся на курорте’, т.е. *holiday maker*. Предположим, что система неправильно интерпретировала суффикс *-ник*.

(2А) *Подумай о том, что нет ничего хорошего в том, чтобы лежать как селёдка в бочке среди сотни таких же, как ты **курортников**, отгоняя от себя надоедливых мух <...>.*

(2Б) *Think about the fact that there is nothing good in lying like a herring in a barrel among a hundred like you **resort workers**, driving away from yourself annoying flies <...>.*

(2В) *Think about the fact that there is nothing good in lying squashed like sardines among a hundred like you **holiday makers**, driving away from yourself annoying flies <...>.*

2.1.2. *Упущение информации (Undertranslation)*. Английский эквивалент *heavy* не отражает полностью значение русского прилагательного *тяжеленный*. Семантическая ошибка связана с неправильной интерпретацией суффикса *-енн-*. Так как в английском языке невозможно провести соответствующей морфологической операции, переводчик должен прибегнуть к лексическим решениям. Суммируя, можно сказать, что в данном случае мы имеем дело с утратой семы интенсивности.

(3А) *Не думаю, что будет приятно, изнывая от жары, тащить с собой пару **тяжеленных** чемоданов, содержимое одного из которых вам так и не понадобится.*

(3Б) *I don't think it would be pleasant to lug around a couple of **heavy** suitcases, the contents of one of which you'll never need.*

(3В) *I don't think it would be pleasant to lug around a couple of **massive** suitcases, the contents of one of which you'll never need.*

В примере (4) можно засвидетельствовать утрату делимитативного значения глагола. Машинный перевод не передает сему ограниченности действия во времени, что приводит к ошибочной интерпретации описываемой ситуации. Из более широкого контекста выясняется, что речь идет только о периоде отпуска, но из-за перевода по сегментам программа этот контекстуальный фактор не учитывает. Для правильного перевода необходимо внести в предложение дополнительные контекстуальные показатели.

(4А) *Позвольте себе **пожить** так, как вам всегда этого хотелось, но из-за работы и других забот у вас это не получалось.*

(4Б) *Allow yourself **to live** as you have always wanted to live, but because of work and other worries you could not do it.*

(4В) *Allow yourself **to spend some time** as you have always wanted to live, but because of work and other worries you could not do it.*

2.1.3. *Упущение эквивалента (Omission)*. В примере (5) опускается целая фраза. Можно предположить, что упущение фразы связано с затруднительностью включить ее в предложение, которое и без этой фразы является достаточно сложным.

(5А) *Не думаю, что будет приятно, **изнывая от жары**, тащить с собой пару **тяжеленных** чемоданов, содержимое одного из которых вам так и не понадобится.*

(5Б) *I don't think it would be pleasant to lug around a couple of heavy suitcases, the contents of one of which you'll never need.*

(5B) *I don't think it would be pleasant for you, **tormented by the heat**, to lug around a couple of massive suitcases, the contents of one of which you'll never need.*

2.1.4. *Отсутствие перевода (Non-translation)*. В примере (6) лексема *карануз* программой не переводится, только транскрибируется на латиницу. При этом допускается и лексическая ошибка: русская лексема *карануз* является существительным мужского рода (*карануза). Предполагаем, что данная лексема отсутствует в корпусе системы.

(6A) *A теперь представь себе отдых в так называемый бархатный сезон, когда все **каранузы** уже давно заняли места за своими партами, жара спала <...>.*

(6B) *And now imagine a vacation in the so-called velvet season, when all **karapuz** have long since taken a seat at their desks, the heat has subsided <...>.*

(6B) *And now imagine a vacation in the so-called Indian summer, when all **kids** have long since taken a seat at their desks, the heat has subsided <...>.*

2.1.5. *Искаженный перевод (Garbled translation)*. Ошибку в примере (7) можно считать искаженным переводом, поскольку создается непонятный или полностью отличающийся от оригинала текст. Предполагается, что источником ошибки можно считать неправильную интерпретацию обобщенно-личного предложения.

(7A) *В заключение остаётся пожелать всем хорошего отдыха в любое время года, и не просто отдыха, а **ХОРОШЕГО** отдыха, как говорится — «кто как **отдыхает, тот так и работаем!**»*

(7B) *In conclusion it remains to wish everyone a good vacation at any time of the year, and not just a vacation, but a **GOOD** vacation, as they say — “**who rests as he works!**”*

(7B) *In conclusion it remains to wish everyone a good vacation at any time of the year, and not just a vacation, but a **GOOD** vacation, as they say — “**the way you rest, the way you work!**”*

2.2. *Нарушение языковых норм (Language norm)*

2.2.1. *Грамматические ошибки*. Следующие примеры демонстрируют проблематику перевода определенного или неопределенного субъекта/объекта. В русском языке определенность/неопределенность

является понятийной категорией, которая не имеет столь однозначных средств выражения, как артикли в английском языке. Такое существенное структурное различие между языками может стать источником для ряда ошибок. В примере (8) система выбирает определенный артикль вместо неопределенного, в то время как в примере (9) система вообще не употребляет артикль.

(8А) *Понятно, что люди высказывают свое субъективное мнение, но **общая картинка** у вас сложится.*

(8Б) *It is clear that people express their subjective opinion, but you will get **the general picture**.*

(8В) *It is clear that people express their subjective opinion, but you will get **a general picture**.*

(9А) *Но как отмечает **британский психотерапевт** Лиза Skeffington <...>.*

(9Б) *But as **British psychotherapist** Lisa Skeffington points out <...>.*

(9В) *But as **the British psychotherapist** Lisa Skeffington points out <...>.*

Причиной ошибки в примере (10) является синтаксическое различие между двумя языками. В русском языке экзистенциальность очень часто, особенно в настоящем времени, выражается односоставными предложениями, однако данного типа предложений в английской грамматике не имеется, поэтому английский эквивалент не является полным предложением. В таких случаях употребляется семантически опустошенное местоимение *it*.

(10А) *<Куда ехать> **Тожe важный, но не столь принципиальный вопрос.***

(10Б) *<Go where> **Also an important but less fundamental question.***

(10В) *<Where to go> **It's also an important but less fundamental question.***

В примере (11) наречия переводятся прилагательными, что приводит к грамматической аномалии. Возможно, что система идентифицировала данные формы как краткую форму прилагательных. Вторая проблема заключается в том, что русские наречия *вкусно, полезно, разнообразно* отвечают на заданный в предыдущем предложении вопрос *как*, а прилагательные в английском эквиваленте не отвечают на вопрос *how*. Система машинного перевода не осознала необходимость в дополнительных компонентах, чтобы не нарушать грамматические нормы целевого языка.

(11А) <Как питаться> *Так же, как и дома: вкусно, полезно, разнообразно, но не переедать.*

(11Б) <How to eat> *Just like at home: tasty, healthy, varied, but not overeating.*

(11В) <How to eat> *Just like at home, eat tasty, healthy and varied food, but do not overeat.*

Пример (12) показывает, что русская инфинитивная структура системой интерпретируется как императив вместо инфинитивной структуры в английском языке. Причиной ошибки можно считать отсутствие глагола бытия в русском языке, поэтому система ошибочно осознает синтаксическую структуру исходного предложения. Вторая ошибка связана с повторным употреблением предлога в русском предложении. Система упустила из виду управление прилагательного, которое находится в предыдущей части предложения, и, возможно, поэтому дословно перевела предлог *для*.

(12А) *Главное — не лежать целыми днями на пляже, это вредно для кожи, да и для фигуры тоже.*

(12Б) *The main thing – do not lie all day on the beach, it is harmful to the skin, and for the figure too.*

(12В) *The main thing is not to lie all day on the beach, it is harmful to the skin and the figure too.*

Наш корпус показывает, что система ошибочно интерпретирует неопределенно-личные предложения. Русское слово *человек* переводится дословно, и в дальнейшей части контекста местоимения согласуются с ним в роде. Как известно, для выражения неопределенной личности в английском языке существуют разные способы, в том числе местоимение *you*.

(13А) *Человек словно оставляет все свои проблемы, все свои страдания и едет в новое место, где его никто не знает, где он всё может начать с нуля, где может взять чистый белый лист и заново написать историю своей жизни. // Он словно обновляется, оставляя весь тяжёлый груз позади. // Он может стать кем угодно.*

(13Б) *It is as if a person leaves all his problems, all his sufferings and goes to a new place where nobody knows him, where he can start everything from scratch, where he can take a blank white sheet and write the story of his life anew. // It's like he's renewing himself, leaving all the heavy load behind. // He can be anything he wants to be.*

(13B) *It is as if **you** leave all your problems, all **your** sufferings and go to a new place where nobody knows **you**, where **you** can start everything from scratch, where **you** can take a blank white sheet and write the story of **your** life anew. // It's like **you**'re renewing **yourself**, leaving all the heavy load behind. // **You** can be anything you want to be.*

2.2.2. *Ошибки в орфографии и пунктуации.* Наш корпус позволяет сделать вывод, что система не способна интерпретировать тире, она оставляет его без перевода. В зависимости от контекста в примере, в английском языке употребляются двоеточие (14), запятая (15) или союз (16).

(14А) *Вопрос на засыпку — когда их носить?*

(14Б) *Quick question – when to wear them?*

(14В) *Quick question: when to wear them?*

(15А) *Если вдруг что-то забыли — на курортах всегда полно магазинов, предлагающих разнообразные товары.*

(15Б) *If you happen to forget something – the resorts are always full of stores offering a variety of goods.*

(15В) *If you happen to forget something, the resorts are always full of stores offering a variety of goods.*

(16А) *Важно больше гулять на природе — это один из самых доступных способов нормализовать психическое и физическое состояние.*

(16Б) *It is important to take more walks in nature - it is one of the most accessible ways to normalize mental and physical state.*

(16В) *It is important to take more walks in nature as it is one of the most accessible ways to normalize mental and physical state.*

3. Квантитативный анализ ошибок

Квалитативный анализ ошибок показал, что между долями лексико-семантических и грамматических/пунктуационных ошибок нет значительной разницы. Из лексико-семантических ошибок было найдено 54 ошибки (41%), в то время как количество грамматических/пунктуационных ошибок составляет 56 (42%). Оставшиеся 17% представляют стилистические ошибки.

Среди лексико-семантических ошибок доминирует неправильный перевод (73%), за ним следует упущение информации (11%), на третьем месте оказалось упущение эквивалента (7%). Искаженный перевод, отсутствие перевода и добавление информации встречались крайне редко.

В области нарушения лингвистических норм, грамматические ошибки являются гораздо более характерными, чем пунктуационные. Грамматические ошибки составляют 73% данного типа ошибок, соответственно пунктуационные ошибки – 27%.

4. Итоги

На основе столь небольшого корпуса мы не можем установить универсальные закономерности, однако на основе наших наблюдений можно сформулировать некоторые гипотезы, которые в рамках отдельных целевых исследований можно доказать или опровергнуть:

1. Квантитативный анализ показал, что при переводе с русского языка на английский система машинного перевода допускает ошибки лексико-семантического и грамматического характера примерно в одинаковой мере.

2. Источниками лексико-семантических ошибок являются: полисемия слов; неточная интерпретация оценочных суффиксов и других аффиксов, модифицирующих значение глагола (см. делимитативы); недостаточность лексического запаса системы.

3. Представляет интерес, что система осознает трудности в формулировке предложения и упускает важные смысловые элементы.

4. Что касается грамматики, источниками ошибок можно считать: неправильную интерпретацию определенности/неопределенности, синтаксической структуры предложения, неопределенно-личных предложений; неразличение омонимических грамматических форм; управления.

5. При переводе с русского языка у системы машинного перевода обнаружены значительные проблемы с интерпретацией тире.

В заключение добавим, что настоящий анализ свидетельствует о том, что машинный перевод непременно нуждается в постредактировании.

Список литературы

1. Беляева Л.Н. Машинный перевод в современной технологии процесса перевода // Известия РГПУ им. А.И. Герцена, 2022. № 203. С. 22–30.
2. Иванченко Т.А. Ошибки в машинном переводе с немецкого языка на русский (на материале статей немецкоязычных СМИ и текстов их переводов) //

Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2021. Т. 22, № 4. С. 30–41.

3. Шевчук Е.В., Никифорова В.А. Постредактирование и типичные ошибки в автоматизированном переводе научно-публицистических текстов // Вопросы методики преподавания в вузе. 2021. Том 10, № 39. С. 46–54.

4. Jiménez-Crespo M. A. The „technological turn” in translation studies. Are we there yet? A transversal cross-disciplinary approach. Translation Spaces. 9/2. 2020. P. 314–341.

5. Kóbor M., Szlavik Sz. Hibaazonosítás és -tudatosítás az utószerkesztési kompetencia fejlesztésében // Fordítástudomány. 2024. 26/1. P. 59–70.

6. Müller R. Assessing the quality of translations, A practical guide, ELRC Conference. 2021.

7. Nitzke J. Post-Editing – Auch noch Korrekturlesen? MDÜ – Fachzeitschrift für Dolmetscher und Übersetzer. 2016. 62. 1/16. P. 24–37.

8. Teixeira C. Revising computer-mediated translations // Mossop B., Hing J., Teixeira C. (eds) Revising and Editing for Translators. Fourth Edition. Oxon & New York: Routledge, 2020. P. 207–224.

Список используемых текстов

1. Вишневецкая Е. Как провести отпуск летом? URL: <https://shkolazhizni.ru/world/articles/6526/> (дата обращения: 02.11.2021).

2. Ктейман Е. Как смириться с мыслью, что твой летний отпуск сорвался? URL: <https://www.shkolazhizni.ru/world/articles/6080/> (дата обращения: 06.11.2023).

3. Постникова И. Сил моих больше нет: что такое синдром упущенного отпуска URL: <https://journal.tinkoff.ru/upushenniy-otpusk> (дата обращения: 05.10.2023).

ERROR ANALYSIS OF MACHINE TRANSLATION FROM RUSSIAN INTO ENGLISH: LEXICAL-SEMANTIC AND GRAMMAR ASPECTS

*© I. Paloshi, S. Slavik
Lorand Eotvos University (Budapest)*

The purpose of the study is to identify typical lexical-semantic, grammatical and punctuation errors in neural machine translation from Russian into English, as well as to point out the linguistic features of the Russian language that cause difficulties for machine translation systems in this direction. Machine translation of the analyzed texts was performed segment by segment using the DeepL machine translation system directly through the MemoQ translation support software. To classify errors we used the typology of errors of the EU Directorate General for Translation. The quantitative

analysis showed that when translating from Russian into English, the machine translation system makes lexical-semantic and grammatical errors to approximately the same extent. The sources of lexical-semantic errors are: polysemy of words; inaccurate interpretation of evaluative suffixes and other affixes; insufficient vocabulary of the system. DeepL may omit important semantic elements. The sources of grammatical errors are: incorrect interpretation of definiteness / indefiniteness, the syntactic structure of a sentence, indefinite personal sentences; non-distinction of homonymous grammatical forms; verbal inflection. DeepL has difficulties interpreting dashes.

Keywords: machine translation, post-editing, translation from Russian language to English, lexical errors, grammatical errors.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АВТОРСКИХ СЛОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

© *Л.И. Плотникова*

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

Статья посвящена исследованию функционального потенциала авторских слов в поэтическом тексте. Цель работы – на основе анализа поэтических текстов белгородского поэта В.К. Харченко выявить функциональный потенциал наиболее многочисленной группы авторских слов и определить их функциональную предназначенность. Для отбора языкового материала использовался метод сплошной выборки авторских слов из поэтических текстов В.К. Харченко. Исследование материала проводилось с помощью общенаучных методов (наблюдение, анализ, обобщение), а также лингвистических методов системного описания, контекстуального анализа, а также приёмов словообразовательно-функционального анализов авторских слов. Установлено, что функциональный потенциал авторских слов в поэзии В.К. Харченко не одинаков. Среди них преобладают разнословные сложения, представленные в составе различных частей речи. Данные образования можно считать структурно-смысловой доминантой индивидуально-авторской образности.

Ключевые слова: функциональный потенциал, авторское слово, разнословное сложение.

Творческая языковая личность характеризуется способностью создавать что-то новое, воспроизводить действительность через систему художественных образов, которые имеют эстетическую ценность. «Языковая личность в её творческой ипостаси ориентирована на создание духовных ценностей, имеющих общечеловеческую значимость. Следовательно, возможно выделение *художественно-творческого уровня языковой личности*, «ответственного» за создание эстетически ориентированных текстов, отражающих особенности мировосприятия автора речи, создающего с помощью разноуровневых знаков языка новую, художественную реальность, где предметное содержание действительного мира подвергается творческой трансформации в аспекте коммуникативных задач и ценностных ориентаций говорящего, в аспекте его внутреннего, экзистенциального мира» [Четверикова 2018: 156].

Наиболее ярко творческая языковая личность проявляется в поэтическом тексте. М.М. Бахтин обращал внимание на то, что «только в по-

эзии язык раскрывает все свои возможности, так как требования к нему в этой сфере максимальны: все стороны его напряжены до крайности, доходят до своих последних пределов, поэзия как бы выжимает все соки из языка, и язык превосходит здесь себя самого» [Бахтин 1972: 79]. Поэтический текст можно рассматривать как акт познания, в нём находит отражение момент постижения художником слова его внутреннего состояния или определённого явления окружающей действительности. Это позволяет говорить, что поэтический текст является особой формой отражения поэтической картины мира автора.

Известно, что функции искусства связаны с его ролью, которую оно выполняет в жизни человека и общества. Художественное произведение отражает жизнь человека в совокупности её социальных, природных и личностных планов. С этим связано многообразие функций, представляющих целостную картину мира. Исследователи выделяют четыре типа функций искусства. Первый тип связан со способностью произведений быть носителями социальной информации, в связи с этим их называют познавательно-идеологическими. Второй тип связан с принадлежностью к предметной среде, которая окружает человека, отсюда название – практические, или социально-организующие. Третий тип – это коммуникативные функции, которые позволяют перевести указанные функции в общекультурный контекст. Четвёртая, эстетическая функция определяется воздействием искусства на человека в целом [КСЭ 1983: 184].

Поэтическая речь и её функции определяются М.В. Титовой как особый вид речевой деятельности, «направленный на такое эстетически значимое творческое преобразование формы сообщения, которое нарушает автоматизм и стёртость речи, обновляет её на всех языковых уровнях, тем самым позволяет достигнуть наибольшей воздействующей силы на эмоции и интеллект читателя, обеспечивает путём отбора языковых средств и их художественной организации сообщению такую форму, которая воспринимается как единственно возможная для выражения именно этого содержания, наделяет сообщение содержательной многоплановостью, при этом сама форма сообщения становится содержательной и способной вызывать у читателя различные ассоциации» [Титова 2006: 27].

Поэтический текст – это эстетически организованная система, характеризующаяся комплексом взаимосвязанных компонентов, каждый из которых представляет особую важность, выполняет стилеобразующую функцию, формирует облик текста, способствует реализации авторского замысла. Средствами языка автор «не только сообщает свой

замысел читателю, но и воздействует на его чувство и воображение, заставляет его волноваться, сочувствовать, любить и ненавидеть <...> и этим писатель достигает своей цели: убедить читателя, заставить его поверить в правду изображаемого, обогатить его жизненный опыт и воспитать его для творческой деятельности» [Томашевский 1959: 325]. Так, одним из важных признаков поэтического текста считают его фонетико-графическую организацию. В целостной системе языковых средств звуки и целые звукокомплексы способствуют созданию ярких ассоциаций, максимально полно соответствующих воплощаемым мыслям и настроению автора. Звуковая инструментовка текста включает набор различных технических приёмов – аллитерации, анафоры, эпифоры, звуковые повторы, внутреннюю рифму и др.

Фонетико-графическая и интонационная организация поэтического текста тесно связана с синтаксическим строем. Для эстетического воздействия на читателя и для воплощения идейно-художественного замысла автор использует различные конструкции экспрессивного синтаксиса, которые способствуют привлечению читательского внимания и активизации его творческого воображения.

Основным материалом для создания поэтического текста является слово. По справедливому замечанию В.А. Масловой, «кроме слова, в ткани художественного текста нет ничего, поэтому именно слово делает текст таким, каким его видят читатели, именно в слове – особая тайна и красота поэзии» [Маслова 2006: 319]. В идиолекте поэта слово выступает во всём богатстве ассоциативных связей и стилистических оттенков. Поэтическое слово отличается многозначностью, повышенной ассоциативностью, метафоричностью и образностью. Безусловно, каждое слово в поэтическом произведении представляет особую важность, однако необходимо учитывать, что специфика художественного текста определяется сложными взаимосвязями слов: «смысл каждого отдельного слова как бы растворяется в своем окружении, рождая при этом новые, неожиданные смыслы. «Емкость смысла» поэтического текста увеличивается за счёт ассоциативных связей слова, весьма специфических для каждого читателя, что в какой-то мере объясняет феномен множественности пониманий и интерпретаций такого текста. Всё это создаёт особый язык поэтических формул, которые специфичны для каждого исторического времени» и благодаря которым устанавливается «молниеносный контакт с читателем» [Гинзбург 1997: 13–14].

Особенность языка поэтических произведений определяется тщательным выбором единственно необходимого слова из имеющегося в

языке словарного состава или созданием авторских слов, отсутствующих в языковой традиции и созданных поэтом с определённой художественной целью. Словотворчество представляет собой деятельность, направленную на реализацию лингвокреативного потенциала языковой личности. Оно отражает индивидуальную картину мира художника слова, свидетельствует об эмоциональном восприятии автором окружающего мира.

Среди основных причин создания авторских слов выделяют необходимость дать свою характеристику или оценку определённому явлению, стремление своеобразным обликом слова обратить внимание на его значение, потребность избежать тавтологии, в поэтической речи это может быть связано с потребностью сохранить ритм стиха, обеспечить рифму, добиться нужной инструментовки [Попова 2005: 28].

Благодатной почвой для исследования функциональной предназначенности авторских слов может послужить поэтическое творчество белгородского поэта В.К. Харченко. Вера Константиновна Харченко – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета, талантливый автор нескольких поэтических сборников. Поэзию В.К. Харченко отличают гармония мысли и слова, проникновенность, удивительная искренность и чистота чувства. В её стихотворениях отмечены яркие авторские слова разной структуры. Особое место среди них занимают так называемые разнословные сложения – дискурсивно обусловленные составные наименования с дефисным написанием, объединяющие в одну сложную номинацию узуальные слова. Сложения отличаются цельнооформленностью, они являются результатом творческого синтеза полнозначных слов, репрезентируют ассоциативные связи между мастерски объединяемыми автором словами. Необычность и неожиданность авторских соединений подчёркивают особую смысловую значимость таких слов, отражают авторские интенции и позволяют считать их *авторскими образованиями*.

Объединяемые в одну номинацию узуальные слова служат созданию ярких метафорических образов. Такие слова являются своеобразными доминантами индивидуально-авторской образности, они репрезентируют индивидуальное мировидение:

*Часто падали мы листопадами,
Грели землю мы под **стволами-скелетами** (Часто падали мы...);
Танец, первый танец наш,*

*Всё молчит, ликуя,
Сердца нежный шпионаж,
Взгляды-поцелуи* (Колыбельная).

«Неожиданные сложения», которые отражают индивидуальный тип поэтического мышления автора, являются ярким свидетельством креативной деятельности поэта. В таких наименованиях, как правило, объединяются слова разных понятийных групп, например:

*Мы бодрость свою отринули,
С прекрасных высот упали,
Болезни сразу напали,
Все планы нам опрокинули.
Но если последняя клетка,
Здоровая **клетка-кокетка**,
Меня изнутри подвигнет,
Как током, волнением понижет... (Ода здоровью).*

Контекстуально обусловленное смысловое поле, а также опыт читателя дают направление для установления логической связи между словами разных понятийных сфер, создают гармонию мысли и слова.

Зафиксированные примеры разнословных сложений в отдельных случаях являются свидетельством функциональной аттракции:

*Все листья в **снег-метель** не удержать,
Забор уткнётся в дом кобылкой сивой... (Заборы в октябре);
Не дойти самой
С **узелком-сумой**,
Плёт пролитых слёз
Не перейти (Нетуги...).*

Анализ разнословных сложений подтверждает слова Г.О. Винокура о том, что «сближая в тексте слова, давно утратившие ту взаимную связь, которой они обладали в силу своего этимологического родства или даже и вовсе никогда этой связи не имевшие, поэт как бы открывает в них новые, неожиданные смыслы, внешне мотивируемые самым различным образом: то шуткой, то глубоким раздумием» [Винокур 1991: 30].

В стихотворениях В.К. Харченко представлены примеры разнословных сложений, в которых один из компонентов является словом с оце-

ночным значением, причём базовым компонентом может быть слово, обозначающее лицо или предмет, например:

*О женицины-жемчужины, зазнобы,
С обликом фей,
Вы так нужны нам несказанно, чтобы
Свет стал светлей (Та, чьи стихи...);
Родители детей обречённых,
Падаю ниц
Пред вашей ношей, тяжёлой и чёрной,
За кромкой ресниц,
Слезами-звёздами вдруг блеснувшей... (Семейный мотив).*

В одном наименовании могут быть представлены два характеризующих слова:

*Но ты не видишь, слепец-чудак,
Что всё по жизни всего на шаг
Позднее, позже к тебе идёт,
И слава пряжу уже прядёт (Из смуты в смуту...);
Гордые мы? Нет, нищие.
Добрые мы? Нет, нищие.
Пасынки-должники (Нищий не станет щедрым...).*

В подобного рода сложениях отражается словесное воплощение модели мира автора. Они служат своеобразной структурно-смысловой основой образности единого поэтического текстового пространства. Своей необычной структурой, синергией значений объединяемых слов такие номинации оказывают воздействующий эффект на читателя, способствуют созданию неординарных, неожиданных образов.

Большая часть разнословных сложений представлена именами существительными (*слова-стерженьки, тайны-штоленки, табличка-кредо, уродец-флюс, гром-голос, сердце-конь* и др.). Зафиксированы также разнословные глаголы (*змеятся-стелятся, стучит-говорит, взглянула-вздохнула* и др.), составные прилагательные (*спасительно-мучительный, влажно-тёмные, летне-детский, чёрно-горький, сладостно-белые* и др.).

Таким образом, анализ позволяет заключить, что функциональный потенциал авторских слов в поэзии В.К. Харченко не одинаков. Среди

созданных поэтом слов преобладают разнословные сложения, которые рассчитаны на отказ от стереотипных образов, обладают особой семантической ёмкостью и воздействующим эффектом на читателя. Наряду с разнословными сложениями, функциональным потенциалом в поэзии В.К. Харченко обладают авторские слова, образованные суффиксальным способом, и окказиональные образования. Каждое из созданных поэтом слов может послужить объектом дальнейшего специального исследования.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 421 с.
2. Белый А. Магия слов. М.: Республика, 1994. 528 с.
3. Винокур Г.О. О языке художественной литературы. М.: Высшая школа, 1991. 448 с.
4. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 409 с.
5. КСЭ – Краткий словарь по эстетике / Под ред. М.Ф. Овсянникова. М.: Просвещение, 1983. 223 с.
6. Маслова В.А. Поэтическое слово в культуре // Слово – сознание – культура. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 319–324.
7. Попова Т.В. Русская неология и неография: учебное электронное текстовое издание. Екатеринбург: УГТУ – УПИ, 2005. 96 с.
8. Титова М.В. Семантика и поэтическая функция окказиональных слов: дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006. 187 с.
9. Томашевский Б.В. Язык и стиль // Стих и язык. Филологические очерки. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. С. 325–351.
10. Харченко В.К. «Я буду Вас ценить и целовать...» 102 стихотворения о славе, смерти и любви. Белгород: Изд-во Белгородского гос. ун-та, 2001. 128 с.
11. Харченко В.К. На звенящих канатах усердия и милосердия. Стихи. Заметки о стихосложении. Белгород: Изд-во БелГУ, 2002. 144 с.
12. Харченко В.К. «Стихи о том, что старость – форма счастья...». Книга стихов и очерков. Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. 176 с.
13. Четверикова О.В. Творческая языковая личность: факторы формирования и структура // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2018. Т. 1, № 1. С. 154–163.

FUNCTIONAL POTENTIAL OF AUTHOR'S WORDS IN POETIC TEXT

© *L.I. Plotnikova*
Belgorod State University

The article is devoted to the study of the functional potential of author's words in the poetic text. The purpose of the work is to identify the functional potential of the most numerous group of author words and to determine their functional purpose on the basis of analyzing poetic texts of the Belgorod poet V.K. Kharchenko. To select language material, the author used the method of full selection of author's words from poetic texts of V.K. Kharchenko. The study of the material was carried out with the help of general scientific methods (observation, analysis, generalization), as well as linguistic methods of system description, contextual analysis, as well as methods of word-forming and functional analysis of the author's words. It has been determined that the functional potential of the author's words in V.K. Kharchenko's poetry is not homogeneous. Among them, there are predominant heteroword compositions represented in the structure of words of various parts of speech. These units can be considered as a structural-semantic dominant of individual-author imagery.

Keywords: functional potential, author's words, heteroword composition.

**ЗАПУТЫВАТЬ МОЗГИ И ЕЗДИТЬ НА ШЕЕ:
КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫХ КОЛЛОКАЦИЙ
В УСТНОМ ПОВСЕДНЕВНОМ ОБЩЕНИИ¹**

© *Т.И. Попова*^{1,2}, *К.И. Драчева*²

¹ *Санкт-Петербургский государственный университет,*

² *НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург*

Статья посвящена описанию устойчивых неоднословных единиц (УНЕ) русской устной разговорной речи. Наблюдения и выводы основаны на анализе материала двух корпусов: подкорпуса русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД) общим объемом 300 тысяч словоупотреблений (195 эпизодов), Устного корпуса Национального корпуса русского языка (360 словоупотреблений) и корпуса «Социальные сети» (2615 словоупотреблений). В исследовании более подробно рассматриваются фразеологизированные коллокации с семей 'тело', которые занимают 20,3% от размеченного материала. Целью исследования является классификация условных неоднословных единиц данной группы и рассмотрение специфики ее функционирования в устной русской речи. В результате анализа было выявлено, что часть материала из ОРД представляет собой модифицированные конструкции, которые не представлены в корпусах НКРЯ.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, коллокации, фразеологизированные конструкции, повседневная речь.

Активное участие в построении повседневной коммуникации принимают особые единицы устной речи. Такие единицы постепенно десемантизируются и приобретают прагматическую нагрузку. Ранее в разных работах отечественных лингвистов они именовались по-разному: лишние слова [Сиротинина 1974: 71, 73], пустые лексемы/частицы [Розанова 1983: 36], слова-заменители [Земская 1979: 91], слова-паразиты [Дараган 2000; Разлогова 2003; Шмелев 2004]².

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФ (проект № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»).

² Подробный обзор лингвистических исследований дискурсивных единиц см. [Зайдес 2020].

Такие единицы «очень важны с точки зрения прагматики: они помогают говорящему порождать и структурировать дискурс, выражают его отношение к самому процессу речепорождения, а также позволяют оценить его результат» [Богданова-Бегларян 2018: 94].

Дискурсивные особенности диалогов в ОРД были описаны с помощью одного из уже существующих в коллоквиалистике понятий – прагматические маркеры (ПМ). Таким образом, прагматические маркеры «свойственны исключительно устной речи и характеризуются почти полной утратой (или существенным ослаблением) как лексического (в таком случае говорят о «вымывании» семантики, или, в другой терминологии, «обесцвечивании») (“bleaching”) слова), так и грамматического значения» [Богданова-Бегларян 2019: 437].

После разметки подкорпуса ОРД объемом 300 тыс. словоупотреблений был сформирован словарь, в состав которого входит 35 инвариантов ПМ, для которых определено 10 функций (<https://www.ord-multimedia-dict.com/>).

Дальнейший анализ размеченного материала позволил обнаружить, что в состав ПМ входят многокомпонентные единицы, которые реализуют определенную функцию за счет повторяемости, то есть устойчивости форм и значений.

Так родилась идея исследования устойчивых неоднословных единиц (УНЕ), в рамках которого прагматические маркеры станут лишь одним из анализируемых классов.

Были выделены следующие классы УНЕ:

1. Нефразеологизированные коллокации: *понятное дело, в лучшем случае*;
2. Фразеологизированные коллокации: *откуда ноги растут, на два фронта*;
3. Оказиональные коллокации: *кушать батарейку как трактор*;
4. Формы-идиомы: *не по себе, по барабану, не в кайф*;
5. Прагматические маркеры: *я не знаю, все дела*;
6. Конструкции: *X Y-а знает, X X-ом (дурак дураком)*;
7. Речевые формулы: *не дай Бог, да ну тебя*;
8. Прецедентные тексты: *как в Греции*.

Статистика УНЕ для русской повседневной речи была получена на материале аннотированной (ручное аннотирование) подвыборки в 300 тыс. словоупотреблений (195 речевых эпизодов) из корпуса русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД) [<https://ord.spbu.ru>]. Общий словарь УНЕ на этом материале составил 1088 единиц.

Стоит отметить, что процесс обработки результатов экспертного аннотирования продолжается. На данном этапе помимо составления характеристик каждого класса уточняются и выбранные понятия.

Например, выбранный термин «коллокация» заимствован из сферы корпусной лингвистики, где коллокациями называют «слова, которые часто встречаются вместе. Для поиска коллокаций в корпусе используется статистический подход, то есть коллокациями считаются такие сочетания слов, которые встречаются совместно чаще, чем случайно. Для подсчета коллокаций используются несколько статистических метрик (T-score, logDice, MI3, Loglikelihood). Агрегированная мера показывает геометрическое среднее мер t-score и MI3» [НКРЯ].

В данной статье будет рассмотрена специфика функционирования в устной русской речи одного из классов УНЕ – фразеологизированные коллокации. Главными критериями экспертной разметки УНЕ как ФК стали следующие параметры: переносное значение и устойчивость.

Однако стоит не забывать, что устойчивость определялась без статистических подсчетов на первом этапе работы с материалом ОРД.

Материалом конкретного исследования стал корпус русского языка повседневно общения «Один речевой день» общим объемом 300 тыс. словоупотреблений (195 эпизодов), фиксирующий максимально естественную повседневную речь носителей русского языка («речь с диктофоном на шее»), а также Национальный корпус русского языка (НКРЯ), представляющий собой собрание независимых корпусов, из которых для исследования были выбраны Устный корпус (360 словоупотреблений) и корпус Социальных сетей (2615 словоупотреблений).

Фразеологизмы с компонентами-соматизмами являются наиболее значимой и высокопродуктивной частью фразеологического состава [Шанский 1999: 205]. В размеченном материале устной речи они составляют 20,31% от общего числа фразеологизированных коллокаций, что указывает на частую употребляемость.

Все рассматриваемые коллокации можно разбить на группы по способу образования, которые выделены в статье Н.В. Богдановой-Бегларян «Об идиоматическом потенциале русской разговорной речи» [Богданова-Бегларян 2020]: модификация, контаминация и окказиональное образование, а также отдельные типы, как обобщающие высказывания и прецедентные тексты (часто модифицированные); типы, различающиеся по семантике.

УНЕ класса ФК с лексическим компонентом «голова»

Наиболее обширно представлена в размеченном материале ОРД группа ФК, частью которых стала лексема «голова». Данные ФК занимают 29,5% (23 коллокации) от общего числа УНЕ (78 коллокаций) с лексическим компонентом со значением «части тела».

Исследуемые УНЕ можно разбить на следующие семантические группы:

1. Процесс мышления: *в голове не удержать, голова не держит, в голове (ничего) не держать, в голове не держится, запасть в голову, не бери в голову, в голову не приходит, ломать голову*, в некоторых контекстах *голова трещит*;

2. Внутреннее эмоциональное состояние: *за голову схватиться, невысоко поднята голова, больной на голову, сломя голову*. По близкой семантике в материал были добавлены еще несколько ФК: *крышу рвет и крышу свернуло*;

3. Физическое состояние: *голова трещит*;

4. Межличностные отношения: *на чью-то голову, в голову бить, в голову ударить, пополучать по голове, морочить голову*.

В большинстве примеров *голова* выступает в прямом значении — как часть тела (*за голову схватиться, невысоко поднята голова, голова трещит, пополучать по голове, на чью-то голову*), хотя в некоторых коллокациях отображен смысл «ум, разум, рассудок» (*в голове не удержать, ломать голову, приходить в голову, больной на голову, запасть в голову, в голову бить/ударить, сломя голову, не бери в голову, морочить голову*).

Обычно компонент коллокации *голова* выступает в семантической роли пациенса: претерпевает какие-либо действия. Однако среди примеров также встречаются случаи, когда *голова* выступает в роли субъекта: *голова не держит*. Поиск по коллокациям в корпусе НКРЯ показал, что *голова* выступает в семантической роли агенса только в 3761 коллокации.

По способу образования исследуемые УНЕ класса ФК можно разбить на несколько групп:

1. Контаминация (смешение двух известных единиц, в результате чего получается новое значение) — *запасть в голову*;

2. Модификация (изменение одного или нескольких элементов в рамках конструкции без лишения главного смысла) — *невысоко поднята голова, пополучать по голове*;

3. Неизменяемые — *сломя голову, на чью-то голову, за голову схватиться, голова трещит, в голову бить, в голову ударить, больной*

на голову, в голове не удержат, голова не держит, в голове (ничего) не держать, в голове не держится, не бери в голову, в голову не приходит, ломать голову.

При анализе материала была обнаружена коллокация *запасть в голову* (пример 1) с совместной частотой 97 – частота совместной встречаемости ключевого слова и его коллоката – которая единожды встречается в Устном корпусе НКРЯ, а в корпусе Социальных сетей ее относительная частота 0,038%. Примечательно, что в русском языке более распространена коллокация *запасть в душу* (относительная частота в Устном корпусе НКРЯ – 0,79%).

Традиционно *голова* в русском языке совмещена со значением ментальной сферы ('ум', 'разум'), а *душа* – с эмоциональной. В первом случае говорящий использует коллокацию *запасть в голову* в значении 'возникать в сознании' [Федоров 2008: 246], в то время как во втором случае значение меняется на 'производить сильное впечатление, надолго запоминаться' [Федоров 2008: 246]. Ср.:

(1) *Хотя уже и запали ей в голову эти мысли/ тем ожесточённое молилась/ будто условие ставила.* [Татьяна Лиознова, Вера Панова. Евдокия, к/ф (1961)] [От автора, муж] (Устный корпус НКРЯ);

(2) *Вот это единствен... единственное запало мне в душу и оставило хорошее впечатление об этом городе.* [Разговор с приятелем об учебе (2015)] [Дмитрий, муж, студент] (Устный корпус НКРЯ).

Таким образом, изначальное выражение *запасть в душу* в речи говорящего модифицируется, существительное в связке заменяется, а вместе с ним меняется и значение, что является процессом контаминации. На примере коллокации *запасть в голову* видно смещение смыслов и то, как в устной речи слова, считающиеся антонимами, заменяют друг друга в рамках одной коллокации.

В ходе исследования было обнаружено, что в контексте наказания, чаще всего от руководства, используется конструкция *получать по X-у*:

(3) *Итак/ приходят участники/ дают денежку на полезное/ доброе/ вечное/ а также денежку на то/ чтобы от такой организации **получать по голове.*** [Круглый стол на тему «Система СОПМ – угроза конституционным правам граждан Российской Федерации» (1998)] [№ 4, муж] (Устный корпус НКРЯ).

В некоторых случаях на месте X вместо *головы* выступает *шапка*, что является метонимическим переносом:

(4) *Но два российских летчика просто **получают по шапке** от руководства и продолжают летать.* [vk (21.11.2013)] (Социальные сети НКРЯ).

При анализе материала был обнаружен измененный вариант этой конструкции — *получать по голове*. Приставка *по-* указывает на действие, произведенное в значительном количестве, и придает пренебрежительный оттенок.

Коллокация *невысоко поднята голова* не представлена в корпусах НКРЯ, но встречается в размеченном материале ОРД:

(5) *ну ведёт она себя не (...) / как сказать / не высоко поднята голова / она тоже мельтешит(?) (...) постоянно // [муж] (корпус ОРД).*

Существует выражение *высоко держать голову*, которое указывает на гордость и независимость человека [Федоров 2008: 190]:

(6) *Я высоко держу голову до последней минуты надежды... [vk (14.04.2013)] (Социальные сети НКРЯ).*

В таком случае *невысоко поднятая голова* имеет противоположное значение – ‘неуверенный человек’. Таким образом, выражение модифицируется, но не теряет главную семантику.

УНЕ класса ФК с лексическим компонентом «мозг»

Единица *мозг* часто соотносится с *головой*, но имеет менее широкую семантику. В представленном материале фразеологизированные коллокации с этим лексическим компонентом составляют 6,41%.

Фразеологизированные коллокации этой группы можно разделить на следующие семантические группы:

1. Процесс мышления: *забивать мозги, запутывать мозги;*
2. Межличностные отношения: *вынос мозга, мозгов нету/ноль.*

В представленных примерах *мозг* выступает в значении ‘ум, разум, рассудок’.

По способу образования коллокации можно разбить на несколько групп:

1. Модификация – *забивать мозги;*
2. Оказиональное образование (составление новой конструкции по известной модели или контаминации знакомых говорящим слов и выражений) – *запутывать мозги;*
3. Неизменяемые – *мозгов нету/ноль, вынос мозга.*

Коллокация *забивать мозги* с совместной частотой 13 имеет значение ‘перегружать, обременять память множеством сведений, знаний’ [Телия 2006]:

(7) *А в чем он одет, на чем ездит, и прочее вообще не забивает мозг. [Радости суперсвободных (2016–2020)] (Социальные сети НКРЯ);*

(8) *Я тебе сто раз говорила/ что это то чтиво/ которое не забивает мозг ненужной информацией/ ты прочитываешь книжку/ и у тебя*

остаётся только ощущение от неё/ и ничего больше. [Телефонный разговор мужчины и женщины (2005)] [№ 1, жен, 18, 1987] (Устный корпус НКРЯ).

То же значение имеет коллокация *забивать голову*, но совместная частота у нее больше – 245. Из чего можно сделать вывод, что *забивать мозги* изначально было модификацией ФК этого выражения, но впоследствии стало отдельной коллокацией.

Коллокация *запутывать мозги* в значении ‘приводить в смятение’ не была обнаружена в корпусах НКРЯ.

Здесь можно говорить о речевом сбое, так как по корпусу НКРЯ наиболее распространенные коллокаты у глагола *запутывать*: *дело* (совместная частота – 35), *след* (совместная частота – 19), *вопрос* (совместная частота – 14), *положение* (совместная частота – 7), *человек* (совместная частота – 5). При дальнейшем поиске по коллокациям была обнаружена единственная коллокация *запудрить мозг* (совместная частота – 23):

(9) *Но на самом деле, когда тебе запудривают мозги, говоря, что они плохие и тд, не верь.* [vk (10.05.2012)] (Социальные сети НКРЯ).

Фразеологизированная коллокация *запутывать мозги* появилась при совмещении двух синонимичных по значению выражений *запутывать человека* и *запудрить мозг*, то есть это окказиональное образование.

УНЕ класса ФК с лексическим компонентом «уши»

Фразеологизированные коллокации с лексемой *уши* занимают 5,13%. Их можно разбить на семантические группы:

1. Умственная сфера – *ни ухом ни рылом*;
2. Межличностные отношения – *все уши прожужжжать / по ушам пожужжать, по ушам проехать*.

Ухо – орган слуха, поэтому между ним и слухом существует метонимическая связь, что находит отражение в рассматриваемых фразеологизированных коллокациях.

По способу образования коллокации с лексемой *ухо* можно выделить несколько групп:

1. Модификация – *по ушам проехать, все уши прожужжжать*;
2. Контаминация – *по ушам пожужжжать*;
3. Неизменяемая – *ни ухом ни рылом*.

Коллокации *по ушам проехать* не удалось выявить в корпусе НКРЯ, однако существует похожая коллокация *ездить по ушам* с совместной частотой 19. Она имеет два значения: ‘долго и нудно рассказывать кому-либо о чём-либо’ [Мокиенко, Никитина 2007] или ‘обманывать кого-либо’ [Мокиенко, Никитина 2007].

Здесь мы видим не отличающуюся воспроизводимостью модификацию, созданную по модели существующей коллокации, так как оба используемых глагола имеют значение ‘провести в дороге, в пути какое-нибудь определённое время’, поэтому значение фразеологизированной коллокации не изменяется:

(10) *Ты чё поймал?* [Интурист говорит по-английски] *Ты мне по ушам не езд*. *Раскинем псяят на псяят и разойдёмся.* [Резо Гигинейшвили. Жара, к/ф (2006)] [Дэни (Дэни Дадаев, муж, 25, 1981)] (Устный корпус НКРЯ);

(11) *Отслонявь процент и вывози сколько влезет, а всяким шариковым-материалистам по ушам можно проехать – смотрите мол, сколько у нас денег, хотя в реальности всё точно наоборот.* [Экономика России (3) (2019–2020)] (Социальные сети НКРЯ).

Коллокации *все уши прожужжат* и *по ушам пожужжат* не удалось обнаружить в рассматриваемых корпусах НКРЯ, хотя существует коллокация *жужжат в уши* (совместная частота 24), имеющая переносное значение ‘надоедливо, настойчиво повторять что-либо; говорить об одном и том же’ [Фёдоров 2008]:

(12) *Сейчас вам начнут жужжать в уши/ герой/ герой!* [Михаил Калатозов, Семен Деревянский, Г. Кубанский. Мужество, к/ф (1939)] [Командир отряда (Алексей Бонди, муж, 47, 1892)] (Устный корпус НКРЯ);

(13) *Да, а девочкам в уши часто жужжат, что выходить замуж надо ВОВРЕМЯ, а то потом могут не взять.* [vk (02.06.2016)] (Социальные сети НКРЯ).

Скорее всего, конструкция *по ушам пожужжат* является контаминацией из двух других коллокаций *ездить по ушам* и *жужжать в уши*, в то время как конструкция *все уши прожужжат* — модификация.

Результаты

В результате исследования было выявлено, что наиболее распространённый класс УНЕ – нефразеологизированные коллокации, которые занимают 33,38% (671 коллокация) от общего числа УНЕ (1088 коллокаций), в то время как фразеологизированные коллокации составляют 19,10% (384 коллокации). Далее по убыванию идут речевые формулы (18,86%), прагматические маркеры (12,89%), конструкции (7,31%), формы-идиомы (6,32%), прецедентные тексты (1,09%), окказиональные коллокации (1%) и не отнесенные ни в один класс единицы (0,05%).

Обращаясь к рассмотренным фразеологизированным коллокациям, можно сделать вывод, что модификация является самым распространенным видом образования. Она составляет 15,63% от представленных коллокаций. Контаминация занимает 6,25%, а окказиональное образование – 3,13%. Остальные 75% занимают неизменяемые коллокации.

Дальнейшее изучение модификаций фразеологизированных коллокаций и контаминаций позволит определить наиболее актуальные для языка устойчивые единицы, степень усвоения значений которых позволяет носителям языка свободно изменять компоненты. При этом коммуникативное намерение передается для собеседника без преград, несмотря на модификации.

Список литературы

1. Богданова-Бегларян Н.В. Об идиоматическом потенциале русской разговорной речи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020, 17 (4). С. 582–595.
2. Богданова-Бегларян Н.В. Грамматические «атавизмы» прагматических маркеров русской устной речи // Структурная организация языка и процессы языкового функционирования / Гл. ред. О.И. Глазунова. М.: Изд-во УРСС, 2019. С. 436–446.
3. Богданова-Бегларян Н.В. О возможных коммуникативных помехах в межкультурной устной коммуникации // Мир русского слова. № 3, 2018. С. 93–99.
4. Дараган Ю.В. Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи // Труды Международного семинара «Диалог-2000» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Том 1. Теоретические проблемы. Протвино: РГГУ, 2000. С. 67–73.
5. Земская Е.А. Особенности разговорной речи и структура коммуникативного акта // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. 1979. С. 196–220.
6. Мокшенько В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М: Олма Медиа Групп. 2007. 783 с.
7. НКРЯ. Поиск по коллокациям. [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscogroga.ru/page/tool-collocations/> (дата обращения 23.03.2024).
8. Разлогова Е.Э. К вопросу о специфических употреблениях модальных слов: слова-паразиты в русской и французской речи // Вестник Московского ун-та. № 6, 2003. С. 152–169.
9. Розанова Н.Н. Суперсегментная фонетика // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Отв. ред. Е.А. Земская. М.: Наука, 1983. 237 с.
10. Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь, ее особенности. М.: Просвещение, 1974. 143 с.

11. Телия В.Н. Большой фразеологический словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс. 2006. 781 с.
12. Шмелев А.Д. Заполнители пауз как коммуникативные маркеры // Жанр интервью: особенности русской устной речи в Финляндии и Санкт-Петербурге. Tampere: Slavica Tamperensia V, 2004. С. 205–222.
13. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М., 1999. 184 с.
14. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, АСТ. 2008. 878 с.

***TO CONFUSE THE BRAIN AND RIDE ON THE NECK:
CORPUS STUDY OF THE FUNCTIONING OF PHRASEOLOGIZED COL-
LOCATIONS IN ORAL EVERYDAY COMMUNICATION***

© *T.I. Popova, K.I. Dracheva*
Saint-Petersburg State University
HSE Saint-Petersburg

The article is devoted to the description of set ambiguous units (SAU) of Russian oral colloquial speech. Observations and conclusions are based on the analysis of the material of two corpora: the subcorpus of the Russian language of everyday communication "One speech day" with a total volume of 300 thousand word uses (195 episodes), the Oral Corpus of the National Corpus of the Russian Language (360 word uses) and the corpus "Social Networks" (2615 word uses). The study examines phraseologized collocations with the 'body' seme in more detail, which occupy 20.3% of the marked-up material. The purpose of the study is to classify the conditional non-verbal units of this group and to consider the specifics of its functioning in oral Russian speech. As a result of the analysis, it was revealed that part of the material from the OSD is modified structures that are not represented in the buildings of the NKRL.

Keywords: corpus linguistics; collocations; phraseologized constructions; everyday speech.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И КОННОТАТИВНО-ОЦЕНОЧНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЛЕКСЕМ – РЕПРЕЗЕНТАНТОВ КОНЦЕПТА «ПАТРИОТИЗМ» В РУССКОЙ РЕЧИ: СЛОВО «ПАТРИОТКА»

© *Н.В. Радбиль*

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского*

В статье обсуждаются результаты продолжающегося исследования смысловых и оценочных преобразований слов — репрезентантов концепта ПАТРИОТИЗМ в русской речи. В настоящем исследовании рассматриваются особенности функционирования лексемы *патриотка*. Использована комплексная методика описания семантического наполнения и языковой объективации социально значимых концептов, основанная на методах изучения активных процессов в русском языке, концептуального анализа и когнитивно-дискурсивного исследования корпусных данных. В качестве материала для исследования выступают данные основного и газетного корпусов в составе Национального корпуса русского языка. Показано, что в реальном употреблении слова *патриотка* можно заметить его стилистическую маркированность на фоне нейтрального *патриот*. Установлено, что лексема *патриотка* воспринимается как разговорная, несколько сниженная, присущая непринужденному стилю общения. На этом фоне в речевой практике носителей русского языка она развивает позитивную и негативную оценочность, имплицитную ближайшим и дальнейшим контекстным окружением. Делается вывод о существенном оценочном потенциале слова *патриотка* как репрезентанта концепта ПАТРИОТИЗМ, который проявляется в дискурсивном варьировании данной лексемы.

Ключевые слова: лексема «патриотка», концепт ПАТРИОТИЗМ, имплицитная оценочность, положительная и отрицательная оценка, корпусный анализ, русская речь.

В статье развиваются некоторые положения, высказанные нами в предыдущих работах, посвященных смысловым и оценочным преобразованиям слов – репрезентантов концепта ПАТРИОТИЗМ в русской речи [Наговицына 2019; Наговицына 2020]. Прежде всего речь идет о производных словах, которые в речевых практиках носителей русского языка приобретают экспрессивность и оценочность, даже если на уровне словарных толкований эти лексемы выглядят как нейтральные, внеоценочные. В настоящем исследовании рассматриваются особенности функционирования лексемы *патриотка* в современной русской

речи. Использована комплексная методика описания семантического наполнения и языковой объективации социально значимых концептов, основанная на разработанных учеными ННГУ им. Н.И. Лобачевского методах изучения активных процессов в русском языке [Русский язык 2021], концептуального анализа [Горшкова, Ручина 2011] и когнитивно-дискурсивного исследования корпусных данных [Радбиль 2020]. В качестве материала для исследования выступают данные основного и газетного корпусов в составе Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Слово *патриотка* в основных толковых словарях толкуется просто как коррелят женского рода по отношению к исходному слову мужского рода *патриот* [БАС–IX 1959; МАС–III 1987]. Однако в реальном употреблении этого слова можно заметить его стилистическую маркированность на фоне нейтрального *патриот*. Лексема *патриотка* воспринимается как разговорная, несколько сниженная, присущая непринужденному стилю общения. Именно поэтому, когда говорящий хочет задействовать нейтральный или даже возвышенный стилистический регистр, он по отношению к лицу женского пола все равно употребляет слово *патриот*, например: «Ведь **она** настоящий боец и **патриот**», – написал Овсянников (lenta.ru, 28.04.2017); Элина добавила, что и **она** является **патриотом** своей страны (Известия, 25.10.2016); **Она** настоящий **патриот** и командный игрок, дочь своей страны (lenta.ru, 08.03.2016); Так случилось, что у ее родителей власть все отобрала, но мама всю жизнь прожила с большой любовью к Родине, **она** была настоящим **патриотом** (Труд-7, 22.02.2007); Себя **она** считает **патриотом** и русофилом (Ведомости, 2001.04.12).

Лексема *патриотка*, напротив, тяготеет к неформальным речевым практикам, к эмоционально-экспрессивному регистру речи, например: Я, конечно, **патриотка** нашей газеты, но не до такой степени и не в этом контексте, и считаю, что первейший долг газеты – информировать, а не силиться что-то изобразить, сжавшись в комок... («Уральский автомобиль» (Миасс), 15.01.2004); Вдобавок бабушка с самого детства пыталась втапдычить мне католические традиции, с одной стороны, а с другой – была большой **патриоткой** мексиканской культуры, вплоть до самых архаичных поверий и легенд (lenta.ru, 15.10.2015),

– иногда даже к речи с чрезмерной экспрессией: От средневековых баллад до картины гениального австрийца Эгона Шиле «Смерть и Дева» (1915), где отравленный газом солдат обнимает **костлявую пат-**

риотку на бруствере окопа (Новая газета*, 28.11.2016); *Вижу соблазнительную патриотку с возмутительно-ангельским выражением лица* (Комсомольская правда, 14.03.2005).

Это обстоятельство обуславливает значительный эмоционально-экспрессивный и оценочный потенциал лексемы *патриотка*, который реализуется в современной русской речи. В обследованном корпусном материале нам встретилось очень мало контекстов, где слово *патриотка* употребляется в нейтральном регистре, внеоценочно, например: *Кстати, похоже, что и страна Кабо-Верде живет в основном налогами с ее заработков – а Эвора известная патриотка* (Известия, 31.05.2002); *Она такая патриотка своих мест и считает, что лучшие Гурии нет ничего на свете* (Рюрик Ивнев. У подножия Мтацминды (1960–1967)); *Патриотка гэльского языка тоже улыбнулась и молвила...* (Лев Минц. В поисках кельтов // «Вокруг света», 1992); *А я встала и шла. // – Вы – такая патриотка средней полосы! Далекие путешествия вас не манят?* (Аргументы и факты, 26.06.2001).

В подавляющем большинстве случаев лексема *патриотка* в дискурсной реализации приобретает разнообразные коннотативно-оценочные приращения. При этом речь идет о так называемой «наведенной» оценочности, которая имплицуруется ближайшим или дальнейшим контекстным окружением [Радбиль 2023]. В настоящем исследовании мы обсудим только один вид контекстов имплицирования оценочности для слова *патриотка*. Это контексты сочетаемости данного существительного с качественными прилагательными в роли определения. Именно качественные прилагательные, эксплицитно содержащие положительно-оценочные или отрицательно-оценочные семы или коннотации, влияют и на смысловые и ценностные преобразования определяемого слова.

Вполне ожидаемо, что большинство примеров употребления слова *патриотка* отражают реализацию в речевой практике носителей русского языка именно положительной оценки, которая закономерно выводится из словарного толкования исходного слова *патриот*: «Человек, любящий свое отечество, преданный своему народу, готовый на жертвы и совершающий подвиги во имя интересов своей родины. // О том, кто предан чему-либо, горячо любит что-либо (свое дело, свой край и т.п.)» [БАС–IX 1959], которое содержит представление о том, что чувство любви к Родине является чем-то безусловно важным для этноса, связано с национальными идеалами и ценностями.

---

* Издание «Новая газета» является иноагентом (примечание редакции).

Качественные прилагательные в роли определяемого слова как бы усиливают этот положительный «заряд», имеющийся у лексемы *патриотка*, например, посредством общеоценочных позитивно-оценочных характеристик: *Изумительная патриотка, настоящий сельский интеллигент — Любовь Петровна Сысоева* (Г.В. Мясников. «Душа моя спокойна...»: Из дневников разных лет. Публ. и комм. М. Г. Мясникова. // Наше Наследие. 2001. № 59-60., 2001); *Ну а чем же любимая родина отвечает своей воистину уникальной патриотке?* (Александрова Марина. БАБУШКИНЫ РЕКОРДЫ // Труд-7, 03.10.2002).

Это также могут быть прилагательные, обозначающие искренность, истинность чувства патриотизма у определяемого лица женского пола: *Николай из Сургута отправился в путь не ради праздного интереса, а дабы долг исполнить: воспитать из дочери настоящую патриотку* (Vesti.ru, 19.04.2013); *Как истинная патриотка, она, к сожалению, не собирается готовить конкурентов своему президенту в Советском Союзе, но, как представляется, один конкурент у Джорджа Буша уже есть – Борис Ельцин занялся теннисом на полном серьезе («Огонек». № 12, 1991); Тем не менее, люди, знакомые с подозреваемой в шпионаже, утверждают, что несмотря ни на что она остается искренней патриоткой России, хотя и с завышенной самооценкой и склочным характером* (Московский комсомолец, 06.10.2017).

Другая грань имплицитной положительной оценочности для слова *патриотка*, выражаемой с помощью качественных прилагательных, — это представление о наличии большого чувства патриотизма, которое также оценивается как предпочтительное: *Николай Иванович сказал, что я великая патриотка* (Анна Ларина (Бухарина). Незабываемое (1986–1990)).

Аналогично – позитивно оценивается представление о силе, интенсивности чувства патриотизма: *К сожалению, а может быть, и к счастью, Татьяна Михайловна Лиознова осталась навсегда в том времени, не перестав быть ревностной патриоткой социалистического строя и не принимая ничего из того, что происходит в стране сейчас* («Общая газета», 1998); Татьяна Лебедева: *«Вообще-то я жуткая патриотка»* (Аргументы и факты, 15.09.2004); *Страстная патриотка, она резко восставала против пораженчества и пораженцев в других партиях и особенно в своей собственной* (М.В. Вишняк. Дань прошлому (1953),

– зачастую – посредством концептуальной метафоры пламени, горения: *К тому же она пылкая патриотка, и это очень импонирует*

свободолюбивому английскому поэту (Юрий Безелянский. В садах любви (1993)); *Конради, пламенная патриотка, призвала женщин-матерей «в детях любить отечество, в отечестве любить часть великой человеческой семьи»* (М. Шабаева (ред.). История педагогики (1981)); *В начале войны она приехала в Петербург, выказала себя горячею патриоткой, была сестра милосердия в великосветском госпитале...* (Н.Н. Берберова. Железная женщина (1978–1980)).

Ряд прилагательных выражают представление о смелости и самоотверженности носителей чувства патриотизма: *Смелая патриотка не испугалась опасности и спасла сотни советских людей* («Сталинское знамя», 03.08.1952); *Мать партизанской семьи, семьи героев, она и сама была героиней – мужественной патриоткой* (Д.Н. Медведев. Сильные духом (Это было под Ровно) (1948)); *Он взводит курок, но тут бесстрашная патриотка Мирра отнимает у него боевое оружие и напоминает, что долг советского офицера – защищать Родину* (Аргументы и факты, 15.10.2005); *Тов. Сапрыкина говорит о подвиге доблестных патриотов. Она поздравляет летчиц с успешным завершением перелета* (Комсомольская правда, 26.09.2013); *Актриса Вера Марецкая не играла, а буквально жила жизнью самоотверженной патриотки Прасковьи Лукьяновой* (Григорий Александров. Эпоха и кино (1976)),

– об их честности, верности, преданности: *Верные патриотки горячо любят свою Рабоче-Крестьянскую Красную Армию* (А.А. Авдеев. Дневник (1941)); *Врачи, радистки, снайперы, пулеметчицы – честные патриотки, простые, скромные труженицы войны – не жалели жизни, чтобы отстоять советскую Родину* («Работница», 1957).

Однако в обследованном материале имеются и примеры, отражающие и наличие наведенной отрицательной оценочности для слова *патриотка*. В наших предыдущих работах было показано, что отрицательное восприятие чувства патриотизма может быть связано с представлением о том, что патриотизм может расцениваться как в чем-то неправильный, ущербный, т.е. не соответствовать в каком-либо отношении подлинному патриотизму, с точки зрения говорящего. В частности, отрицательно оценивается: (1) излишне аффектированный патриотизм; (2) внешний, показной патриотизм (*квасной патриотизм*); (3) ложный, мнимый патриотизм; (4) недостаточный патриотизм [Радбиль Н. 2023]. Некоторые из этих разновидностей зафиксированы и в нашем корпусном материале.

Так, излишне аффектированный патриотизм выражается в следующих атрибутивных сочетаниях слова *патриотка* с прилагательными:

Оказалось, что на мероприятие затесалась некая **радикальная патриотка**, но умеренные белогвардейцы немедленно отправили ее за ограду храма, предупредив, что "за ругательства" будут выставлять каждого (Коммерсант, 12.11.2001); Не потому что я какая-то **безумная патриотка** (Владимир Молчанов, Консуэло Сегура. И дольше века... (1999–2003)); Эта **кликнушествовавшая ура-патриотка** добровольно ушла на фронт простым солдатом еще в начале войны, принимала участие в боевых действиях на Юге, где и отличилась во время знаменитого Брусиловского прорыва (Борис Васильев. Дом, который построил Дед (1990–2000)); За «Вахту на Рейне» им, впрочем, влетело от какой-то **истеричной патриотки**, которая стала с берега вопить: «Довольно!» (Бенуа А.Н. Дневник. 1916–1918. М.: «Захаров», 2010. 768 с. (3-е изд. – в 2016 г.), 2010–2001); – Что ж, давно пора было решать дело с Константинополем и проливами, — говорила в гостиной у Петровых Нина Борисовна, ставшая теперь **неугомонной патриоткой** (Ирина Ратушинская. Одесситы (1998)).

Внешний, показной патриотизм как негативно оцениваемое явление представлен в следующих примерах, иногда — посредством так называемых «иронических кавычек»: *Ответ попытались найти наши корреспонденты: питерская **квасная патриотка** Татьяна Максимова и заезжий московский либерал Валерий Рукобратский* (Комсомольская правда, 05.07.2005); *Член Президентского и Патриаршего советов по культуре, неистовая любительница Сталина и **профессиональная патриотка**, давно и твердо знающая, «как надо», будучи назначенной, обеспечит всем нам множество ярких событий на культурном поле в самое ближайшее время* (Новая газета*, 27.06.2018); *Но куда очевидней, что Пушкину не надобно было представлять Татьяну «идейной» патриоткой; что «рассеянность» или утомленность проезжающей по Москве Татьяны «сподручна» более емкой задаче, которая читается за строками или меж строками романа...* (Татьяна Глушкова. «Татьяны милый идеал...» // Независимая газета (приложение «Ex Libris НГ»), 01.06.2000).

Ложный, мнимый патриотизм в сочетаниях слова *патриотка* с прилагательными, как правило, проявляется в иронически сниженных контекстах: *Мне недавно одна **гламурная патриотка** на прямой вопрос, как это она, вся такая идейная, едет отдыхать в Италию, которая, между прочим, член НАТО, так и ответила: ну ведь где-то же надо расслабляться!* (Труд-7, 11.09.2008); *И Мадонна тоже патриотка, и*

---

* Издание «Новая газета» является иноагентом (примечание редакции).

богатенькая патриотка, заметьте (после брака с Гаем Ричи она была включена в список *star-цов-богачев* со своими 300 млн. баксов) (Аргументы и факты, 26.09.2001).

Контекстов, в которых сочетание слова *патриотка* с прилагательным выражает негативно оцениваемый недостаток чувства патриотизм у лица, нами не обнаружено.

В целом проведенный анализ на примере существительного *патриотка* еще раз подтвердил существенный оценочный потенциал слов – репрезентантов концепта ПАТРИОТИЗМ, их способность выражать самые разнообразные имплицитные позитивно-оценочные и негативно-оценочные смыслы, которая актуализуется в их дискурсивном варьировании.

Список литературы

1. БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т. IX. 1959. 746 с.
2. Горшкова Т.В., Ручина Л.И. Словарь комбинированного типа как способ лексикографического описания концептосферы русской народной сказки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6-2. С. 130–135.
3. МАС – Словарь русского языка: В 4-х т./ АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. III. П–Р. 1987. 752 с.
4. Наговицына Н.В. Словообразовательное гнездо с вершиной *патриот* в языковой объективации концепта «патриотизм» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 2. С. 192–195.
5. Наговицына Н.В. Дериваты лексемы *патриотизм* как выразители оценочного потенциала одноименного концепта // Национальные коды в языке и литературе. Язык как культурно-историческое достояние народа: Сборник статей. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. С. 98–104.
6. Радбиль Н.В. Коннотативно-оценочные преобразования прилагательного *патриотический* как средство языкового воплощения концепта ПАТРИОТИЗМ в русской речи // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 2. С. 66–83.
7. Радбиль Т.Б. "Самоизоляция" как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7, № 4. С. 759–774.
8. Радбиль Т.Б. Наведенная оценочность как объект лингвокультурологического изучения: Опыт корпусного анализа интернет-медиа // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание. 2023. № 2. С. 95–105.
9. Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: Кол. монография / под ред. Л.В. Рацибурской. М.: Флинта, 2021. 328 с.

**SEMANTIC AND CONNOTATIVE-EVALUATIVE TRANSFORMATIONS
OF LEXEMES – REPRESENTATIVES
OF THE CONCEPT “PATRIOTISM” IN RUSSIAN SPEECH:
THE WORD “PATRIOTKA”**

© *N.V. Radbil*

*National Research Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod*

The article discusses the results of an ongoing study of semantic and evaluative transformations of words that represent the concept PATRIOTISM in Russian speech. This study examines the features of functioning of the lexeme *patriotka*. A comprehensive methodology was used to describe the semantic content and language objectification of socially significant concepts, based on the methods of studying active processes in the Russian language, conceptual analysis and cognitive-discursive research of corpus data. The material for the study is data from the main and newspaper corpora as part of the Russian National Corpus. It is shown that in the actual use of the word *patriotka*, one can notice its stylistic marking against the background of the neutral *patriot*. It has been established that the lexeme *patriotka* is perceived as colloquial, somewhat reduced, inherent in a relaxed style of communication. Against this background, in the Russian native speakers' speech practice, it develops positive and negative evaluation, implied by the immediate and further contextual environment. The conclusion is made about the significant evaluative potential of the word *patriotka* as a representative of the concept PATRIOTISM, which is manifested in the discursive variation of this lexeme.

Keywords: lexeme “patriotka”, concept PATRIOTISM, implicit evaluativeness, positive and negative evaluation, corpus analysis, Russian speech.

АДЪЕКТИВНАЯ АТРИБУЦИЯ КУЛЬТУРНО ЗНАЧИМЫХ РЕАЛИЙ В ИНТЕРНЕТ-МЕДИА: НАВЕДЕННАЯ ОЦЕНОЧНОСТЬ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ПО КОРПУСНЫМ ДАННЫМ¹

© *Т.Б. Радбиль*

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского*

В статье обсуждается проблема выявления и интерпретации наведенной оценочности слов русского языка в медиадискурсе интернета. Использован метод когнитивно-дискурсивного анализа корпусных данных. Материалом для анализа являются лексикографические толкования, представленные в основных русских толковых словарях, и контексты, извлеченные из газетного корпуса в составе Национального корпуса русского языка. Цель исследования — выявление имплицитной позитивной и негативной оценочности в речевой реализации относительного прилагательного *идеальный* в языке интернет-медиа. Показано, что наведенная позитивная оценочность обусловлена эксплицитной положительно-оценочной семантикой прилагательного *идеальный* 'совершенный, образцовый, отличный, превосходный'. В свою очередь установлено, что отраженная негативная оценочность возникает у прилагательного в контекстах сочетаемости с определяемыми существительными, имеющими эксплицитную отрицательно-оценочную семантику. Делается вывод о значительном семантическом и ценностном потенциале русских относительных прилагательных, обозначающих «знаковые» в каком-либо отношении свойства, качества, характеристики лиц, явлений, реалий, абстрактных сущностей и т.д.

Ключевые слова: наведенная оценочность, адъективная атрибуция, прилагательное *идеальный*, когнитивно-дискурсивный анализ, корпусные данные, медиадискурс интернета.

В статье продолжается обсуждение проблемы выявления и интерпретации так называемой «наведенной» оценочности слов русского языка в их речевой реализации в медиадискурсе интернета [Радбиль Т. 2023]. В качестве основного метода исследования выступает когнитивно-дискурсивный анализ корпусных данных, процедура которого разработана в наших предыдущих работах [Радбиль Т. 2020; Русский язык 2021] и апробирована в трудах других исследователей – см., например

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00368, <https://rscf.ru/project/23-28-00368/>

[Наговицына 2019; Наговицына 2020]. Материал для анализа – лексикографические толкования, представленные в основных русских толковых словарях [БАС–V 1956; МАС–I 1985; БТСРЯ 2000; СЕ 2000], и контексты, извлеченные из газетного корпуса в составе Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Объектом исследовательского внимания становится именно медиадискурс, который, особенно в своей интернет-разновидности, представляет собой специфическую среду, в которой отражаются, транслируются и даже моделируются ценности разных социальных групп и общества в целом [Сидоров 2019].

Концепция наведенной оценочности опирается на феномен «семантической ауры» («семантической просодии») слова, обнаруженный классиками зарубежной квантитативной лингвистики Дж. Р. Фертом и Дж. Синклером при анализе больших массивов данных в референциальных корпусах [Firth 1957; Sinclair 1991] и усовершенствованный в контекстуально-просодической теории Б. Лоу [Louw 1993]. Наведенная оценочность, в нашем понимании, характеризуется как разновидность неявной, скрытой оценочности, которая не отражается в словарных толкованиях лексем на системно-языковом уровне, но «имплицитируется непосредственным контекстным окружением диагностируемой единицы, под влиянием определяемого или определяющего слова, однородных слов, интенсификаторов или конкретизаторов и пр.» [Радбиль Т. 2023: 97]. В работах В.Е. Чернявской эффект подобного приращения коннотативно-оценочных смыслов для того или иного слова или выражения именуется «деонтическим значением» [Чернявская 2023]. Следует отметить, что такая оценочность является при этом объективной, потому что регулярно воспроизводится в повторяющихся типовых контекстах употребления интересующего нас слова, что можно верифицировать по репрезентативным выборкам из корпуса.

В поле исследовательского внимания находятся русские относительные прилагательные, которые обозначают круг значимых в каком-либо отношении духовных, нравственных, психологических, эстетических, социальных, идеологических и пр. ценностей для носителей языка – *народный, международный, национальный, интернациональный, этнический, патриотический, традиционный, консервативный, прогрессивный* и пр. [Радбиль Н. 2023; Радбиль Т. 2023]. Все эти слова объединяет то, что они в лексико-семантической системе языка имеют обобщенную семантику относительных прилагательных ‘имеющий отношение к тому, что названо производящим словом’ и в этом плане не содержат никакой эксплицитной оценки. Однако за счет специфики свое-

го контекстного окружения эти прилагательные обнаруживают способность приобретать разного рода положительно-оценочные и отрицательно-оценочные оттенки смысла в дискурсной реализации.

Так, например, прилагательное *народный* может приобретать позитивно-оценочную интерпретацию, имплицитную в зоне инференции – информации, которую адресат, в соответствии с замыслом говорящего, должен самостоятельно вывести из того, что сказано, опираясь на экстралингвистические знания, культурный фон и пр. [Кубрякова 1996: 33–34]: ‘народный → соответствующий истинным интересам народа → соответствующий народным идеалам; такой, какой должен быть’: *И удивителен, почти невероятен рассказ автора о том, как в глухом краю, «на голом месте», ему и команде добровольцев-единомышленников удалось создать эффективную систему народного просвещения и развить народное самосознание!* (НКРЯ). Однако в ряде других типовых контекстов это прилагательное может приобретать и наведенную негативную оценочность, связанную с инференцией: ‘народный → косный, необразованный, ненаучный, непрофессиональный и пр.’: *Доктора Комаровского возмутили глупые народные советы против COVID-19* (НКРЯ); *Силен Жолобов и в народной этимологии – изобретении новых слов. Вот, например: «Футболисты не очень активно отбарываются». Переводим: борются недостаточно активно, недорабатывают* (НКРЯ) [Радбиль Т. 2023]. Примерно такая же амбивалентная наведенная оценочность разного знака возможна и для прилагательных типа *консервативный, традиционный, прогрессивный* и под., которые напрямую не выражают актуальных идеологических, социальных или этнических ценностей.

В данной работе тесту на наведенную, имплицитную оценочность подвергается прилагательное *идеальный*. В соответствии с принятой концепцией исследования, на предварительном этапе анализируются данные лексикографических источников, а затем уже проводится анализ и интерпретация корпусных данных на предмет возможного наличия оценки разного знака. Контексты интерпретируются в соответствии с правилами ручной разметки в компьютеризованных технологиях определения эмоциональной тональности текста («сантимент-анализа») [Prabowo, Thelwall, 2009], когда оценивается положительная или отрицательная оценочность всего контекстного окружения для тестируемого слова.

Изучение лексикографических данных по основным русским толковым словарям позволило выявить следующие значения для прилагательного *идеальный*: (1) *Филос.* Существующий только в сознании, в

идеях, в воображении. **Вариант:** Существующий в воображении; отвлеченный. Противоположно: *действительный*; (2) Не связанный с жизнью, действительностью, оторванный от нее. **Вариант:** Живущий высокими идеалами, далекий от повседневной действительности; (3) Соответствующий понятию об идеале, возвышенный. **Вариант:** Возвышенный, неземной, поэтический; (4) *Разг.* Совершенный, образцовый, отличный, превосходный; (5) *Устар.* Проникнутый идеализмом; бескорыстный, непрактичный [БАС–V 1956; МАС–I 1985; БТСРЯ 2000; СЕ 2000].

Все эти значения представлены и в НКРЯ:

1 значение ‘*филос.* Существующий только в сознании, в идеях, в воображении’: *В идеальном мире награда с номинациями, аналогичными The Art Newspaper Russia, могла бы быть государственной или учрежденной профессиональной ассоциацией, но в реальности это вряд ли возможно* (Ведомости, 2020.02.27);

2 значение ‘живущий высокими идеалами, далекий от повседневной действительности’: *Вот одно из тех идеальных существ, которых вдруг настигла и придавила (или раздавила?) столь сильная идея, что все краски жизни померкли* (Комсомольская правда, 22.11.2007);

3 значение ‘соответствующий понятию об идеале, возвышенный, неземной, поэтический’: *Борьба с низменным собой приближает к чему-то идеальному и возвышенному* (РБК Дейли, 09.02.2012);

4 значение ‘*разг.* Совершенный, образцовый, отличный, превосходный’: *В то же время для российского футбола созданы идеальные условия, добавил депутат* (Парламентская газета, 03.11.2020);

5 значение ‘*устар.* Проникнутый идеализмом; бескорыстный, непрактичный’ = *идеалистичный*: *Неужели на капиталистическом Западе такая идеальная бескорыстная журналистика?* (Аргументы и факты, 16.02.2007).

Уже на уровне анализа словарных толкований можно заметить, что к собственно нейтральным значениям можно отнести лишь значения 1, 2 и 5 (устаревшее, которое практически отсутствует в корпусе и поэтому выходит за пределы нашего исследования). Это подтверждается и примерами из НКРЯ: *Принцип «сверхжизненности» дал режиссеру возможность сотворить на подмостках призрачный мир идеального бытия духа, найти почти адекватный литературному сценический язык...* (Независимая газета, 10.02.1999); *Просто физики не учили, что в реальном мире идеальной точки не существует, а реальные параметры все время меняются* (Lenta.ru, 29.06.2017); *Вместо того чтобы*

размышлять о некоем **идеальном развитии событий**, выберите наилучший вариант из множества доступных (Ведомости, 08.06.2021).

При этом, по данным словарей, значение 3 'соответствующий понятию об идеале, возвышенный, неземной, поэтический', благодаря эксплицитным позитивно-оценочным элементам толкования, имеет значительный потенциал для развития в дискурсе положительной оценочности, что видим и по корпусным данным: *Увиденная издалека великим поэтом-изгнанником родина с щемящей любовью, юмором, восхищением, сочувствием, адекватно воссоздана на экране с **идеальной** поэтической красотой ...* (Независимая газета (приложение «Кулиса НГ»), 09.06.2000); *Индивидуальная поэзия Баратынского, а он настаивал на таком ее определении, существовала и в границах **идеальных** поэтических соразмерностей* (Независимая газета (приложение «Ex Libris НГ»), 17.02.2000); *... его Томмазо, какой бы **идеальной** и одухотворенной ни была его жизнь, стремительно движется к нервному срыву, увлекая в процесс наблюдения за этим персональным апокалипсисом режиссера и зрителя* (Lenta.ru, 27.05.2019).

То же можно сказать и о значении 4, которое целиком и полностью оценочно окрашенное, тем самым имея эксплицитную положительную оценку 'разг. Совершенный, образцовый, отличный, превосходный'. В НКРЯ большинство контекстов отражает именно эту разновидность позитивной оценочности: *Американские ученые из Института исследования Древнего Египта выяснили, что при строительстве Великой пирамиды Гизы (пирамида Хеопса) были допущены ошибки, из-за которых ее основание не представляет собой **идеальный** квадрат* (Lenta.ru, 26.01.2018); *На выходе доска **идеальных** размеров и пропорций* (Vesti.ru, 28.04.2009); *Ювелиры вдохновились их крепкими панцирями и создали **идеальные** украшения для времяпрепровождения в загородном доме* (Коммерсант, 12.06.2020); ***Идеальная** еда после тренировки должна на три четверти состоять из белков и на четверть – из сложных углеводов* (Lenta.ru, 07.07.2015); *Форма земли – не **идеальный** шар и форма земли меняется, есть еще вертикальные движения земной коры* (Lenta.ru, 02.10.2019).

Следует отметить, что весь рассмотренный выше материал отражает стандартные языковые значения прилагательного, которые так или иначе подтверждаются примерами из корпуса, реализующими в дискурсе системно-языковые закономерности. Наибольшую эффективность когнитивно-дискурсивный анализ корпусных данных, на наш взгляд, приобретает в случаях, когда удается «выловить» неузуальные, «странные»

случаи, позволяющие судить именно о развитии оценочного потенциала слова, не отраженного в словарях, об оценочности, которая наводится ближайшим или дальнейшим контекстным окружением.

Наведенная позитивная оценочность. Позитивная оценочность для слова *идеальный* может имплицироваться в контекстах, где определяемое существительное эксплицитно содержит положительную оценку: *Где же построят мечтатели с больших дорог этот идеальный рай, город Солнца?* (Новая газета*, 30.11.2018); *«Ты все еще идеальная богиня!»*, *«Удивительно, как молодо ты продолжаешь выглядеть»* (Lenta.ru, 06.10.2020).

Также возможны случаи, когда положительная оценочность выступает в определяемом существительном в виде коннотации в смысле Ю.Д. Апресяна [Апресян 1995], связанной с тем, что сам денотат в восприятии носителей языка имеет позитивный ценностный ореол: *Исследователи также пришли к выводу, что идеальная сказка должна длиться чуть более восьми минут, а её главная мораль должна сводиться к достоинствам настоящей дружбы* (Парламентская газета, 30.11.2017); *Просто идеальный подарок для ребенка* (Lenta.ru, 05.12.2019); *Комедии не получилось, это скорее драма. Германика выбрала идеального героя. Александр Браун — обаятельный, негиббамый, склочный упрямец, обожает внучек, восхищается новым зятем...* (Коммерсант, 04.12.2020).

В этих случаях прилагательное *идеальный* выступает как интенсификатор позитивной тональности для существительного, но при этом и в самом прилагательном актуализуется потенциальная положительно-оценочная сема.

Наведенная негативная оценочность. Если положительная оценка, так сказать, предусмотрена исходной, системно-языковой семантикой прилагательного *идеальный*, то оценочность отрицательная может возникать в его употреблениях лишь в специфических контекстных условиях. Снова подчеркнем, что речь идет именно о наведенной оценочности, оценочности как бы отраженной. По аналогии с контекстами, имплицировавшими положительную оценочность, негативная оценочность наводится в контекстах сочетаемости с определяемым существительным, имеющим эксплицитную негативно-оценочную семантику: *Скорее всего, ему (Луговому — Lenta.Ru) обещали, что яд не обнаружат никогда, потому что полоний действительно идеальный яд, но у них не*

---

* Издание «Новая газета» является иноагентом (примечание редакции).

получилось... (Lenta.ru, 16.06.2007); *Можно изобрести идеальный суррогат, но он лишь позволит кому-нибудь заработать деньги и не спасет* (Независимая газета, 04.09.1997); *Джефф Кунс представлен набором идеальных банальностей и пошлостей, возведенных им в ранг высокого искусства* (Коммерсант, 22.02.2008).

В случае атрибуции прилагательным *идеальный* одушевленного существительного эффект наведенной отрицательной оценочности проявляется не менее ярко: *А когда Стоун говорит, что Кастро выглядит таким идеальным диктатором из кино, Фидель усмехается: «Ну, если киношным, тогда можно»* (Коммерсант, 05.07.2003); *Есть повод порадоваться за молодого Тахара Рахима, который в своей дебютной роли создал удивительный образ идеального конформиста, Молчалина нового времени* (Труд-7, 15.12.2009); *Его качества и способности и сейчас востребованы сильными мира сего. Идеальный наемник* (Труд-7, 11.12.2008); *Человеком, оторванным от своих корней, легко управлять, а главное – из него можно сделать идеального потребителя и раба* (Комсомольская правда, 08.03.2012).

Наиболее очевиден этот эффект, когда в роли определяемого одушевленного существительного выступают пейоративы или инвективы: *Гэри Олдмену, идеальному мерзавцу с лицом и повадками прирожденного Мефистофеля, недавно исполнилось 32 года* (Аргументы и факты, 01.12.2003); *Автор этого блестящего афоризма — Джеймс Борен, чью последнюю книгу «Как стать идеальным мерзавцем» выпустило недавно издательство РГГУ* (Известия, 14.06.2002); *Жанна Фриске – кто бы мог подумать? – оказалась идеальной ведьмой-стервочкой* (Комсомольская правда, 29.06.2004).

И применительно к наведению негативной оценочности также возможны случаи, когда отрицательная оценочность выступает в определяемом существительном не эксплицитно, а в виде коннотации, связанной с тем, что сам денотат в восприятии носителей языка может потенциально приобретать негативный ценностный ореол: *Инженер по профессии, вообразивший себя архитектором, возмечтавший об идеальном храме убийства* (Новая газета*, 06.12.2018); *Раздробленность территории страны на множество островов представляет собой идеальную лазейку для проникновения буквально орд нелегальных иммигрантов из юго-восточной части Европы и Ближнего Востока* (Независимая газета, 08.12.1998); *Он указал на противоречия и несогласования в тексте комментариев Себенцова, благодаря чему открывается «идеальная лазейка» для желающих обойти закон* (Независимая газета

---

* Издание «Новая газета» является иноагентом (примечание редакции).

(приложение «НГ-Религии»), 18.02.1998); *Идеальные кормушка и средства для личного обогащения чиновников, ведающих их распределением* (Независимая газета, 15.03.2000); *В некотором смысле оно представляет собой идеальный тормоз для делания вообще чего бы то ни было в нашей стране* (Известия, 01.03.2013); *Что-то томит героя, что-то путается под ногами и мешает стать идеальным винтиком в отлаженном механизме производство-потребление* (Литературная газета, 01.10.1997).

В этих случаях прилагательное *идеальный* также выступает как интенсификатор негативной оценочности существительного, но при этом, в соответствии с развиваемой нами концепцией, и в самом прилагательном, так сказать, в отраженном виде, наводится отрицательная оценочность.

В отдельную группу примеров с наведенной негативной оценочностью относятся контексты, которые можно трактовать в духе теории языковой аномальности [Радбиль Т. 2006]. Согласно Ю.Д. Апресяну, подлинная языковая аномалия выражения зависит от глубины залегания противоречащих или несовместимых смыслов у его компонентов, например, от наличия противоречия между лексическим и грамматическим значением, между пресуппозитивным и ассертивным компонентом, между высказыванием и его модальной рамкой и т.п. [Апресян 1995].

Для контекстов употребления прилагательного *идеальный* мы можем констатировать именно такой случай, когда эксплицитно положительная оценочность в четвертом значении прилагательного ‘разг. Совершенный, образцовый, отличный, превосходный’ входит в конфликт с негативной оценочностью, которую актуализует модель экспрессивного словообразования, в которой суффиксы субъективной оценки привносят стилистически сниженную, пренебрежительную или уничижительную семантику в производное слово с нейтральным корнем – *мирок, образчик, училка*: *И новым русским карпам сегодня умиляться особенно опасно: отвлечемся и не заметим, что рядом с нашим идеальным мирком опять кого-то не накормили* (Комсомольская правда, 20.04.2005); *Статья Клинтон является почти идеальным образчиком такой пропаганды* (Известия, 21.10.2016); *«Идеальная училка»* (Lenta.ru, 02.09.2017).

В этих случаях негативная оценочность имплицитно определяется посредством модели языковой аномальности – противоречия между лексическим значением прилагательного *идеальный* и словообразовательным значением определяемого слова.

В целом проведенный анализ продемонстрировал значительный семантический и ценностный потенциал относительных прилагательных,

обозначающих «знаковые» в каком-либо отношении свойства, качества, характеристики лиц, явлений, реалий, абстрактных сущностей и т.д., которые обнаруживаются лишь при анализе «больших массивов» репрезентативных типовых контекстов их употребления, представленных в референциальных корпусах.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2-х т. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
2. БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т. V. 1956. 965 с.
3. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
4. Кубрякова Е.С. Инференции // Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, П.Г. Лузина; Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. С. 33–35.
5. МАС – Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. I: А–Й. 1985. 696 с.
6. Наговицына Н.В. Словообразовательное гнездо с вершиной *патриот* в языковой объективации концепта «патриотизм» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 2. С. 192–195.
7. Наговицына Н.В. Дериваты лексемы *патриотизм* как выразители оценочного потенциала одноименного концепта // Национальные коды в языке и литературе. Язык как культурно-историческое достояние народа: Сборник статей. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. С. 98–104.
8. Радбиль Н.В. Коннотативно-оценочные преобразования прилагательного *патриотический* как средство языкового воплощения концепта ПАТРИОТИЗМ в русской речи // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 2. С. 66–83.
9. Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / МПГУ. М., 2006. 496 с.
10. Радбиль Т.Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7, № 4. С. 759–774.
11. Радбиль Т.Б. Наведенная оценочность как объект лингвокультурологического изучения: Опыт корпусного анализа интернет-медиа // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкзнание. 2023. № 2. С. 95–105.
12. Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: Кол. монография / под ред. Л.В. Рацибурской. М.: Флинта, 2021. 328 с.
13. СЕ – Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. Т. I. 1088 с.

14. Сидоров В.А. Журналистика как ценность в «цифровой» среде // Вопросы журналистики. 2019. № 5. С. 5–16.

15. Чернявская В.Е. Деонтическое значение и прагматика переименований в практике политической корректности // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21. № 3. С. 58–72.

16. Firth J. R. *Papers in Linguistics: 1934–1951*. Oxford: OUP, 1957. 233 p.

17. Louw W. Irony in the text or insincerity in the writer? The diagnostic potential of semantic prosodies. In: M. Baker, G. Francis and E. Tognini-Bonelli (eds.). *Text and Technology: In Honour of John Sinclair*. Amsterdam: John Benjamins, 1993. Pp. 152–176.

18. Prabowo R., Thelwall M. Sentiment analysis: A combined approach // *Journal of Informetrics*. 2009. № 3(2). P. 143–157.

19. Sinclair J. M. *Corpus, concordance, collocation*. Oxford: Oxford University Press, 1991. 179 p.

ADJECTIVE ATTRIBUTION OF CULTURALLY SIGNIFICANT REALIA IN INTERNET MEDIA: INDUCED EVALUATION OF ADJECTIVES ACCORDING TO CORPUS DATA¹

© **T.B. Radbil**

*National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod*

The article discusses the problem of identifying and interpreting the induced evaluativeness of Russian words in Internet media discourse. The method of cognitive-discursive analysis of corpus data was used. The material for analysis is lexicographic interpretations presented in the main Russian explanatory dictionaries, and contexts extracted from the newspaper corpus as part of the Russian National Corpus. The object of the study is to identify implicit positive and negative evaluation in the speech implementation of the relative adjective *ideal'ny* (*ideal*) in the language of Internet media. It is shown that the induced positive evaluation is due to the explicit positive-evaluative semantics of the adjective *ideal* “perfect, exemplary, excellent”. In turn, it has been established that reflected negative evaluativeness occurs in adjectives in contexts of compatibility with defined nouns that have explicit negative evaluative semantics. The conclusion is made about the significant semantic and value potentiality of Russian relative adjectives, denoting important properties, qualities, characteristics of persons, phenomena, realities, abstract entities, etc. in any respect.

Keywords: induced evaluativeness, adjective attribution, adjective “*ideal'ny*” (“*ideal*”), cognitive-discourse analysis, corpus data, Internet media discourse.

---

¹ The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 23-28-00368, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00368/>

ПРИЕМЫ ПОЛИКОДОВОСТИ В МЕДИЙНЫХ НОВАЦИЯХ¹

© *Л.В. Рацибурская, С.Г. Бусарева*
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

В статье на материале электронных и печатных СМИ и рекламных текстов рассматриваются средства поликодности в современных медийных новообразованиях и текстах; представлена типология этих средств с точки зрения соотношения вербальных (графических) и невербальных (графических и неграфических) компонентов медийного текста; охарактеризованы функции средств поликодности. В результате исследования сделан вывод о социально-оценочном характере поликодного текста.

Ключевые слова: поликодность, средства поликодности, медиа, новообразования, текст.

В настоящее время – время современных технологий – возникает необходимость в быстром и легком восприятии информации, чему способствует воздействие сразу на несколько каналов восприятия: «визуальный модус общения, изображения, типографика, жесты становятся объектами рефлексивной деятельности человека в социуме и участвуют в интерпретации и порождении смыслов» [Чернявская 2021: 19].

Ученые отмечают значимость формата не только для передачи содержания, оптимизации его восприятия, но и для выражения авторского «я». Формат оказывается значимым и содержательным, поскольку «обеспечивает максимальную концентрацию внимания <...> читателя в процессе восприятия текста на одном из его участков путем концентрации всех когнитивных усилий для его выделения и распознания» [Чернявская 2016: 4].

На рубеже XX–XXI веков в лингвистике актуализировалось понятие поликодности, которая исследуется в работах по медиалингвистике и в собственно лингвистических трудах [Клушина 2019; Кузьмина 2011; Мичурин 2014; Рацибурская 2018; Тошович 2018; Чернявская 2013; Шипова 2013; Kress, van Leeuwen 2001; Makaruk 2015]. Понятие поли-

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00368, <https://rscf.ru/project/23-28-00368/>

кодowości (синонимичное у некоторых ученых понятию мультимедийности) включает в себя синтез вербальных и невербальных средств. В поликодовом тексте объединяются знаки, символы, коды, средства различных видов устного и письменного общения – буквенные и небуквенные (знаки, символы, графика, иллюстрации, карикатуры, чертежи, рисунки, фотоматериалы, аудио- и видеоматериалы и др.) [Тошович 2018: 131; см также Тошовић, Wonisch 2016].

В современных рекламных и медийных текстах используются различные средства поликодowości как в рамках одного слова, так и в рамках целого текста.

Средства поликодowości можно дифференцировать на графические и неграфические. К графическим средствам относятся вербальные и невербальные средства. Классификация графических гибридов вербальных средств представлена в работах Т.В. Поповой, которая выделяет монографикацию, капитализацию и полиграфикацию [Попова 2010; Попова 2013].

К монографикации относится использование разных графических средств алфавита одного языка: дефисация, парентезис и др. При дефисации в визуальном слове с помощью дефиса выделяется часть (или части), равная другому визуальному слову: **Чемо-данные**. *Посадочные талоны, багажные квитанции и пограничный контроль в аэропортах станут электронными* (Российская газета, 03.03.2016)²; **Долго-жданые правила**. *Главный судебный пристав России Дмитрий Аристов: «Готовятся меры по защите граждан от ошибочного списания денег»* (<https://xn--38-6kcaak9aj5chl4a3g.xn--p1ai/dolgo-zhdannye-pravila/>); **УЧИМ МАТЧА-СТЬ!** <...> *...производство высококачественного чая "матча" было монополизировано в местечке под названием Удзи на плантациях в южной части префектуры Киото...* (<https://t.me/ukiyoedellicatus/393>); **НА-БЛЮДЕ-НИЕ ВИШЕН**. <...> *В период Эдо (1603–1868 гг.) восьмой сёгун Токугава Ёсимунэ превратил Асукаяму в столицу цветущей сакуры <...>! В те времена <...> была популярна игра «метание посуды» («каваракэ-нагэ»): маленькие неглазурованные глиняные чашки или блюдца для sake нужно было швырять с крутого склона Асука* (<https://t.me/ukiyoedellicatus/482>); **СЁГУН-ЛЯРНОСТЬ**. <...> *Европейцы зачастую смотрели на Японию сквозь вуаль мифов и вымышленных интерпретаций. <...> Новый сериал «Сёгун» преподносится как попытка обуздать фантазию Клавелла и рассказать более японскую историю, адекватную*

---

² Здесь и далее орфография и пунктуация источника сохранены. Л.Р., С.Б.

для выбранной эпохи (<https://t.me/ukiyoedelicas/510>) – дефисации подвергается узуальное *сингулярность*. В результате дефисации и контаминации увеличивается семантический объем слов.

В некоторых случаях дефис разбивает слова по модели голофразиса: *Как согревается в эти выходные? Чай-кофе-какао; Кровать-плед-шерстяные носки; Я не мерзну, люблю такую погоду* (https://t.me/lobachevsky_university, 04.12.2022).

При парентезисе часть слова или целое слово заключается в скобки, что создает возможность альтернативного прочтения: *Не тех о(б)суждаете* (<https://versia.ru/ne-tex-obsuzhdaete?ysclid=iso7u68kxu902285536>); *(Не) писать как Толстой. Как предложения стали короче, заголовки в СМИ длиннее, а тире победило двоеточие* (<https://tehnikarechi.studio/episodes/2019/12/16/ne-pisat-kak-tolstoy-kak-predlozheniya-stali-koroche-zagolovki-v-smi-dlinnee-a-tire-pobedilo-dvoetochie>); *Красота (не) спасет мир* (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/krasota-ne-spaset-mir>); *Город, в котором (не) хочется жить. Нижний Новгород занял первое место в России по росту цен на новостройки* (<https://www.nn.ru/text/realty/2023/09/25/72742262/>); *(Бес)платные парковки. В мэрии Нижнего объяснили, придется ли платить за стоянку авто в ближайшие праздники* (<https://www.nn.ru/text/transport/2024/02/21/73251836/>).

При капитализации в узуальном слове прописными буквами выделяется часть, соответствующая другому узуальному слову, в результате чего семантический объем новообразования увеличивается. Выделенное слово может способствовать актуализации внутренней формы исходного, базового слова, а может и не иметь с последним никакой семантической связи: *«ГАДЖЕТизация» населения – источник счастья или опасности? «Лаборатория Касперского» опубликовала результаты исследования* (<https://66.ru/business/news/112768/?ysclid=iso81ed4zl483467648>); *ТУСКлое солнце солидарности* (НТВ. 26.11.2023); *ВИЧные истины* (<https://www.kommersant.ru/doc/2296195>); *ЧерноНЕбыль* (заголовок). *Итак, Чернобыль. Совместный ребенок двух гигантских медиакорпораций – WarnerMedia и Comcast. <...> Главный мысл фильма: конфликт маленький человек и большой тоталитарной систем* (<https://agitblog.ru/videoblog/chernonebyil.html>).

К графическим вербальным средствам поликодовости относится также явление полиграфиксации, при которой в рамках одного слова или текста используются алфавиты разных языков, в частности кириллица и латиница: *Массовый PSYхоз* (<https://expert.ru/expert/2012/47/massovyij-psyhoz/>); *БакалаVR. Зачем студенту нужен киберспорт*

(rg.ru, 22.11.2023); **BAU-эффект**: как пересчитать антитела к коронавирусу по шкале ВОЗ (iz.ru, 16.12.2021); Виновных **net**? О мошенниках в интернете правоохранители предупреждали не раз... (<https://gazeta.naftan.by/vinovnyx-net?ysclid=lso93ehoah318235398>); Ни **FIFA** не ясно. Футбол в рекламных целях выявил много спорных моментов (Коммерсантъ. 03.07.2018); *Мотай на US Open! Шесть россиян из девяти вышли во второй круг Открытого чемпионата США по теннису* (<https://www.mk.ru/sport/tennis/article/2013/08/29/907350-motay-naus-open.html?ysclid=lso8xntgpz328248890>); Художники Никита Этогде и Никита Мера создали новый зин «**Sad**», посвященный их экспедициям в заброшенные нижегородские сады. На его страницах — пленочные фото, рисунки, артефакты и заметки авторов об их путешествиях. Классный предмет, связанный с граффити-культурой, в коллекцию! (<https://t.me/villagenn/13489>).

К графическим невербальным средствам Т.В. Попова относит кодографикацию, при которой в узуальное слово (или текст) вставляются идеограммы (идеографические знаки): **3Девятое царство. Школьники погружаются в цифровую реальность** (Российская газета. 03.09.2018); *∞ апреля. бесконечность начинается в воскресенье* (<https://www.lavkafoma.ru/product/zhurnal-foma-4-180-aprel-2018g>).

Рисунок является еще одним графическим невербальным средством поликодности, которое способствует усилению аттрактивности и экспрессивности текста, позволяя в сжатой форме обозначить его содержание. Так, в заголовке *Оранжевая королева осени* (Вечерняя Москва. 28.10.2020) в слове *королева* на месте второй буквы *о* размещено изображение оранжевой тыквы, которое соотносится с содержанием заголовка и статьи.

Цвет – еще одно широко распространенное в медиа средство поликодности, обладающее функциональной спецификой. Использование цвета может быть связано, во-первых, с амбивалентностью прочтения фрагментов заголовочного комплекса (*человечность – вечность, постом – потом, в руки – в Его руки* и т.д.): *У нас в запасе человечность* (<https://www.lavkafoma.ru/product/zhurnal-foma-11-235-noyabr-2022g>); *Постом придет весна. 21 февраля начинается путь к Пасхе* (<https://www.lavkafoma.ru/product/zhurnal-foma-2-238-fevral-2023-g>); *Возьми себя в Его руки. Кого и почему Христос призвал быть как дети?* (<https://www.lavkafoma.ru/product/zhurnal-foma-4-216-aprel-2021g>).

Во-вторых, использование цветового выделения может быть обусловлено намерением автора медийного текста акцентировать внимание на

основном содержании публикации, на ключевых словах заголовочного комплекса (*рай, пост* и т.д.): **ВЫБИРАЙСЯ НА СВЕТ**. Почему первые люди лишились *рая* и как нам в него вернуться? (<https://www.lavkafoma.ru/product/zhurnal-foma-11-211-noyabr-2020g>); **ПОСТАРАЙСЯ ВЗЛЕТЕТЬ**. Великий *пост*: не ограничение, а возможность (<https://www.lavkafoma.ru/product/zhurnal-foma-3-227-mart-2022g>).

Фотоэлементы в современном медиатексте наряду с рисунком являются действенным средством поликодовости. Так, в заголовке **Огнеопасный момент**: как остаться христианином в сетевом споре (<https://www.lavkafoma.ru/product/zhurnal-foma-2-166-fevral-2017g>) с помощью красного цвета выделяется часть, совпадающая с узуальным *гнев* и коррелирующая с изображением горящих спичек. Контаминированный дериват *снежные* (*снег + нежные*) в заголовке **Снежные чувства**. Что делать, если чувствуешь холод в отношениях с любимым? (<https://www.lavkafoma.ru/product/zhurnal-foma-11-175-noyabr-2017g>) также соотносится с выбором фотоэлементов — изображения пары пингвинов.

Средства поликодовости нередко используются комплексно, особенно в рекламных и медийных текстах. Так, в рекламном тексте **PARTYзаны В ГАРАЖЕ** (<https://www.onlinetambov.ru/afisha/party/partyzany-v-garazhe/?ysclid=1so9i4605c499929525>) капитализация сопровождается полиграффикацией: часть слова, переданная латиницей (англ. слово *party* ‘вечеринка’), выделена с помощью прописных букв.

В заголовке наблюдается одновременное использование кодограффиксации и цветового выделения: **ЛЮБОВЬ УЖЕ ПОБЕДИЛА** (<https://www.lavkafoma.ru/product/zhurnal-foma-5-193-may-2019g>). Буква Ю представлена в виде сочетания цифр 1 и 0, а также двоеточия, обозначающего в данном контексте счёт в игре. В рамках слова использовано и цветовое выделение, позволяющее кратко представить содержание заголовочного комплекса (‘любовь победила со счётом 1:0’).

В заголовке также возможно сочетание цветового и шрифтового выделений, способствующее экономии языковых средств: **ПОЗАДИ**. Христос воскрес! (https://t.me/foma_ru_glavnoe/4719). В публикации, посвященной празднику Пасхи, буквосочетание *ad* в слове *позади* имеет более тусклый цвет и не набрано полужирным шрифтом по сравнению с остальной частью слова, что позволяет увидеть в составе поликодового слова подлежащее двусоставного неполного предложения *Ad позади*.

Семантический объем заголовка **НЕ КИПЯТИТЕСЬ**. Как победить обиду: инструкция для чайников (и не только) (<https://www.lavkafoma.ru/>)

product/zhurnal-foma-12-188-dekabr-2018g) увеличивается за счет использования красного цвета для обозначения высокой температуры и выбора изобразительного элемента (кипящего чайника, из которого вырываются пар и язычки пламени), благодаря чему становится возможным обыгрывание полисемии слов *кипятиться* («1. (1 и 2 л. Не употр.). Нагреться до кипения» [СОШ 2003: 274] и «3. *перен.* Горячиться, приходиться в возбуждение (разг.)» [СОШ 2003: 274]) и *чайник* («1. Сосуд с ручкой и носиком для кипячения воды или для заварки чая» [СОШ 2003: 877] и «2. О неумелом, малоопытном человеке, плохо знающем своё дело, а также вообще о глупом, неумном человеке (прост.)» [СОШ 2003: 877]).

Проведенный анализ свидетельствует о значительной роли поликодности как фактора экспрессивизации рекламных и медийных текстов в печатных и электронных СМИ. В печатных и электронных СМИ представлены такие графические приемы и средства поликодности, как дефисация, парентезис в рамках монографикации, капитализация и полиграфикация, кодографикация, рисунок.

Среди неграфических средств особенно заметны цветовые выделения и фотоэлементы. Цвет как средство поликодности используется в медийном тексте либо в целях обозначения двойного прочтения заголовка, либо в целях акцентирования внимания на содержании публикации.

Нередко графические и неграфические средства поликодности выступают в комплексе, что несомненно усиливает воздейственный потенциал текста. Разнообразие средств поликодности, социально-оценочный характер проявлений поликодности играют важную роль в реализации прагматического потенциала фрагментов поликодного текста в их номинативной и экспрессивно-оценочной функциях.

Список литературы

1. Клущина Н.И. Медиастилистика: монография. М.: ФЛИНТА, 2019. 184 с.
2. Кузьмина Н.А. Современный медиатекст. Омск: Полиграф. центр «Татьяна», 2011. 413 с.
3. Мичурин Д.С. Прецедентный поликодовый текст в вербально-изобразительной коммуникации интернет-сообществ (на материале русскоязычных имидж-форумов): дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2014. 162 с.
4. Попова Т.В. Полифункциональность русского дефиса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4(2). С. 682–686.
5. Попова Т.В. Креолизованные дериваты как элемент русской письменной коммуникации рубежа XX–XXI вв. // Лингвистика креатива – 1: коллективная

монография. Гридина Т.А. (ред.). Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2013. С. 147–176.

6. Рацибурская Л.В. Поликодовость в российском медийном словотворчестве // *Studia Rossica Gedanensia*. 2018. № 5. С. 51–58.

7. СОШ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2003. 944 с.

8. Тошович Б. Мультимедийная лингвистика // *Мультимедијална стилистика*. Dojčinović D., Milašin G. (ред.). Баньалука; Грац: Матрица српска – друштво чланова Матице српске у Републици Српској. Институт за славистику Универзитета «Карл Франц» у Грацу. Комисија за стилистику Међународног комитета слависта, 2018. С. 131–153.

9. Чернявская В.Е. Медиаальный поворот в лингвистике: поликодовые и гибридные тексты // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2013. № 1 (22). С. 122–127.

10. Чернявская В.Е. Поликодовость vs «логоцентризм» в речевом воздействии // *Общее и прикладное языкознание. Филологические науки*. 2016. № 2. С. 3–10.

11. Чернявская В.Е. Текст и социальный контекст: Социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. М.: ЛЕНАНД, 2021. 208 с.

12. Шипова И.А. Функциональная сущность мультикодовости как многоуровневого лингвистического знака (на материале немецкоязычного художественного текста) // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2013. № 5(21). С. 289–293.

13. Kress G., van Leeuwen T. *Multimodal discourse: the modes and media of contemporary communication discourse*. London: Arnold, 2001. 152 p.

14. Makaruk L. *Linguistic approaches to the study of multimodal text. Within Language, beyond theories. Discourse analysis, pragmatics and corpus-based studies*. Malec W., Rusinek M. (eds). Vol. III. Cambridge Scholars Publ, 2015. P. 26–36.

15. Tošović B., Wonisch A. (Hg.). *Wortbildung und Internet*. Graz: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz – Kommission für Wortbildung beim Internationalen Slawistenkomitee, 2016. 525 p.

POLYCODE TECHNIQUES IN MEDIA NOVATIONS¹

© *L.V. Ratsiburskaya, S.G. Busareva*
National Research Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod

The article examines polycode means in modern media neologisms and texts based on the material of electronic and print media and advertising texts; the typology of these means is presented in terms of the ratio of verbal (graphic) and non-verbal (graphic and non-graphic) components of a media text; the functions of polycode means are characterized. As a result of the study, a conclusion was made about the socio-evaluative nature of the polycode text.

Keywords: polycode, polycode means, media, neologisms, text.

---

¹ The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 23-28-00368, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00368/>

«БЬЮТИ-РЕАЛИИ» В СОВРЕМЕННОМ МЕДИЙНОМ СЛОВОТВОРЧЕСТВЕ

© *Н.А. Самыличева*

*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

Цель данного исследования – анализ функционирования ключевого элемента *бьюти-* аффиксондного типа в рамках современного медийного словотворчества. В статье в структурно-семантическом, функционально-стилистическом и лингвокультурологическом аспектах рассматриваются особенности функционирования словообразовательных неологизмов, созданных на базе данного ключевого элемента. Как показывает речевая практика, к «ключевым» можно относить не только слова, но и аффиксы, и аффиксоиды. Словообразовательная активность подобных «ключевых» элементов позволяет выявить специфику современной языковой картины мира.

Ключевые слова: ключевые элементы, новообразования, языковая игра, словотворчество, массмедиа.

Понятие языковой личности в лингвистике связано с понятием языковой картины мира, «которая представляет собой результат взаимодействия системы ценностей человека с его жизненными целями, мотивами поведения, установками и проявляется в текстах, создаваемых данным человеком» [Стилистический энциклопедический словарь 2003: 660]. За каждым речевым высказыванием, за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка.

Язык массмедиа призван воздействовать на читателей, внушать им те или иные идеи, способствовать появлению эмоциональной реакции, переживаемого чувства, отношения, а также реакций в форме действий и поступков. Первостепенная роль в этом процессе принадлежит журналисту как творческой языковой личности. Понятие языковой личности становится наиболее актуальным в рамках антропоцентрической парадигмы. Субъект выступает как личность со своими особенностями ментальности, активной авторской позицией, стремящейся к самовыражению.

При изучении активных процессов словообразования большую роль играют так называемые «ключевые слова эпохи». Как отмечают исследователи, «окказионализмы нередко создаются для того, чтобы показать подлинную сущность того или иного явления» [Земская 2000: 132–133].

Данные «ключевые слова» порождают целые группы однокоренных слов (словообразовательные гнезда и словообразовательные парадигмы). Активность ключевых слов влияет не только на их словообразовательный потенциал, но и на связи с другими словами, актуализируя те или иные отношения между словами в лексической системе языка. По определению Е.А. Земской, «ключевыми» следует считать «слова, обозначающие явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания» [Земская 2000: 92]. Ключевые слова можно рассматривать как оценочные доминанты современной действительности, проявление языковой личности.

Одним из важнейших компонентов языковой картины мира являются «ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [Карасик 2002]. Показателем и выразителем определенных ценностных установок в обществе, по-видимому, являются и новообразования, созданные на базе ключевых слов.

Концепт «красота» входит в число важнейших ценностных ориентиров человеческого поведения, определяет отношение человека к другим людям и окружающему миру. Это понятие используется различными науками: этикой и эстетикой, философией, психологией – и в искусстве. Данный концепт является ведущим концептом эстетики (под именем «прекрасное»), обозначающим совершенство, гармоничное сочетание аспектов объекта, при котором последний вызывает эстетическое наслаждение. Стандарты привлекательности схожи в различных культурах.

Безусловно, концепт «красота» можно отнести к тем ментальным единицам, которые отражают как физический, телесный мир, так и духовную сферу жизни человека. Однако в современной речевой практике, особенно если рассматривать медийный дискурс, нельзя не отметить существенное преобладание употребления речевых репрезентантов со значением ‘красивая, привлекательная внешность’ [Словарь русского языка 1999].

Так, Е.В. Воробьева при анализе концепта красота («Beauty») в английском языке отмечает, что «группа «Красота человека» является ядерной, т.е. смысл «внешняя красота» выходит на первое место. Это соответствует современной потребительской идеологии, которая позиционирует внешнюю привлекательность как необходимое условие успешной социализации личности» [Воробьева 2010:15].

Функционирование англоязычного ключевого элемента *бьюти*- в медийном дискурсе привело к тому, что у него сформировалось новое,

более прикладное значение 'индустрия красоты; мода, косметика, парфюмерия'. Например В.Г. Шевель, анализируя особенности словоупотребления современных блогеров, фиксирует, что «наиболее продуктивными являются лексико-семантические группы, обозначающие особенности профессиональной деятельности бьюти-блогеров: нанесение макияжа, косметические продукты, аксессуары для макияжа» [Шевель 2017: 47].

Бьюти-дискурс – это особый вид коммуникации, который используется в области красоты. Он имеет свои уникальные лингвистические особенности, которые помогают создать эффективное воздействие на аудиторию и передать информацию о продуктах или услугах в области красоты. Безусловно, одной из особенностей данной сферы является активное использование англицизмов, постоянное включение новых заимствований.

Продуктивность, словообразовательную активность проявляет и аффиксоидный ключевой элемент *бьюти-*, служащий центральным звеном в объемном лексико-семантическом поле. При анализе речевого материала можно заметить, что количество новообразований, созданных на базе *бьюти-*, стремительно растет. Индустрия красоты неразрывно связано с миром моды – так, можно провести между ними прямую параллель: «Жесткая конкуренция между модными брендами и крайний динамизм всех процессов данного креативного сектора создают особые условия концептуализации индустрии моды в сознании человека, что в свою очередь влияет на выбор языковых средств, использующихся в процессе профессиональной и повседневной коммуникации» [Тищенко 2022: 159]. Подобная популярность использования в речи аффиксоидного элемента *бьюти-* обусловлена не только экстралингвистическими факторами, связанными с расширением состава косметических и парфюмерных новинок, но также внутренними языковыми факторами – отсутствием фонологических или морфемных ограничений для сочетания с другими корневыми морфемами.

Благодаря своей активности бьюти-индустрия обладает по мнению носителей языка своим собственным словарем: **Бьюти-словарь**: *термины, которые стыдно не знать. Смотришь бьюти-влоги и не всегда понимаешь, о чем говорят блогеры, не знаешь значения слов «гоммаж», «бустер» и «люминайзер»? Ничего страшного! Мы составили специальный словарь, который поможет разобраться во всех популярных бьюти-терминах, и скоро ты будешь использовать их, как настоящий профи* (<https://peopletalk.ru/article/byuti-slovar-terminy-kotorye-stydno-ne>

znat/). В этой связи формируется отдельная группа новообразований, обозначающих вербальные единицы бьюти-сферы: **Бьюти-сленг нового поколения**. *Хотите быть в тренде — прочтите этот материал* (https://super.ru/a/byuti_sleng_novogo_pokoleniya); **10 бьюти-слов, которые были в трендах пару лет назад**. *Сравниваем с настоящим* (<https://flacon-magazine.com/novosti/1634289-10-byuti-slov-kotoryye-byli-v-trendakh-paru-let-nazad-sravnivayem-s-nastoyashchim>); **Бьюти-совет**. *Сыворотки, средства для сужения пор и хайлайтер: чем заменить базу под макияж* (<https://peopletalk.ru/article/syvorotki-sredstva-dlya-suzheniya-por-i-hajlajter-chem-zamenit-bazu-pod-makiyazh/>). Подобные новообразования создают эффект псевдонаучного текста, который приобретает все большую популярность в медийной сфере.

Самостоятельная группа номинации людей, вовлеченных в индустрию красоты, также непрерывно пополняется: *Основы русской словесности для бьюти-блогеров <...>* (<https://martathai.ru/asia/thailand/grammar.html>); *Когда косметологи не помогли. 8 домашних средств, которые убрали пигментацию бьюти-редактору 50+* (<https://flacon-magazine.com/ukhod/kosmetologiya/4170289-kogda-kosmetologi-ne-pomogli-8-domashnikh-sredstv-kotoryye-ubrali-pigmentatsiyu-byuti-redaktoru-50>); *У бьюти-энтузиастов появился новый любимый тренд — делать небольшие бьюти-перерывы, чтобы заботиться о коже и дать себе отдохнуть* (<https://flacon-magazine.com/makiyazh/trendy/9185063-b-uti-pereryvy-povuj-trend-v-uhode-za-kozej>). Среди подобных новообразований выделяются и такие лексемы, которые обладают ингерентной экспрессивностью, формирующейся благодаря структуре окказионализма: *Еще десять лет назад работающих в сфере красоты было не так много. Сегодня же бьюти-мастериц можно встретить на каждом шагу* (<https://emionline.ru/emi-media/index~article?articleId=g92hmBaWdRfmbCATwWW0emipr>) – включение оценочной лексемы *мастерица*; *Откуда этот бренд? тест для настоящих бьютиголиков* (<https://flacon-magazine.com/testy/2614970-otkuda-etot-brend-test-dlya-nastoyashchikh-byutigolikov>) – лексема, созданная по конкретному образцу слова *алкоголик*.

Блогеры, журналисты намеренно создают иллюзию «элитарности» тех, кто относится непосредственно к индустрии красоты или просто следит за новинками в мире косметики и парфюмерии, призывая расширять свой словарный запас, для того чтобы была возможность оказаться в особой *бьюти-тусовке*: «10 слов, без которых вас не примут в бьюти-тусовке» (*Подробнее на «Flacon»*: <https://flacon-magazine.com/novosti/1634289-10-byuti-slov-kotoryye-byli-v-trendakh-paru-let-nazad-sravnivayem-s-nastoyashchim>).

Стоит заметить, что у новообразований, появляющихся со стремительной скоростью в медийной сфере, может преобладать номинативная функция для обозначения новых денотатов: *Беременная девушка бреет живот в новой **бьюти-рекламе*** (<https://flacon-magazine.com/ukhod/telo/9267304-beremennaya-devushka-breyet-zhivot-v-novoy-byuti-reklame-norm-ili-strem>); *История красоты за 100 лет: главные **бьюти-тренды**, которые определяют 2020-е* (<https://flacon-magazine.com/makiyazh/trendy/7895406-istoriya-krasoty-za-100-let-bez-kakikh-byuti-slov-my-ne-smozhem-vyzhit-v-2020-e-i-chto-eto-vse-znach>); ***Бьюти-средства**: что это такое* (https://dzen.ru/a/ZWQ_0_uQHkGMbdwi); *Врач назвал **бьюти-процедуры**, которые могут вызвать рак* (<https://www.gazeta.ru/family/news/2022/05/15/17741180.shtml?updated>).

Тем не менее особый интерес с точки зрения словотворчества представляют экспрессивные новообразования, отражающие актуальные тенденции в современном словотворчестве: *7 шагов, чтобы быстро освежить лицо: **бьюти-рутина** Селены Гомес. Чтобы после перелета лицо не выглядело как помятый сапог, учимся **авиа-бьюти-рутин** от певицы* <...> (<https://flacon-magazine.com/novosti/6573194-7-shagov-chtoby-bystro-osvezhit-litso--byuti-rutina-selena-gomes>). Игровая функция подобных лексем может подчеркиваться семантикой второй мотивирующей основы: *Насколько ты хороша в бьюти: пройди **бьюти-квиз** и выиграй промокод на скидку* (<https://flacon-magazine.com/makiyazh/trendy/9651430-naskol-ko-ty-horosa-v-b-uti-projdi-b-uti-kviz-i-vyigraj-promokod-na-skidku>); ***Бьюти-игра** с Варварой Шмыковой* (<https://flacon-magazine.com/lyudi/istorii/9328761-fuck-marry-kill-b-uti-igra-s-varvaroj-smukovoj>).

Невозможно не отметить рекламный, агитирующий аспект порождения подобных неолексем: *Мой **бьюти-фейл**: история Юлии Прудько. Наша новая рубрика – о **бьюти-промахах** и их последствиях* (<https://flacon-magazine.com/lyudi/istorii/4871026-moj-b-uti-fejl-istoria-ulii-prudko>); *2 главные **бьюти-ошибки**, которые совершают все люди* (<https://flacon-magazine.com/novosti/5649803-2-glavnyye-byuti-oshibki-kotoryye-sovershayut-vse-lyudi-verdikt-samogo-populyarnogo-dermatologa-tikt>); *Селена Гомес поделилась самым мощным **бьюти-провалом**. Не повторяйте ее ошибок* <...> *На днях Селена Гомес дала интервью журналу Glamour, где вспомнила о самой «ужасной **бьюти-катастрофе**»* (<https://flacon-magazine.com/novosti/3657092-selena-gomes-podelilas-samym-moshchnym-byuti-provalom-ne-povtoryayte-eye-oshibok>). Авторы текстов обращают внимание на «чрезвычайное значение» знаний всех

правил индустрии красоты и умений в данной области. Очевидно, что подобные акценты грамотно расставляются маркетологами с целью успешной продажи косметической продукции.

Существование особого мира в рамках индустрии красоты подчеркивают тексты с рядами окказиональных новообразований, несомненно обладающими особой экспрессивностью. В случае включения в ряд однокоренных окказиональных новообразований более двух лексем данный прием условно метафорически обозначается Е.А. Земской как «словообразовательный куст» [Земская 2009: 196]: *Как попытаться перевернуть **бьюти-бизнес** и увязнуть в скандалах. От одежды на eBay до самой яркой **бьюти-марки** начала XXI века. Рассказываем, почему Lime Crime так и остался в 2010-х <...> Любители моды сравнивали дизайн Lime Crime с панк-линейкой Shrinkle, которую продавала предпринимательница Эми Доан (в будущем — основательница **бьюти-бренда** Sugarpill Cosmetics) <...> Сама Ксения признавалась, что решила создать **бьюти-линейку** из-за любви к ярким оттенкам, которые практически не были представлены в других брендах. В блоге с новым названием Доу писала о **бьюти** и много рассказывала о своей жизни. Это были жидкие матовые помады Velvetines — суперстойкие и насыщенные, главный **бьюти-аксессуар** (<https://flacon-magazine.com/lyudi/biznes/8427963-lime-crime-kotory-poteryal-yarkost-istoriya>).*

Подводя итоги, стоит заметить, что в целом социальная ориентированность и оценочный характер подобных новообразований, созданных на базе ключевого элемента *бьюти-*, передают специфику языковой картины мира представителей современного российского социума. Умелое использование авторами словообразовательного элемента *бьюти-* в процессе словотворчества способствует не столько акцентированию внимания адресата на значимом для современного общества вопросе, о чем принято говорить, когда речь идет о ключевых элементах, сколько намеренному формированию значимости данного вопроса.

Список литературы

1. Воробьева Е.В. Вербальные и визуальные средства реализации эстетического мотива в рекламном тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Майкоп, 2010. 24 с.
2. Земская Е.А. Активные процессы современного русского словопроизводства // Русский язык конца XX столетия. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 90–141.
3. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 224 с.

4. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 166–205. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/ling/karasik.htm> (дата обращения 06.04.2024).
5. Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. [Электронный ресурс]. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения 06.04.2024).
6. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.
7. Тищенко С.В. Структурные, семантические и лингвокультурные параметры концептосферы FASHION INDUSTRY (на материале современного англоязычного дискурса) / С.В. Тищенко, Ж.А. Тягунова, Е.О. Мартынова // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 1. С. 157–184.
8. Шевель В.Г. Лексические особенности социолекта бьюти-блогеров// Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: Материалы II Международного научного конгресса, Симферополь, 03–28 апреля 2017 года / Редактор Е.В. Полховская. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2017. С. 44–47.

“BEAUTY REALIA” IN MODERN MEDIA WORD CREATION

© *N.A. Samylicheva*

*National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod*

The purpose of this study is to analyze the functioning of the key element of the affixoid “beauty” within the framework of modern media word creation. The article examines the peculiarities of the functioning of word-forming neologisms created based on this key element in the structural-semantic, functional-stylistic and linguocultural aspects. As speech practice shows, “key” words can include not only words, but also affixes and affixoids. The word-formation activity of such “key” elements allows us to identify the specifics of modern linguistic picture of the world.

Keywords: key elements, neologisms, language game, word creation, mass media.

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ И ПРАГМАТИКЕ НОМИНАЦИЙ *ВДОВА*, *ВДОВЕЦ*

© *М.В. Сандакова*

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского*

В статье рассматриваются слова *вдова* и *вдовец* – реляционные имена, при-
мыкающие к группе терминов родства, – в семантическом, словообразователь-
ном, сочетаемом и прагматическом аспектах. Используется метод семанти-
ческого и словообразовательного анализа. Материалом исследования являются
тексты современных СМИ и художественной литературы; привлекаются тексты
Национального корпуса русского языка. Существительное *вдова*, по сравнению
с *вдовец*, является мотиватором большего количества производных; по данным
НКРЯ, оно обладает большей частотностью употребления. Описываемые номи-
нации имеют также сочетаемостные различия: вплоть до начала XXI века в речи
были употребительны словосочетания типа *вдова Петра, его вдова*, но не
встречались *вдовец Анны, её вдовец*. Данные факты можно объяснить внеязыко-
выми причинами: исторически сложившейся меньшей социальной независи-
мостью женщин. Для русского языка традиционно более необходимым было мар-
кирование статуса женщины, у которой умер муж, чем мужчины, потерявшего
жену. Однако в современной речи, главным образом в языке СМИ, начали упо-
требляться прежде невозможные контексты (*Родион Щедрин – вдовец Майи
Плисецкой*). На наш взгляд, это позволяет говорить о тенденциях изменения
прагматических правил функционирования существительных *вдова* и *вдовец*.
Запрет на словосочетания типа *её вдовец* теряет силу под воздействием таких
экстралингвистических факторов, как установление гендерного равноправия,
достижение женщинами выдающихся результатов в разных сферах деятельно-
сти и др. Новая сочетаемость слова *вдовец* свидетельствует о динамических
процессах в русской языковой картине мира, когда ситуации *его вдова* и *её вдо-
вец* становится возможным представить как вполне зеркальные.

Ключевые слова: реляционные имена лиц, термины родства, семантика, со-
четаемость, контекст, прагматика.

В русском языке реляционные имена лиц, обозначающие людей по
тому или иному отношению друг к другу, составляют класс слов, инте-
ресных с точки зрения семантических и прагматических особенностей.

Лингвистами были выявлены закономерности функционирования
предикатов, которые обозначают «взаимное действие или взаимное от-
ношение участников ситуации»: *быть похожим, быть другом* [Крысин
2021: 93].

Л.П. Крысин определяет такие предикаты как квазисимметричные и выявляет социальные ограничения в их сочетаемости. При кажущейся симметричности обозначаемых отношений синтаксические трансформации *X похож на Y – Y похож на X; X является другом Y – Y является другом X* возможны не всегда.

Причина лежит в области прагматики. Трансформация допустима, если участники ситуации действительно равны по социальному статусу, возрасту, степени авторитетности, известности и другим характеристикам. Но дело в том, что во фразах типа *X похож на Y, X является другом Y* место первого актанта обычно заполняется именем, которое называет человека более низкого социального статуса, более молодого и др. по сравнению с вторым актантом.

При таком неравенстве перестановка актантов местами даёт нежелательный эффект. Например, фраза *Асеев был другом Маяковского* при трансформации превращается в не совсем корректную *Маяковский был другом Асеева*, см. [Крысин 2021; Крысин 2023].

Широкий круг именных предикатов исследовала О.П. Ермакова. В её работе [Ермакова 2021] показана несимметричность употребления в речи реляционных имён лиц: слов *тёзка, однофамилец*, а также слов, называющих лиц по совместной деятельности или вовлечённости в какую-либо ситуацию (*современник, соавтор, совладелец* и др.).

Исходя из словарных толкований, эти наименования обозначают лиц по симметричным отношениям. Однако прагматические правила диктуют употреблять их применительно к лицу, статус (известность) которого ниже статуса второго участника отношения. Так, человек с фамилией *Пушкин* может сказать о себе *Я – однофамилец Пушкина*, но не **Пушкин – мой однофамилец*.

Нарушения этих правил может вызвать комический эффект:

– *Вы Берлиоза знаете?* – *спросил Иван многозначительно.*

– *Это... композитор?*

Иван расстроился.

– *Какой там композитор? Ах да... Да нет! Композитор – это однофамилец Миши Берлиоза* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). (Пример из статьи [Ермакова 2021: 83]).

Цель данной статьи – описание существительных *вдова* и *вдовец*, обнаруживающих своеобразие в семантической, словообразовательной, синтагматической и прагматической сферах.

Эти слова входят в состав реляционных имён и примыкают к терминам родства, обозначающим лиц по родственным и семейно-брачным отношениям.

Номинации *вдова* и *вдовец* в языке обнаруживают разную употребительность. По данным НКРЯ, существительное *вдова* гораздо более часто, чем *вдовец*. Например, в основном подкорпусе количество примеров со словом *вдова* – 12083, со словом *вдовец* – 1039.

В словообразовательной паре *вдова* – *вдовец* мотивирующим является существительное *вдова*, а *вдовец* образовано от него с помощью суффикса *-ец*. Такая особенность выбивается из общей закономерности образования феминитивов от имён лиц мужского пола с помощью суффиксов женскости. По данным «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова, существительное *вдова* является вершиной словообразовательного гнезда и обладает более значительным деривационным потенциалом, чем *вдовец* [Тихонов 1985: 71]. Например, со словом *вдова* связаны производные *вдовушка*, *вдовица*, *вдовый*, *вдовицын*, *по-вдовьи*; аналогичных образований, связанных с *вдовец*, в языке нет.

Приведённые языковые факты служат подтверждением того, что для русской языковой картины мира традиционно более необходимым было маркирование статуса женщины, у которой умер муж, чем мужчины, потерявшего жену. Это, в целом, отражает большую социальную несамостоятельность женщины.

Остановимся на семантических и прагматических особенностях данных наименований.

В русском языке термины родства образуют пары, называющие лиц, находящихся по отношению друг к другу в тех или иных отношениях, которые могут быть симметричными (*брат – брат*, *брат – сестра*) или несимметричными (*мать – сын*, *мать – дочь*, *дядя – племянник*).

В высказываниях они употребляются в составе конверсивных предикатов: *Андрей – брат Ирины = Ирина – сестра Андрея*; *Татьяна – жена Сергея = Сергей – муж Татьяны*; *Иван Петрович приходится дедом Ване = Ваня приходится внуком Ивану Петровичу*.

В отличие от терминов родства, слова *вдова* и *вдовец* не допускают конверсии. Высказывания *Ольга является вдовой Николая* и *Николай является вдовцом по отношению к Ольге* описывают разные ситуации. Соотносительны имена *вдова – муж*, *вдовец – жена*.

Термины родства обычно употребляются в двух режимах. Во-первых, в собственно реляционном, то есть с именем лица, к которому направлено отношение: *Иван – брат / племянник / шурин Петра*; *Приехал брат Петра*.

Во-вторых, в абсолютивном режиме, без указания второго актанта, когда валентность реализуется внутри значения слова. Так, фраза

Он отец означает 'У него есть дети'. Такое употребление свойственно лишь некоторым наименованиям: *Она мать / жена / сестра; Любой отец поступил бы точно так же*. Ср. также: *Когда бы жизнь домашним кругом Я ограничить захотел; Когда б мне быть отцом, супругом Приятный жребий повелел...* (А.С. Пушкин. Евгений Онегин); *В жизни Рая делала ошибки постоянно. В результате она так и не получила диплома. К тому же в двадцать пять лет стала матерью-одиночкой*. (С. Довлатов. Чемодан. 1986) [НКРЯ].

Другие термины родства обычно так не употребляются. Например, сомнительны высказывания типа **Он племянник* (без указания, чей), **Она золовка* и подобные им. Многие реляционные имена с другой семантикой также не допускают абсолютного употребления. Обычно не говорят **Он современник, тёзка* без указания (эксплицированного или подразумеваемого, по отношению к кому).

Сравним фрагменты словарных статей существительных *муж – жена* и *вдова – вдовец* в различных толковых словарях.

Муж: «1. Женатый мужчина (по отношению к своей жене)» [БТС 2001: 562].

Жена: «1. Замужняя женщина (по отношению к своему мужу)» [БТС 2001: 302].

Как показывают толкования, для слов *муж, жена* направленность на второго актанта эксплицирована в формулировке «по отношению к...»: *муж* или *жена – чей? или чья?*

В отличие от *муж* и *жена*, для слов *вдова* и *вдовец* формулировки толкований тяготеют к абсолютному употреблению, что прослеживается в разных словарях (МАС, БТС и СШ). Ср.:

Вдова: «Женщина, не вступившая в другой брак после смерти мужа» [МАС 1985: 143]. Идентичное толкование даёт БТС [БТС 2001: 114].

Вдова: «Женщина, у которой умер муж» [СШ 2008: 76].

Вдовец: «Мужчина, не вступивший в другой брак после смерти жены» [МАС 1985: 143]. Идентичное толкование даёт БТС [БТС 2001: 114].

Вдовец: «Мужчина, у которого умерла жена» [СШ 2008: 76].

Возможности употребления с заполненной валентностью второго актанта для слов *вдова* и *вдовец* значительно различаются.

Для слова *вдова* данная возможность очевидна. Вполне типичны словосочетания структуры «*вдова* + Р. п. имени существительного»: *вдова Пушкина, вдова Петра*. Употребительны также словосочетания *его вдова*. Возможна, кроме того, сочетаемость с притяжательными (от-

носительными) прилагательными: *унтер-офицерская вдова*, *шахтёрская вдова* (здесь граница между реляционным и абсолютным употреблением теряет чёткость). Ср.: *Всё ценное, но ничего грубого, крикливого у этой внучки ярославского крестьянина, миллионерши Аглаи Петровны Аносовой, купеческой вдовы, известной своей щедрой благотворительностью, умом, красотой и строгими нравами.* (К. М. Станюкович. Жрецы. 1897) [НКРЯ].

Таким образом, слово *вдова* функционирует как в абсолютном, так и в собственно реляционном режиме: *Анна – вдова* и *Анна – вдова Петра / его вдова*. Слово *вдовец* вплоть до недавнего времени употреблялось только абсолютно: *Иван – вдовец*, но не *Иван – вдовец Татьяны / её вдовец*. Очевидно, что в языке получило отражение различие социальных ролей: обозначение второго актанта релевантно для слова *вдова*, называющего женщину по её зависимости от мужчины.

Однако в начале XXI века в употреблении начали появляться ранее невозможные контексты: «*вдовец* + Р. п. имени существительного» и *её вдовец*. Немногочисленные примеры можно найти в газетном подкорпусе НКРЯ (Центральные СМИ). Вот некоторые из них: *Юрий Фирсов молится за упокой Валентины Легкоступовой один. <...> Семья певицы не пустила её вдовеца, Юрия Фирсова, на отпевание* (vesti.ru. 20.08.2020) [НКРЯ]; *Отец покойной певицы Жанны Фриске обвинил её вдовеца Дмитрия Шепелева в растрате наследства маленького сына* (gazeta.ru, 09.12.2019) [НКРЯ]; *Вдовец Бхутто и её преемник во главе партии Асиф Али Зардари (Asif Ali Zardari) недавно назвал правление Мушаррафа «реликтом», но от открытого призыва к смещению президента воздержался* (Lenta.ru. 09.06.2008) [НКРЯ].

В современных СМИ употребления такого типа не единичны. Приведём ещё несколько примеров: *Вдовец певицы Жанны Фриске телеведущий Дмитрий Шепелев написал в полицию заявление об избиении и похищении у него сына* (iz.ru. 08.12.2015); *Вдовец Людмилы Гурченко продюсер Сергей Сенин не продал ни одной вещи супруги после ее ухода и переехал в деревню, чтобы в квартире легендарной актрисы мог разместиться музей. Об этом Сергей Михайлович рассказал в интервью «Известиям» в преддверии 85-летия со дня рождения народной артистки СССР.* (Известия. 12.11.2020); *«Уважаемые Глеб Анатольевич (Панфилов, вдовец Чуриковой – TRUD.RU) и Иван Глебович (сын Чуриковой и Панфилова – TRUD.RU)... Примите глубокие соболезнования, слова поддержки и участия в связи с постигшим вас горем и невосполнимой утратой... Кончина Инны Михайловны Чуриковой*

– великой, всенародно любимой актрисы – огромная потеря для всех нас...» (trud.ru. 14.01.2023); Режиссёр Глеб Панфилов представил развёрнутый комментарий по поводу отказа от церемонии прощания в Ленкоме, хотя руководство театра в лице Марка Варшавера выступило за это предложение. Как оказалось, **вдовец** народной артистки **Инны Чуриковой** считает подобный формат не вполне этичным (Рамблер/Новости. 23.02.2023. <https://news.rambler.ru/starlife/50264521-vdovets-inny-churikovoju-obyasnil-otkaz-ot-proschaniya-v-lenkome/>); **Вдовец** популярной актрисы **Натальи Гундаревой**, актёр Михаил Филиппов женился несколько лет назад на другой актрисе – Наталье Васильевой (<https://windows10official.ru/filippov-muzh-gundarevoi-vdovec-gundarevois-novoi-zhenoi-prosyat-pomoshchi-u/>); Через год после смерти Юлии Григорьевой-Апполоновой **её вдовец** стал прокладывать себе путь в медийное пространство. Андрей выпустил совместный клип с двоюродным племянником погибшей жены и Рыжего – Сергеем Григорьевым-Апполоновым... (<https://www.kp.ru/afisha/msk/obzory/novosti-shoubiznesa/25-let-ivanushkam/>); Прах балерины Майи Плисецкой хранится дома у **её вдовца** – композитора Родиона Щедрина. Актриска умерла шесть лет назад, но могилы у неё до сих пор нет ни в России, ни в Германии, где она жила последнее время (News.ru. 11.04.2021. <https://news.ru/culture/smi-uznali-chto-u-pliseckoj-do-sih-por-net-mogily/>).

Итак, словосочетания типа **её вдовец**, **вдовец Анны** начиная с XXI века становятся возможными, хотя, во-первых, они пока не совсем привычны и, во-вторых, их бытование ограничивается текстами СМИ, посвящёнными описанию преимущественно знаменитых и популярных людей. Содержание контекстов показывает, что вдовец и умершая жена являются либо «равновеликими» (сопоставимыми) по статусу, таланту, общественной роли, популярности и др. (Инна Чурикова и Глеб Панфилов, Майя Плисецкая и Родион Щедрин), либо её статус выше.

Очевидно, что можно говорить о тенденциях изменения прагматических правил употребления существительных **вдова** и **вдовец**. Прагматический запрет на сочетаемость **её вдовец** теряет силу под воздействием таких экстралингвистических факторов, как установление гендерного равноправия, повышение роли женщины в обществе, достижение женщинами выдающихся результатов в разных сферах деятельности и др.

Новая сочетаемость слова **вдовец** свидетельствует о динамических процессах в русской языковой картине мира, когда ситуации **его вдова** и **её вдовец** становится возможным представить как вполне зеркальные.

Список литературы

1. БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2001. 1536 с.
2. Ермакова О.П. Кто чей тёзка и современник? (Взаимодействие грамматики и прагматики) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2021. Том 80, № 2. С. 81–86.
3. Крысин Л.П. О социальных ограничениях в сочетаемости слова // Проблемы лингвистической семантики и прагматики языковых единиц разных уровней: доклады Международной научной конференции, посвящённой памяти доктора филологических наук, профессора О.П. Ермаковой / Отв. ред. Ерёмин А.Н. Калуга: КГУ им К.Э. Циолковского, 2023. 408 с. С. 177–181. <https://elibrary.ru/item.asp?id=54939903>
4. Крысин Л.П. Очерки по социолингвистике. М.: ФЛИНТА, 2021. 360 с.
5. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). 2003–2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: ruscorpora.ru (дата обращения 02.04.2024).
6. МАС – Словарь русского языка в четырёх томах. Том I / Гл. ред. А.П. Евгеньева. М.: Изд-во «Русский язык», 1981. 702 с.
7. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. Т. 1. М.: Русский язык, 1985. 856 с.
8. СШ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008. 1175 с.

ANENT SEMANTICS AND PRAGMATICS OF THE NOMINATIONS *WIDOW*, *WIDOWER*

© *M.V. Sandakova*

*National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod*

The article deals with the semantic, word-building, collocational, and pragmatic characteristics of the words *widow* and *widower* which are relational names adjoining kinship terms. The methods of semantic and word-building analysis are employed. The texts of the modern mass-media, belles-lettres works, and the texts of the Russian National Corpus serve as the material for the analysis. The noun *widow* in comparison with the word *widower* serve as the base for a large amount of derivatives. According to the Russian National Corpus, it is more frequently used. The nominations under study also differ in the collocational aspect: up to early XXI century the word-combinations like *Peter's widow*, *his widow* were common, but *Ann's widower*, *her widower* didn't occur in common conversation. These facts are accounted for extra-linguistic factors and long-standing women's social significance. It was more important in the Russian language and culture to identify the status of the woman whose

husband passed away than that of the man whose wife deceased. It is mentioned in the article that in the modern Russian speech (mainly in the mass-media) the collocations are used previously being impossible, for example, *Rodion Shchedrin – Maya Plisetskaya's widower*. This fact demonstrates the changes in the pragmatic rules of the functioning of the nouns *widow* and *widower*. The taboo about the word-combinations like *her widower* ceases to be effective due to such extra-linguistic factors as the onset of gender equality, the achievement of outstanding results by women in various spheres, and many others. The new collocation of the word *widower* proves the dynamic character of the speech processes in the Russian language world picture. In these circumstances the situations with the collocations *his widow* and *her widower* are mirror-like.

Keywords: relation personal names, kinship terms, semantics, collocation, context, pragmatics.

СУБЪЕКТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ТЕКСТА И СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ НАУЧНЫХ ПРАКТИК: ЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© *А.В. Сахарова*

Институт философии РАН

Вопрос о том, кто является субъектом научного исследования, ставила и социология науки, и философия, и эпистемология. Ответ на этот вопрос лежит в том числе и в поле лингвистики: в исследовании языковых практик научной работы и их специфических черт. В языковых практиках отражаются и одновременно формируются «образ реальности» и социальные практики, ментальные предубеждения и «неявное знание» – имплицитные неартикулируемые установки, социальные и культурные пресуппозиции, ценности и базовые концепты субъектов науки. Иными словами, неявные, неэксплицированные характеристики субъекта и окружающих его социальных практик могут быть определены при помощи анализа научных текстов, в частности заложенных в них пресуппозиций, выявляемых через анализ модальной структуры текста. В настоящем исследовании через количественный анализ показателей эпистемической модальности с различными значениями выявляется корреляция между экстралингвистической характеристикой текстов научных статей – количеством соавторов – уверенностью субъекта научного текста, выраженной через количество и семантические характеристики показателей эпистемической модальности.

Ключевые слова: эпистемическая модальность, социальная эпистемология, научные тексты, количественный анализ, субъект текста, научный консенсус.

Одной из особенностей субъектной организации современных естественных наук является работа в крупных научных группах [Wuchty, Jones, Uzzi 2007]. Эта тенденция объясняется различными факторами: усложнением дизайна научных исследований и самих экспериментальных методик, возросшей междисциплинарностью науки, ростом стоимости научных исследований, улучшением коммуникационных технологий. Численность научных групп в случае мегапроектов может достигать сотен и даже тысяч исследователей. Например, статья, посвященная оценке массы бозона Хиггса в *Physical Review Letters* подписана более чем пятью тысячами соавторов. Особенности взаимодействия в столь больших научных группах требуют особого осмысления [см., например, Nogrady 2023], впрочем, многие аспекты взаимодействия в

более распространенных группах в 5–10 исследователей также неочевидны.

Вопрос о том, кто является субъектом научного исследования, ставила и социология науки, и философия, и эпистемология. Ответ на этот вопрос лежит в том числе и в поле лингвистики: в исследовании языковых практик научной работы и их специфических черт. В языковых практиках отражаются и одновременно формируются «образ реальности» и социальные практики, ментальные предубеждения и «неявное знание» – имплицитные неартикулируемые установки, социальные и культурные пресуппозиции, ценности и базовые концепты [Полани 1985] – субъектов науки. Иными словами, неявные, неэксплицированные характеристики субъекта и окружающих его социальных практик могут быть определены при помощи анализа научных текстов, в частности заложенных в них пресуппозиций, выявляемых через анализ модальной структуры текста.

В настоящем исследовании мы исходим из предположения, что подобного рода особенности социальной организации научных практик оказывают влияние на субъектную организацию научных текстов, и наоборот: через особенности субъектной организации научных текстов могут быть выделены и «подсвечены» некоторые неочевидные черты социальной организации научных практик. Вопросы, которые можно поставить в этой связи, как мы уже указали выше, выходят в междисциплинарную область, охватывающую как лингвистику, так и социальную эпистемологию и философию науки. В частности, на материале лингвистики можно рассмотреть вопрос об особенностях коллективного авторства и возможности научного консенсуса – как в той или иной научной группе, так и за ее пределами.

Указанный вопрос будет рассмотрен на материале текстов научных статей на русском языке по физике, механике, материаловедению и металлургии, написанных с 1999 по 2020 гг. Рассмотренная выборка состояла из 472 современных научных статей общим объемом 3 118 995 словоформ.

В качестве лингвистического показателя, который может быть использован для анализа субъектной структуры текстов научных статей и её особенностей, мы предлагаем взять эпистемическую модальность.

Вероятно, другие маркеры субъективности, присутствующие в научных текстах, также значимы и могут быть оценены в сопоставлении с количеством соавторов, однако этот вопрос остаётся за пределами нашего исследования.

Выбор указанной категории для анализа обусловлен тем, что эпистемическая модальность является одним из ключевых аспектов субъектной структуры научных статей в связи с ценностной установкой и особенностями реализации научного процесса.

Под эпистемической модальностью в этом контексте мы понимаем «семантику и средства языкового выражения уверенности/неуверенности говорящего в достоверности сообщаемого, в другой терминологии – достоверности/недостоверности (предположительности), персуазивности» [Проблемы функциональной грамматики 2020: 246].

Для статистического анализа мы взяли следующие распространенные средства языкового выражения эпистемической модальности:

1. Семантика категорической достоверности рассмотрена на материале лексем (в синтаксических позициях вводных слов и предикатов) *безусловно, бесспорно, действительно, естественно, известно, конечно, несомненно, разумеется, ясно, понятно, очевидно* (в позиции предиката) и конструкций *без сомнения, в действительности, в реальности, на самом деле и как известно*.

Отметим, что, по мнению некоторых исследователей [Падучева 2019: 150], лексемы и конструкции *действительно, естественно, конечно, разумеется, как известно* выражают значение «соответствие ожиданию», что некоторым образом отличается от значения категорической достоверности, поскольку апеллирует не столько к физической реальности, сколько к «ожиданиям» говорящего, однако в рамках настоящего исследования мы рассматриваем эту семантическую группу как подвид эпистемической модальности категорической достоверности. Особенности семантики указанной группы лексем и конструкций мы подробно рассматриваем ниже.

2. Значение проблематической достоверности рассмотрено в настоящем исследовании на лексемах и конструкциях *видимо, по-видимому, вероятно, вероятнее всего, возможно, скорее всего, насколько нам известно, очевидно* (в синтаксической позиции вводного слова), *наверное*, а также частицами *едва ли, вряд ли*.

При общем подсчете мы не учитывали грамматическую функцию модального показателя, если она не влияла на выражаемое им значение (как, например, в случае лексемы *очевидно* в различных семантических позициях).

В рамках настоящего исследования были выявлены корреляции между лингвистическим показателем – частотой маркеров языковой эпистемической модальности со значениями проблематической и кате-

горической достоверности – и субъектной структурой научного текста. В качестве показателя, отражающего субъектную структуру, были выбраны данные о количестве соавторов научного текста.

Рассматриваемые статьи были разбиты на три группы по количеству соавторов: 1 автор, 2–3 соавтора и более 4 соавторов. Такое разделение позволяет отразить некоторые содержательные особенности научных статей: обычно статьи с более чем четырьмя соавторами отражают результаты экспериментальных исследований, а статьи с меньшим количеством соавторов – теоретических и обзорных. Также в отдельную группу были выделены «индивидуальные» статьи – с 1 автором.

В рамках статистического исследования было подсчитано общее количество показателей эпистемической модальности (в целом, а также значений категорической и проблематической достоверности по отдельности) в каждой статье. Данные о среднем количестве модальных показателей с различной семантикой были сопоставлены с данными о количестве соавторов.

Статьи с одним автором демонстрируют высокую степень субъективности – в них встречается больше всего эпистемических модальных показателей – в среднем 5,99 на статью. С ростом количества соавторов общее среднее количество маркеров эпистемической модальности снижается: в статьях с 2–3 соавторами встречается уже в среднем 3,53 показателя эпистемической модальности на статью, а в статьях с более чем четырьмя соавторами – 3,31 на статью.

Среднее количество маркеров категорической достоверности также снижается с увеличением количества соавторов (от 4,1 показателей в статьях с одним автором до 1,49 в статьях с более чем четырьмя соавторами), что в целом соответствует общей тенденции, выявленной на всех показателях эпистемической модальности независимо от значения.

При этом количество маркеров проблематической достоверности на выборке статей с более чем четырьмя соавторами (2,14), вопреки общей тенденции, оказывается выше, чем в статьях с 2–3 соавторами (1,91).

Получается, что с ростом соавторов научного текста как снижается количество маркеров уверенности, так и растёт количество маркеров неуверенности.

Указанные лингвистические данные позволяют поставить вопрос о природе научного консенсуса: если даже в одной научной группе совместная работа приводит к снижению уверенности в результате, то как мы можем говорить о достижении научного консенсуса на уровне различных отраслей знаний? И почему вместо увеличения уверенности в

результате, к которой должна привести множественная верификация соавторами, мы видим обратный процесс – снижение уверенности?

Истинность научной теории или научного результата определяется не просто на основе их соответствия определенному набору эмпирических, теоретических, методологических и логических критериев, она требует от ученых принятия соответствующего когнитивного решения. По-видимому, несмотря на эмпирическую и теоретическую достоверность, принятие этого когнитивного решения затруднено: рост количества показателей проблематической достоверности в статьях с большим числом соавторов может быть вызван особенностями реализации научных практик большими научными группами, в частности трудностями в коммуникации между участниками исследования или общим ощущением «отстраненности» пишущего соавтора от общего результата работы. Эти данные, по-видимому, говорят о том, что указанные показатели проблематической достоверности не столько выражают своё языковое значение неуверенности, сколько выполняют некоторую другую прагматическую функцию. Большая часть показателей проблематической достоверности в той или иной степени во многих контекстах имеют дополнительную прагматическую функцию «слов-загородок» – слов, задача которых состоит в том, чтобы сделать понятия более размытыми («Words whose job it is to make things fuzzier» [Lakoff 1972: 195]). Большое количество показателей проблематической достоверности в экспериментальных текстах с большим количеством соавторов говорит не столько о неуверенности, сколько о желании пишущего автора снять с себя ответственность за методики научного исследования, результаты которых получены не им, и которые он часто не может валидировать и оценить в связи со сложностью и большим разнообразием использованных экспериментальных методик.

Список литературы

1. Падучева Е.В. Эгоцентрические единицы языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2019. 440 с.
2. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии / Под ред. В.А. Лекторского, В.А. Аршинова; пер. с англ. М.Б. Гнедовского, Н.М. Смирновой, Б.А. Старостина. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
3. Проблемы функциональной грамматики: Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. 489 с.
4. Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Journal of Philosophical Logic*. 1972. № 2. P. 458–508.

5. Nogrady B. Hyperauthorship: the publishing challenges for 'big team' science // *Nature*. 2023. № 615. P. 175–177.

6. Wuchty S., Jones, B.F., Uzzi, B. The increasing dominance of teams in production of knowledge // *Science*. 2007. №316(5827). P. 1036–1039.

THE PECULIARITIES OF THE SUBJECT OF THE SCIENTIFIC TEXT AND THE SOCIAL STRUCTURES OF SCIENTIFIC PRACTICES: THE EPISTEMIC ASPECT

© *A.V. Sakharova*

The Institute of Philosophy,

Russian Academy of Sciences (Moscow)

The issue of who the subject of scientific research is, has been raised in the fields of sociology, philosophy and epistemology. However, the answer to this question also lies in the field of linguistics, specifically in the study of the linguistic practices and specific features of scientific work. Language practices reflect and form the "image of reality", as well as social practices, mental presets and "implicit knowledge". Implicit non-articulate attitudes, social and cultural presuppositions, values, and basic concepts are all part of the implicit knowledge of subjects in science. In other words, by analyzing scientific texts and specifically the presuppositions embedded in them, which are revealed through the analysis of the modal structure of the text, the implicit characteristics of the subjects and surrounding social practices can be identified. In this study, a quantitative analysis was conducted on epistemic modality indicators with different values. The results revealed a correlation between the extralinguistic characteristics of scientific article texts - the number of authors and the confidence expressed through the use of epistemic modality indicators.

Keywords: epistemic modality, social epistemology, scientific texts, quantitative analysis, subject of the text, scientific consensus.

ЭПИТАФИЙ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ

© *М.И. Тарасов*

Смоленский государственный университет

Цель статьи – демонстрация навыков региональных журналистов в написании текстов, относящихся к одному из классических риторических жанров – эпитафию, или надгробной речи. Анализируются два текста этого жанра. Тексты рассматриваются в соответствии с методами риторического и дискурсивного анализа. Определяется их структура, уровень смыслового единства частей, соответствие основным принципам успешного общения. Рассматриваются отдельные стилистические особенности текстов этого жанра. Анализируется построение их заголовков.

Ключевые слова: эпитафий, надгробная речь, заголовок статьи, постулаты речевого общения, энкомий.

Прежде всего хотелось бы объяснить выбор темы. *Эпитафий* – это одна из разновидностей эпидейктических речей. Эта речь произносится по поводу ухода из жизни тех людей, которые оставили после себя особую память. Их жизнь и их смерть стали значимыми не только для ближнего круга родственников и друзей, но и для многих других людей, объединенных местом, в котором они живут. Собственно, само обращение электронных СМИ к факту ухода из жизни таких людей есть подтверждение их особой роли в жизни общества.

В русском языке есть два сходных слова: *эпитафий* и *эпитафия*. С первым мы разобрались. Второе означает надпись на могиле. Общность в содержании слов имеется, но в нашей работе речь пойдет о текстах больших по объёму, чем среднестатистическая эпитафия: «*Помним, любим, скорбим*».

В качестве материала для анализа мы выбрали два коротких текста, размещенных ниже. Имена в настоящей публикации мы сочли нужным изменить.

Цель обращения к эпитафиям определяется следующим: эпитафий – живой жанр (просим простить этот невольный каламбур), текстов, относящихся к этому жанру, в Сети много. А самое важное здесь вот что: эпитафий, на наш взгляд, оказывается адекватным репрезентантом того состояния, в котором находится современное искусство произнесения надгробных речей и, соответственно, современные навыки написания журналистских текстов, связанных с этим жанром, и любых других текстов.

Мы попытаемся проанализировать выбранные нами тексты, используя инструментарий, предлагаемый древней риторикой и современной теорией дискурса. Анализ этот нужен для определения путей усовершенствования риторических и – шире – профессиональных навыков студентов, обучающихся на факультетах и отделениях журналистики.

Итак, вот тексты, которые мы собираемся проанализировать (орфография и пунктуация сохранены):

1. *Археолог из Чувашии погиб в зоне СВО: «Ушел в свою последнюю экспедицию»*

Добровольно отправился на защиту Родины.

В ходе спецоперации погиб археолог из Чувашии. Мужчина добровольно пошел на защиту России. Об этом сообщают в пресс-центре Чувашского национального музея.

11 января в Батыревском районе проходит прощание с археологом Александром Волковым. Он добровольно ушел на СВО. Мужчина погиб на самом сложном участке боевых действий.

Александр начал работать в Чувашском национальном музее в 2012 году, когда еще был студентом историко-географического факультета ЧГУ им. И.Н. Ульянова. Через два года он стал заведующим сектором археологии и древней истории. Бойца вспоминают, как отличного знатока истории и талантливого исследователя.

В университете и музее Александр Волков принимал активное участие во многих археологических исследованиях в Чувашии: на Ивановском могильнике в Ядринском районе, на Аблязовском кургане в Козловском районе, участвовал в раскопках Анаткасинского могильника в Мариинско-Посадском районе, проводил разведку в Красночетайском районе, обследовал средневековые памятники в Алатырском районе. Он работал на археологических площадках в Ульяновской, Нижегородской, Астраханской, Владимирской, Саратовской областях, Республиках Марий Эл и Татарстан, а также в Крыму.

«Удивительно светлый человек, увлеченный своим делом, невероятно эрудированный, преданный семье и друзьям, добрый и отзывчивый, всегда готовый прийти на помощь, легкий на подъем, задорный и энергичный батыревский парень с широкой душой и большим сердцем. Для нас Саша Волков ушел в свою последнюю экспедицию и нашел пристанище “в месте светле, в месте злачне, в месте покойне, отнюдуже отбеже болезнь, печаль и воздыхание”, – рассказали сотрудники Чувашского национального музея.

2. *Сегодня Смоленск пощается с акушером-гинекологом высшей категории*

Женщина помогала людям почти четыре десятилетия

Вчера, 15 января, ушла из жизни заведующая гинекологическим отделением №2 Красного Креста Доронина Наталья Владимировна. У женщины был стаж 38 лет и высшая врачебная категория в области гинекологии и акушерства.

«Смерть близкого и родного для нас человека – это большое горе и тяжёлое испытание. Светлые воспоминания о человеке, который честно и достойно прожил свою жизнь, оставив после себя плоды своих добрых дел, всегда будут сильнее смерти. Невозможно выразить словами нашу скорбь», – выразил горечь утраты коллектив КБСМП «Красный Крест».

Близкие, друзья, коллеги и благодарные пациенты имеют возможность проводить Наталью Владимировну в последний путь. Прощание состоится сегодня с 11:00 до 11:30 в конференц-зале администрации больницы. С 12:30 – отпевание и прощание в Успенском соборе.

Выделим в виде пунктов наши комментарии к приведенным текстам.

1. Известно, что заголовки статей в современной периодической печати должны включать в себя собственно заголовков (лид) и вводку [Ван Дейк 1989: 241 и др.].

Если заголовок тяготеет не столько к отражению главного события, сколько к констатации его особенной значимости, то вводка именуется же событие уже предметно и, если можно так сказать, деловито. Что мы видим в данном случае? В обоих текстах эти два элемента переставлены местами: сначала говорится о главном событии с протокольной основательностью, потом дается эмоциональный перифраз сказанного. Ср.: «Археолог из Чувашии погиб в зоне СВО: “Ушел в свою последнюю экспедицию”. Добровольно отправился на защиту Родины»; «Сегодня Смоленск пощается с акушером-гинекологом высшей категории. Женщина помогала людям почти четыре десятилетия». Мы далеки от мысли рекомендовать журналистам использовать более канонический способ именования статей. Возможно, перед нами новая тенденция. В любом случае отметим, что заголовки статей отражают известную риторическую практику фразового повтора, который воплощается в целом наборе так называемых фигур мысли (см. подробнее в нашей книге [Тарасов 2021]). Исходя из сказанного вырисовывается один из микро-

трендов преподавания риторики журналистам: *фигуры мысли (эпимона, пролепис, комморация и др.) – актуальные формы заголовка современного медиатекста*. Вообще же, эта связь: риторический базовый канон – структура современного медиатекста – на наш взгляд, является мощным организующим началом журналистской дидактики. К сожалению, он остается недооцененным теми, кто преподает журналистам лингвистические дисциплины.

2. В классической риторике сложились два основных способа организации надгробных речей: *энкомий* и *монодия*. В энкомии был следующий набор частей: *набор деяний* (собственно энкомий), *описание качеств, сравнение*. Эти части суть *топосы, общие места риторические*, т.е. некие тематические единства. Они могут оставаться тематическими единствами, т.е. осуществляться только на уровне семантики дискурса и быть частью *инвенции*, а могут плотно локализовываться на определенных пространствах речи. В этом случае они относятся уже к «ведению» диспозиции. Монодия предполагает несколько иное расположение материала: сначала речь идет *о настоящем*, затем *о прошлом* и затем *о будущем*. В обоих случаях речи открываются и завершаются специфическими для эпитафия вступлением и заключением. См. подробно в [Элий Аристид 2017].

Соблюдают ли современные авторы эти каноны? Да, структура эпитафия соблюдается. Разумеется, не в полном объеме, но основные части: рассказ о деяниях и перечисление достоинств – имеются. Что отсутствует – так это *сопоставление*. Этим топосом современные авторы пренебрегают. Задача топоса *сопоставление* – показать место покойного на фоне других – заменяется желанием представить полифонию мнений о нем, т.е. использованием внешнего топоса *свидетельство*, который накладывается на топос *качества*.

3. Основа семантического единства той или иной части речи – семантическая *изотопия*, т.е. повтор однородных сем на определенном текстовом пространстве. Вот здесь у авторов иногда имеются трудности. Ср. например, выражение «*Бойца вспоминают, как отличного знатока истории и талантливого исследователя*». Речь идет о погибшем в зоне СВО археологе, а назван он *бойцом*. Понятно, здесь военная и гражданская темы совместились неадекватным образом.

4. Для анализа представленных текстов хорошо подходят ставшие уже общим местом множества работ по дискурсу сведения о постулатах речевого общения Грайса (так называемый Принцип Кооперации). Памятуя о том, что они в общем соответствуют выработанным в антично-

сти требованиям к хорошей речи и к тому же отличаются четкостью формулировок, применим их и мы.

В текстах есть явное нарушение постулата количества. Вот, например, список деяний человека, о котором идет речь в одном из эпитафиев: *«принимал активное участие во многих археологических исследованиях в Чувашии: на Ивановском могильнике в Ядринском районе, на Аблязовском кургане в Козловском районе, участвовал в раскопках Анаткасинского могильника в Мариинско-Посадском районе, проводил разведку в Красночетайском районе, обследовал средневековые памятники в Алатырском районе. Он работал на археологических площадках в Ульяновской, Нижегородской, Астраханской, Владимирской, Саратовской областях, Республиках Марий Эл и Татарстан, а также в Крыму»*. Вряд ли такое нагромождение географии способно возвысить облик ушедшего, скорее оно только затрудняет чтение.

5. Принцип способа выражения, который, в частности, предполагает отказ от непонятных выражений, также нарушается. Ср., например, следующий пассаж, завершающий один из эпитафиев: *«Для нас [имярек] ушел в свою последнюю экспедицию и нашел пристанище “в месте светле, в месте злачне, в месте покойне, отнюдуже отбеже болезнь, печаль и въздыхание”*, – рассказали сотрудники Чувашиского национального музея». Вряд ли сотрудники Чувашиского национального музея изъясняются на церковнославянском языке.

К нарушениям того же принципа относится и излишнее многословие. В одном из текстов находим его пример: *«Удивительно светлый человек, увлеченный своим делом, невероятно эрудированный, преданный семье и друзьям, добрый и отзывчивый, всегда готовый прийти на помощь, легкий на подъем, задорный и энергичный батыревский парень с широкой душой и большим сердцем»*. Это, безусловно, хорошая оценка, и ушедший человек был наверняка её достоин, но однотипность синтаксиса в приведенном пассаже, на наш взгляд, снижает общий положительный эффект мультипликации оценок.

6. Принцип способа выражения, точнее – принцип хорошего способа выражения, нарушается в исследуемых текстах специфическим образом. Его можно назвать неверным выбором стилистической тональности текста.

В обеих статьях присутствует, на наш взгляд, неприемлемое, но ставшее чрезмерно популярным вторжение стиля полицейских протоколов. В них гражданин, нарушивший те или иные правила и подвергнутый задержанию или каким-либо другим административным санкци-

ям, часто именуется просто словом *мужчина*. Вот типовой пример: «Гражданин Иванов И.И. был задержан при переходе улицы в неполюженном месте. Мужчина отказался оплатить штраф и был...». Даже здесь такая замена: имя – мужчина, женщина, девушка – кажется нам примером дурного лингвистического вкуса. В русской классической литературе мы таких замен не находим. Соответственно, и в эпитафиях появление таких замен нежелательно, но они тем не менее имеются. Вот примеры: *В ходе спецоперации погиб археолог из Чувашии. Мужчи́на добровольно пошел на защиту России; Вчера, 15 января, ушла из жизни заведующая гинекологическим отделением № 2 Красного Креста [имярек]. У же́нщины́ был стаж 38 лет и высшая врачебная категория в области гинекологии и акушерства*. В данном случае авторы, очевидно, хотят избежать тавтологии. Делается это неудачно. Вообще, тавтология – это гораздо более сложный вопрос, чем о нем обычно думают. Поэтому отложим его обсуждение до лучших времен. Сейчас же отметим, что в подобных описанных случаях уместно использовать местоименные слова или сокращенные номинации. (О когнитивной природе таких замен см. [Кибрик 2003: 61–71]).

В некоторых случаях авторы эпитафиев используют готовые речевые блоки и при этом, по-видимому, воспринимают их именно как чужую речь. Во всяком случае, они согласовывают вставной блок и собственное изложение материала. Вследствие этого в тексте наличествуют тавтология, приобретающая иногда комический характер. Ср.: *Невозможно выразить словами нашу скорбь», – выразил горечь утраты коллектив КБСМП “Красный Крест”*. Получается странная вещь: скорбь выразить словами невозможно, а вот горечь утраты выразить словами вполне даже получается.

Подведем итог. Он неутешительный. Профессиональная лингвистическая подготовка юных журналистов находится на низком уровне. Автор этих строк осмеливается так говорить, поскольку и сам занимается преподаванием у журналистов. Способ преодоления создавшегося положения дел видится нам в концентрации внимания преподавателей на указанных параметрах дискурса, в разработке новых учебных пособий по лингвистике, риторике и стилистике дискурса.

Список литературы

1. Ван Дейк Т.А. Структура новостей в прессе / Т.А. ван Дейк // Язык. Познание. Коммуникация. Москва: Прогресс, 1989. С. 228–267.
2. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 90 с.

3. Тарасов М.И. Теория текста и дискурса. Дискурс рассуждения. М.: Издательство Юрайт, 2021. 284 с.

4. Элий Аристид. Надгробные речи и монодии. Перевод, статья, примечания, указатели С.И. Межерицкая. М.: Ладомир, Наука. 2017. 458 с.

EPITAPHS IN REGIONAL ELECTRONIC MEDIA

© *M.I. Tarasov*

Smolensk State University

The purpose of the article is to demonstrate the skills of regional journalists in writing texts related to one of the classical rhetorical genres – epitaph, or eulogy. Two texts of this genre are analyzed. The texts are considered in accordance with the methods of rhetorical and discursive analysis. Their structure, the level of semantic unity of the parts, and compliance with the basic principles of successful communication are determined. Some stylistically specific features of the texts of this genre are considered. The construction of their headings is analyzed.

Keywords: epitaph, eulogy, article title, postulates of speech communication, encomium.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ ЭМОТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

© Э.Р. Файзуллина

Уфимский университет науки и технологий

В работе исследуются вербальные и невербальные каналы передачи эмоций. Цель данного исследования – на материале фрагментов телевизионных ток-шоу выявить, как осуществляется взаимодействие вербальных и невербальных средств в процессе выражения эмоций участниками передач. При анализе фактического материала используются общенаучные методы (наблюдение, описание), а также специальные методы (лингвопрагматический, дискурсивный, контекстуальный анализ). Результаты доказывают, что взаимодействие вербальных и невербальных средств наблюдается и в кооперативном, и в конфликтном типах коммуникации. В конфликтной коммуникации оно позволяет в полной мере реализовать тактики оскорбления, угрозы, доминирования коммуникатора и приводит к неэкологичности общения. А в кооперативной коммуникации вместе с применением гармонизирующих речевых тактик позволяет добиться говорящему коммуникативной задачи.

Ключевые слова: эмотивность, коммуникация, вербальные средства, невербальные средства, кинесика, ток-шоу.

Исследование взаимодействия вербальных и невербальных средств коммуникации является одним из весьма актуальных вопросов современной лингвистики, решение которого имеет большое теоретическое и прикладное значение. В рамках данной проблематики значительный интерес представляет анализ выражения эмоций посредством вербального и невербального коммуникативных каналов. Между тем, к настоящему времени этот аспект в рамках лингвистики изучен недостаточно: можно назвать лишь небольшой ряд работ, посвященных его рассмотрению (П.А. Абдулкаримова, М.Б. Мркаиш, В.И. Шаховский). Цель нашей работы – на материале фрагментов телевизионных ток-шоу выявить, как осуществляется взаимодействие вербальных и невербальных средств в процессе выражения эмоций участниками передач.

Под эмотивной коммуникацией мы понимаем «сознательную, контролируруемую демонстрацию эмоций, которая ориентирована на субъект и используется в стратегических целях: воздействие на окружающих, демонстрация лояльности, доброжелательности, предупреждение возможного конфликта, то есть она выполняет социальную функцию –

повлиять на восприятие собеседником ситуации и на её понимание» [Буянова, Нечай 2006: 248–249]. В эмотивной коммуникации, важный элемент которой составляют подсознательные импульсы человеческой психики, большое значение имеют невербальные средства, изучаемые в рамках паралингвистики и экстралингвистики. Это неязыковые средства, «включённые в речевое сообщение и передающие, вместе с вербальными средствами, смысловую информацию» [Арутюнова 1990].

Наиболее распространённым способом невербальной репрезентации эмоций является жестикуляция, изучаемая в рамках кинесики (термин был введён антропологом Р. Бёрдвистелом). Кинесика – это наука, истолковывающая движения и жесты, мимику, которые проявляются в коммуникативных ситуациях [Birdwhistell 1952: 3]. Автор предлагал рассматривать жесты как отдельную коммуникационную систему со своими структурными единицами. О роли мимики как сигнализатора эмоционального состояния человека пишет Г.Е. Крейдлин: « <...> прежде всего лицо – это место симптоматического выражения чувств, внутреннего состояния человека и межличностных отношений, то есть одной из главных функций лица является эмотивная» [Крейдлин 2002: 165]. Р.П. Волос предлагает развёрнутую классификацию жестов, где среди прочих выделяет «жесты-усилители», «жесты защиты», «жесты императивы» [Волос 1989], знание особенностей которых поможет при анализе материала. Таким образом, кинесика представляет из себя целостную, развитую семиотическую систему.

С опорой на классификацию жестов, предложенную Р.П. Волос, а также уделяя внимание отдельным аспектам окулесики, гаптики, проксемики, проанализируем высказывания участников эмотивной коммуникации кооперативного и конфликтного типа. Прежде всего поясним, что мы, вслед за исследователем Н.Н. Кошкарновой, определяем кооперативный тип коммуникации как «речевое взаимодействие агентов коммуникативного акта, характеризующееся позитивной направленностью, реализующееся в наборе кооперативных стратегий и тактик, стремлением участников процесса интеракции к достижению взаимопонимания, реализации координированных и согласованных когнитивных и речевых действий, конструированию толерантного и корректного сценария межличностного и межнационального взаимодействия» [Кошкарнова 2015: 8]. Под конфликтной коммуникацией мы понимаем «деструктивную деятельность участников общения, речевое взаимодействие адресанта, адресата и целевой аудитории, совокупность способов речевого воздействия, стратегий речевого поведения, речевых тактик и

порождаемых речевых реакций, определяющих эксплицитное и имплицитное содержание конфликтного поведения коммуникантов» [Кошкаророва 2015: 8]. Рассмотрим невербальные средства выражения эмоций в рамках кооперативной коммуникации.

Тёплые отношения между участниками в выпуске ток-шоу «Сегодня вечером» (эфир от 23.03.2024) находят отражение как на языковом, так и на невербальном уровне.

Я много очень могу рассказывать о своих педагогах // Просто одну историю расскажу про гениальную / Марину Семёнову // Я знал / что сегодня будет вечер педагогов / и думал / ну что же такое надеть // И почему выбрал одуванчик? // Марине Тимофеевне было уже / ну где-то наверно / девяносто три / девяносто четыре // Мы заходим в буфет Большого театра // Ну / взяли какую-то еду / сидим // И в этот момент заходит бабушка / ну / служительница театра / лет на двадцать пять её младше // И Марина Тимофеевна так за ней следит / и начинает тихо улыбаться // И говорит: / «Смотри / говорит / какой божий одуванчик идёт» // И я / хмыкнул / потому что понимая разницу в возрасте... // Она говорит: / «А знаешь / почему я не одуванчик?» Я говорю: / «Почему?» // Она говорит: / «Нас не сдуешь!» // И... / я думаю / что... / великие педагоги / как вот сейчас Света рассказывала / да / что они нас готовили не только к профессии / но и к жизни // Воспитывали характер //

В зале собрались известные артисты для того, чтобы вспомнить своих великих, гениальных наставников и педагогов. Ведущий ток-шоу, Николай Цискаридзе, рассказывая о своем учителе, использует дейктический «он-жест», указывая рукой на фотографию М.Т. Семёновой. Его выражение лица (приподнятые уголки губ и бровей, направленный вверх взгляд) соответствует типичной мимике при переживании радостных воспоминаний. Выражения лиц других участников похожи: их взгляды направлены на говорящего, на лицах улыбка, свидетельствующая об одобрении и заинтересованности. Таким образом, устанавливается общий позитивный эмоциональный фон. Вербальные (использование вопросно-ответной формы повествования) и невербальные (демонстрация броши в форме одуванчика на пиджаке) средства взаимодействуют, оказывая влияние на слушателей и повышая интерес к истории. Потирание рук указывает на приятные мысли, во власти которых находится коммуникатор: «С помощью потирания ладоней люди невербально передают свои положительные ожидания» [Пиз 2022: 120]. Подпирание щеки указательным пальцем или рукой у слушающего обычно

считается жестом скуки или негативной оценки. У говорящего подобный жест может рассматриваться как погруженность в раздумья или воспоминания. Этот жест у Николая Цискаридзе быстро сменяется другим, с открытой ладонью. В целом, весь монолог коммуникатора сопровождается преимущественно открытыми жестами и позами. Рассказывая о деталях, Николай дважды слегка разводит руки в стороны, при этом внутренняя сторона ладони оказывается сверху: «Один из немногих жестов, которым очень часто пользуются преднамеренно, дабы показать свою открытость, честность и правдивость» [Ценёв 2003: 23]. С помощью данного жеста вкупе с приподнятыми бровями и кивком головой достигается намерение говорящего как бы утвердиться в том, что его понимают. Успешное взаимодействие вербальных и невербальных средств эмоциональной коммуникации наблюдается в конце монолога. Говорящий прибегает к использованию прямой речи, при этом вживаясь в роль своего педагога. Говоря от имени Марины Тимофеевны, он наклоняется к уху рядом сидящего слушателя и с интонацией, присущей его педагогу, произносит её реплики. Такой приём комплексного использования вербальных средств и пара- (интонация) и экстралингвистических средств, очевидно, приводит к коммуникативной удаче. Иллокутивная цель выступления «вызвать у слушателей добрые чувства по отношению к своему педагогу» достигается. Слушатели смеются, аплодируют.

Далее рассмотрим невербальные средства конфликтной коммуникации на примере отрывка из ток-шоу «Место встречи» (эфир от 06.09.2019). В эфире происходит скандал с участием С. Хамзаева, депутата и руководителя проекта «Трезвая Россия». Для выражения своей эмотивно-прагматической установки (выразить чувство гнева по поводу ситуации с продажей алкоголя молодёжи) С. Хамзаев использует не только языковые, но и невербальные средства: жесты-усилители, жесты-императивы (неоднократно отмахиваясь от возражающего собеседника), количественные жесты (*У нас вот такая страна [показывает большое расстояние между ладонями] / вот такой народ [показывает маленькое расстояние между ладонями]*). В аспекте кинесики заслуживает внимания и то, что в процессе речи С. Хамзаев кивает головой в сторону собеседников: это маркер невербальной агрессии. Переходя к открытому конфликту, С. Хамзаев вторгается в интимную зону коммуникации собеседника, прикасаясь к его плечу, что вызывает возмущение: *Не трогайте меня!* // Ведущий программы, А. Норкин, фиксируя вербальную и невербальную агрессию С. Хамзаева, использует дейкти-

ческий жест-императив, носящий предупредительный характер: *Господин Хамзаев! // я хотел бы обратить ваше внимание на то / что вы находитесь в эфире федерального канала ... //* В ответ на хамство С. Хамзаева (*Я и без вас знаю где я есть! //*) А. Норкин просит его удалиться из студии, используя самый частый жест-императив, применяемый в ток-шоу, когда завязывается речевой конфликт: «вон отсюда» (мах кистью от себя в сторону выхода либо двойное указание указательным пальцем – сначала на адресата, затем в сторону выхода). В качестве ответной реакции С. Хамзаев использует «он-жест», сначала показывая на себя, затем на собеседника; этот жест имеет имплицитное значение вопроса «Это вы мне?». Используя жест-усилитель и поднимая несколько раз указательный палец вверх, С. Хамзаев невербально хочет реализовать эмотивно-прагматическую установку эмоционального заражения аудитории, ожидая гневной реакции на своё удаление. Однако этого не происходит, и С. Хамзаев снова нарушает личное пространство реципиента, поднимаясь с места, становясь непосредственно перед А. Норкиным и касаясь его плеча. Охрана, подошедшая к С. Хамзаеву, не останавливает его: он использует жест-эпитет, обвиняя окружающих в равнодушии к проблеме алкоголя среди молодёжи, который в то же время может выступать как жест защиты от обступившей охраны. Осознавая свою коммуникативную неудачу, С. Хамзаев выходит из себя, срывает пиджак, выбрасывает микрофон и выходит из студии. Попытка «обнажения» может трактоваться как готовность к физической драке, имплицитно реализуемая в течение всего конфликтного взаимодействия. Таким образом, мы можем наблюдать, как невербальные средства коммуникации способствуют развитию конфликта и реализации агрессивных речевых стратегий, в частном случае проявляющихся через использование тактики оскорбления, угрозы, доминирования коммуникатора и др.

Ещё один показательный пример конфликтной коммуникации, в которой ведущую роль играют невербальные средства, – отрывок из ток-шоу «Кто против» (эфир от 26.03.2019). А. Степанян активно использует жесты-усилители, размахивая руками и репрезентируя эмотивно-прагматическую установку выражения эмоции гнева. Для нейтрализации коммуникативного потенциала оппонентов он, как и С. Хамзаев, использует жесты-императивы, отмахиваясь от возражающих собеседников. Вербально обвиняя других участников шоу в безразличии к проблемам Украины, А. Степанян невербально выражает агрессию с помощью дейктического «он-жеста». В ответ на агрессию Г. Вайнера, ко-

торая выражается с помощью тактики оскорблений (нецензурная лексика), А. Степанян реализует невербальную агрессию, выплёскивая ему в лицо стакан воды. В итоге Г. Вайнера выталкивают из студии, на физическом уровне нейтрализуя агрессию участника, А. Степанян покидает студию сам по просьбе ведущего.

Таким образом, в ток-шоу, представленных на современном российском телевидении, наблюдаются следующие тенденции, связанные с эмотивной коммуникацией. На языковом уровне отмечается активное использование просторечных элементов, жаргонизмов и даже бранной лексики, как следствие, снижается роль кодифицированного литературного языка. Невербальная коммуникация характеризуется экспрессивной мимикой и жестиком (подчас табуированной), физической агрессией. Если последнее присуще конфликтной коммуникации, то предпочтение сниженного стиля речи высокому, а разговорного фоностилия нейтральному чётко прослеживается и в ток-шоу, представляющих кооперативное общение. В целом, взаимодействие вербальных и невербальных средств наблюдается в эмотивной коммуникации обоих типов: и конфликтной, и кооперативной. В конфликтной коммуникации это взаимодействие позволяет в полной мере реализовать тактики оскорбления, угрозы, доминирования коммуникатора и др. При этом невербальная агрессия часто переходит в физическую. Более эффективным оказывается взаимодействие вербальных и невербальных средств в кооперативной коммуникации: во-первых, в аспекте кинесики обнаруживается использование достаточно редких по частоте жестов (например, жест-эпитет); во-вторых, в комплексе с применением гармонизирующих речевых тактик позволяет добиться говорящему коммуникативной удачи.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Речевой акт // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 682 с.
2. Буянова Л.Ю., Нечай Ю.П. Эмотивность и эмоциогенность языка: механизмы экспликации и концептуализации. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2006. 277 с.
3. Волос Р.П. Русская невербальная коммуникация. Загреб: Университет в Загребе, 1989. 162 с.
4. Кошкарлова Н.Н. Конфликтный и кооперативный типы русскоязычного дискурса в межкультурном политическом пространстве: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Н. Н. Кошкарлова. Екатеринбург, 2015. 47 с.
5. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.

6. Пиз А. Язык телодвижений. Как читать мысли окружающих по их жестам / пер. с англ. Т.О. Новиковой. М.: Эксмо, 2022. 448 с.

7. Ценёв В. Язык политических телодвижений [Электронный ресурс] // Psyberia.ru / Дневник психолога. 2003. Режим доступа: <https://psy.wikireading.ru/47061>, свободный (дата обращения: 09.02.2024).

8. Birdwhistell R. Introduction to kinesics: An annotation system for analysis of body motion and gesture. Louisville, KY: Univ. of Louisville Press, 1952. 88 p.

INTERACTION OF VERBAL AND NON-VERBAL MEANS OF EMOTIVE COMMUNICATION

© *E.R. Faysullina*
*Ufa University of
Science and Technology*

The paper explores the verbal and non-verbal channels of emotion transmission. The purpose of this study is to identify, based on fragments of television talk shows, how the interaction of verbal and non-verbal means is carried out in the process of expressing emotions by the participants of the programs. General scientific methods (observation, description), as well as special methods (linguopragmatic, discursive, contextual analysis) are used in the analysis of factual material. The results prove that the interaction of verbal and non-verbal means is observed in both cooperative and conflict types of communication. In conflict communication, it allows you to fully implement the tactics of insulting, threatening, dominating the communicator and leads to non-ecological communication. And in cooperative communication, coupled with the use of harmonizing speech tactics, it allows the speaker to achieve communicative success.

Keywords: emotivity, communication, verbal means, non-verbal means, kinesics, talk shows.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ОРФОГРАФИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ: ОТ АВАНГАРДА ДО ИНТЕРНЕТА

© **В.В. Фещенко**

Институт языкознания РАН (Москва)

В статье рассматривается экспериментальная орфография как поэтический прием — орфографически anomальные проявления языкового эксперимента в поэтическом тексте. Анализируются орфографические девиации, алфавитные трансформации и другие аномалии в начертании рукописного, типографского или компьютерного текста в русскоязычной поэзии от авангарда до интернет-эпохи. Приводятся примеры поэтической графолалии (экспериментов с буквой и алфавитом) в текстах русского футуризма (П. Филонова, И. Терентьева, И. Зданевича). Обсуждаются языковые примеры графолалического письма в поэзии андеграунда и неоавангарда (Е. Мнацакановой, Л. Березовчук). Анализируются современные поэтические опыты орфографического радикализма и экспериментализма в цифровой среде у таких авторов, как Н. Скандиака, И. Краснопер, С. Камилл, В. Недеогло.

Ключевые слова: орфография, эксперимент, поэтический текст, авангард, интернет.

Предметом данной статьи будет такое довольно экзотическое явление поэтического языка, как экспериментальная орфография — орфографически anomальные проявления языкового эксперимента в поэтическом тексте. Отдельные девиации в поэтической орфографии Серебряного века, авангарда и советского, и постсоветского времени уже становились объектом исследования [Григорьев 1966; Зубова 2001]. Л.В. Зубова анализировала «орфографические вольности» как частные, окказиональные случаи отступления от нормы, отмечая их связь с историей языка и историей культуры. Условно говоря, написание А. Блоком слова *жолтый* через *о* или Д.А. Приговым слова *товарищ* с мягким знаком на конце — это поэтическая вольность, безусловно нагруженная смыслом, но не носящая системный характер эксперимента. Далее речь пойдет именно об орфографических экспериментах, алфавитных трансформациях и других аномалиях в начертании рукописного, типографского или компьютерного текста, в русскоязычной поэзии от авангарда до интернет-эпохи.

У русских футуристов начертание слова в новой орфо- и типографике осмыслялось как необходимое продолжение «разложения слова»:

«Вы видели буквы их слов — вытянутые в ряд, обиженные, подстриженные, и все одинаково бесцветны и серы — не буквы, а клейма! А ведь спросите любого из речазей, и он скажет, что слово, написанное одним почерком или набранное одной свинцовой, совсем не похоже на то же слово в другом начертании» [Хлебников, Крученых 2000: 49].

Орфографические реформы пред- и послереволюционных лет побуждали футуристов отходить от конвенционального правописания и делать орфографические аномалии конструктивным приемом. Так, П. Филонов пробовал на письме совмещать (полу)заумный язык с искаженной орфографией, как в следующем отрывке из поэмы «Пропевень о проросли мировой» (1915), где имитируется древнерусское написание, но в результате сплошные аномалии грамматики и лексики:

измор паросый сребр ожар медвѣжиі ѓаомъ чайныи ро-
зан водам свѣтлым номирально морить о зимѣ зимаѣт
на земнем уводѣ пролетло овѣтнит олетыванье лѣтнь и
нѣжно озолотит косу до дѣввих позвонков кудрями за-
шей высоко высоко щиток грудной въ полволну днев-
ную ойдеть лица румяницей открыто и губы тронуло
ровно зовом а ночи безъоко окружать тѣло чистой ту-
чей и явят царствованье въ райскія ворота
(Филонов 1999: 311)

Радикальнее всех в области типографики были поэты группы «41 градус». В «Трактате о сплошном неприличии» И. Терентьева различные начертания букв русского и других алфавитов буквально в каждой строке острают нормативный язык, карнавалено обыгрывая всякую языковую правильность, как в этом фрагменте о «русском языке», который «ничем не брезгает», и о «вселенском значении» «русской ругани» (ил. 1).

Ил. 1 (Терентьев 1920: 3)

Стратегия «возрождения языка» через поэтическую глоссологию предлагается «заумником» И. Зданевичем (Ильяздом). Вдохновленный орфографическими реформами предреволюционных лет, Зданевич решает не останавливаться и еще радикальнее трансформировать то, что он называет «знакописью» и «звукописью». По-видимому, для выступления в «Бродячей собаке» Зданевич пишет еще в Тифлисе тезисы «О письме и правописании», датированные июлем 1913 года. Затем эти тезисы разворачиваются в отдельный «Манифест о правописании» и, наконец, в пространный трактат с тем же названием «О письме и правописании». Новая поэзия требует новых средств фиксации речевого потока, или «хранения слова» (10, 93)¹, как называет Зданевич эту задачу. Современная орфография «необязательна», ей нужна «свобода» (10, 99). Существующая орфография случайна и не оправдана, она омертвляет слово, расчлняя его на неживые знаки. Необходимы, призывает Зданевич, новые «начертания», чтобы обеспечить свободу «языка, пригодного для искусства» (10, 98). Таким образом, «борьба с существующими формами и способами правописания» не ограничивается лишь реформой орфографии как таковой, но и направлена «на перевоспитание человеческой психики» (10, 93). Ни больше ни меньше. Типично авангардистский мамах.

Зданевич не останавливается на звуковых достижениях прочих футуристов, что приводит его на следующем этапе к графолалии² (поэтической глоссологией на письме), звуковому экстремизму дада и «41 градуса». Распад языковых конвенций и растворение русского языка в глоссологической стихии зауми сопровождается еще и радикальным сдвигом в типографской визуализации поэтического письма (в его «заумных дра») ³. И. Зданевич неумоимо следует принципам «41 градуса» и после Второй мировой войны, находясь во Франции. В 1949 году он собирает и выпускает антологию «Поэзия неведомых слов» (*Poésie des mots inconnus*), включая в нее авангардные тексты на основе зауми и графолалии самых разных авторов – от А. Крученых и И. Терентьева до Ю. Джоласа и П. Пикассо. Выпуск этого собрания авангардной типо-

---

¹ Цитируется по материалам архива Государственного Русского музея, фонд И. Зданевича (ф. 177). В скобках указывается номер единицы хранения и через запятую — номер листа или листов.

² Термин, образованный по аналогии с «глоссологией» как «говорением на языках». От греч. *grapho* — пишу и *lalo* — говорю, бормочу.

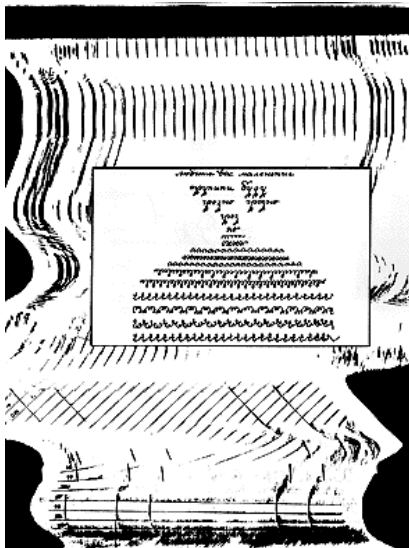
³ См. подробнее в статье [Фещенко 2013], где метод Зданевича-Ильязда назван «поэтической графолалией».

графики был для Ильязда ответом на выступления леттристов – молодого поколения авангардных французских поэтов, художников и музыкантов, тоже экспериментировавших с начертаниями языковых алфавитов.

В русскоязычную поэзию идея расщепления слова возвращается уже в неоавангарде в экспериментальном письме Е. Мнацакановой. Начиная с 1940-х годов она создает авторские книги-альбомы, в которых изобретаются новые способы совмещения графики и фоники. Причем если сами тексты сохраняют языковой субстрат (на основе кириллицы и латиницы), то оформления книг включают в себя внеязыковые опыты письменности на пограничье между чистой графикой и асемическим письмом⁴. Прорисовка отдельных букв образует репититивные рукописные графолалические серии, чередуясь со словесными рядами и абстрактными орнаментами в едином синтетическом вербально-визуальном письме (ил. 2, 3).

Ил. 2 (Мнацаканова 1980–1986)

Ил. 3 (Мнацаканова 1997: 65)

⁴ Асемическое письмо мы отличаем от графолалического. Если в первом лингвистический язык не используется, то во втором эксперимент ведется на базе языковых единиц с принятой алфавитной основой.

Подобные повторяющиеся мантраподобные приемы были характерны для русских поэтов-авангардистов 1990-х годов, таких как Л. Березовчук, которая использует графологию в своем цикле «Раги», в частности в поэме «Обреченные на фальстарт». Вот пример одной из таких медитативных «раг»:

1. _____
2. раградадаиграграДадаиграградАда – ДвасынаВыданыдва-
3. рагу ста “ля”. Каста гудит: гибель чина. Каста гудит: гибель

1. _____
//Я все земное
2. СынавыДаныдвасынАВыданыДвасынавыДаны // – СынАгир-
3. чина. Каста гудит: гибель чина. Даги пляска. Даги пляска. Да-

1. отдам вам, танцующим всеведением на пылающем диске солн-
2. расватАнгирасынАгиррасватАнгирасынАгиррасватАнгираса-
3. ги пляска. Очи жреца. Очи жреца. Очи жреца. Ель гудит: дите

1. ца, только наделите богатствами Царя и Царицы ничтожного
2. гангиРасараГангиРасараГангиРасарисаРасаРисаРасаРисари-
3. льда рагу начало касты. Ель гудит: дите льда рагу начало ка-

1. слугу. Тогда он из грязи поднимется — высок и в силах пове-
2. СариСаристаГрантаСынасариСтаСанаАристантаАристантаА-
3. сты. Ель гудит: дите льда рагу начало касты. Сталь даги —
(Березовчук 1999).

Распад языка радикализируется и рефлексивируется в поэзии Н. Скандиаки, уже в рамках интернет-пространства в XXI веке. Используя неординарные позиции слов в строке и разбивающие речь пунктуационные знаки, Скандиака устремляется в ту зону за пределами грамматики и логики, где высказывание отменяет и дискредитирует само себя, но в результате этого стирания остаются «разрывные следы»: *[учащенные/утешенные] следы (звезды?) / искаженные следы / телефон* (Скандиака 2006). Поэтическое письмо Скандиаки крайне экспериментально и аномально: в нем рушатся все конвенциональные законы грамматической и лексической связности. Можно было бы назвать ее тексты поэтикой glitch – по аналогии с музыкальным стилем в электронной музыке

или техникой в цифровом искусстве: в таком письме доминируют вербальные эффекты, обусловленные ошибками и сбоями в использовании языка по правилам, но эти сбои и помехи могут запускать свою систему смыслопроизводства, в результате чего поэтический текст выглядит часто на первый взгляд как компьютерно-сгенерированный словесный беспорядок, но пристальное прочтение выявляет вполне поэтически нагруженные интенции автора. При этом зачастую знаки пунктуации и компьютерного кода становятся дополнительным алфавитом поэтического письма⁵.

При чтении текстов Скандиаки (публиковавшихся, как правило, в ее нескольких блогах и выглядящих как посты в социальных сетях⁶) складывается впечатление, что автор прибегает к инструментам машинного перевода и переводческих ресурсов. То есть текст, вроде бы написанный на русском языке, производит эффект словно бы переведенного, перекодированного с иных языков. Часто следы этой техники остаются в тексте: (*про мультитран*) / ?спасибо за смещённый гул / за involute heart (скрученное сердце?; *laudable (clappable)*, / *collapstible outskirts of apples* (похвальная (для похлопывания), / складная округа яблока). Характерной чертой письма Скандиаки является транслитерация другой письменностью, направленная на остранение, своего рода «иностранизацию» исходного языка письма. Латинский шрифт транслитерируется в кириллицу и наоборот: *цолметитион ин гивинг уп смокинз* (<http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2006-1/skandiaka/>, дата обращения: 10.07.2022); *ja tozhe gorzhus' vashim jandlem* (https://polutona.ru/premia/2007.php?show=rets46_scandiacka, дата обращения: 10.07.2022).

В фарватере этих транслингвальных и транслитеральных опытов в поэзии русской диаспоры движется И. Краснопер, проживающая в Берлине. Однако, прибегая к многоязычию, она исследует скорее моторно-ритмические свойства межъязыковой паронимии: *herr chikov / her mania / her namia // herr dal mne imya mne / i po her / poheru mne ego imya // est u menya imya mne / i ono mne / bez mneniya / bez nih // bez healing / a / bez hochu // moyo imya mne / von // von / fonom mne imya mne / mir mein name / moyo herrr mania / po / dar / il a // iz ula // излила // из винила / из z vala*

---

⁵ Помимо Н. Скандиаки, к дигитальным практикам глитч-поэзии обращаются в русскоязычном контексте А. Черкасов, А. Месропян, К. Азёрный, О. Русакова.

⁶ После 24 февраля 2024 года Скандиака удаляет практически все свои личные блоги и тексты в них из сети. Они оказываются недоступны для читателя.

// из валяв / ва / я / в // she⁷. Образуются своего рода алфавитные гибриды, или «оборотни», когда написание буквы или слова в другой раскладке (латиницей или кириллицей) прочитывается как минимум двояко, в зависимости от языкового кода. Орфографические аномалии запускают процесс ревербераций между единицами двух языков и шрифтов: *афтор афоре / афтор жив / ой / after what / афтор that / афтор this / афтора тишут*.

Подобные межъязыковые орфографические вариации использует и С. Камилл в стихотворении «*noј dvoinoј yazik*». Шведский алфавит с его специфическими диакритиками здесь скрещивается с русской кириллицей: *roditeli moyego yazika // rådıly drugih / razdariv im chuzhoe zvuchanije // tyanutsa drug k drugu / v vågonah vyezhaјut / i vozyatsja – / vagabond* (Камилл 2021). А кириллизация шведских слов оборачивается глоссо- и графолалией с проблесками неожиданных транслингвальных смыслов: *митт спрокс фёфельдрап / фёредрап андра / фёредрап летен / драс мот варандра / и вагнар вандранде вагабондер / до висас*. Языки переводят друг друга, будто обмениваясь травестийными обликами: *примеряю два языка / jag tar prov på språk / снимаю как платья / tar av dem som klänningar*. Характерно в этой связи также другое стихотворение Камилл, названное в духе графолалической игры «*Р У С С К О R З Ы 1 4 Н Ы 1 U W п и о Н*» (Камилл 2021). В нем начальная строфа «на русском языке» отзывается в следующей переводом «на русскую речь», а дальше – по очереди – на иностранные языки (немецкий, украинский, шведский и казахский), предлагая читателю вслушиваться и всматриваться в иноязычные азбуки, пусть и без знания самих языков – ради самой игры языковых зеркальностей.

Появление в 2000-е годы в Рунете так называемого «йзыка падонкаф», или «олбанскаго йзыка» (с явными референциями к орфографическим девиациям И. Зданевича), первоначально тоже было явлением цифровой контркультуры, однако очень быстро переросло в массовый лингвокреатив, профанировав авангардный радикализм такой графолалии. В этой связи Л.В. Зубова в свое время отмечала: «Пожалуй, сейчас главное, что мешает поэтам в полную силу своевольничать в орфографии, – это “олбанский язык”. Именно массовость его распространения заранее превращает орфографические деформации в банальность. Но усложнение задачи должно пойти на благо поэзии» [Зубова 2008].

---

⁷ Тексты И. Краснопер опубликованы в соцсетях и предоставлены нам самой поэтессой.

В диссертации [Климик 2019] рассматривается широкий спектр лингво-креативной орфографии в массовой литературе последнего времени (преимущественно в прозе), которую, однако, вряд ли можно назвать экспериментальной в силу ее повсеместной распространенности.

В свете темы языкового распада экспериментальной орфографии характерны тексты В. Недеогло, использующие вместо традиционных русских букв различные схожие типографские символы. Они выглядят так, как будто написаны на некоем «битом» русском языке. Такая графолалия демонстрирует, как выглядел бы алфавитный распад, или полураспад в русском языке:

џлопала дверь я-зыками
бог џ ними бог џ наџми
џ џ нашими сџами

комнатууто/пило °в °ячыке

тут ж̄арко

вчера петербургские улицы в жӣлаџ текли лихорадкой
торчмя не ерошились зябко
кроџась спозаранку

(Недеогло В. geschwisterplatz+в+постсупермаркете // Syg.ma (Включен Роскомнадзором в реестр запрещенных сайтов). 02.11.2023)

Русский алфавит здесь взаимодействует с другими принципами фонетической записи, демонстрируя в духе глитч-эстетики сбои в кодировке, приращивающие смысл: *се час я язык семь / завтра я язык есмь/ ђ ђ ђ / *jinčij / čep-čwa <...> svã bodnub zesml ju^ / в аблативе цели / в аблативе орудия / ablativus causae / *jinčij:/ <...> не возможно izhe / быть экзорусской° devochkoj с экзотической фамилией / и варварским itenet* (Недеогло В. їџ-будь русской+ой+вой/на/рџссию! // Syg.ma (Включен Роскомнадзором в реестр запрещенных сайтов). 22.04.2022).

Орфографические сдвиги в текстах Недеогло осуществляют трансгрессию обыденного, конвенционального, линейного языка. Буквы здесь оживают и – благодаря различным графическим трансформациям – обретают каждая свой характер, не теряя конвенциональной функции обозначения звуков. Глаз читателя начинает блуждать в этом усложненном компьютерно-языковом коде, и каждое слово, будучи вроде бы

обыденным (не заумным), предстает самозначным комплексом (сверх)буквенных символов. Письмо это словно обнажает плоть русского языка, но не гладкую, четко читаемую его поверхность, а изъеденную аномальными и патологическими процессами толщущих, что читается и на уровне означаемых: *язык естъ бог / у тебя во рту / ruskiĭ ji'zik это пена на губах° / иногда мыльная иногда кровавая / яз ык э то пе на на гу БАХ / пена у рта это неражденное слово sochetanija.*

Приведенные примеры радикального эксперимента показывают, что в кризисные эпохи (а мы живем сейчас, очевидно, в кризисную эпоху) обостряется поэтическая чувствительность к языку как медиуму познания и восприятия мира. По меткому наблюдению М. Липовецкого, которым хотелось бы подвести итог этой статьи, «в русской поэзии последнего времени возникло несколько новых явлений: с одной стороны, феномен отчуждения поэта от самого себя и от языка, как отчуждение, создающее «неспособность писать», а с другой — одновременная попытка творить посредством этого отчуждения. Процесс письма «посредством отчуждения» стилистически представлен в современной поэзии с помощью создания «новой» версии русского языка, характеризующейся нарушениями допустимых норм, перерывами и сбоями» (Цитата из хроники конференции «Поэзия последнего времени», прошедшей в 2023 году в Принстоне: https://www.nlobooks.ru/upload/iblock/b71/yujmdnssij0erwns5gerwoeb5sp96vaa/Poeziya_ne_nasiliya.pdf, дата обращения: 20.03.24).

Список литературы

1. Григорьев В.П. Язык, орфография и писатель // Орфография и русский язык / Отв. ред. И.С. Ильинская. М.: Наука, 1966. С. 97–127.
2. Зубова Л.В. Поэтическая орфография в конце XX века // Текст. Интертекст. Культура: Материалы международной научной конференции (Москва, 4–7 апреля 2001 года) / Ред. В.П. Григорьев и др. М.: Азбуковник, 2001. С. 50–52.
3. Зубова Л.В. Поэтические вольности и орфография // Арион. 2008. № 3. С. 44–51 [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/arion/2008/3/poeticheskie-volnosti-i-orfografiya.html> (дата обращения: 19.02.2024).
4. Климик В.А. Лингвокреативная орфография как репрезентация авторских смыслов в англоязычном художественном дискурсе: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2019. 358 с.
5. Фещенко В. Графолалия Зданевича-Ильязда как художественный эксперимент // Дада по-русски / Ред. К. Ичин. Белград: Изд-во филол. фак. в Белграде, 2013. С. 204–212.

6. Хлебников В., Крученых А. Буква как таковая // Русский футуризм: Теория. Практика. Критика. Воспоминания / Ред. В.Н. Терехина и др. М.: Наследие, 2000. 479 с.

Источники

1. Березовчук Л. Обреченные на фальстарт: Композиция. СПб.: Бояныч; Бланка, 1999.

2. Камилл С. Подборка на премию «Цикада» // Флаги. Спецномер. Премия «Цикада». 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.flagi.media/piece/227> (дата обращения: 19.02.2024).

3. Мнацаканова Е. Алексей Михайлович русских сновидений. Краткая повесть в словах, и в слезах, и в поклонах, и в вдохах // Антология новейшей русской поэзии «У голубой лагуны»: В 5 т. / Сост. К.К. Кузьминский, Г.Л. Ковалев. Т. 2А. Ньютонвилл: Oriental Research Partners, 1983. С. 20–32 [Электронный ресурс]. URL: <https://kkk-bluelagoon.ru/tom2a/mnatsakanova.htm#1> (дата обращения: 19.02.2024).

4. Мнацаканова Е. У смерти в гостях // Черновик. 1997. Вып. 1. С. 63–69.

5. Скандиака Н. Из стихотворений 2005–2006 годов // Новое литературное обозрение. 2006. № 82 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/82/sk27.html> (дата обращения: 19.02.2024).

6. Терентьев И. Трактат о сплошном неприличии. Тифлис: 41°, 1920.

7. Филонов П. Пропевень о проросли мировой // Поэзия русского футуризма / Сост. В. Альфонсов и др. СПб.: Академический проект, 1999. С. 287–321.

EXPERIMENTAL ORTHOGRAPHY IN POETIC TEXT: FROM AVANT-GARDE TO INTERNET

© *V.V. Feshchenko*

Institute of Linguistics,

Russian Academy of Sciences (Moscow)

The article considers experimental orthography as a poetic technique – orthographically abnormal manifestations of linguistic experiment in a poetic text. The author analyzes spelling deviations, alphabetic transformations and other anomalies in the typeface of handwritten, typographic or computer text in Russian-language poetry from the avant-garde to the Internet era. Examples of poetic graphomania (experiments with letters and the alphabet) in the texts of Russian futurism (P. Filonov, I. Terentyev, I. Zdanevich) are given. Linguistic examples of graphological writing in the poetry of the underground and neo-avant-garde are discussed (E. Mnatsakanova, L. Berezovchuk). The article analyzes modern poetic experiences of spelling radicalism and experimentalism in the digital environment by such authors as N. Skandiaka, I. Krasnoper, S. Kamill, V. Nedeoglo.

Keywords: orthography, experiment, poetic text, avant-garde, Internet.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В СМИ (на материале газеты «Аргументы и факты»)¹

© *М.В. Шаманова*

*Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова*

В русском языке коммуникативная лексика и фразеология представлена лексико-фразеологическим полем «Общение». Использование метода моделирования лексико-семантического поля позволяет определить состав и структуру определенной лексической группировки как в системе языка, так и в определенных подсистемах. В данной статье с использованием полевой методики описана коммуникативная лексика в средствах массовой информации на материале еженедельника «Аргументы и факты». Исследуемое лексико-фразеологическое поле характеризуется четкой структурой. В нем выделяется ядерная и периферийные зоны. Ядерные лексемы отличаются высокой частотностью употребления в тексте. Основными семантическими особенностями периферийной лексики (прежде всего лексики дальней и крайней периферии) является употребление как в основном коммуникативном значении, так и в периферийном, наличие ограничительных стилевых и оценочных сем. К крайней периферии, помимо лексем, относятся фразеологические выражения и устойчивые словосочетания.

Ключевые слова: лексема, лексико-семантическое поле, ядро, периферия, коммуникативная лексика, средства массовой информации.

В русском языке коммуникативная лексика представлена лексико-фразеологическим полем (ЛФП) «Общение».

В описании содержания и структуры поля мы опирались на признаки, выделенные в работе И.А. Стернина [Стернин 1985], основными из которых являются следующие: 1) единицы поля связаны между собой системными отношениями; 2) объединение элементов в единое поле возможно при наличии их семантической общности; 3) в поле включаются как однородные, так и разнородные элементы; 4) составными частями поля являются микрополя; 5) в поле выделяется ядро и периферия; 6) «ядерные конститuentы наиболее приспособлены для выполнения функций поля, активно и систематически используются, выполняют функцию поля наиболее однозначно, наиболее частотны по сравнению

---

¹ Работа выполнена в рамках инициативной НИР ЯрГУ № ВИП-0019.

с другими конституентами и обязательны для данного поля» [Стернин 1985].

Целью данной статьи является анализ функционирования единиц лексико-фразеологического поля (ЛФП) «Общение» в публицистике. Материалом исследования послужили лексические единицы и устойчивые словосочетания, обозначающие процесс общения, выявленные методом сплошной выборки из репортажей, интервью и статей еженедельной газеты «Аргументы и факты». Всего было проанализировано более 450 контекстов за март 2024 года (еженедельник «Аргументы и факты». № 10. 06/03/2024; № 11. 13/03/2024).

Коммуникативная лексика на данном публицистическом материале составляет 191 единицу. Мы расположили данные единицы в порядке убывания их частотности (видовые пары глаголов рассматривались как одна лексема). Единичные реакции в рамках данной статьи не приводятся:

говорить/сказать 95; рассказать/рассказывать 75; отметить/отмечать 28; объяснить/объяснять 21; вопрос 15; сообщить/сообщать 15; общение 14; ответить/отвечать 14; спросить/спрашивать 14; считать 13; просить/попросить 12; заявлять/заявить 11; подчеркивать/подчеркнуть 11; пояснить/пояснять 10; разговор 10; назвать/называть 9; напомнить/напоминать 9; обсуждать/обсудить 8; переписка 8; добавить/добавлять 7; мнение 7; пригласить/приглашать 7; сообщение 7; услышать 7; предложить/предлагать 6; продолжать 6; рассказ 6; соцсеть 6; информация 5; кричать 5; писать 5; познакомиться 5; пообщаться 5; признавать/признать 5; резюмировать 5; слышать 5; советовать/посоветовать 5; согласиться/соглашаться 5; беседа 4; договориться/договариваться 4; жаловаться/пожаловаться 4; объявить/объявлять 4; отказаться 4; подтвердить/подтверждать 4; признаться/признаваться 4; разговаривать 4; слушать 4; собеседник/собеседница 4; улыбаться 4; уточнить/уточнять 4; заговорить 3; замечать/заметить 3; знакомство 3; обвинить/обвинять 3; обмануть/обманывать 3; общаться 3; отрицать 3; поговорить 3; попытожить 3; полагать 3; предупредить/предупреждать 3; рассуждать 3; слово 3; слух 3; указать/указывать 3; упоминать/упомануть 3; шутить 3; анекдот 2; винить 2; вспомнить/вспоминать 2; высказывать/высказать 2; выяснить/выяснить 2; делиться 2; дискуссия 2; заверить/заверять 2; заключить 2; заявление 2; комментировать/прокомментировать 2; констатировать 2; мессенджер 2; написать 2; новость 2; обещать/пообещать 2; обращаться/обратиться 2; ответ 2; перечислять 2; пожелание 2; призывать 2; прогноз 2; просьба 2; разъяснять/разъяснить 2; рекомендация 2; реко-

мендовать 2; сетовать 2; скандал 2; совет 2; спор 2; твердить 2; убеждать/убедить 2; успокоить 2; утверждать 2.

Единицы поля были распределены по микрополям (приведены микрополя, содержащие в своем составе не менее 5 лексем):

«Обмен мнениями, сведениями»: беседа, диалог, дискуссия, мнение, обсуждение, отзыв, переговоры, разговор, собеседование, спор, высказывать/высказать, высказываться, делиться, констатировать, обсуждать/обсудить, поговорить, полагать, разговаривать, рассуждать, спорить, считать. Всего 21 лексема.

«Ремарки в речи»: добавить/добавлять, дополнять, заключить, замечать/заметить, затронуть, отметить/отмечать, подытожить, подчеркивать/подчеркнуть, продолжать, резюмировать, упоминать/упомануть, уточнить/уточнять. Всего 12 лексем.

«Сообщение, извещение, уведомление»: заявление, информация, мессендж, новость, сообщение, гласить, заявить/заявлять, объявить/объявлять, предупредить/предупреждать, проинформировать, сообщать/сообщить, указать/указывать. Всего 12 лексем.

«Побуждение принять точку зрения»: внушать, доказывать, заверить/заверять, навязывать, поучать, уверять, упрашивать, утверждать. Всего 8 лексем.

«Сообщение недостоверной информации»: домысел, ложь, слух, сплетня, врать, выкручиваться, обмануть/обманывать, оговорить. Всего 8 лексем.

«Сопутствующие общению эмоции»: смех, взбелениться, вздыхать, возмутиться, грустить, смеяться, удивляться, улыбаться. Всего 8 лексем.

«Обращение с просьбой»: обращение, просьба, взмолиться, обратиться/обращаться, предложить/предлагать, просить/попросить, требовать/потребовать. Всего 7 лексем.

«Выражение согласия»: договориться/договариваться, подтвердить/подтверждать, признать/признавать, сговориться, согласиться/соглашаться. Всего 5 лексем.

«Запрос информации»: вопрос, выяснить / выяснять, делиться, спросить/спрашивать, узнавать/узнать. Всего 5 лексем.

«Обращение с советом»: рекомендация, совет, рекомендовать, советовать/посоветовать, советоваться. Всего 5 лексем.

«Общие наименования актов речи»: говорить/сказать, говориться, заговорить, проронить, слово. Всего 5 лексем.

«Способы общения»: мессенджер, пост, Сеть, соцсеть, чат. Всего 5 лексем.

Не вошли в микрополя следующие единицы: *бред, интервью, клят- ва, красноречие, угроза, правдивый, выступать, задумываться, здоро- ваться, извиниться, назвать/называть, пенять, перебивать, перечис- лять, поздравлять, помалкивать, презентовать, призывать, реклами- ровать, успокоить*.

Таким образом, наиболее объемными микрополями в составе ЛФП «Общение» на материале публицистических текстов являются «Обмен мнениями, сведениями», «Ремарки в речи» и «Сообщение, извещение, уведомление».

ЛФП «Общение» характеризуется четкими границами ядра, граница между зонами периферии является размытой.

К ядру ЛФП «Общение» на материале публицистики относятся лек- семы *говорить/сказать, рассказать/рассказывать*.

Ядерные лексемы анализируемого лексико-семантического поля имеют высокую частотность употребления в тексте. Рассмотрим осо- бенности семантики ядерных лексем. Лексема *рассказать/рассказы- вать* является однозначной, употребляется в текстах в значении ‘устно сообщить, изложить что-л.’ (Здесь и далее в описании словарных зна- чений используется [Большой толковый словарь...2000]): *Когда мамы не стало, папа **рассказал**, что они ещё вклеивали семейные и свадебные фото в рамки и зарабатывали по 15 копеек за снимок* (Т. Уланова. По материнской линейке. За что пианист Крамер благодарен маме).

Достаточно часто данная лексема употребляется в заголовочных комплексах: *В. Фетисов. Историческая Роднина. Вячеслав Фетисов **рассказал** о самом надёжном партнёре; А. Перкова. «Время героев». Глава Башкирии **рассказал** о санкциях, беженцах и бойцах СВО; С. Жирнов. Звал на свидания в лес. Саши Жадан **рассказал**, как бот нашел ему невесту; Л. Юдина, Е. Насонов. Наследие. Врач **рассказал**, кто втрое чаще имеет аутоиммунные болезни и др.*

Лексема *говорить/сказать* является многозначной.

В публицистическом тексте лексема *говорить/сказать* употребляется в следующих коммуникативных значениях:

1. ‘Владеть каким-л. языком’ (5% от общего количества словоупо- треблений): *Хуан из Бразилии **говорит** со мной на русском языке: «Я учу его уже почти три года. Здорово у меня получается?»* (Д. Буравчикова. «Хочу семью, а не родителей под номерами». Участни- ки ВФМ – о впечатлениях).

2. (св. сказать) ‘Выражать словесно мысли, мнения, сообщать устно или письменно’ (87% от общего количества словоупотреблений):

В своём Послании Путин **говорил** и о развитии Московских центральных диаметров (МЦД) (Т. Солдатова, Е. Козлова. По столичному делу. Москва стала пилотным регионом для поручений президента); – Ну, во-первых, Башкортостан очень достойно прошёл целую череду испытаний, как и вся наша страна, как и все россияне. А в этот период мне довелось быть руководителем республики и принимать очень важные решения. Ну и, могу **сказать**, что этот период весь, как, впрочем, и всю мою трудовую биографию, я работал ответственно (А. Перкова. «Время героев». Глава Башкирии рассказал о санкциях, беженцах и бойцах СВО).

3. ‘Вести беседу, разговаривать’ (4% от общего количества словоупотреблений): *Как-то, ненадолго разлучившись с супругой и оказавшись в гостях у певицы Хвостовой и её сестры, он бросился писать Екатерине письмо: «Мы провели очень приятный вечер, много **говорили** об Италии...»* (К. Кудряшов. Какой рецепт телятины узнал Бородин в Италии?) // ‘Высказывать мнение, суждение о ком-, чём-л., обсуждать что-л.’ (2% от общего количества словоупотреблений): *«Произошла серьезнейшая утечка, но **говорить** о русских хакерах здесь не стоит* (И. Чупров. Вскрыли схему. Times: ВС РФ получили новые цели из-за болтовни военных ФРГ) // ‘Ходят слухи, существует мнение’ (2% от общего количества словоупотреблений): – *Какое российское оружие сегодня доставляет ВСУ больше всего головной боли? **Говорят** об очень успешном применении фугасных авиабомб с модулем планирования. В чем их преимущество?* (В. Цепляев. Последний шанс. Полковник Ходарёнок объяснил, как Киев может остановить СВО).

Таким образом, лексема *говорить/сказать* чаще всего в публицистическом тексте употребляется в значении ‘выражать словесно мысли, мнения, сообщать устно или письменно’.

Лексемы ядра не имеют ограничительных стилевых, функциональных, эмоционально-экспрессивных, темпоральных сем.

Ядерные единицы относятся к следующим микрополям: «Рассказ» и «Общие наименования актов речи».

Ближняя периферия обладает теми же характеристиками, что и ядерная зона, но лексемы имеют меньшую частотность, чем ядерные единицы. К ближней периферии относятся лексемы: *отметить/отмечать, объяснить/объяснять, вопрос, сообщить/сообщать, общение, ответить/отвечать, спросить/спрашивать, считать, просить/попросить, заявлять/заявить, подчеркивать/подчеркнуть, пояснить/пояснять, разговор.*

Отметим некоторые особенности семантики лексем, входящих в ближнюю периферию.

Лексемы *общение, пояснить/пояснять* являются однозначными.

Лексемы *объяснить/объяснять, сообщить/сообщать, заявить/заявлять* употребляются в основном значении, которое является коммуникативным: *Рекордно высокие цены на какао-бобы угрожают мировой кондитерской индустрии дефицитом сырья и ростом цен. Опрошенные aif.ru эксперты **объяснили**, как это скажется на российском рынке шоколада* (Е. Никтовенко. Сладкие муки. Неурожай какао-бобов в мире изменит качество шоколада в РФ); *В феврале этого года был согласован план строительства первой в России высокоскоростной железнодорожной магистрали (ВСМ) между Москвой и Санкт-Петербургом. В своём Послании президент **сообщил**, что она пройдёт через Тверь и Великий Новгород* (Т. Солдатова, Е. Козлова. По столичному делу. Москва стала пилотным регионом для поручений президента); *К 1 июля цены квартир на вторичном рынке или замрут, или станут снижаться, а основная масса покупателей пойдет на первичный рынок, **заявил** генеральный директор финансового института развития в жилищной сфере АО «ДОМ.РФ» Виталий Мутко* (С. Болотов. Ниже рынка. Эксперты по ипотеке прогнозировали цены на жилье в 2024 году).

У лексем *ответить/отвечать, спросить/спрашивать, просить/попросить, разговор* все или большинство значений являются коммуникативными, в публицистическом тексте они употребляются в основном значении: *Владимир Путин завершил программу в Сочи посещением Всемирного фестиваля молодежи, где он сказал речь на закрытии, а потом пообщался с участниками. Ему пришлось **отвечать** на непростые вопросы, в том числе от молодых людей из «недружественных стран»* (Г. Иванов. Воссоединение неизбежно. Путин раскрыл, как США выпустили джинна из бутылки); *«Равных условий для всех в мире не существует. Это главная несправедливость сегодняшнего мира, – констатировал Владимир Путин. – Если вы у меня **спросите**, можно ли сделать так, чтобы все были в равных условиях? Я не знаю...»* (Г. Иванов. Воссоединение неизбежно. Путин раскрыл, как США выпустили джинна из бутылки); *Я советую обязательно поехать в горы и посетить там жилища абхазов, пообщаться с ними, отведать мамалыги – кукурузной каши, сваренной на огне, вкусить копчёного в этом же доме сыра и глотнуть домашнего вина. Я вас уверяю, вы будете самым дорогим гостем, даже если просто зайдёте **попросить** стакан воды, особенно в Восточной Абхазии* (Г. Зотов. «Точно будет безлимит-

ное вино». Ждать ли туристам «всё включено» в Абхазии?); *Впрочем, как показали недавние исследования, и в Западной Европе, несмотря на все разговоры о гендерном равенстве, материальные интересы женщин пока тоже остаются сильно ущемлёнными* (В. Костиков. Доля или долюшка? Какая роль предназначена русской женщине).

Периферийным коммуникативное значение является у лексем *отметить/отмечать, считать, подчеркивать/подчеркнуть*, однако именно в этом значении они преимущественно употребляются в публицистическом тексте: *Как отметил мэр Москвы Сергей Собянин во время рабочей встречи с президентом РФ Владимиром Путиным 4 марта, результат прошлого года – один из лучших за всю историю* (Т. Солдатова, Е. Козлова. По столичному делу. Москва стала пилотным регионом для поручений президента); *Ввозить готовые продукты проще. Но сейчас то самое время, когда надо создавать что-то своё, – считает Яна Чуваева* (С. Куликов. Воспрянувшие духами. Почему в России падают цены на парфюмерию?); *Эксперт подчеркивает, что многие родители в силу занятости на работе физически не имеют возможности заниматься с детьми дома* (Ю. Борта, В. Панин. Серые схемы. Путин указал на то, что вместо школы детей учат репетиторы).

Лексемы ближней периферии относятся к следующим микрополям: «Объяснение, толкование», «Ремарки в речи», «Запрос информации», «Сообщение, извещение, уведомление», «Общие наименования процессов общения», «Ответ на вопрос», «Обмен мнениями, сведениями», «Обращение с просьбой».

К дальней и крайней периферии относятся лексемы, имеющие низкую частотность употребления в тексте. Отметим некоторые черты данной периферийной лексики.

Некоторые лексемы имеют ограничительные стилевые семы: *резюмировать, спрогнозировать* (книжн.); *бред* в значении ‘бредовые мысли, речи и т. п.’, *взбелениться, врать* в значении ‘говорить неправду; лгать, обманывать’, *гласить, пенять, подколоть* в значении ‘поддеть, уязвить’, *помалкивать, сговориться* в значении ‘условиться относительно каких-л. действий; договориться’ (разг.); *вопить, собачиться* (разг.-сниж.); оценочные семы: *бред, скандал, врать, обмануть/обманывать* и некоторые другие.

К этим зонам относятся глаголы семантической группы «Сопутствующие общению эмоции», которые замещают глаголы речи: *взбелениться, вздохнуть, возмутиться, грустить, смеяться, удивляться, улыбаться*: *Он взбеленился: «Тебе голову лечить надо... я с тобой се-*

рьёзно говорю, а ты мне чушь порешь!» (А. Грибинюк. «Давайте и вам ногиотрежем». Почему инвалидность нужно доказывать); *С любым суперпротезом инвалид «полноценный человек» лишь до момента его поломки, **вдыхает** собеседник Aif.ru* (А. Грибинюк. «Давайте и вам ногиотрежем». Почему инвалидность нужно доказывать); *«...Я читаю то, что пишут в интернете, и боюсь теперь телефон в руки взять, не могу больше на это смотреть. Она не была такой», – **возмутилась** Наталья* (С. Жирнов. «Была трудоголиком». Мама умершей циркачки назвала причину смерти дочки); *«Люди не видят помощи от ООН и опять винят во всем белых, как будто это 1804 год. И все доходит до того, что миротворцев ООН тут ненавидят, потому что все считают, что они хотят нас поработить как французы и после них американцы», – **грустит** Жозеф* (Г. Иванов. «Нам все должны». США создали себе нацию рабов на Антильских островах); *Юрий Алексеевич, когда приехал домой к родителям после полета, все **смеялся**: «Отец даже сообщению ТАСС не поверил»* (М. Позднякова. «Мечтал уехать в глушь». Каким Юрия Гагарина знали его близкие); *«Какие же они красивые и огромные», – **удивляюсь** я, смотря на коробку с розами, которую для проверки вскрыли специалисты* (Е. Краснова. 400 тонн хризантем. Подсмотрели, как в Москву завозят цветы к 8 Марта); *«Я рисовала, вдохновившись Россией, ваша страна вызывает вдохновение», – **улыбается** она* (Д. Буравчикова. «Теперь я влюблена в Россию!» Участники ВФМ мечтают объехать всю страну).

Отличительной особенностью крайней периферии является вхождение в эту зону фразеологических выражений и устойчивых словосочетаний: *завязывать разговор, задаться/задаваться вопросом, затронуть тему (темы), обратная связь, пороть чушь, разводиться руками, раскрывать карты, сарафанное радио, сходиться во мнении, шквал критики* и др.

Таким образом, в ЛСП «Общение» на материале СМИ четко выделяется ядро, однако переходы между периферийными зонами (ближней, дальней и крайней периферией) являются размытыми. Ядерные лексемы имеют высокую частотность употребления в публицистическом тексте. Периферийная лексика имеет невысокую частотность употребления в тексте. Для нее характерно употребление как в основном значении, так и в периферийном. Периферийная лексика отличается наличием оценочных и стилевых сем. К крайней периферии, помимо лексем, относятся фразеологические выражения и устойчивые словосочетания.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
2. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. 170 с.

FUNCTIONING OF COMMUNICATIVE VOCABULARY IN MASS MEDIA (based on materials of “*Argumenty i F акты*” newspaper)

© *M.V. Shamanova*

P.G. Demidov Yaroslavl State University

Communicative lexis and phraseology in Russian language are represented by lexical and phraseological field “Communication”. Usage of modeling lexical-semantic field method allows to determine constituent elements and structure of specific lexical grouping in language system and specific subsystems. Using the field method, this article describes communicative vocabulary in mass media based on the material of the weekly newspaper “*Argumenty i F акты*”. The structure of the studied lexical and phraseological field is clearly defined. It is divided into core and peripheral zones. Core lexemes are distinguished by a high frequency of use in the text. The main semantic features of peripheral vocabulary (primarily vocabulary of the far and extreme periphery) are their usage both in the main communicative meaning and in the peripheral one, presence of restrictive stylistic and evaluative semes. In addition to lexemes, the extreme periphery includes phraseological expressions and set phrases.

Keywords: lexeme; lexical-semantic field; core; periphery; communicative vocabulary; media.

ИЗМЕНЕНИЕ СЕМАНТИКИ ЗООТРОПОВ В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ

© *А.К. Шаранова*

Петрозаводский государственный университет

Статья посвящена формированию новых значений зоотропов в русском языке на примере слов *наук*, *хомяк* и *хорек*, которое происходит под влиянием социальных, политических и культурных событий в России, а также интернет-дискурса. Целью работы стало выявление изменений в семантике лексем, для чего был проведен анализ переносных значений названий животных. В исследовании были применены семантический, корпусный и лексикографический методы. В результате исследования отмечено влияние интернет-дискурса, иноязычной лексики и актуализации старых, более не фиксируемых словарями значений, на изменения в семантике зоотропов.

Ключевые слова: интернет-дискурс, зоотропы, изменения в семантике.

В последние десятилетия учеными отмечается актуализация жаргонной лексики в узусе, активное развитие медиадискурса и языка интернета, проникающего в речь носителей языка, тенденция к интернационализации в словотворчестве [Рабибурская 2014], тенденция к демократизации в медийном словотворчестве [Загидулина, Киклевич 2021], усиление влияния устной речи на письменную, тенденция к эмоциональности высказываний [Ма Цзянь 2021: 398–405], актуализация политической лексики [Козловская 2021: 293–304], актуализация языковой игры [Корнилова 2021: 304–337]. Данные тенденции способствуют актуализации зоотропов – названий животных, птиц, рыб, насекомых с переносным антропоцентрическим значением [Минеева 2013: 9], которые обладают особой выразительностью и образностью как в положительном, так и в отрицательном значении, а также стабильной продуктивностью. Сфера использования данного пласта лексики достаточно обширна, что актуализирует изучение зоотропов современного русского языка с ее антропоцентрической картиной мира.

Переносные значения названий животных фиксируются в лексикографических источниках, в том числе в толковых словарях современного русского языка, например в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой 2013 г., «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова 2000 г. (БТС), «Русском семантическом словаре» под ред. Н.Ю. Шведовой 2002 г. (РСС). Однако

значения слов подвергаются изменениям. Одной из сфер, оказывающей существенное влияние на семантику названий животных, является интернет-дискурс, что фиксируется вхождением в Национальный корпус русского языка (НКРЯ) и ресурсами за его пределами. В них находят отражение события в культурной, политической и социальной жизни общества, что приводит к формированию новых переносных значений, устойчиво закрепляющихся в современной речи.

Рассмотрим этот феномен на примере ряда слов.

Зоотроп *паук* образован по модели семантической деривации: *Паук* ‘членистоногое животное’ > *паук* ‘жестокый эксплуататор’ [БТС: 788], ‘жестокый, беспощадный притеснитель’ [РСС: 117]. Данное значение остается актуальным, о чем свидетельствует материал НКРЯ: *Конечно, самая лакомая и самая беззащитная жертва этих редакционно-издательских пауков — автор молодой и начинающий* (Аркадий Мильчин. В лаборатории редактора Лидии Чуковской // «Октябрь», 2001) [НКРЯ].

В интернет-дискурсе семантика слова стала сложнее за счет нескольких новых значений, пришедших из сферы интернет-дискурса и молодежного движения. Так, образовался зоотроп с семантикой ‘пользователь социальных сетей – это паук’ с несколькими оттенками значения. Во-первых, *пауками* стали называть «активных пользователей, создающих новый оригинальный контент и способствующих разрастанию информационного пространства» [Кондратьева 2020]. Похожее определение дает А.Я. Сарна: «Это “**пауки**” (по терминологии Гладуэлла – “Знатоки”), способные самостоятельно соткать паутину, начиная с нуля за счет создания оригинального авторского содержания и привлечения большего количества сторонников своих идей» [Сарна 2015: 122].

Во-вторых, лексемой *паук* называют пользователей, собирающих информацию в социальных сетях и использующих ее во вред другим пользователям: *Пауков в интернете пруд пруди, они обходят Интернет с целью сбора и агрегирования информации и даже... следят за всем тем, что Вы отправляете и получаете из интернета* (Пауки в интернете: вас подслушивают // Типичный интернетчик. 18.02.2016).

В-третьих, *пауками* стали вербовщики, влияющие на пользователей и вовлекающие в экстремистские организации и политическую оппозицию: *Экстремистские пауки социальных сетей* [Каштарова 2014].

Наконец, оттенком значения слова *паук* стал «определенный тип пользователей, «раскачивающих» эмоции оппонентов и самоутверждающихся за чужой счет» [Кондратьева 2020]: *В компьютерных сетях*

в целом селятся разного рода «кровососы», «энергососы», «**науки**»... они ждут тех, кто откликается на «приманку» и вступает в неконструктивный спор [Кондратьева 2020].

В 2023 году лексема стала активно использоваться после инцидентов, в которых приняли участие подростки. Название *науки* или *паучата* они получили из-за приметного изображения членистоногого на одежде – символа неформального движения молодых людей, в шутку названного «ЧВК Рёдан»: *А сокращение ЧВК в названии сообщества означает «частная военная компания». Якобы это «шутка» “пауков”* (Новая субкультура. Надо ли бояться «пауков» и как остановить драки «Рёдан»? // Российская Газета. 02.03.2023); *В чем идеология “паучат”?* (ЧВК из паучат. Что за движение анимешников с крашеными волосами в Москве? // АиФ. 26.02.2023).

Лексема *хомяк* образована по модели семантической деривации: *хомяк* ‘грызун’ > *хомяк* ‘о полном нерасторопном человеке’ [БТС: 1451]. В НКРЯ выделены примеры использования лексемы с компонентами ‘наивность’, ‘ведомость’: *А тот хомяк, чьи были деньги, получил сотню тонн, хотя не понимает в биржевых делах ни шиша* (О. Некрасова. Платит последний (2000)) [НКРЯ]. Слово с данным компонентом значения активно используется в интернет-дискурсе. Развитие у слова *хомяк* нового значения может быть результатом языковой игры – оно созвучно термину *home rage* [Кондратьева 2020], а также результатом освоения американского аналога *лемминги* с тем же значением. Оно используется «для обозначения особого типа пользователей, которые при оценке информации опираются на эмоции, а не на факты, бездумно поддерживают раскрученные мнения и отличаются достаточно конфликтным поведением» [Кондратьева 2020]. Пример из НКРЯ: *Ну что ж хомякам больше нечего делать, как вытаскивать на свет божий желчный характер великого писателя...* (коллективный. Бунин о современниках (2015)) [НКРЯ]. В случаях, когда лексема используется во множественном числе, акцентируется внимание на компоненте ‘стадность’. Слово нередко используется в сложении с первой частью *интернет-* для указания сферы деятельности референтов: *Понимаю, что все интернет-хомяки/ Соберутся орать не по делу: Не равно ли, от чьей неразумной руки Погибать обреченному телу...* (Новая газета*, 14.08.2017) [НКРЯ].

---

* Издание «Новая газета» является иноагентом (примечание редакции).

Не менее интересным является изменение значения слова *хорек*. Зоотроп фиксируется лексикографическими источниками со значением ‘хищный пушной зверёк’ [БТС: 1451], переносное значение лексемы в словарях не отмечено. Во вхождении в основной корпус НКРЯ лексема отмечена со значениями ‘дурно пахнущий человек’ и ‘очень худой человек’. Например: *А вот я не вполне понимаю, кто такое есть «хорек», — возникла опять Бурова. — Тот, кто грязный и не моется? — Они никто не моются, — захохотала Киреева, и все тоже прыснули. — Хорек — тот, кто вонючий, даже если моется* (Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)) [НКРЯ]; *Николай Соболев (5, 1 миллиона подписчиков) назвал KENFCKYOU “тупым хорьком с кучей понтов”* (А. Болотов. «Это образ, епт» // lenta.ru, 03.10.2019) [НКРЯ]. Значение, обретенное лексемой в современном русском языке, является следствием актуализации семантики мотивирующего слова, о чем свидетельствуют данные этимологического словаря: «Образовано с помощью уменьшительного суффикса от общеславянского дъхорь от глагола дъхнути – “пахнуть”. Первоначально – ‘пахнущее (животное)’» [Крылов: 2005].

Таким образом, слово *паук* обретает новые значения благодаря активному освоению подсистем русского языка (жаргона) интернет-дискурсом. Переносное значение лексемы *хомяк* является результатом языковой игры, а новая семантика берет начало в иноязычной лексике. Изменение в семантике слова *хорек* является примером актуализации древнего значения мотивирующего слова, которое наследуется мотивированной единицей. Растущее количество названий животных с переносным антропоцентрическим значением является результатом активного развития лексической системы русского языка, что связано с совершенствованием и расширением мировоззрения человека, его представлений об окружающем мире, развитием самопознания, глубинными социальными и культурными процессами.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с.
2. Загидуллина М. В., Киклевич А.К. Некоторые аспекты демократизации языка современных российских СМИ // Русистика. 2021. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-demokratizatsii-yazyka-sovremennyh-rossiyskih-smi> (дата обращения 10.03.2024).

3. Каштарова З. Экстремистские пауки социальных сетей. [Грозный], 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://vesti95.ru/2014/03/ekstremistskie-pauki-sotsialnyh-set/> (дата обращения 17.03.2024).
4. Козловская Н.В. Актуальная политическая лексика в русской неографии XXI века // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное; сб. науч. ст. / отв. ред. Л.В. Рацибурская. М.: Флинта, 2021. С. 293–304.
5. Кондратьева О.Н. Типология пользователей социальных сетей в метафорическом зеркале российских масс-медиа // Филологический класс. 2020. №1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-polzovateley-sotsialnyh-setey-v-metaforicheskom-zerkale-rossijskih-mass-media> (дата обращения 10.03.2024).
6. Корнилова Е.В. Языковая игра как конструирующий принцип современной речевой практики СМИ (на материале заголовков прессы) // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное; сб. науч. ст. / отв. ред. Л.В. Рацибурская. М.: Флинта, 2021. С. 304–337.
7. Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграф-услуги, 2005. [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov/> (дата обращения 10.03.2024).
8. Ма Цзянь. Особенности эмоциональных высказываний в аспекте лингвокультурологии у русских // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное; сб. науч. ст. / отв. ред. Л.В. Рацибурская. М.: Флинта, 2021. С. 398–405.
9. Минеева З.И. Русские зоотропы в национальном корпусе русского языка. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 94 с.
10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 12.04.2024).
11. Рацибурская Л.В. Проявление интернационализации в современном медийном словотворчестве // Филология и культура. 2014. №4 (38). С. 170–174. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proyavlenie-internatsionalizatsii-v-sovremennom-mediynom-slovotvorchestve> (дата обращения 10.03.2024).
12. Русский семантический словарь: толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 6 т. / под общ. ред. ак. Н.Ю. Шведовой. М.: РАН. Инст. рус. яз., 2002. Т. 1. 800 с.
13. Сарна А.Я. «Пауки» или «мухи»? К проблеме категоризации пользователей социальных сетей / А. Я. Сарна // Веб-программирование и интернет-технологии WebConf 2015: материалы 3-й Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–14 мая 2015 г. / ред. И.М. Галкин. Минск: Изд. центр БГУ, 2015. С. 122–123.

CHANGE OF SEMANTICS OF ZOOTROPES IN MODERN SPEECH

© *A.K. Sharapova*
Petrozavodsk State University

The article is devoted to the formation of new meanings of zootropes in the Russian language on the example of the words *spider*, *hamster* and *ferret* in modern speech which occurs under the influence of social, political and cultural events in

Russia, as well as Internet discourse. The aim of the work was to identify changes in the semantics of lexemes, for which the figurative meanings of animal names were analyzed. Semantic, corpus and lexicographic methods were applied in the study. As a result of the study, the author noted the influence of Internet discourse, foreign language lexicon and actualization of old meanings, which are no longer fixed by dictionaries, on changes in the semantics of zootropes.

Keywords: Internet discourse, zootropes, changes in semantics.

ОСОБЕННОСТИ АДРЕСАНТА ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТА

© *М.К. Шептухин*

Волгоградский государственный университет

Исследование нацелено на выявление специфики представления адресанта регламентирующего документа, функционирующего в образовательном дискурсе. Материалом для анализа послужило Руководство пользователя сервиса «Личный кабинет студента» электронной информационно-образовательной среды Волгоградского государственного университета. С применением методов документоведческого, стилистического, лексического и дистрибутивного анализа установлено, что в Руководстве актуализирован неоднородный адресант (прямой – ИТ-специалист, разработавший документ, и косвенный – организация-разработчик, должностное лицо, удостоверяющее документ). Выявлено, что разработчик документа, ориентируясь на широкого адресата, адаптирует текст, реализуя не только его директивную, но и объясняющую функции. Это находит выражение в модальности, стилевой принадлежности текста, его лексическом наполнении. Показано, что в исследуемом документе наряду с модальностью необходимости и долженствования реализуется модальность возможности и нарративная модальность; описаны способы деофициализации текста и особенности употребления терминологической лексики.

Ключевые слова: регламентирующий документ, электронный документ, адресант, адресат, компьютерно-опосредованная коммуникация, образовательный дискурс.

Расширение диапазона документируемых ситуаций и смена доминирующего носителя информации приводят к появлению новых типов документов, в частности электронных и интерактивных, что требует научного анализа базовых параметров, или категорий, документного текста (далее ДТ), прежде всего такого его параметра, как «адресант» (автор, субъект документной речи).

В лингвистической литературе адресант ДТ характеризуется по-разному. С одной стороны, принято считать, что автор в тексте документа выражен слабо. Так, Н.С. Валгина отмечает, что непосредственный создатель официального документа, «в смысле формы представления, полностью отстранен от своего текста» [Валгина]. В документе в целом он, безусловно, выражен, в частности в отдельных реквизитах, а в самом тексте документа (в реквизите «текст документа») нивелирован

[Валгина]. С другой стороны, исследователи отмечают, что каждый текст создается конкретным человеком или группой людей, которые так или иначе эксплицируют в тексте не только интересующую их тему, но и самих себя, то есть автор в тексте репрезентирован. С.С. Ваулина и Н.В. Старовойтова полагают, что в текстах нехудожественных, например научных, выражение «авторства» является принципиально важным для их создателей, реализующих главную цель – донести до читателя свои мысли, свои представления и свои оценки [Ваулина, Старовойтова 2007: 103].

Такой взгляд на адресата позволяет нам утверждать, что в документе адресант проявляется не только в специальных реквизитах, но и в его тексте.

В зависимости от видовой принадлежности документа адресант может быть единичным, то есть «индивидуализированным», и коллективным: единичного автора имеют, например, заявление, служебная записка, объяснительная записка, коллективного – обращение какого-либо профессионального сообщества, граждан и пр.

В научной литературе отмечается неоднородность адресанта некоторых видов документов, отражающая определенную процедуру подготовки и движения документа, в которой принимают участие разные лица – и тот (нередко – те), кто подготовил документ – прямой адресант, и тот, кто этот документ подписал и утвердил, взяв на себя ответственность за документ, – косвенный адресант (см. об этом [Косова 2023: 9]).

Неоднородность адресанта характерна прежде всего для регламентирующих документов, таких, как порядок, правила, положение, методические рекомендации и др.

В современном образовательном дискурсе широко применяются формы компьютерно-опосредованной коммуникации (коммуникация с помощью виртуальных технических каналов), которую обеспечивают разнообразные электронные документы. Термин «электронный документ» в речевой практике функционирует в разных значениях. Он может использоваться только по отношению к документам, материальная часть которых представляет собой компьютерные программы [Белоус 2021: 170]. Это позволяет дифференцировать документы, созданные в электронной форме, и документы, созданные на бумажном носителе, а затем переведенные в электронный вид, для них используются термины «образ электронного документа» (см., например: [Приказ...]); «электронный аналог печатного издания» [Кабашов, Асфандиярова 2009: 96–97]. Разграничение документов в связи с механизмом их создания, зна-

чимое для специалистов по делопроизводству и архивному делу (см. об этом [Янковая 2023: 37]), не принципиально для их изучения с лингвистических позиций. Поэтому мы принимаем термин «электронный документ» в широкой трактовке, которая отражена в Федеральном законе № 149-ФЗ и в справочной литературе: электронный документ – это «документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах» [Федеральный закон], «совокупность данных, объединенная смысловым содержанием, представленная в электронной форме и предназначенная для восприятия с помощью программных и аппаратных средств» [Большой толковый словарь официальных терминов 2004: 988].

С целью формирования необходимых компетенций для работы в электронной среде создается регламентирующий документ, в частности руководство пользователя компьютерной программой, который, не будучи собственно электронным документом, является элементом компьютерно-опосредованного дискурса.

Охарактеризуем выраженную в документном тексте информацию о его адресанте на материале Руководства пользователя сервиса «Личный кабинет студента» электронной информационно-образовательной среды Волгоградского государственного университета (URL: <https://lk.volsu.ru/files/Guid.pdf>).

Адресант представлен в тексте как неоднородный. Прямой адресант обозначен в реквизите, расположенном внизу титульного листа: *Разработчик: начальник УОП ФИО*, косвенный адресант – в реквизитах «наименование организации – автора документа»: *ФГАОУ ВО ВолГУ*; «гриф утверждения документа» и «наименование должностного лица – автора документа»: *УТВЕРЖДАЮ первый проректор ФИО*; в реквизите «наименование вида документа»: *Руководство пользователя сервиса «Личный кабинет студента» электронной информационно-образовательной среды Волгоградского государственного университета*. В тексте документа встречается указание только на косвенного адресанта: называется организация-разработчик (*элемент электронно-информационной образовательной среды ВолГУ*); официальный сайт организации (на сайте <http://lk.volsu.ru/>).

В документе содержится информация о социальном статусе адресанта: использованы существительные, называющие человека в каком-либо аспекте его социальных функций и характеристик: *первый про-*

ректор, разработчик, начальник УОП ... + ФИО; неодушевленные нарицательные существительные, содержащие в структуре значения сему 'организация': *Волгоградский государственный университет, ВолГУ*; антропонимы – имена собственные, обозначающие человека, занимающего ту или иную должность: должность + ... *ФИО*.

Ярче всего в тексте документа проявляется прямой адресант – разработчик программы. Его установки, интенции обуславливают организацию текста документа. Руководство направлено на широкого и при этом однородного адресата – студентов, имеющих лишь общие компетенции в данной сфере, то есть неспециалистов, что определяет необходимость учитывать эти особенности и адаптировать текст. В рассматриваемом нами Руководстве пользователя реализованы директивная (что нужно делать) и объясняющая (как нужно сделать) интенции адресанта, что находит отражение в модальности текста.

Доминирующая модальность Руководства – это модальность объяснения, которая реализуется в наборе модальных значений.

А) **Модальность необходимости**: специальное модальное слово *необходимо* + инфинитив. Адресант объясняет, какие действия необходимо делать: *Для регистрации необходимо нажать на кнопку «зарегистрироваться» и заполнить соответствующие поля; Для просмотра информации пользователю необходимо выбрать учебный план, на основании которого будет отображаться информация; что необходимо делать, если в каких-то случаях возникли сложности, проблемы: В случае потери учетных данных (логин) от сервиса «Личный кабинет студента» необходимо обратиться к заместителю директора по информатизации вашего института. В случае, если учетные данные не были получены, необходимо обратиться к заместителю директора по информатизации вашего института. В случае обучения по нескольким образовательным программам, пользователю необходимо выбрать ту группу, по которой необходимо посмотреть расписание учебных занятий; что делать для достижения определенной цели: Для того чтобы загрузить (сменить) фотографию в личный кабинет, необходимо передать ее заместителю по информатизации вашего института. Для смены пароля необходимо нажать на кнопку «Восстановить пароль» и заполнить соответствующие поля: (перечень полей). Для просмотра информации пользователю необходимо выбрать учебный план.*

Б) **Модальность долженствования** (специальное модальное слово *должен* + инфинитив): *Для отправки обращения пользователь должен нажать на кнопку «Обратная связь».*

В) **Модальность возможности** (описание возможностей программы): Раздел «Запись на курсы по выбору» **позволяет** пользователю **осуществить выбор** дисциплин.

Г) **Нейтральная (нарративная) модальность** (описание последовательности действий, характерное для объяснения): **После успешной авторизации** пользователю **будет предложено выбрать** роль, под которой он войдет в личный кабинет. Для студента открыта роль «Студент». **Нажать на кнопку «Студент»** (рис. 4). **Далее** на электронную почту студента **приходит письмо** с указанием ссылки, по которой необходимо перейти для задания нового пароля. **После отправления** обращения ответственные **сотрудники подразделений ВолГУ подготовят ответ и отправят** его на личную электронную почту пользователя в домене @volsu.ru.

Нарративная модальность реализуется в констатации: **Поддержка пользователей осуществляется** ответственными сотрудниками Управления образовательных программ, Управления информатизации и телекоммуникации ВолГУ; описании порядка действий в виде алгоритма:

Порядок добавления достижения:

- **выбрать учебный план**, для которого формируется портфолио;
- **выбрать категорию и вид достижения;**
- **заполнить форму сведений о достижении** (например, форма добавления участия в научной конференции – рис. 15) и **сохранить ее** (путь нажатия кнопки «добавить»).

Порядок внесения сведений о достижениях идентичен представленному образцу (разницу составляет форма сведений о достижении); описание содержания разделов программы, которое нередко дается в виде перечня, при этом используются отсылки к схемам: Раздел «Учебные планы» **содержит информацию** о компонентах учебного плана, по которому обучается пользователь в разрезе семестров (рис. 7); **Интерфейс сервиса «Личный кабинет студента» представляет собой** следующие разделы (рис. 5): (перечень разделов); **Перечень ссылок** на электронные образовательные ресурсы и ЭБС **представляет собой** перечень (изданий из рабочей программы) гиперссылок, которые ведут на соответствующий ресурс или издание в ЭБС (рис. 8);

использовании скобок и ссылок на рисунки с целью пояснения информации: **добавить одну или несколько скан-копий подтверждающих документов в формате изображения или pdf** (каждый документ прикрепляется как отдельный файл) (рис. 17).

Учет адресантом фактора адресата определяет деофициализацию речевого воплощения содержания документа. О снижении официально-сти, на наш взгляд, свидетельствует использование следующих речевых средств:

– притяжательного местоимения, соотносимого с местоимением 2 лица (персонификация): *В случае потери учетных данных (логин) от сервиса «Личный кабинет студента» необходимо обратиться к заместителю директора по информатизации **вашего** института;*

– единиц, выражающих нежесткую рекомендацию, которая не требует обязательности исполнения: *После успешной авторизации пользователю будет **предложено** выбрать роль, под которой **он** войдет в личный кабинет;*

– коротких предложений: *Нажать на кнопку «Студент»;*

– номинаций разделов, включающих притяжательное местоимение, соотносимое с местоимением 1 лица:

*Раздел «**Мой** профиль»;*

– глаголов в форме настоящего времени: *Раздел «Перейти в СДО Moodle» представляет собой гиперссылку, нажав на которую, пользователь посредством бесшовного перехода **попадает** на **свою** персональную страницу в системе дистанционного обучения (СДО) Moodle.*

В документном тексте выражена информация о профессии прямого адресата: он является IT-специалистом. Это проявляется в лексических единицах текста. В нем широко употребительны только те заимствованные термины, которые вошли в широкий обиход и, по мнению разработчика документа, должны быть понятны адресату: *локальный компьютер, браузер, сервер, интерфейс, медиа, меню, теги, гиперссылка, модуль, URL, html-страница, курс-донор, курс-реципиент, скан-копия, медиа-контент, flash-диск* и др.

В то же время IT-специалисты используют исконные единицы, общеупотребительные лексемы, которые приобрели специальное значение, то есть подверглись терминологизации. Такие единицы обозначают понятия «дополнительного характера», элементы, которые сопровождают описание устройства программы, работы с ней. Это существительные: *кабинет, поле, страница, кнопка, роль, данные, запись*, и субстантивные словосочетания на их основе: *необязательное поле, текстовое поле, личные данные, персональная страница, учетная запись, имя учетной записи, страница личного кабинета*.

Особенность руководства пользователя заключается в частотном употреблении глаголов, поскольку этот вид документа предписывает

выполнение определенных действий. Глаголы функционируют здесь преимущественно в форме инфинитива, реализуя модальность необходимости, обусловленную инструктирующим и регламентирующим характером документа: *нажать на кнопку, заполнить поля, перейти по ссылке, выбрать роль, загрузить файл, прикрепить скан-копию* и др. Представленные глаголы используются не в прямом общепотребительном, а в переносном значении. В рамках предметной сферы ИТ на основе метафорического переноса у них сформировалось специальное значение, то есть произошла терминологизация, ср.: *загрузить* 'наполнить грузом до какого-нибудь предела, нагрузить полностью' → 'перенести данные откуда-либо на компьютер или куда-либо с компьютера'. Отметим, что в терминологии глагол – это периферийная часть речи, в исследуемом документе глаголы в большинстве своем исконные или вошли в русский язык довольно давно.

Итак, новые формы реализации дискурса меняют традиционные представления о документе, свойствах документного текста и, в частности, о его адресанте как важном субъекте документной речи.

В регламентирующих документах, функционирующих в компьютерно-опосредованном дискурсе, актуализирован неоднородный адресант: прямой – ИТ-специалист, разработавший документ, и косвенный – организация-разработчик, должностное лицо, удостоверяющее документ. В тексте документа выражен прямой адресант. Ориентируясь на широкого адресата, разработчик документа адаптирует текст, реализует наряду с директивной объясняющую интенцию, что находит выражение в модальности, стилевой принадлежности текста, используемой лексике. Отмеченные особенности деятельности адресанта, «проявленные» в тексте документа, позволяют сформулировать лингвистические задачи, связанные с определением статуса лексических единиц, номинирующих специальные понятия; поиском способов совершенствования лексической структуры текста (например, включение в документ словника терминов), описанием механизмов деофициализации документного текста. Решение этих задач составляет перспективу для исследований в области терминоведения и документной лингвистики.

Список литературы

1. Белоус Е.С. Интерактивные документы: языковые особенности и документный статус // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение. 2021. Т. 20, № 1. С. 168–180.

2. Большой толковый словарь официальных терминов / сост. Ю.И. Фединский. М.: Астрель; АСТ; Транзиткнига, 2004. 1165 с.
3. Валгина Н.С. Теория текста [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook029/01/eabout.htm> (дата обращения 26.03.2024).
4. Ваулина С.С., Старовойтова Н.В. К вопросу о модальности сложных предложений // Семантика: слово, предложение, текст: сборник научных трудов / под ред. С.С. Ваулиной. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. С. 96–104.
5. Кабашов С.Ю., Асфандиярова И.Г. Делопроизводство и архивное дело в терминах и определениях. М.: Флинта: Наука. 2009. 296 с.
6. Косова М.В. Инициатива как вид документа // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. № 3. С. 5–17.
7. Приказ – Приказ Судебного департамента при верховном суде РФ от 27.12.2016 № 251 (ред. от 11.12.2023) «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/law/prikaz-sudebnogo-departamenta-pri-verkhovnom-sude-uf_290/poriadok-podachi-v-federalnye-sudy/2/2.2/ (дата обращения 26.03.2024).
8. Руководство пользователя сервиса «Личный кабинет студента» электронной информационно-образовательной среды Волгоградского государственного университета. 2019. 22 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://lk.volsu.ru/files/Guid.pdf> (дата обращения 26.03.2024).
9. ФЗ – Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 29.12.2022).
10. Янковая В.Ф. Электронные документы: от создания до передачи в архив организации // Секретарь-референт. 2023. № 8. С. 36–44.

FEATURES OF THE ADDRESSEE OF AN ELECTRONIC DOCUMENT

*© М.К. Sheptukhin
Volograd State University*

The research is aimed at identifying the specifics of the presentation of a regulatory document addressee functioning in educational discourse. The material for the analysis was the User's Guide to the Student's Personal Account service of the electronic information and educational environment of Volgograd State University. Using the methods of documentary, stylistic, lexical and distributive analysis, it was found that a heterogeneous addressee was updated in the Manual (direct – an IT specialist who developed the document, and indirect – a developer organization, an official certifying the document). It is revealed that the document developer, focusing on a

wide addressee, adapts the text, implementing not only its directive, but also explanatory functions. This finds expression in the modality, style of the text, its lexical content. It is shown that in the document under study, along with the modality of necessity and obligation, the modality of possibility and narrative modality are realized; methods of de-formalization of the text and features of the use of terminological vocabulary are described.

Keywords: regulatory document, electronic document, addressee, addressee, computer-mediated communication, educational discourse.

НАИМЕНОВАНИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ «ТРИЛОГИИ» Г. СЕНКЕВИЧА В ИХ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

© В. Шетэля

Московский городской педагогический университет

В статье рассматриваются названия музыкальных инструментов, которые употребляются в тексте исторической «Трилогии» Г. Сенкевича и которые вызывают интерес с точки зрения их перевода с польского на русский язык. Музыкальные произведения исполняются не только шляхтянками в салонах на *флейтах*, *лютнях*, но и представителями национальных меньшинств на их народных, часто экзотических *бандурах*, *«пицалках»*, *балалайках*, *«теорбанах»* и других. Таким образом, анализ единиц, называющих музыкальные инструменты, с одной стороны, показывает особенности их перевода на русский язык, и тем самым часто уточняет их вид и способ игры на них, а с другой – раскрывает картину многонационального общества того времени с их языком и культурой.

Ключевые слова: заимствование, значение, польский и русский языки, перевод художественного текста, словарь.

Исторический цикл, состоящий из трех романов польского писателя Генрика Сенкевича, обычно называемый с заглавной буквы «Трилогия» («*Ogniem i mieczem*» – «Огнем и мечом», «*Potop*» – «Потоп» и «*Pan Wołodyjowski*» – «Пан Володыёвский»), переносит нас в 1647 г., когда Речь Посполитая оказалась в состоянии войны с Б. Хмельницким, затем со Швецией, и спустя пару лет – с Османской империей.

Важным элементом для понимания быта и степени культуры польской шляхты и народа XVII века являются музыкальные инструменты, наименования которых употребляются автором и во многом характеризуют персонажей, «оживляют» повествование и одновременно показывают культурный, музыкальный уровень развития общества того времени.

В произведении знакомимся и с представителями национальных меньшинств Речи Посполитой, исполняющими свою народную музыку на экзотических для нас инструментах.

Музыкальные инструменты выполняют в текстах «Трилогии» свою художественную функцию, заполняют своим действием «пустоты» повествования, а их польские и полонизированные иноязычные наименования в переводе на русский язык могут отразить терминологическую

тему «музыкальные инструменты XVII века» в сопоставительном аспекте.

Генрик Сенкевич (Henryk Sienkiewicz 1846–1916) – выдающийся польский писатель, лауреат Нобелевской премии 1905 г. за произведение «Quo vadis» («Камо грядеши») о зарождении христианства в Древнем Риме времен Нерона. Г. Сенкевич – почетный академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук – создал в конце XIX в. на польском языке цикл названных выше исторических романов, объединенных общим названием «Трилогия».

Романы сразу же переводились на русский язык и печатались в известных российских художественных журналах.

Г. Сенкевич создал и еще одну трилогию, так называемую «малую», имеющую автобиографический характер: «Старый слуга», «Ганя», «Селим Мирза».

Возможно, что под именем Селим Мирза Сенкевич вывел самого себя. Писатель помнил о своих татарских корнях, от так называемых «липков», поэтому к татарам, казакам и прочим народам автор, даже если они в романах являлись отрицательными персонажами, все же относился с определенной долей симпатии.

Сенкевич знал, о чем писал. Например, образ казака, играющего на бандуре – многострунным музыкальном инструменте, читателю запомнился, хотя этому персонажу отведена была в тексте только одна строка. См.: *Kozak grzał się na słońcu i na bandurze brzdąkał* (Sienkiewicz «Потоп» 1929: 152) – *Казак грелся на солнце и брэнчал на бандуре* (Сенкевич «Потоп» 1993: 84).

Как видим, название этого инструмента идентично и в польском, и русском языках, что не должно было создавать трудности при их переводе.

Базар приграничной местности запомнился ревом скота, звуками татарских *piszczalek* – дудок, *bębenków* – бубнов, а где-то даже деликатными звуками *lir* – лир.

Употребляя эти наименования, автору удается создан момент присутствия читателя в данном действии. Мы все это слышим и видим, и даже не заметим трудностей в переводе с польского на русский язык названий некоторых музыкальных инструментов. Ср.: *Przeraźliwy głos piszczalek tatarskich i bębenków mieszał się z ryczeniem bydła i łagodniejszymi głosami lir* (Sienkiewicz «Огнем» 1960: 36) – *Пронзительные голоса татарских дудок и бубнов мешались с ревом скота и тихогласным звучанием лир* (Сенкевич «Огнем» 2019: 34).

Вместе с названием *bębenek* – бубен автор употребляет и название такого струнного инструмента, как *balabajki* – балалайка: *Zadźwięczały balabajki i bębenek, przy których odgłosach zaspane pacholeta musiały płsać* (Sienkiewicz «Огнем» 1960: 79) – *Зазвенели балалайки и бубен, под звуки которых заспанным отрокам надлежало развлекать присутствующих* (Сенкевич «Огнем» 2019: 69).

Названный здесь бубен, а вернее бубенчик – *bębenek*, героиня романа использует не для игры на нем, а как пяльцы для удобного вышивания, см.: *wziąwszy bębenek poszła na nim wyszywać złocisty wierzch do czapki* (Sienkiewicz «Pan Wołodujowski» 1960: 104) – *натянув на маленькие круглые пяльцы шапку... стала золотом вышивать ее* (Сенкевич «Пан Володыёвский» 2011: 89).

Некоторые русские словари указывают на татарское происхождение слова балалайка (у Сенкевича *balabajka*), хотя лексикограф П.Я. Черных отрицает такое его происхождение, называя его народным русским, и датирует первое его употребление в тексте 1771 г.

Название выводится от звукоподражания таких похожих русских слов, как, с одной стороны, *балабонить*, *балакать*, а с другой, *баять* и *лять* [Черных 2009: 67].

Но все же мнение о татарском происхождении слова балалайка часто можно встретить в разных источниках, см.: *‘Тат. Известный музыкальный инструмент с ладами о двух, а иногда и о трех струнах’* [Яновский 1803: 317]; *При браках употреблялись у нас татарские обычаи; любимый инструмент простого народа – балалайка, есть татарское изобретение* (Вестник Европы 1825: 11, 217); *Обыкновенный музыкальный инструмент мужчин есть балалайка* (Московский телеграф 1831: 39, 10, 266). Газета «Северная пчела» утверждала: *Юго-слав. гусле походит на гитару или на нашу русскую балалайку* (Северная пчела 1853: 169, 673).

История слова балалайка в русском языке неоднократно освещалась в научной литературе, о чем можно прочитать в нашем словаре [Шетэля 2018].

В романе Сенкевича «Огнем и мечом» употребляется название другого народного струнного инструмента – *teorban*: *teorban weż, zagraj, zaśpiewaj, to ci na duszy lżej się zrobi* (Sienkiewicz «Огнем» 1960: 72-73). Тот ли самый инструмент назван в переводе *торбаном*, см.: *Возьми торбан, сыграй, спой, у тебя и на душе легче станет* (Сенкевич «Огнем» 2019: 64). Здесь виднеется *торбан*, который по Википедии объясняется как: «украинский народный струнный щипковый музыкальный

инструмент (30-40 струн), из семейства лютневых, родственен теорбе и бандуре' [ru.wikipedia.org > Торбан].

Речь здесь, несомненно, о инструменте «из семейства лютневых», но *торбан* и *teorban* лишь родственники друг к другу, если верить заметке.

Название *teorban* должно было быть, скорее всего, переведенным, как *теорбе*, а не как *торбан*.

Семейство лютневых широко представлено в романе. Это на них музыкальные произведения исполняют шляхтянки. Ср.: *Tam panna Drohojowska ujrawszy wiszącą na ścianie lutnię, zdjęła ją i poczęła w strunę brzdąkać* (Sienkiewicz «Pan» 1960: 65) – Панна Дрогоёвская, увидев на стене **лютню**, сняла ее и стала перебирать струны (Сенкевич «Пан» 2011: 55).

Название *лютня* (*lutnia*) часто употребляется в паре с *флейтой* (*flet*) – ‘духовым музыкальным инструментом высокого тона в виде трубки с отверстиями и клапанами’. См. пример, в котором голос девушки казался кавалеру сладким звуком лютни и флейты: – *Jakże tam waszmości dziękować ... – rzekła głosem, który namiestnikowi wydał się tak słodką muzyką, jak dźwięczenie lutni i fletów* (Sienkiewicz «Ogniem» 1960: 56) – Как мне благодарить вашу милость, сударь... – сказала она голосом, показавшимся наместнику сладостной музыкой, звука **лютни и флейт** подобной (Сенкевич «Огнем» 2019: 49).

Автором употребляется еще один редкий духовой инструмент чешского или венгерского происхождения – *czekan* (*czakan*) – **чакан**, являющийся разновидностью *флейты*. См.: *Pan Kmicic go ochraniał, gdyż na czekaniku pięknie grał* (Sienkiewicz «Potop» 1929: 34) – Кмициц оказывал ему покровительство за то, что он хорошо играл на **чакане** (Сенкевич «Потоп» 1993: 24); *Spodziewał się ... usłyszeć głos Uhlikowskiego czekanika, skrzypków* (Sienkiewicz «Potop» 1929: 93) – Он думал ..., что он услышит **чакан** Углика, **скрипку** (Сенкевич «Потоп» 1993: 54).

Название *czekan* как ‘музыкальный инструмент’ в польской версии текста употреблено в уменьшительно-ласкательной форме *czekaniku*, что, возможно, должно было различать это название от омонимичного ему слову *czekan* – **чакан** со значением *обуха* – ‘разновидность гусарского подручного оружия’.

В наше время словом *czekan* могут называть ‘ледоруб’, часто называемый *чупага* (*ciuraga*) – ‘трость-топорик у жителей Татр’ [Стыпула 2005: 48].

В следующем фрагменте текста названы исполнители игры на скрипке, чекане и музыканта, играющего на валторне, см.: *Było dwóch skrzypków, trzeci baselista, dwóch czekanistów i jeden z waltorną. Skrzypkowie cięli od ucha, aż chwilami ich zawracało, owych grających na*

czekanach i waltorni nabrzmiewały policzki i oczy krwią zachodziły (Sienkiewicz «Pan» 1960: 383) – *Оркестр состоял из двух скрипок, контрабаса, двух флейт и валторны. Скрипачи наяривали так самозабвенно, что их поштатывало, а у флейтистов и валторниста щеки чуть не допались и глаза наливались кровью* (Сенкевич «Pan» 2011: 317).

Из новых терминов, здесь употребленных, это – музыкант *basetlista* ('контрабасист'), играющий на *basetle* ('разновидности контрабаса'), и *валторнист*, играющий на *валторне*. Первое название нуждалось в переводе.

Генрик Сенкевич в конце XIX века пытался создать образ жизни шляхетской прослойки польского общества XVII века. Отобранные для этого слова, называющие музыкальные инструменты и их исполнителей, являются принадлежностью ушедшей эпохи и, употребляемые автором, воссоздают это время. Многие из этих названий сохраняются в современном языке.

Вопрос здесь в том, как все эти специфические средства художественного выражения, а именно такими являются наименования музыкальных инструментов разной системы, были переведены на русский язык.

Поэтому интересно, как российские переводчики справились с задачей передачи для российского читателя этих названий.

Вполне понятно, что подлинный текст «Трилогии», являясь во многом авторской стилизацией под польский язык шляхты XVII века, может создать трудность для перевода. Но задача русского переводчика не всегда состояла, как нам кажется, в передаче на русский язык этих особенностей, хотя употребление аналогичных русских названий музыкальных инструментов во многом могло этому поспособствовать.

Таким образом, на примере отобранных терминов из оригинальной версии «Трилогии» Г. Сенкевича и из его перевода на русский язык, показано, что, во-первых, наименования из группы «музыкальные инструменты» способны создать образ давно прошедшей эпохи; во-вторых, сопоставительное описание подобных фактов показывает достаточную близость польского и русского языков, которая может где-то облегчить, а где-то затруднить работу переводчика; а в-третьих, представленные здесь факты, возможно, будут полезны для курса польского языка и культуры в российском вузе.

Список литературы

1. Стыпула Р., Ковалёва Г.В. Новый польско-русский словарь. М.: Рус. яз. Медия, 2005. 724 с.

2. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Рус. яз. Медиа; Дрофа. 2009. Т. I. 622 с.
3. Шетеля В. Историко-этимологический словарь русской лексики XVII–XIX веков. М.: Прометей, 2018. Т. I–II.
4. Яновский Н.М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту... СПб., 1803. Вып. 1.

Список источников

1. Сенкевич Г. Огнем и мечом: роман / пер. с пол. А. Эппеля, К. Старосельской. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2019. 896 с.
2. Сенкевич Г. Потоп: роман / пер. с пол. // Сенкевич Г. Собрание сочинений в восьми томах. Т.IV. Тула: Арктоус, 1993. 495 с.
3. Сенкевич Г. Пан Володыёвский. М.: АСТ: Астрель. Полиграфиздат, 2011. 575 с.
4. Sienkiewicz H. Ogniem i mieczem. Powieść. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1960. Т. I.
5. Sienkiewicz H. Potop. Powieść. Wydawnictwo Gebethnera i Wolffa w Warszawie, 1929. Т. I.
6. Sienkiewicz H. Pan Wołodyjowski. Powieść. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1960. 711 s.
7. Skorupka S. Słownik frazeologiczny języka polskiego. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1974. Т. I.

**NAMES OF MUSICAL INSTRUMENTS IN THE HISTORICAL “TRILOGY”
OF H. SIENKIEWICZ IN THEIR TRANSLATION
INTO RUSSIAN LANGUAGE**

© V. Szetela
Moscow City University

The article examines the names of musical instruments that are used in the text of the historical “Trilogy” by H. Sienkiewicz, and which are of interest from the point of view of their translation from Polish into Russian. Musical works are performed not only by noblewomen in salons on *flutes* and *lutes*, but also by representatives of national minorities on their folk, often exotic *banduras*, “*tweeters*”, *balalaikas*, “*the-orbans*” and others. Thus, the translation into Russian of units naming musical instruments, on the one hand, shows the features of their translation into Russian, and thereby often clarifies their appearance and the way of playing them, and on the other hand, reveals the picture of the multinational society of that time with their language and culture.

Keywords: borrowing, meaning, Polish and Russian languages, translation of literary text, dictionary.

ПУНКТУАЦИЯ СЕТЕВОГО ДИСКУРСА: КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© *Е.Н. Широкова*

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского*

В статье рассматриваются дивергентные тенденции пунктуации социальных сетей. Автор показывает, что в определенных сегментах социальных сетей ориентация на нормативную пунктуацию коррелирует с расширением позиций и функций знаков пунктуации. Описываются причины появления и особенности реализации камуфлирующей (кодирующей) функции пунктуации в сетевой коммуникации. Анализируются вербально-пунктуационные комплексы, в которых знаки пунктуации употребляются вместо сочинительных союзов в единстве с языковыми знаками разных уровней, в значение которых входят семы 'мужской пол', 'женский пол', свидетельствующие о тенденции к лексикализации пунктуационных знаков. Доказывается, что стратегии оформления сносок в объемных текстах определяются действием закона экономии, а прагматика пунктуационных знаков в таких случаях заключается в стремлении автора обеспечить доступ адресату к информации при минимуме психофизиологических затрат последнего. Описание эмпирического материала осуществляется с помощью лингвопрагматического и коммуникативно-дискурсивного методов.

Ключевые слова: пунктуация, позиция пунктуационного знака, камуфлирующая функция, вербально-пунктуационный комплекс, сноски, сетевой дискурс.

Противоположные тенденции, характерные для интернет-коммуникации, в научной литературе описываются с помощью бицентрической модели коммуникативного пространства. Одна модель – «подчеркнуто дивергентная, разнонаправленная, смешанная – реально отражает прагматику общения во всем его социокультурном и политико-экономическом разнообразии и в ориентации на определенные коммуникативные задачи» [Химик 2006: 362], вторая ориентирована на норму и сохранение кодифицированного литературного языка. Бицентрическая модель описания представлена и в теории пунктуации. Так, в XXI в. «несмотря на продолжение работы по кодификации пунктуационного узуса ... в теории пунктуации осуществляется переход от предписывающего рассмотрения пунктуации к описательному и объяснительному» [Сигал 2022: 98]. Смешанная бицентрическая модель коммуникативного пространства позволяет описывать не только противо-

борствующие тенденции в пунктуации, но и их корреляцию. Так, в значительном сегменте сетевого дискурса (например, в блогах, посвященных искусству, медицине, политике, сообщениях политиков и журналистов в мессенджерах) сохраняется ориентация на нормативную пунктуацию, что характерно не только для русскоязычной коммуникации [Тарасова 2015: 12]. Причем стремление к нормативности в употреблении знаков пунктуации наблюдается, как правило, и в чатах таких блогов. Однако специфика интернет-коммуникации, коммуникативно-прагматические цели коммуникантов, интеллектуализация и демократизация речи приводят к неизбежному расшатыванию пунктуационных норм даже в этом сегменте коммуникации. При этом при общих тенденциях употребления знаков пунктуации в социальных сетях, среди которых такие, как расширение позиций употребления знаков пунктуации, лексикализация и экспрессивизация, поиск способов графического оформления объемных текстов при отсутствии разбивки на страницы, наблюдается вариативность в употреблении знаков пунктуации, выполняющих одну и ту же функцию.

В первую очередь это касается знаков пунктуации, выполняющих непосредственно или опосредованно камуфлирующую функцию с целью избежания блокировок сообщений контентными платформами (см. подробнее в [Широкова 2023]).

Непосредственно камуфлирующая функция пунктуационных знаков реализуется при изменении графического облика слова путем замены буквенных графических знаков пунктуационными или другими метаграфемными знаками. Например: *Настоящие "политические **прости.утки**"* (<https://t.me/yurasumy/12875>); *Надо, чтобы нигде не брали такую **т..рЬ**, пусть дворником или что похуже работает* (<https://dzen.ru/a/ZgGjStGYCCO6yRE6>); *А в этот раз им видимо установка дана побольше 2... накопать* (<https://dzen.ru/id/5c8e72bc7bef2900b3f237ac>); *Но такую **тв*рЬ** надо привлекать к уголовной ответственности за глумление над погибшими!* (<https://dzen.ru/a/ZgGjStGYCCO6yRE6>); *Ведь не я же вам подложил просроченный **адр***лин** и с***ач устроил?* (<https://dzen.ru/id/5c8e72bc7bef2900b3f237ac>); *А то, что казахские **нацио-ты** и остальные **зау--аинцы** никак не ожидали от него услышать* (<https://dzen.ru/a/ZZP4hTnG4kyLi-lx>); – ***Тр-п** горелый на кровати* (<https://dzen.ru/id/5c8e72bc7bef2900b3f237ac>); *Первый сюжет назывался "Франция: **кока_ин** дешевлеет, наркозависимых становится больше"* (<https://dzen.ru/a/ZgUIDj3nhipwIs1h>); *Они с **бл@@@ми** в это время тусуют по дорогим курортам* (<https://t.me/yurasumy/12875>).

Опосредованно камуфлирующую функцию знаки пунктуации выполняют при выделении эвфемизмов и – шире – перифраз, реализующих камуфлирующую функцию с целью обхода ограничений контентных платформ. Прагматика таких знаков пунктуации заключается в маркировании языковых знаков вторичной номинации, нуждающихся в декодировании, и тем самым в привлечении внимания читателей к ним. С этой целью используются кавычки и скобки: *А как взяли за "фаберже", так "мокрые курицы"* (<https://t.me/yurasumy/12875>); *В конце января устаревшее вооружение, которое больше не используется в греческой армии, хотели отдать "стране У"* (<https://t.me/Mikle1On/22323>); *Точно также делали и с "У" за несколько лет до этого* (<https://dzen.ru/a/ZZP4hTnG4kyLi-lx>); – *Ну всё, <распутная женищина>, чтоб больше ни тебя, ни Серёги здесь не было!; Давайте, увозите его, <нафиг> он мне нужен!; Поклялся, мол, <самкой собаки> буду, век воли не видать!* (<https://dzen.ru/id/5c8e72bc7bef2900b3f237ac>).

Наряду с этим в одном контексте могут совмещаться оба способа реализации камуфлирующей (кодирующей) функции знаков пунктуации: *Родина, оказывается ему ничего не дала, обижала, как могла, а потому, он ...л ее (в смысле, проделывал с нею неестественные действия сексуального характера – не хочу уподобляться убогому ЦИП-Сошнику)* (<https://t.me/yurasumy/12875>); *И тут контролёра зашла, <распутная женищина толсто***опая>; – Вон, смотрите, ... мать, опять нас г***м залило! – ответила Петровна. – Это <распутство> какое-то! – добавила Софья Михайловна* (<https://dzen.ru/id/5c8e72bc7bef2900b3f237ac>).

В семиотике знаки пунктуации относятся к субзнаковым системам, так как «они не “представляют” (не замещают, не репрезентируют) какой-либо предмет или отношение. Их назначение в том, чтобы обозначить формально-грамматическое, смысловое и интонационное членения речи» [Мечковская 2007: 27]. Однако в настоящее время наблюдается тенденция к расширению функций знаков пунктуации, в результате чего происходит лексикализация последних, что позволяет говорить о тенденции пунктуации к знаковости. В частности, знаки пунктуации употребляются вместо сочинительных союзов *и не... и не, не то ... не то, и, или* в комплексе с языковыми знаками разных уровней (морфемами или лексемами), в значение которых входят семы ‘мужской пол’, ‘женский пол’. В таких вербально-пунктуационных комплексах используются косая черта; шрифтовые выделения в сочетании с пробелами; нижнее подчеркивание, совмещенное с пробелом; скобки в сочетании с

дефисом. Следует отметить, что пунктуационный статус косой черты определяется неоднозначно: в научной литературе этот знак рассматривается и как пунктуационный, и как орфографический. Мы рассматриваем косую черту как пунктуационный знак, который используется в современной речи как вариативный тире или дефису. При этом косая черта выполняет ряд функций, свойственных тире: «основную – разделяет слова, входящие в предложение единым структурно-семантическим блоком и поэтому занимающие позицию одного члена предложения; дополнительную – указывает на сопоставительные, противопоставительные или альтернативные отношения, которые не выражены с помощью сочинительных союзов» [Широкова 2019: 266].

Прагматика описываемых вербально-пунктуационных комплексов, как правило, заключается в формировании негативно-оценочного отношения, в выражении иронии, в дискредитации политика и т.п. При этом существенное значение имеют синтагматические связи комплекса и контекст их употребления. В примерах (1, 2) это сочетание с языковыми единицами среднего рода – в (1) с формой глагола *подало* и личным местоимением *оно*; в (2) с именным словосочетанием *этакое чудо*. В примере (3) указание на нетрадиционную половую ориентацию сочетается с экспликацией высокого социального статуса лица:

(1) *В США трансгендерная пловчиха добивается через суд снятия запрета на участие в женских соревнованиях. Пловец/чиха подало иск в CAS, чтобы ему разрешили снова побеждать среди женщин. Даже по комплекции Лиш до сих пор понятно, что она Уилл, а потому неудивительно, что "оно" отрывается от соперниц аж на 38 секунд. При этом, спортсмен/ка продолжал обладать всеми отличительными мужскими признаками и не стеснялся демонстрировать их в раздевалке девушкам, попутно рассматривая их* (<https://t.me/tsargradtv/69060>);

(2) *В плюшевом костюмчике околосортирный спортсмен КА, с рюкзачком и шапочкой с ушами котейки,этакое чудо из авто вылезит* (https://fotostrana.ru/questions/v_plyushevom);

(3) *Глава МИД Франции, по совместительству муж/жена Премьер-министра Франции: "Французы не будут умирать за Украину"* (<https://t.me/s/MariaVladimirovnaZakharova>).

В примере (4) вербально-пунктуационный комплекс создается на основе игровых способов словообразования, используемых как средство речевой агрессии:

(4) *Это как с инноагентами. Читая журнашлюху, ты должен понимать, что читаешь журнашлюху(-ха), а не представителя уважаемой профессии.* 🤖🤖🤖 (<https://t.me/yurasumy/12875>).

В тех случаях, когда знаки пунктуации употребляются вместо союзов *или, и*, вербально-пунктуационные комплексы могут иметь экспрессивную окраску, лишённую речевой агрессии: *Клеман был антифашистом — он боролся за радикальное равноправие, боролся плечом к плечу со всеми, кого ультраправые считают смертными врагами: с сексуальными меньшинствами и трансгендерами, иммигрант/к/ами, выходцами из колоний, мусульман/к/ами, политическими активист/к/ами* (<https://rash-russia.blogspot.com/2013/06/blog-post.html>); *Это значит, что если ты трансгендер, то будь **готов_а** к тому, что остаток жизни тебе придется прожить в открыто враждебном мире* (wall-94999216_214).

Речевым механизмом создания таких вербально-пунктуационных комплексов является совмещение речевой синтагматической цепочки с фрагментами языковых парадигм. Причем при построении вербально-пунктуационных комплексов на основе морфемного варьирования происходит сокращение текста при усложнении кода, что можно рассматривать как проявление антиномии кода и текста.

Конечно, сам по себе такой игровой способ совмещения языкового и речевого в речевой последовательности не является изобретением социальных сетей. Так, приведем примеры из «Школы для дураков» Саши Соколова [Соколов 2001]: *Дорогой Леонардо, **недавно (сию минуту, в скором времени)** я плыл (плыву, буду плыть) на весельной лодке по большой реке. До этого (после этого) я много раз бывал (буду бывать) там и хорошо знаком с окрестностями...*(с. 39); *.../ меловая девочка у нас перед школой **стоит (стояла)** и **смотрит (смотрела)** на пустырь, где мы **бегаем (бегали)** укрепляющие кроссы /.../* (с. 125); *.../ Зато она необъяснимо напоминает само слово, сочетание букв, из которых оно **состоит (состояло, будет состоять)** – В, О, Д, О, К, А, Ч, К, А* (с. 150); *Нет, она никогда не делала мне ничего дурного, и я **говорил (говорю, буду говорить)** с ней лишь о патефоне /.../* (с. 164).

Однако для социальных сетей характерна большая ориентация на визуализацию таких речевых последовательностей и совмещение игровых приемов при их создании.

Тенденция к интеллектуализации и демократизации речи приводит к тому, что в текстах блогеров используются термины, аббревиатуры, жаргон, характерные для ограниченных сфер деятельности. С целью сглаживания антиномии говорящего и читающего авторы вынуждены пояснять эту лексику с помощью сносок. Причем в случаях объемности нарративов авторского блога и в условиях отсутствия разбивки на страницы, блогерам приходится искать ненормативные способы их пункту-

ационного оформления. Рассмотрим это на примере нарративов на медицинскую тему блога «Ужасно злой доктор» (<https://dzen.ru/id/5c8e72bc7bef2900b3f237ac>). Автор нарративов располагает примечания внутри текста, после объединенного микротемой композиционного фрагмента, в котором употребляется поясняемая лексика. При этом примечания визуализируются с помощью метаграфемки: выделяются курсивом, вертикальной чертой слева и абзацем. Прагматика введения и оформления таких сносок очевидна – сделать максимально информативным и понятным текст для читателя и в соответствии с законом экономики обеспечить комфортный способ получения информации при минимуме предпринимаемых усилий. Приведем примеры оформления таких сносок:

1. Аббревиатуры:

Многие из вас забыли порядок оказания помощи при ОКС. Вопрос на засыпку: через какое времени после прибытия должна быть сделана ЭКГ?

/.../

– Андрей Ильич, ещё вчера вы должны были подготовить СОПы по дезинфекции медизделей.

/.../

ОКС – острый коронарный синдром. Это собирательный диагноз, включающий в себя различные сердечные патологии, например, инфаркт миокарда и нестабильную стенокардию.

СОП – стандартная операционная процедура. Это краткая, пошаговая инструкция по выполнению определённых действий.

2. Медицинский жаргон:

Разумеется, бригада стала стрелять и проводить прочие реанимационные мероприятия, но всё оказалось безуспешным.

Стрелять (мед. сленг)¹ – проводить электрическую дефибрилляцию.

– Иваныч, слышал, в четвёртой смене Бобров с Власовым на «общак» ушли?

/.../

– Ну да, хорош протест, назло бабушке уши отморозили.

Общак (мед. сленг) – общепрофильная бригада.

---

¹ Метаязыковой комментарий автора блога.

3. Термины:

Налиествовали положительный симптом Кернига, а также верхний и лобковый симптом Брудзинского.

Симптом Кернига: сгибаем ногу больного под прямым углом в тазобедренном и коленном суставах. Затем пытаемся разогнуть только коленный сустав, но из-за боли это не получается.

Верхний симптом Брудзинского: при наклоне головы больного, его ноги, помимо воли, поднимаются к животу.

Лобковый симптом Брудзинского: при надавливании на лобок, ноги так же поднимаются к животу.

Таким же образом оформляются и развернутые метаязыковые комментарии автора:

На этой возмущённой ноте конференция завершилась.

*В настоящее время нет должности **диспетчера-эвакуатора**. **Неофициально мы так называем** одного из фельдшеров по приёму вызовов и передаче их выездным бригадам. Этот работник без преувеличения является правой рукой старшего врача смены. Он не только передаёт вызовы, но также контролирует время их обслуживания и местонахождение бригад.*

Нам больше ничего не оставалось, кроме как увезти её в вытрезвитель.

*В очередной раз **напомню, что вытрезвителем мы для краткости называем** «Пункт помощи лицам, находящимся в состоянии алкогольного опьянения и утратившим способность самостоятельно передвигаться». Это не самостоятельное юрлицо, а структурное подразделение наркологического диспансера.*

Таким образом, ненормативное употребление знаков пунктуации даже в том сегменте сетевого дискурса, который ориентирован на сохранение нормативной речи, обусловлено как спецификой интернет-коммуникации в целом и сетевого дискурса в частности, так и общими тенденциями к демократизации и орализации речи.

Список литературы

1. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций. М.: Академия, 2007. 432 с.

2. Сигал К.Я. Развитие теории пунктуации в первой четверти XXI века: основные тенденции // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 2. С. 94–121.
3. Соколов С. Школа для дураков: Роман. СПб.: «Симпозиум», 2001. 266 с.
4. Тарасова А.Н. Особенности пунктуации и графики сетевых текстов (на материале татарского, русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елабуга, 2015. 27 с.
5. Химик В.В. Русская публичная речь: актуальные проблемы // Научное наследие Б.Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики: Сб. ст. Н. Новгород: ННГУ. 2006. С. 359–364.
6. Широкова Е.Н. Косая черта и дефис: пунктуационный vs орфографический знак // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 5. С. 264–270.
7. Широкова Е.Н. Новые тенденции в пунктуации социальных сетей // Язык – текст – дискурс в новых условиях коммуникации (к 60-летию профессора Т.Б. Радбиля): Сб. ст. по материалам Международной научной конференции. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2023. С. 534–539.

PUNCTUATION OF NETWORK DISCOURSE: THE COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC ASPECT

© *E.N. Shirokova*

*National Research Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod*

The paper examines divergent trends in punctuation of social networks. The author shows that in certain segments of social networks, observance of punctuation rules correlates with the expansion of positions and functions of punctuation marks. The reasons for the appearance and features of the implementation of the camouflaging (coding) function of punctuation in network communication are described. The article analyzes verbal punctuation complexes in which punctuation marks are used instead of coordinating conjunctions in unity with linguistic signs of different levels, the meaning of which includes the semes ‘male gender’, ‘female gender’, indicating a tendency to lexicalization of punctuation marks. It is proved that the strategies for the design of footnotes in voluminous texts are determined by the law of economy, and the pragmatics of punctuation marks in such cases lies in the author's desire to provide access to information to the addressee with a minimum of psychophysiological costs for the latter. The description of empirical material is carried out using linguistic-pragmatic and communicative-discursive methods.

Keywords: punctuation, position of punctuation marks, camouflaging function, verbal punctuation complex, footnotes, network discourse.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ В СИСТЕМЕ ИНТЕРНЕТ-СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

© *Е.В. Щеникова*

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского*

Цель исследования – выявление деривационного потенциала имени числительного, реализуемого в пределах интернет-дискурса. Анализируются словообразовательные неологизмы (прежде всего окказионализмы), выявленные в результате обращения к текстам форумов и блогов (в т.ч. комментариев к блогам): неодериваты-числительные; единицы иной частеречной принадлежности, образованные на базе числительных и/или созданные по отнумеральным моделям, но без привлечения имен числительных в качестве производящих слов; единицы, восходящие к отнумеральным производным, при условии актуализации у них компонентов со значением количества. Характеризуются задействованные способы словообразования. Отмечается проблема частеречной квалификации ряда словообразовательных неологизмов. Затрагивается вопрос о цифровом и вербальном представлении компонентов-числительных в составе неолексем. Обозначенные явления рассматриваются в структурно-семантическом и функционально-стилистическом аспектах.

Ключевые слова: словообразовательные неологизмы, окказионализмы, имя числительное, интернет-дискурс, форумный дискурс.

Имя числительное по сравнению с другими знаменательными частями речи занимает скромное место в системе словообразовательной интернет-деривации. При обращении к текстам, опубликованным в период 2007–2024 годов, нами была выявлена совсем небольшая группа производных, обнаруживающих связь с обозначенной грамматической категорией (чуть более 1% от общего объема выборки, включающей около 6000 неолексем). Однако в свете установления общих тенденций развития современной словообразовательной системы описание данной группы может представлять определенный интерес.

При формировании выборки мы обращались прежде всего к тематическим форумам, а именно к форумам, посвященным:

- автомобилям: matizclub.net (далее сокращенно – А1); e1.ru/talk/forum/list.php?f=176 (А2); nn.ru/community/auto (А3);
- недвижимости: nn.ru/community/biz/realty/ (Н1а); nn.ru/community/house (Н1б); forum.tsg-mechta.ru (Н2);

– речным и морским круизам: riverforum.net (РеФ); old.vodohod.com/club/forum (ВЪ); infoflotforum.ru (ИФ); navimba.com (N); rivertravel.net (PT);

– детям: nn.ru/community/my_baby (ММ);

– домашним животным (кошкам и собакам): mauforum.ru (МАУ); mainescoon-forum.ru (МФ); mainescoon-portal.ru (МП); cao.borda.ru (СБ); dogs-forum.ru (САО).

Кроме того, были задействованы ресурсы с иными сущностными признаками: политематические территориально привязанные форумы на нижегородской платформе nn.ru: nn.ru/community/gorod/main (ГФ); nn.ru/community/user/redneck (НБ); а также блоги и комментарии к ним на платформе Яндекс.Дзен.

Материал для исследования позволили получить главным образом тематические форумы. Полагаем, что отчасти это обусловлено степенью охвата таких ресурсов, отчасти – их коммуникационной спецификой.

Основу анализируемой выборки составили неодериваты, непосредственно восходящие к именам числительным (86%). Наиболее активно в деривационные процессы вовлекаются количественные числительные (73% в пределах подгруппы отнумеральных производных); порядковые, собирательные и особенно дробные в качестве производящих слов встречаются редко – 17%, 8% и 2% соответственно.

Вне зависимости от того, какой разряд задействован, преобладают производящие слова, соотносимые с начальными компонентами числового и перечислительного рядов: *это была просто девальвация ордеров, ну не мог же он и в самом деле быть **пятижды** героем Советского союза* (N, 29.12.2023; графика, орфография и пунктуация текстов – источников эмпирического материала здесь и далее сохранены); *отличное **троекотие** на столе из двух беляшков и Проши* (МАУ, 16.05.2019); *не так тягостно было бы **первозтажникам*** (ГФ, 03.05.2013). При этом выделяется заметная группа единиц, восходящих к наименованиям так называемых «больших чисел». И если первая, преобладающая, группа производных не отличается общностью функционала, то вторая характеризуется заметной стилистической однородностью и связана с формированием либо поддержанием гиперболы: *так эта тема уже **тышумиллионовраз** поднималась...* (МФ, 09.11.2011).

Кроме неодериватов, непосредственно восходящих к конкретным именам числительным, в состав выборки мы включили три категории единиц.

1. Единицы, созданные по отнумеральной модели, но без участия числительных в качестве производящих слов. Нами выявлена адаптация адъективной композитной модели «КЧ + существительное + -н-»: *Н-комнатная квартира* (Н16, 02.02.2015); *для Н-этажного дома* (А3, 12.01.2007) – ср.: *двухкомнатная, двадцатипятиэтажный*.

2. Единицы, созданные по образцу порядковых числительных второго десятка и/или количественных числительных, оканчивающихся на -дцать: *Эн-надцатый дубль* (НБ, 24.01.2022); *Эн-дцать-дцатый дубль* (НБ, 03.01.2022) – ср.: *пятнадцатый, двадцать, тридцатый*. Обратим внимание на последний из текстовых примеров, который демонстрирует аномальное сцепление в пределах слова финалей, являющихся показателями сразу двух разрядов числительных – количественных и порядковых.

В составе всех неодеживатов, относящихся к первой и второй категориям, позицию имени числительного занимает компонент *Н/эн* с семантикой неопределенности.

3. Единицы, созданные на базе отнумеральных производных, в составе которых компонент-числительное так или иначе актуализируется. Такого рода актуализация может наблюдаться, если производящим словом является окказионализм: *Это сегодня "хрениллион". А завтра будет "терахрениллион"* (А1, 17.08.2012). Однако чаще она происходит за счет использования графических средств, а именно цифр: *удалось попасть к одной очень хорошей e1новской девушке на фотосессию* (А2, 13.04.2013; *e1* – наименование одного из интернет-сайтов).

Следует отметить, что вербальные компоненты в составе неодеживатов относительно регулярно заменяются цифрами и в иных случаях: *2,5 больших б-котятных помета* (МФ, 10.11.2014); причем цифры могут соответствовать не только количественным, но и порядковым числительным: *Продажи в 7Н не стоят* (Н16, 09.02.2016; *7Н ← Седьмое небо*). Как правило, подобное обусловлено экономией усилий при наборе текста. Реже цифры демонстрируют иной функционал: *Нееет, это наверно господин 40кин ищет там новые сверхприбыли и ноухау* (Н16, 20.12.2016). В приведенном примере замена части фамилии цифрами (*40 – Сорокин*), с одной стороны, позволяет реализоваться языковой игре (причем отсутствие каких-либо семантических связей между элементами каламбурного образования заметно усиливает экспрессию). С другой стороны, такая замена выполняет маскирующую функцию, поскольку критическое высказывание автор поста осуществляет в отношении широко известного и влиятельного человека.

В пределах нашей выборки среди **способов словообразования** чаще других отмечается **сложно-суффиксальный** (37%).

Доминирующей здесь является адекативная модель с суффиксом *-н-*, которая получает реализацию без существенных структурно-семантических аномалий: *пятиночный круиз* (РеФ, 26.08.2016); *у моей пятилетней подружки* (ММ, 22.04.2015).

В субстантивной подгруппе относительную продуктивность демонстрируют две модели. Одна из них – модель с суффиксом *-ник-* в значении ‘человек’ – в целом отвечает характеру неформальной интернет-коммуникации: *Поздравления первоподезникам!* (Н16, 28.01.2014); *может, не к лицу "истинному арийцу" со второсортниками общаться?* (МФ, 02.02.2014). Вторая – тяготеющая к строгой книжной речи модель с суффиксом *-и/-й-*, напротив, обеспечивает создание неодериватов, которые не только демонстрируют стилистическое несоответствие дискурсу/контексту, но и являются внутренне контрастными, поскольку производящие слова в большинстве случаев называют явления, относящиеся к сфере быта: *когда ДУКи большие, то наверно редко бывает хорошо, <...> это так называемое пятидучье уже обнаглело донельзя* (Н16, 21.03.2016); *мне фото троекотия очень понравилось* (МАУ, 24.05.2021).

Чистое сложение существенно проигрывает в продуктивности сложно-суффиксальному способу (13,5%), а выявленные нами «чистые» композиты не обнаруживают заметной общности как в структурном, так и в функционально-стилистическом отношении. В частности, одинаковую продуктивность демонстрируют модели с соединительными элементами и без их участия: *Уникальный двукот* (МАУ, 19.06.2022); *Надеюсь, никто не думает, что заводчик - это ясновидящий или волшебник, способный по мановению волшебной палочки на сутки-двое-трое-неделю сделать из смертельно больного котенка визуально здорового?* (МАУ, 09.11.2015).

Суффиксальным способом (10%) в рамках нашей выборки созданы преимущественно такие слова, которые непосредственно восходят не к именам числительным, а к отнумеральным производным. Неодериваты данной группы в целом тяготеют к разговорности, однако неоднородны в плане принадлежности к конкретным словообразовательным моделям: *второй год жаба давит на Здэшние очки для самсунга* (А2, 22.11.2013); *Он надеялся на платежеспособных одноразовиков* (РеФ, 14.08.2015).

Относительно типичной для нашей выборки является **контаминация** (10%). Интересно отметить, что среди контаминантов преобладают единицы, созданные наложением обценного слова на имя числитель-

ное: *При этом на стопиздическом анализе вполне себе может проскочить низкий титр* (МФ, 08.01.2016); *никто не хочет пешком с сумками взлетать на "хренадцатый" этаж* (Н16, 24.11.2016). Причем контекст не всегда позволяет определить, используются такие слова как средства эвфемизации либо как средства дисфемизации речи.

Единицы, созданные способом **сращения** (10%), также представляют собой достаточно однородную группу. Сращению подвергаются главным образом составные числительные: *Стописял раз на таком каталась в детстве* (N, 17.03.2024); *Есть же базисные отрасли, который тянут за собой туеву кучу смежных отраслей, обеспечивая в т.ч. и стотыщмиллиардов рабочих мест* (Н1а, 08.03.2017), реже – количественно-именные словосочетания: *сын стописятраз спросил, когда уже представление начнется с дедом морозом* (ММ, 27.12.2015). Такого рода единицы отличаются повышенной экспрессией, которая нередко усиливается нарушением орфографической нормы при оформлении отдельных производящих основ: *пятьдесят – пият, тысяч – тыщ* и т.п.

Прочие способы малопродуктивны. Выделим среди них:

– сочетание сращения и суффиксации (3%): *примерно 70% "стопу-довщиков" не в состоянии дать отпор достойному сопернику* (СБ, 24.01.2015);

– сочетание сращения и контаминации (1,7%): *ТриКотаЖ переехал* (МП, 14.03.2014; слияние количественно-именного словосочетания (*три kota*) и частицы *же* полностью накладывается на узуальное существительное со значением ткани, материала);

– заменительное словообразование (1,7%): *я теперь тоже обладатель двукотажа* (МАУ, 01.04.2016; окказионализм образован на базе получившего распространение в дискурсе любителей кошек существительного *ТриКотаЖ*);

– аббревиацию (1,7%): *И по типу корабля СГ идеально сочетается с ДС* (РеФ, 17.09.2018; аббревиатура создана на базе связного словосочетания – названия теплохода «*Две столицы*»);

– сочетание инициализации и нумерализации (1,7%): *Продажи в 7Н не стоят* (Н16, 09.02.2016);

– префиксацию (1,7%): *Это как Копенгаген-Мальмё - тоже считается как бы псевдо-одним портом* (N, 27.05.2016).

Как видно, в большинстве случаев малопродуктивные способы отнесены к группе неузуальных либо получают реализацию с отступлением от узуальных моделей.

Частеречная принадлежность, на наш взгляд, не вызывает вопросов лишь у 77% выявленных нами неодериватов. В рамках нашей выборки преобладают имена существительные (39%) и имена прилагательные

тельные (35%): *отметил свое 10тимесячние* (МФ, 01.07.2014); *какая милога трехкотовая!* (МАУ, 11.02.2020). Зафиксированы немногочисленные наречия: *Но моя встреча была дважды удачей, вернее, "пятирижды"* (*увы, нет такого слова*) (N, 07.08.2023); единичный глагол: *Лучше эти деньги снеси в банк, и они уполторятся за это время* (Н1, 23.01.2017).

У оставшихся 23% единиц привязка к части речи является во многом спорной, а в ряде случаев, видимо, даже невозможной.

Около 14% неодериватов мы склонны отнести к группе имен числительных, поскольку они обнаруживают очевидную связь с элементами числового / перечислительного рядов и отличаются от узуальных наименований количества порядка лишь некоторым оттенками. В одних случаях такие оттенки являются преимущественно стилистическими (эмоционально-экспрессивными): *Какие "стоисятшест" лет назад исключили, как пишет гость68? Могу ошибаться, но это было, кажется в 2010 году* (СБ, 07.01.2014); в других случаях имеют место незначительные семантические приращения (за счет конкретизирующих производящих основ): *компьютеру на все это нужно сделать хрениллион операций* (А1, 17.08.2012; *хрениллион* – ‘миллион, который оценивается как чрезмерное количество’).

Почти 8% неодериватов можно определить как единицы, находящиеся на стыке частей речи. В эту группу главным образом попадают сложения с равноправным отношением производящих компонентов, которые в контексте выступают как синонимы: *На первый-перегонный рейс Белинского?* (РеФ, 14.04.2015).

И наконец, особое место, по нашему мнению, занимает префиксат *псевдо-один* (N, 27.05.2016). С одной стороны, за счет семантики форманта он уже не указывает на количество, равное единице, вследствие чего «выпадает» из группы количественных числительных; с другой стороны, у него не актуализируются признаки других морфологических категорий.

Итак, возможности имени числительного (его информационная составляющая, выразительный потенциал и т.п.) нечасто, но регулярно задействуются в интернет-дискурсе при реализации деривационных процессов. Интернет-пользователи привлекают все разряды числительных, отдавая заметное предпочтение количественным. Создание неодериватов нумеральной группы часто сопряжено с использованием разного рода периферийных языковых явлений, возникновением различных аномалий (не только словообразовательных, но и морфологических), в

результате чего такие единицы становятся яркими экспрессивными/оценочными средствами. При этом рассмотренные слова представляют собой отнюдь не изолированную, асистемную группу: в плане выбора объектов номинации (значимые для дискурса и/или конкретного контекста явления), выбора и соотношения способов словообразования (узуальные – неузуальные, простые – сложные и т.п.), привлечения отдельных словообразовательных формантов и моделей они демонстрируют соответствие общим направлениям словообразовательной деривации, которые отмечаются в пределах интернет-дискурса.

Список литературы

1. Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 784 с.

NUMERALS IN THE INTERNET WORD FORMATION SYSTEM

© *E.V. Schenikova*

*National Research Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod*

The purpose of the study is to identify the derivational potential of the numerals, realized within the Internet discourse. The word-formation neologisms (primarily occasionalisms) being a result of referring to the texts of forums and blogs (including comments on blogs) are analyzed, namely, there are occasional numerals, units of other partial belonging, formed on the basis of numerals and/or created according to numeral models, but without using the numerals as underlying words; units derived from words, which are formed from numerals and update the component that has the value of quantity. The methods of word formation involved are characterized. The problem of partial qualification of a number of word-formation neologisms is noted. The digital and verbal representation of the components-numerals in the composition of word-forming neologisms is raised. The phenomena are considered in structural, semantic, functional and stylistic aspects.

Keywords: word-forming neologisms, occasional words, numerals, Internet discourse, forum discourse.

АНТРОПОНИМИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ КАК СПОСОБ ПЕРСОНИФИКАЦИИ ДОМИНАНТНЫХ КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ

© *А.Н. Эркенова*

*Северо-Кавказский федеральный
университет (Ставрополь)*

Цель нашего исследования состоит в выявлении способов персонификации доминантных культурно-специфических феноменов в эпических текстах. В нашей работе мы придерживались сравнительно-исторического метода, метода сплошной выборки. Антропонимический концепт – это понятие, ссылающееся на имена людей, их происхождение, значение, распространение и прочие аспекты. Этот термин используется для обозначения и изучения имен как части культурного и языкового наследия человечества. Таким образом, антропонимические концепты могут включать в себя такие аспекты, как имена собственные, фамилии, исторические имена. Имена собственные не имеют абсолютного значения, а зависят от ситуации и контекста, в котором они используются. Изучение антропонимических концептов помогает понять историю, культуру и общество определенной группы людей, их ценности и традиции.

Ключевые слова: антропонимикон, культурный концепт, эпос, Нарты, chanson de geste.

Антропонимический концепт представляет собой особую форму персонификации, когда географические или культурные явления и объекты ассоциируются с именами людей. Этот способ употребления имен в качестве символических представлений позволяет усилить эмоциональную и концептуальную связь между объектом и человеком.

Прежде всего рассмотрим понятие «антропоним». Г.Б. Мадиева и В.И. Супрун определяют антропонимы как «разряд ИС, включающий в себя любые собственные имена, которые может иметь человек» [Мадиева, Супрун 2015: 59]. В свою очередь антропонимы подразделяются на имя, отчество, фамилию, псевдоним, андроним, патроним, прозвище [Мадиева, Супрун 2015: 59].

А.В. Суперанская утверждает, что «имена собственные – это особые языковые знаки, образующие иную знаковую систему для тех же предметов из реального мира вещей, для которых создаются и обычные языковые знаки – имена нарицательные» [Суперанская 1973: 135–136].

Имена собственные приобретают свое значение и становятся языковыми знаками только в контексте их использования и связи с определенными объектами или концепциями. Без этой связи и контекста они теряют свою смысловую нагрузку и становятся просто набором звуков или букв. Поэтому для понимания значения имен собственных необходимо учитывать не только их звучание и написание, но и их контекст и связь с конкретными объектами или людьми, ведь каждый концептуализируемый антропоним представляет собой результат пралогического связывания перцепта с апперцептом и, наоборот, качеств с личностью, личности с символом, символа с паттернами реального действия [Бредихин, Эркенова 2023: 94].

Антропонимический концепт в литературе подразумевает анализ имени персонажа произведения с точки зрения его символики, смысла, значения для сюжета и образов. Художественный антропонимический концепт учитывает не только исторические и культурные аспекты имени персонажа, но также его роль и функцию в художественном тексте. Он помогает понять, как автор использовал имя персонажа для передачи определенных идей, образов и концепций [Бодрова 2016: 270]. Следует указать и на немаловажную структурирующую роль мифонимического антропонимикона в эпических текстах, хронотоп которых выстраивается как проекция объективной реальности, представляющая собой модель с уникальной, стремящейся к реальному воплощению, но при этом упрощенной пространственно-временной организацией, эксплицирующей единство пралогического прояснения устоявшихся социальных отношений и традиций [Сенков, Бредихин 2023: 182].

Имена героев не только отражали внешний мир, но и содержали в себе понимание и символику, передавая определенные ценности и мировоззрение общества. Древние имена служили не только для идентификации, но и для обозначения роли и смысла существования героя в патриархальном обществе.

Таким образом, древние имена были не просто звуковыми обозначениями, а символами, содержащими в себе глубокий смысл и обогащенными множеством коннотаций. Имена были способом передачи и сохранения знаний, отражая культурные, религиозные и исторические аспекты общества. В целом, мотивированность имен персонажей эпосов является важным аспектом культурного наследия, отражающим взаимосвязь человека с окружающим миром и его внутренним миром.

В разных культурах и народах имена могут иметь разные значения, символизировать определенные черты личности или происхождение,

отражать место в обществе или внутрисемейные связи. Также существуют общепринятые традиции в именовании, связанные с национальными, религиозными или историческими аспектами.

Антропонимически репрезентируемый концепт описывает абстрактное понятие ‘человек’ через призму конкретного человека, который носит определенное имя или прозвище. Это является одной из основных особенностей первичной антропонимической концептуализации – она придает абстрактным понятиям конкретный и идентифицируемый облик через связь с именем. Таким образом, антропонимика каждого народа является уникальным отражением его культуры, истории и традиций, и изучение этого аспекта позволяет лучше понять этнокультурное разнообразие человечества.

Антропонимический концепт служит средством дополнительной символизации исторически сложившихся культурных практик и представлений. Он позволяет людям лучше понять, воспринять и интегрировать себя в окружающий мир, а также укреплять связь между людьми и различными аспектами их культурного наследия.

Для подтверждения вышесказанного рассмотрим и проанализируем некоторые наиболее яркие примеры, содержащие микроконтексты, маркируемые мифонимическим антропонимиконом в карачаево-балкарских и французских эпических текстах.

Рассмотрим антропонимический концепт на примере эпоса «Нарты». До принятия христианства, а затем ислама, карачаево-балкарцы придерживались тенгрианства, где верховным божеством был Кек Тейри. Для тенгрианства большую роль играло имянаречение. У Нартов, как и у карачаево-балкарцев, существовала традиция, что имя ребенку дает кто-то из старших или человек впервые его увидевший [Болурова 2014: 39]. Рождение одного из главных героев эпоса Ёрюзмека имеет неземное происхождение. В эпосе говорится, что он упал на Землю вместе с кометой, которая раскололась, и из нее появился младенец. Первым его нашел нартский кузнец Дебет, который и дал имя ребенку – Ёрюзек. Имя Ёрюзек означает ‘упавший с неба’, где ёр – ‘верх, вышина’, юз – ‘отрывать’.

При наречении ребенка карачаевцы и балкарцы старались, чтобы имя содержало в себе какие-либо положительные характеристики, например, Ёрюзек упоминается в «Нартах» как *Усхуртук улу* (сын Схуртука). Схуртук был родоначальником одного из нартских племен. Антропоним *Усхуртук/Схуртук* состоит из формы *сух/схур* – ‘бдительный, стоящий на страже’ [Акбаев 2010: 143]. Таким образом, *Схур-*

тук имеет значение ‘защитник’, из чего следует, что ярким представителем этого рода выступает Ёрюзмек как главный заступник нартского народа.

Особый интерес представляет антропоним *Къарашауай*. Къарашауай родился от эмегенши *Батчалыу*. Среди эмегенов было распространено поедание собственных детей, так Батчалыу собирается съесть своего сына, но его спасает *Сатанай*. Она дает ему имя Къарашауай, где *къара* значит ‘черный, чистый’, *шау* – ‘мертвый’. Данная традиция прослеживалась среди карачаево-балкарского народа, когда детям давали «некрасивые» имена, чтобы отвести беду, обмануть злых духов. Только близкие знали настоящее имя ребенка и называли им его дома. Таким образом, для эмегенши Къарашауай считался мертвым, и она не могла ему никак навредить.

Исследование антропонимов во французских эпических текстах позволяет сделать вывод, что антропонимы демонстрируют историческое прошлое и традиции французского народа, отражая его религиозные представления, обычаи, образ жизни и мировоззрение. Кроме того, они помогают создать аутентичную атмосферу и передать дух эпохи, в которой разворачиваются события поэмы. Героический антропонимикон вводит в свое пространство не только героев, но и их родственников, союзников и противников, что позволяет читателю лучше понять мотивы и характеры персонажей, их взаимоотношения и влияние на ход сюжета. В результате эпическая поэма становится не только источником развлечения, но и материалом для исследования французской культуры и истории.

Рассмотрим антропонимический концепт на примере поэмы *Doon de Maience*. *Дун де Майенс*, герой-барон средневековых эпических поэм на старофранцузском языке, известных как *chansons de geste*, которые вместе составляют ядро легенд о Карле Великом. История Дуна рассказана в поэме, входящей в цикл *Geste de Doon de Maience*. Этот цикл рассказывает о мятежных баронах Карла Великого и содержит истории таких героев, как *Жирар де Руссильон*, *Рауль де Камбре*, *Рено де Монтобан* и *Ожье Датчанин*, все из которых представлены как противники Карла Великого.

На первый взгляд, эпические песни монотонны, но они являются живым отражением общества, которое их создало. Они возникли под влиянием социальных, политических и культурных событий того времени. Например, для *chanson de geste* характерно то, что мужские персонажи чаще всего являются главными героями и действующими лицами в эпических сюжетах. Они представлены как сильные, храбрые и

могущественные лидеры [Баймухаметова 2021: 186]. Например, мужские имена часто сопровождаются такими эпитетами, как *forz*, *musclé*, *cuer*, *curteif* и т.д. Таким образом, частотное использование мужских антропонимов в французском эпосе свидетельствует о гендерном неравенстве в патриархальном монотеистическом сообществе и социокультурных нормах того времени, когда эпос был создан.

В то же время женские персонажи, если и присутствуют, чаще выступают в роли прекрасных дам или объектов внимания мужчин, что соответствовало культуре того времени. Например: *Flandrine a à nom la bele au cors pleasant*. – **Фландрина прекрасна именем и станом.**

Стоит отметить, что женские персонажи наделялись «говорящими» именами, так, имя *Flandrine* имеет германское происхождение от слова ‘flandar’, что означает ‘яркий’ или ‘блестящий’.

Que sa mere i nasqui, la bele Helissent. – **Матерью ее была прекрасная Эллисента.**

Имя *Helissent* можно перевести как ‘благородная’. Таким образом антропонимы женских персонажей отражают идеалы женственности и благородства, которые были ценны в те времена.

Конечно, главным действующим персонажем почти во всех поэмах был Карл Великий. В самых первых жестах Карл величественен и эпичен во всей полноте. Выше него был только Бог. Объединяя христианских рыцарей, он является представителем Бога в разрушении твердынь нехристиан. Полный достоинства и защищенный божественной милостью, он помогает бесстрашным и верным вассалам, всем, кроме тех, кто предает его.

В текстах чаще всего встречается антропоним *Charlemagne*, который произошел от старофранцузского *Charles-li-magne*, что означает ‘Карл Великий’. Его вассалы также добавляют к имени такие обращения, как *lempere*, *Carlem de fance*, *Carlem mi fire*, что подчеркивает значимость Карла для его народа.

Его образ был идеализирован и преувеличен в легендах и эпических поэмах, которые возникли после его смерти. Карл Великий был представлен как герой-воин, побеждающий врагов и защищающий свою страну от внешних угроз. Его личные качества, такие как мужество, умение принимать сложные решения и лидерские способности, сделали его образ более властным и возвышенным.

Так, образ Карла Великого стал символом мощи и величия в средневековой культуре. Легенды о нем вдохновляли людей и влияли на формирование национального самосознания в раннем Средневековье.

В песнях о деяниях особую роль отводили положению персонажа в обществе. Часто перед антропонимом ставился титул, таким образом было понятно, о ком идет речь. Например: *D'eulx vous lerray un pei, sy seray reverty Au **chevalier** d'among, qu'on apeloit **Tyerry**. – Ты ненадолго покинешь их и отправишься вверх по течению к **рыцарю** по имени **Тьерри**; **Sire Do, fet li ber...** – **Государь** До, сделайте его бароном...; *La neez ci **Wille filz le cute ameri**. – **Гийом** сын **герцога Амери**.**

Это интенсифицировало важность и благородство образов героев, подчеркивая их выдающиеся качества и заслуги. Кроме того, употребление титулов перед именами собственными также могло служить целям характеристики персонажа и его статуса в патриархальном обществе.

Употребление титулов перед именами собственными во французском эпосе не только отражает влияние рыцарского стиля на мировоззрение и ценности того времени, но и служит средством для создания более ярких, благородных и исторически достоверных образов персонажей.

Таким образом, анализ антропонимов позволяет не только понять культурные и социальные особенности, но и раскрыть глубокие смыслы и символику, которые могут быть закодированы в именах персонажей. Таким образом, антропоним может отражать религиозные убеждения, этническую принадлежность, статус в обществе или даже происхождение человека. Изучение антропонимов является важным инструментом в исследовании культур, истории и общества различных народов и национальностей.

Список литературы

1. Акбаев Х.М. Толковый словарь некоторых имен и терминов нартского эпоса. Ставрополь, 2010. 168 с.
2. Баймухаметова К.И. Антропонимы во франкоязычной культурно-языковой среде // Диалог культур и цивилизаций: Сборник статей II Международной научно-практической конференции (Москва, 10–12 декабря 2020 г.). Москва: МГЛУ, 2021. С. 182–190.
3. Бодрова Е.В. К вопросу об антропонимическом концепте в художественном произведении с точки зрения эколлингвистики // Экология языка и речи: материалы V Международной научной конференции (Тамбов, 03–05 ноября 2016 г.). Тамбов: Принт-Сервис, 2016. С. 269–272.
4. Болурова А.Н. Обряды и поверья карачаевцев, связанные с рождением детей (конец XIX – начало XX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (50). Ч. 1. С. 37–40.

5. Бредихин С.Н., Эркенова А.Н. Семиотическое пространство характерологических колорем в эпических текстах (на материале старофранцузского, древнеанглийского и нартского эпоса) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. № 1. С. 92–103.
6. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука, 1994. 656 с.
7. Сенков, М., Бредихин С.Н. Объективный социально-исторический контекст как пропозиционал фэнтезийного хронотопа // Третьи Щеулинские чтения: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 95-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Василия Васильевича Щеулина (Липецк, 13–14 апреля 2023 г.). Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2023. С. 180–184.
8. Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Теория и практика ономастики. Учебное пособие. Волгоград: Перемена, 2015. 280 с.
9. Cooper A.J. *Le pèlerinage de Charlemagne publié avec un glossaire. Introduction de l'Abbé Félix Klein.* Paris: A. Lahure, 1935. URL: <https://archive.org/details/lepelerinagedecharlecooper> (дата обращения 02.04.2024).
10. Pey M.A. *Doon de Maience.* Paris: F. Vieweg, 1859. URL: <https://archive.org/details/doondemaiencech00pegoog/page/n435/mode/2up> (дата обращения 02.04.2024).

ANTHROPONYMIC CONCEPT AS A MEANS OF DOMINANT CULTURAL-SPECIFIC PHENOMENA PERSONIFICATION

© *A.N. Erkenova*

North-Caucasus Federal University (Stavropol)

The purpose of our research is to identify ways of personification of dominant cultural-specific phenomena in epic texts. In our work, we adhered to the comparative historical method, the continuous sampling method. An anthroponymic concept is a concept that refers to the names of people, their origin, meaning, distribution and other aspects. This term is used to refer to and study names as part of the cultural and linguistic heritage of humanity. Thus, anthroponymic concepts can include such aspects as proper names, surnames, and historical names. Proper names do not have an absolute meaning, but depend on the situation and context in which they are used. The study of anthroponymic concepts helps to understand the history, culture and society of a certain group of people, their values and traditions.

Keywords: anthroponymicon, cultural concept, epic, Narts, chanson de geste.

**ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ
В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ:
ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ**

Сборник научных статей

Редакционная коллегия:

Т.Б. Радбиль (отв. редактор), Л.В. Рацибурская,
С.Г. Бусарева, Е.А. Жданова

Печатается в авторской редакции

Издательство Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского»
603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Подписано в печать 24.07.2024 г. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 19,8. Уч.-изд. л. 21. Заказ № 837. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37